

Игорь ЕФИМОВ

КТО УБИЛ ПРЕЗИДЕНТА КЕННЕДИ?

«ТЕРРА» – «TERRA»

1991

Photo by Marianna Volkov

Игорь ЕФИМОВ

КТО УБИЛ ПРЕЗИДЕНТА КЕННЕДИ?

Документально-
историческое
исследование

«ТЕРРА» – «TERRA»
МОСКВА 1991

**ББК 66.2 (7 США)
Е91**

ISBN 5-85255-012-4

© 1987 by Igor Yefimov
© Издательский центр «Терра», 1990.

*Посвящается критикам Отчета Комиссии Уоррена:
Роберту Блэйки, Эдуарду Эпштейну, Бернарду Фен-
стервалду, Мэри Феррелл, Генри Хёрту, Пену Джонсу,
Сефу Кантору, Майклу Курцу, Марку Лэйну, Сильвии
Мейер, Питеру Нойесу, Дэвиду Скейму, Питеру Дэйлу
Скотту, Гари Шоу, Джошуа Томпсону, Сирилу Вехту,
Гарольду Вайсбергу.*

*To the critics of the Warren Commission Report: Robert
Blakey, Edward Epstein, Bernard Fensterwald, Mary
Ferrell, Henry Hurt, Penn Jones, Seth Kantor, Michael
Kurtz, Mark Lane, Sylvia Meagher, Peter Noyes, David
Schein, Peter Dale Scott, Gary Shaw, Josiah Thompson,
Cyril Wecht, Harold Weisberg.*

АВТОР ВЫРАЖАЕТ БЛАГОДАРНОСТЬ

всем, кто помогал ему в работе над этой книгой. Моя жена, Марина, мои дочери, Лена и Наташа, не только вкладывали свой труд на всех этапах подготовки и сдачи рукописи в печать — держали корректуру, сверяли даты и имена, готовили индекс, переводили нужные отрывки и пр., — но также терпеливо выносили в течение трех лет мои рассказы об открывавшихся мне аспектах тройного убийства в Далласе и лишь изредка и очень деликатно просили перевести разговор на что-нибудь менее мрачное.

Бесценна была помощь критиков Отчета комиссии Уоррена. Сильвия Мейер (Sylvia Meagher) и Мэри Феррелл (Mary Ferrell) бескорыстно делились со мной своими знаниями, и я не думаю, чтобы кто-нибудь на свете знал о далласской трагедии больше них. Многие детали я смог уточнить, беседуя и переписываясь с Бернардом Fensterwaldом, Генри Хёртом, Пенном Джонсом, Дэвидом Скеймом, Гари Шоу (Bernard Fensterwald, Henry Hurt, Penn Jones, David Scheim, Gary Shaw).

Некоторые американцы, узнав о моем начинании, предоставляли мне книги, фото- и киноматериалы, рукописи, помогали с переводами, сводили с нужными людьми. Среди них: Seymour Becker, Richard Kait, Alice Nichols, William Odom, Daniel Orlovsky, Arthur Orrmont, Johann Rush, Ken Shatz, Alan Shaw, Lynn Visson, Craig Wright.

Своими воспоминаниями об Освальде в России и в Далласе поделились Илья Мамонтов, А. Плакс и некоторые бывшие минчане, которые пожелали остаться неизвестными.

Рукопись (полностью или в отрывках) читали Петр Вайль, Александр Гельман, Александр Генис, Сергей Довлатов, Марк Подгурский, Марк Поповский, Наташа Рохкинд, Виктор Штерн. Всем им я весьма признателен за проявленное внимание, за замечания и советы.

Книги необходимые для работы я брал в следующих библиотеках: Hatcher Library at the University of Michigan, New York Public Library, Columbia University Library, Assassination Archives and Research Center (founded by Bernard Fensterwald, Jr., in Washington D.C.), private collection of Sylvia Meagher. Нечего и говорить, что без доступа к этим книжным собраниям работа над книгой не могла бы быть доведена до конца.

Часть первая

КАК БЫЛ УБИТ ОСВАЛЬД

1. УТРО 24 НОЯБРЯ, 1963. ДАЛЛАС, ТЕХАС

Шеф далласской полиции Джесси Карри приехал в этот день на службу в 8.30, и первое, что он увидел в подвальном гараже полицейского управления, была огромная телекамера. Она перегораживала проход к конторе внутренней тюрьмы, толстые кабели тянулись к ней с улицы вдоль выезда на Коммерс-стрит. Карри позвонил лейтенанта Виггинса и велел ему убрать камеру подальше.

— И не давайте журналистам толпиться у самой конторы. Пусть стоят вон за теми перилами вдоль северного въезда.

Он отдал еще несколько распоряжений своим помощникам и поднялся на третий этаж. Там тоже были установлены телекамеры, проектора. Хотя он сам объявил журналистам накануне, что перевозка Освальда состоится не раньше десяти утра, они уже толпились здесь в коридоре, осаждали полицейских вопросами, пытались заглянуть в приоткрывавшиеся двери кабинетов. Пока их было человек тридцать, но сколько набьется через час? Если опять соберется такая же толпа, как вечером 22-го... Капитан Фриц вынужден был тогда вызывать патруль полицейских каждый раз, когда ему нужно было пробиться из своего кабинета к кабинету начальника.

— Банда, настоящая банда, — бормотал он, вырываясь от наседающих на него газетчиков, продираясь сквозь лес протянутых со всех сторон микрофонов.

Журналисты стали настоящим проклятьем для полицейских в эти дни. Но что было делать? Накануне Карри обсуждал с подчиненными план перевозки арестованного, и кто-то предложил перебросить его ночью, втихую, оставив прессу с носом. Однако никто не поддержал эту идею. И так далласскую полицию обвиняли в том, что она не сумела уберечь президента. Не доставало еще озлобить журналистов в такой момент. Они, пожалуй, начнут вопить, что задержанного пытаются, стремясь добиться нужных показаний, что его прячут от прессы, чтобы он не выдал свои связи с полицией, и прочий вздор.

Да и не сам ли Карри издал еще в начале года приказ, обязывающий каждого полицейского всячески помогать журналистам?

Полицейское управление занимается общественными проблемами. Общество имеет право знать, что происходит в Управлении... Данный приказ запрещает полицейским вмешиваться в работу журналистов и препятствовать им. Такие действия со стороны полицейского рассматриваются прессой как ущемление ее прав, и руководство Полицейского управления разделяет этот взгляд.

Вошедшие помощники донесли, что ночью было два телефонных звонка (один — в контору шерифа, другой — в ФБР) с угрозами в адрес Освальда. Неизвестные предупреждали, что около ста человек ("ни правые, ни левые") полны решимости напасть на полицейский эскорт и покончить с убийцей президента. В связи с этим решили перевозить задержанного в бронированном автомобиле. Своего броневика у полиции не было — позвонили в гараж, который обслуживал инкассаторов, и сели обсуждать наиболее безопасный маршрут от полицейского управления до тюрьмы графства. Хотя расстояние было всего около мили, в таком важном деле следовало предусмотреть все детали.

Тем временем внизу началась подготовка гаража. Всем посторонним, включая журналистов и механиков, приказано было удалиться. Полицейские под командой капитана Талберта, лейтенанта Пирса и сержанта Дина обыскивали стоявшие в гараже машины, запирали лишние двери, заглядывали в шахты лифтов. Проверяли кладовые, вентиляционные трубы, лестничные пролеты. У всех незапертых дверей и у обоих выездов (южного, на Коммерс-стрит, и северного, на Мэйн-стрит) были выставлены посты с приказом никого не впускать, кроме полицейских и журналистов, предъявляющих удостоверения. Ничего подозрительного не обнаружили, если не считать мелкокалиберного ружья, забытого на заднем сиденье одной из полицейских машин.

В 9.45 капитан Талберт послал в распоряжение сержанта Дина еще около дюжины полицейских, которые должны были занять посты на перекрестках по пути следования бронированного грузовика. Предупредив их, что они ни под каким видом не должны проговориться о намеченном маршруте, сержант указал каждому его место. Полицейские разошлись по машинам и один за другим стали покидать гараж через южный выезд.

Допрос Освальда продолжался и утром в день намеченной перевозки. К десяти часам он еще не был закончен. Толпа журналистов нетерпеливо гудела. Чтобы чем-то занять их, шеф Карри сообщил, что задержанного будут перевозить в бронированном автомобиле и что им будет позволено делать снимки в гараже. Толпа ринулась к лифтам и лестницам. Лишь небольшая часть осталась на третьем этаже — подкарауливать свою добычу на коротком участке от кабинета капитана Фрица до дверей тюремного лифта.

Около одиннадцати шеф Карри позвонил шерифу Деккеру в тюрьму графства и сказал, что у них все готово.

- Ну, хорошо. Везите его.
- Я думал, что ваши люди приедут за ним.
- Как скажете. Можем и мы приехать. Не вижу разницы.
- Хорошо. Тогда мы доставим его вам. Ждите.

Бронированный фургон прибыл к южному выезду в 11.07. Водитель осторожно подавал его задом. Потолок оказался слишком низким. Еще немного, и кузов начал задевать за бетон. Фургон остановился, заблокировав проезд. Инспектор Бачэлор вместе с сержантом Дином залезли внутрь, осмотрели все отделения. Журналисты тянулись делать снимки. Полицейские с трудом удерживали их на ответных местах — за перилами вдоль въездов. Телевизионные камеры у тюремной конторы в глубине гаража и на улице вертелись без дела, снимали собравшуюся толпу. Еще одну камеру поспешно спустили с третьего этажа в лифте, прокатили через двойные двери внутрь гаража. Установленная на высокой треноге, чтобы можно было снимать поверх голов, она угрожающе покачивалась при движении. Полицейский Лоури вышел из ряда, помог операторам удержать шаткую конструкцию. 9 10

Наверху, в кабинете капитана Фрица, допрос обвиняемого подходил к концу. Конечно, и агенты ФБР, и секретная служба, и сам капитан Фриц имели еще сотни вопросов к Освальду. Но их можно было отложить до следующего раза. С перевозкой и так затянули.

Шеф Карри заглянул в кабинет и объявил, что грузовик прибыл и все необходимые меры предосторожности приняты.

— Какой грузовик? Бронированный автомобиль? Я впервые слышу об этом. 11

Капитан Фриц был встревожен не на шутку. Он начал объяснять начальнику, чем ему не нравилась идея. Во-первых, грузовики эти очень неповоротливы и тихоходны. В случае нападения злоумышленников он легко может застрять на перекрестке. Во-вторых, за рулем сидит не свой полицейский, а непроверенный водитель. Можно ли ему доверять? Да и виден такой грузовик издали, он слишком бросается в глаза.

Шеф полиции вынужден был согласиться с доводами капитана. Посоветовавшись еще немного, они решили везти арестованного в обычной патрульной машине, а фургон использовать для отвода глаз. Машина с Освальдом пойдет последней, отстанет от кавалькады и направится к тюрьме кратчайшей дорогой. Пусть заговорщики (если таковые имеются и ждут в засаде) атакуют пустой броне-фургон! 12

Лейтенанту Пирсу было приказано возглавить колонну машин. Лейтенант быстро спустился вниз, протиснулся через толпу журналистов, позвал еще двух патрульных, направился к машине. Бронированный фургон все еще блокировал южный выезд. Полицейские решили выехать через северный (который обычно использовался только для въезда), обогнуть квартал и занять место впереди фургона.

Часть журналистов в нетерпеливом ожидании придвинулась к дверям конторы, перегородив проезд. Патрульному пришлось вылезти из машины и уговаривать их дать дорогу. Полицейский Вон, охранявший

въезд наверху, посторонился, посмотрел налево вдоль Мэйн-стрит и, убедившись, что улица свободна от транспорта, махнул рукой. Машина с лейтенантом Пирсом и двумя патрульными выехала на проезжую часть и повернула налево. Часы показывали 11.20.

13

Тем временем в кабинете капитана Фрица Освальд натягивал принесенный ему свитер. Последний раз заглянул шеф Карри и спросил, готовы ли они к перевозке.

14

— Если внизу все в порядке, мы готовы, — сказал Фриц.

— Да, там все в порядке. Я велел убрать телекамеры из конторы. Прожектора и журналисты отодвинуты за перила, детективы стоят в две шеренги от дверей до машины. На улице тоже публике велено оставаться на другой стороне. Все же пойду проверю еще раз.

Но по дороге к лифту шефа полиции перехватили и позвали к телефону. Мэр Далласа звонил, чтобы узнать, как развиваются события и скоро ли арестованного перевезут в тюрьму графства. Пришлось вдаваться в подробности. Разговор затягивался. Попасть в гараж шеф так и не успел.

Капитан Фриц приказал одному из детективов приковать себя к Освальду наручниками. В коридоре их встретили вспышки фотокамер. В толпе журналистов и фоторепортеров почти не было знакомых лиц. Сенсационное убийство собрало в Даллас прессу всех штатов. Мелькали и иностранцы. Как могли постовые проверить подлинность их удостоверений?

Переступая через кабели на полу, лавируя между треножниками прожекторов, детективы с Освальдом посредине, предводительствуемые капитаном Фрицем, дошли до лифта. Спустились вниз, в контору внутренней тюрьмы. За окнами, отделяющими контору от коридора, тут же замелькали фотоаппараты и кинокамеры.

— Что там снаружи? — спросил Фриц.

— Все меры приняты, капитан, не беспокойтесь, — сказал один из офицеров. — Я думаю, в гараже сейчас около семидесяти полицейских. Каждый угол под охраной.

Капитан Фриц вышел первым. Ослепляющий свет прожекторов ударил ему в глаза.

15

— Выводят! — крикнул кто-то. — Вот он, ведут!

Ожидавшая толпа придвинулась вплотную. Полицейская машина, подвигавшаяся задом навстречу арестованному, вынуждена была притормозить. Взвизгнули тормоза. Капитан Фриц был от нее в нескольких футах и уже протягивал руку к задней дверце. Журналисты давили на полицейский кордон, коридор сжимался все уже.

В этот момент темная фигура проскочила между полицейскими и пятившейся машиной. Миллионы людей, сидевших у телевизоров, увидели на своих экранах какого-то человека в шляпе с протянутой вперед рукой.

Раздался выстрел.

Освальд схватился за живот и стал оседать на пол.

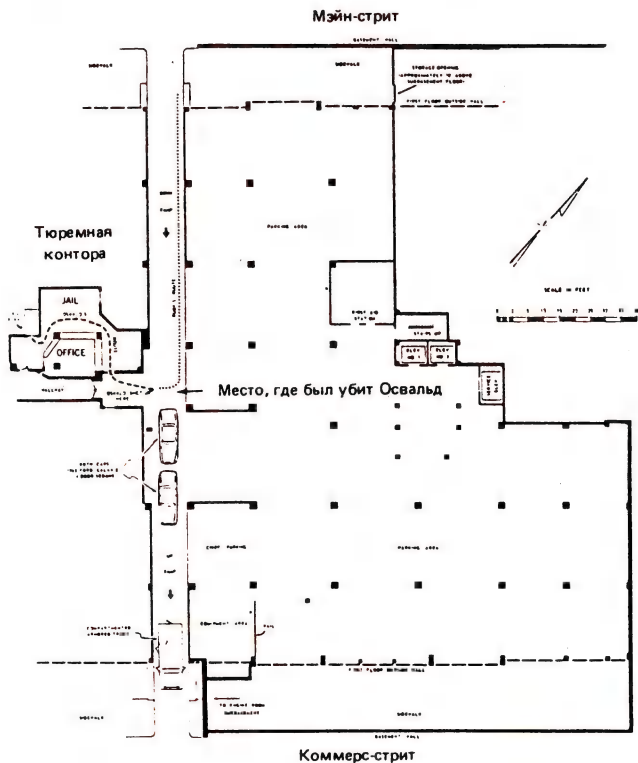
Полицейские и детективы ринулись на стрелявшего, повалили его на пол, вырвали пистолет. Сержант Дин перемахнул через багажник машины и бросился в свалку. Лежавший на полу человек прохрипел:

— Вы же меня все знаете. Я Джек Руби.

Одна из телекамер запечатлела на видеопленке не только центральную сцену, но и настенные часы. Они показывали 11.21.

16

17

Подвальный гараж полицейского управления в Далласе

2. ПОРЫВИСТЫЙ МСТИТЕЛЬ ИЛИ ЗАГОВОРЩИК?

Два часа спустя Освальд умер от раны в живот в той же самой Парк-ландской больнице, в которой за два дня до этого скончался от ран президент Кеннеди.

То, что предполагаемый убийца на два дня пережил свою жертву, было чистой случайностью. Если бы полицейские, задержавшие Освальда в кинотеатре "Техас" полтора часа спустя после покушения на президента, не проявили достаточную выдержку, если бы кто-то из них, увидев в руке Освальда пистолет, застрелил бы его в тот же момент, трагедия в Далласе лишилась бы детективной загадочности. Все улики неоспоримо указали бы на маньяка-одиночку, заразившегося коммунистическими идеями, купившего себе по почте винтовку с оптическим прицелом, забравшегося на шестой этаж книжного склада и выстрелившего три раза в проезжавшего внизу президента. Маньяк был опознан полицией, его пытались задержать, он извлек оружие и был убит на месте. Все. Никакого детектива, никаких неясностей.

Возможно, кто-нибудь покритиковал бы далласскую полицию за недостаточную бдительность. Но что вы хотите? В свободной стране, где разрешена продажа винтовок с оптическими прицелами, вы не можете обеспечить стопроцентную защиту президента от маньяков.

Выстрел Руби менял все.

Миллионы людей во всем мире задавали себе простой вопрос: ради чего содержатель ночного кабаре, с весьма темным прошлым и тесными связями с преступным миром, мог пойти на убийство, в котором у него не было ни единого шанса улизнуть незамеченным и которое грозило ему электрическим стулом или пожизненным заключением? Еще один сумасшедший? Но каким образом сумасшедший мог преодолеть кордон из семидесяти полицейских и оказаться в нужный момент (кстати, очень короткий) в двух шагах от своей жертвы?

Ответ всплывал неумолимо: **з а г о в о р**.

Разветвленный.

Возможно, включающий и полицию.

Возможно, с участием мафии.

Возможно, замешаны Москва и Куба.

Возможно, плачены большие деньги. Такие большие, что удалось найти убийцу-камикадзе и уничтожить с его помощью опасного свидетеля — Освальда.

Смятение умов было так велико, что дело нельзя было просто оставить в руках техасских властей. Вступивший в должность президента

Линдон Джонсон 29 ноября 1963 года выпустил приказ № 11130, которым поручал расследование специальной комиссии под руководством председателя Верховного суда Эрла Уоррена. В комиссию были включены два сенатора (демократ и республиканец), два конгрессмена (один из них — будущий президент Джеральд Форд), бывший директор Си-Ай-Эй Аллен Даллес и бывший президент международного банка Джон Макклэй. Штат Комиссии составили две дюжины опытных адвокатов и государственных чиновников. В помощь им были приданы десятки клерков, администраторов, экспертов. Федеральному бюро расследований, Секретной службе, Разведывательному управлению (Си-Ай-Эй) было приказано всячески содействовать Комиссии, отвечать на любые вопросы, снабжать необходимой информацией. Комиссия получила право вызывать и допрашивать любых свидетелей. Под присягой давали показания сотни людей, начиная от рядовых полицейских и кончая такими крупными фигурами, как государственный секретарь Дин Раск, директор казначейства Дуглас Диллон, директор Си-Ай-Эй Джон Маккон, директор ФБР Эдгар Гувер, начальник Секретной службы Джеймс Роули.

Комиссия Уоррена заседала 10 месяцев. Результаты расследования были собраны в отчет на 800 страницах, который был представлен президенту Джонсону 24-го сентября 1964 года. Протоколы допросов 552 свидетелей и прочие материалы и документы были изданы в виде 26-томного приложения. Однако стало известно, что часть документов не попала даже туда, а была отправлена в Национальный архив и опечатана там на 75 лет.

Основные выводы Комиссии Уоррена сводились к следующему:

1. Выстрелы, убившие президента Кеннеди и ранившие губернатора Коннелли, ехавшего в той же машине, были произведены Ли Харви Освальдом из окна шестого этажа книжного распределителя в Далласе.

2. 45 минут спустя после убийства президента Освальд застрелил из револьвера полицейского Типпита, пытавшегося задержать его.

3. Мотивами убийства были глубоко укоренившаяся ненависть к носителям власти, марксистско-коммунистические идеи, питавшие его недовольство политикой и государственным строем США, тщеславное желание попасть в историю любой ценой и компенсировать таким образом сознание своей неполноценности.

4. Освальд действовал в одиночку, никаких улик, подтверждающих версию заговора, обнаружить не удалось.

5. Джек Руби два дня спустя убил Освальда в помещении Далласского полицейского управления под влиянием эмоционального порыва, из желания отомстить за горячо любимого президента.

6. Имеющаяся информация, улики и свидетельства не позволяют заключить, что Руби и Освальд знали друг друга или были звеньями разветвленного заговора.

Публикация Отчета вызвала в американском народе смешанную реакцию.

С одной стороны, известие о том, что страшное преступление было расследовано, раскрыто, виновные (те, кто остался в живых) переданы в руки правосудия, порядок и справедливость восстановлены, вносило успокоение в умы, возвращало доверие людей к стране, закону, государственным учреждениям, избранным носителям власти. Думается, опубликование отчета за полтора месяца до президентских выборов 1964 года очень помогло президенту Джонсону победить Барри Голдуотера с таким большим перевесом (61% против 38,5%). Сама объемность расследования, авторитет людей, подписавших отчет, внушали доверие. Американская пресса, радио и телевиденье, за редким исключением, выражали свою полную поддержку и согласие с выводами Комиссии Уоррена.

С другой стороны, при внимательном прочтении многое в Отчете выглядело шатким, сметанным на живую нитку. Скептицизм не проявлял себя поначалу открыто, но был довольно силен в народе уже в первые месяцы. Опрос общественного мнения, проведенный в октябре 1964-го, показал: 31% опрошенных не верили в то, что Освальд действовал в одиночку. Через несколько лет эта цифра удвоилась.

Начали появляться статьи и книги с критикой отчета. Авторы этих критических работ не имели возможности провести такое же длительное расследование, какое провела Комиссия Уоррена. Но у них были теперь в руках протоколы допросов и прочая документация, включенные в 26 томов приложений. Внимательное прочтение позволяло сопоставлять имеющиеся улики, анализировать информацию и вскрывать слабость аргументации, на которой базировались многие выводы Комиссии.

Большую известность приобрела книга Марка Лэйна "Скорый суд" (см. библиографию). Отвергнутая поначалу десятком издательств, по выходе в свет осенью 1966-го она немедленно заняла первое место в списке бестселлеров и удерживала его почти шесть месяцев. Лэйн был приглашен матерью Освальда (Маргаритой Освальд) представлять интересы ее покойного сына. Лэйн считал, что вина Освальда не была достаточно доказана, что Комиссия, уже приступая к расследованию, заранее считала его главным и единственным убийцей. Любые показания, противоречившие этой версии, утверждал Лэйн (и доказывал это протоколами допросов), указывавшие на возможность участия других людей в покушении, Комиссией не принимались, искажались, ставились под сомнение. Линии расследования, которые могли бы привести к обнаружению сообщников Освальда или Руби, искусственно обрывались.

В том же 1966 году вышла книга другого независимого автора, Эдуарда Эпштейна — "Расследование". Ее выводы: отчет Комиссии

Уоррена составлялся под сильным давлением политических интересов различных групп, и это давление привело к искажению правды.

Бывший следователь сенатской комиссии Гарольд Вайсберг озаглавил свой труд "Заметание следов". Он расследовал замешанность государственных учреждений в событиях, приведших к убийству президента, и попытки скрыть следы этой замешанности. Печатать такую книгу никто не хотел, так что автору пришлось выпустить ее в виде переплетенной машинописи. (В таком виде она и стоит на полках нескольких университетских библиотек.)

Доктор философии из Гарварда (специалист по Кьеркегору) Джошуа Томпсон попытался воссоздать картину убийства на почве анализа баллистической и медицинской информации ("Шесть секунд в Далласе"). Сильвия Мейер (администратор в ООН) опубликовала исследование "Сообщники", приводящее к выводу: протоколы допросов не столько поддерживают, сколько опровергают выводы Комиссии Уоррена. Французский исследователь Лео Саваж, как и Марк Лэйн, разбивал пункт за пунктом выдвинутые доказательства вины Освальда ("Дело Освальда").

Защитники теории "убийцы-одиночки" не оставались в долгу. Они тоже выпускали книги и статьи в защиту выводов Комиссии Уоррена, нападали на ее противников, обвиняли их в параноической подозрительности, в готовности видеть повсюду заговоры, агентов, наемных убийц. Адвокат Руби, Мелвин Беллай, писал в своей книге "Правосудие в Далласе":

Мы, представители защиты, считали своим долгом перед нацией заранее отместить теорию заговора; она не вязалась с фактами и приносила лишь вред Соединенным Штатам.

Другой адвокат на процессе Руби, Джо Тонахил, сказал присяжным в заключительной речи (март 1964-го), что если они найдут Руби виновным в убийстве с заранее обдуманной намерением, это будет означать, что они считают полицию Далласа замешанной в преступлении. Несмотря на грозное предупреждение, присяжные именно так сформулировали свой вердикт и приговорили Руби к смертной казни.

После объявления приговора адвокат Беллай (случай беспрецедентный) прямо в зале суда разразился проклятиями в адрес жестокого и несправедливого города Далласа, который отказался верить трем светилам психиатрии, привлеченным защитой и доказывавшим невменяемость подсудимого в момент преступления. Он даже отказался пожать руку судье Брауну, заявив, что "видит кровь на ней".

Летом 1967 года телевизионная компания Си-Би-Эс выпустила четырехчасовой документальный фильм, посвященный убийству президента Кеннеди и расследованию Комиссии Уоррена. Фильм полностью

поддерживал Отчет, но в конце ведущий Кронкайт задал вопрос: "Почему продажа книг, критикующих Комиссию, намного превосходит продажу самого Отчета?" Другой комментатор, Эрик Севарид, отвечая на это, заявил, что причина лежит в заговорщической ментальности американцев. Что думать, будто "тощий, мелкотравчатый" Освальд действовал не один, это все равно, что верить в заговор сионских мудрецов, задумавших покорить мир; или в то, что Гитлер жив и где-то прячется; или в то, что Рузвельт знал о готовящемся нападении японцев на Перл-Харбор и нарочно дал ему случиться, чтобы развязать войну с Японией, которую он считал неизбежной. Воображать же, что Комиссия Уоррена могла сознательно скрыть или исказить важные факты и улики, — просто идиотизм. 18 19

Трудно согласиться с гневными упреками комментатора в адрес американского народа. Ведь, когда произошли покушения на президента Форда и затем на Рейгана, никто не заподозрил двух психопатов или Джона Хинкли в участии в разветвленном заговоре. Массовое недоверие к официальной версии далласской трагедии скорее всего отразило — может быть, впервые с такой наглядностью — пропасть, разделившую к тому историческому моменту два разных способа мышления: формально-юридический (адвокатский) и повседневно-рациональный (способ здравого смысла).

Следует остановиться на этом подробнее.

3. БУКВА ЗАКОНА И ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ

Непредвзятый, сбалансированный анализ имеющихся фактов, направленный на отыскание простой правды, находится в резком противоречии с подходом адвоката, обязанность которого — принятая добровольно или возложенная на него, утвердительная или отрицательная, в роли обвинителя или в роли защитника — состоит в отстаивании интересов той или другой стороны.

Роберт Блэйки. *“Заговор на жизнь президента”*

Как и во всяком правовом государстве, судопроизводство в Америке основано на принципе состязания сторон. Человечество до сих пор не изобрело лучших способов борьбы с нарушениями закона, которые бы одновременно охраняли граждан от возможности судебного произвола. Идея состоит в том, что справедливость и правда должны восторжествовать в судебном разбирательстве. И очень часто так оно и происходит. Однако происходит это лишь благодаря тому, что — как это ни парадоксально — ни одна из тяжущихся сторон не ставит достижение правды своей целью.

По самой сути своего ремесла, по своему долгу, подготовке и профессиональной этике, адвокат должен превыше всего ставить *интересы своего клиента*. Если правда угрожает этим интересам, он должен пустить в ход все свое искусство, чтобы разрушить ее, поставить под сомнение искренность или компетентность свидетелей противной стороны, затуманить простую ситуацию нагромождением правдоподобных версий, представить в искаженном свете имеющиеся улики и вещественные доказательства.

Возможно, такое поведение адвоката — необходимое условие правильного судопроизводства. Возможно, альтернативный подход привел бы к нелепой и опасной ситуации, когда адвокат посреди процесса мог бы заявить: “Да, вы меня убедили; теперь я вижу, что мой клиент негодяй и преступник. Берите его и делайте с ним, что хотите”. Все это так. Но побочным обстоятельством такой (пусть необходимой для судебных дел) практики явилось образование в обществе очень влиятельной группы людей, целой касты, для которой отыскание и отстаивание правды стало чем-то недопустимым, чем-то граничащим с профессиональной непригодностью.

Конечно, возможность адвоката в искажении реальности не безгранична. Он должен держаться правдоподобия. Он действует, соблюдая выработанные веками правила и порядки юридических прецедентов. Эти правила и порядки, базирующиеся на своде конституцион-

ных свобод, обладают — и должны обладать — почти той же устойчивостью и длительной неизменностью, как и сама конституция. Но, с другой стороны, происходит постепенное превращение когда-то разумных установлений в ритуальные окаменелости. Правила, создававшиеся 250 лет назад, часто оказываются совершенно непригодными в сегодняшних условиях.

Взять, к примеру, роль свидетеля.

Возможно, во времена Томаса Джефферсона было разумно исходить из допущения, что любой гражданин свободного общества заинтересован в охране закона и будет с готовностью свидетельствовать и обличать преступника на суде. Постепенно в американском судопроизводстве сложился культ свидетельского показания. Оно может перевесить очевидность, правдоподобие, весь объем информации, собранный полицией, если эта информация запрещена законом к использованию на суде. Вы точно знаете убийцу, но у него найдется дружок, который заявит под присягой, что сидел с обвиняемым в кино во время преступления, — и вы беспомощны.

В результате свидетель превратился в объект мощного давления с обеих сторон — со стороны суда и со стороны преступника. Адвокат и прокурор могут подвергнуть свидетеля перекрестному допросу, выворачивая публично его прошлое, обнажая его слабости, грешки, мнения, привычки, любовные связи. Если он в процессе дачи показаний допустит существенные противоречия, ему может грозить обвинение в лжесвидетельстве. Имя свидетеля должно быть (по закону) объявлено заранее, так что и преступник (особенно член преступной организации) может заранее шантажировать его, запугивать, убить, наконец.

“Мы должны восхищаться теми людьми, которые еще соглашались свидетельствовать на суде”, — сказал помощник прокурора из Атланты автору статьи в журнале *Тайм* (19 декабря, 1983). В той же статье приводятся данные обследования, проведенного бруклинской полицией в 1981 году. Оно показало, что 23% потенциальных свидетелей подверглись либо непосредственному нападению, либо косвенному — изуродованный автомобиль, ограбленный дом. И все это прошло безнаказанно для преступников.

Особенно трудно найти свидетелей в делах, связанных с наркотиками. По оценке одного детектива из Флориды (та же статья в *Тайме*), около 30% свидетелей исчезают накануне суда — либо убегают, либо их находят убитыми. Только в очень крупных делах федеральные власти могут сменить после процесса имя свидетеля, снабдить его новыми документами и переселить в другое место. На экранах наших телевизоров мы порой видим сцены, напоминающие средневековые процессы: свидетеля вводят в зал суда под черным балахоном, он дает показания, спрятанный за ширмами и потом исчезает неизвестно куда. Но и на новом месте, под новым именем он будет жить в постоянном

страхе, что сообщники осужденных с его помощью преступников найдут его и отомстят.

Таким образом культ свидетельского показания как главного оружия обвинения и защиты привел к ситуации, при которой тяжелые весы Фемиды повисли на мужестве и честности беззащитного рядового человека. Не принимается в расчет ни существование мощных преступных организаций, угрожающих свидетелю смертью или увечьем, ни техническая оснащенность его врагов, ни их безжалостность и мстительное упорство. Да, говорит американское правосудие, мы знаем о существовании организованного преступного мира. Да, у нас есть списки всех главарей мафии, их помощников и помощников помощников. Мы знаем, кто в каком городе правит и кто чем занимается — наркотики, азартные игры, проституция, контрабанда оружия. Но мы ничего не можем поделать: *у нас нет живых свидетелей*.

Не мудрено, что доверие американцев к юридическим институтам все опускается. Недавно лишь 28% опрошенных заявили, что они полностью доверяют Верховному суду (*Тайм*, 12 декабря, 1983). Ситуация, при которой гигантские синдикаты преступников, имена и деятельность которых известны представителям власти, могут десятилетиями безнаказанно обдѣлывать свои дела, не может вызывать большого уважения к блюстителям закона. Хотя в своей деятельности адвокаты, судьи и прокуроры без конца ссылаются на священные принципы охраны прав личности, конституционные свободы, презумпцию невиновности, скептический и практичный американец спрашивает себя: если бы — не законы и конституция, нет, — но судебная практика была бы изменена в сторону большей эффективности и если бы, благодаря этому, преступность снизилась хотя бы наполовину, сколько адвокатов, прокуроров и полицейских осталось бы без работы? А? То-то и оно.

Комиссия Уоррена не проводила судебного разбирательства. Ее целью было вскрытие фактов и воссоздание реальной картины убийства президента Кеннеди. Ей было разрешено брать свидетельские показания под присягой, но она не имела права предъявить обвинение в лжесвидетельстве. Во всяком случае ни одному из 552 опрошенных свидетелей такое обвинение предъявлено не было, хотя многие из них явно врали. Один из следователей Комиссии, Берт Гриффин, допрашивая сержанта полиции Дина, остановил стенограмму, остался с допрашиваемым один на один и заявил, что не верит его показаниям, ибо в них есть серьезные противоречия. Дин стоял на своем и впоследствии пожаловался на обращение следователя с ним. Председатель Уоррен извинился перед ним и заявил, что

ни один из членов Комиссии не имеет права обвинить свидетеля во лжи... и не имеет власти ни помочь ему, ни причинить какой бы то ни было вред.

6

Таким образом, с самого начала избранный принцип работы Комиссии делал ее задачу практически невыполнимой. Она должна была строить свои выводы главным образом на показаниях свидетелей, но не имела над ними никакой власти. Свидетель оставался целиком во власти собственных страхов и пристрастий или под давлением внешних сил: деловых партнеров, начальства, сообщников. И давление это было нешуточным. Последующие исследования показали, что число несчастных случаев и насильственных смертей, выпавших на долю свидетелей тройного убийства в Далласе, во много раз превосходило среднестатистические данные. (Из 18 свидетелей, умерших в течение трех лет после далласской трагедии, 12 были убиты или покончили с собой, что составляет 66%, в то время как средняя цифра по стране: 10%).

7

Не только свидетели — сами допрашиваемые были поставлены в трудное и непривычное для них положение. Подавляющее большинство людей, составивших аппарат Комиссии Уоррена, являлись профессиональными адвокатами. Но дело, порученное им, не имело ничего общего с их обычной деятельностью. Не было ни клиента, интересы которого следовало защищать, ни противной стороны, которой следовало опасаться, ни судьи и присяжных, на совести которых должно было лежать принятие решения. Отыскание правдивой картины преступления было поручено людям, профессиональная подготовка которых настраивала их (как мы отметили в начале главы) на отыскание способов обхода правды, на умение не считаться с очевидностью.

Надо отдать должное рядовым следователям Комиссии: многие из них пытались сопротивляться искажающему давлению политических интересов. На заседании 6 февраля 1964 года некоторые из них требовали, чтобы допросы Марины Освальд продолжались; в противном случае они грозили отставкой. Директор-распорядитель Ранкин заявил, что Комиссия верит миссис Освальд, и в дальнейшем старался не проводить общих собраний. Профессиональные прокуроры Хуберт и Гриффин вели расследование убийства Освальда с такой настойчивостью и проникательностью, что были явно близки к открытию важных фактов, но их даже не взяли на допрос Руби, который Комиссия провела в Далласе в июне 1964 года. Почти все следователи в середине лета вернулись к частной практике и не принимали участия в составлении отчета.

8

9

10

11

Комиссия, которой, казалось бы, были предоставлены неограниченные средства, на самом деле была крайне бедна рабочими часами. Шестеро высокопоставленных членов ее продолжали заниматься своими прямыми обязанностями и для работы Комиссии уделяли время лишь

урывками. Многие адвокаты-следователи, каждую неделю улетали на несколько дней, чтобы участвовать в работе своих юридических фирм. Как сказал один администратор: "Нам для этой работы нужны были сорок свеженьких выпускников юридических факультетов, а не горстка дорогостоящих консультантов".

12

Сравнение протоколов допросов с выводами, сделанными руководителями Комиссии и включенными в Отчет, обнаруживает множество несоответствий и логических несуразностей. Видно, как составители Отчета (которых правительство еще и торопило закончить расследование к 1 июня и лишь с трудом отодвигало срок сдачи, даря то неделю, то две, и так — до конца сентября) постепенно поддавались привычке манипулировать свидетельскими показаниями и отбирать их не по признаку правдоподобия и убедительности, а по признаку выгоды-невыгоды для клиента. Клиентом же, в образовавшемся вакууме, Комиссия избрала версию, предложенную ей в самом начале правительством и ФБР: оба убийцы (Освальд и Руби) действовали спонтанно, импульсивно и в одиночку. Председатель Комиссии Уоррен прямо заявил об этом на заключительном банкете, сказав, что отношения с правительством строились по аналогии отношений адвокат—клиент. Этим он также хотел подчеркнуть, что участники Комиссии обязывались хранить в тайне то, что им стало известно, ибо их "клиент" открыл им доступ к конфиденциальной информации.

13

14

Интересно, что поначалу судья Уоррен, видимо, предчувствуя невыполнимость ставившейся перед ним задачи, отказывался возглавить Комиссию. Но президент Джонсон призвал к его патриотизму, заявив, что

когда стране грозит раскол и утрата доверия, когда сотрясены ее основы и президент заявляет, что вы — единственный человек, способный справиться с задачей, вы не можете сказать "нет" — не так ли?

15

Возможно, что восстановление спокойствия в стране и доверия правительству было необходимой и благородной целью, и люди, сознательно устремившиеся к достижению ее, действовали из лучших побуждений. Возможно, они даже не отдавали себе отчета в том, как облегчалась их задача при подобной переориентации: не отыскание правды, но отстаивание версии, восстанавливавшей спокойствие. Такой поворот событий выводил адвокатов — членов Комиссии — на проторенную дорожку. Теперь у них был клиент, чьи интересы следовало защищать, был небывалый судебный зал с миллионами "присяжных", был поток свидетелей и вещественных доказательств. Все приобретало привычную и понятную форму.

Задача упрощалась еще и тем, что "противник" был безмолвен до

поры, неискушен в юридических тонкостях, лишен реальной возможности влиять на разбирательство, растерян, удручен. Имя ему было — здравый смысл.

Победить его казалось нетрудно.

4. КАК РУБИ ПРОНИК В ГАРАЖ?

Официальная версия

Выращивай дерево лжи, но — из семени правды.
Не уважай лжеца, презиравшего реальность.

Ложь должна быть логичней действительности. Усталый
путник да отдохнет в ее разветвленной сени.

День посвятивши лжи, можешь вечером в узком
кругу хохотать, припомнив, как было на самом деле.

Чеслав Милош. "Дитя Европы"
Перевод И. Бродского

Основанная главным образом на показаниях Руби и двух его служащих, официальная версия была сформулирована Комиссией следующим образом:

Выйдя из дому незадолго до 11 часов утра /24 ноября, 1963/, Руби отправился к автомобилю, захватив свою таксу Шебу и транзисторный приемник. Он положил в карман пистолет, который обычно возил в багажнике машины в мешке с деньгами... Проезжая мимо полицейского управления по Мэйн-стрит, он увидел толпу, собравшуюся у здания...

Машину отпарковал на стоянке напротив телеграфного отделения Вестерн-Юнион. Ключи и кошелек положил в багажник, запер его, а ключ от багажника, где было около тысячи долларов наличными, спрятал в отделение для перчаток. Двери машины оставил незапертыми.

С пистолетом, двумя тысячами долларов наличными, без документов, Руби вошел в телеграфное отделение и заполнил бланк перевода на 25 долларов для Кэрен Карлин /танцовщица из его кабаре/... Ему была выдана расписка со штампом, указывающим точное время отправления 11.17... Пройдя один квартал, отделявший почту от полицейского управления, Руби спустился в /подвальный/ гараж по северному въезду и остановился за спинами полицейских и репортеров, ожидавших перевозки Освальда. Когда Освальда вывели из конторы внутренней тюрьмы /11.21/, Руби быстро двинулся вперед и без единого слова выстрелил Освальду в живот, после чего был немедленно схвачен полицейскими.

Составление этой версии далось Комиссии не без труда.

Начать с того, что полицейский, стоявший у северного въезда в гараж, категорически отрицал, что кто-то, тем более Руби, мог пройти мимо него в гараж. Даже когда за минуту до выстрела мимо него выезжала машина лейтенанта Пирса, он посторонился всего на два шага и немедленно снова занял свой пост. Рой Юджин Вон имел до этого отличный послужной список. Он давал показания отчетливо, ни в чем не противоречил себе, и испытание на детекторе лжи подтвердило его правдивость.

Конечно, можно допустить, что он был сообщником Руби и просто упорно отрицал свою причастность к преступлению. Но на улице были другие люди (их опрашивали позже) — никто не видел человека, входящего через северный въезд. На другой стороне улицы стоял сержант Флуше, который отлично знал Руби и который уверял, что его даже не было поблизости. Двое из трех полицейских в выезжавшей машине лейтенанта Пирса тоже хорошо знали Руби — и они не заметили его. "В целом восемь свидетелей показали, что Руби не входил через северный въезд", — напишет пятнадцать лет спустя директор-распорядитель второй правительственной комиссии, расследовавшей это дело, — Роберт Блэйки.

Более того: внизу у конторы, в ожидании вывода Освальда стояла целая толпа корреспондентов и полицейских. Невозможно представить себе, чтобы человек, спускающийся по открытому пространству автомобильного проезда, не был замечен ни одним из них. Сама Комиссия вынуждена была признать:

Хотя более сотни полицейских и репортеров присутствовало в гараже за 10 минут до убийства Освальда, не удалось найти ни одного, кто бы видел, как Руби входил в гараж.

Правда, на следующей странице говорится, что три свидетеля видели неизвестного, похожего на Руби, двигавшегося вдоль нижней части въезда секунд за тридцать до выстрела. Кто же эти свидетели?

Резервист Ньюман занимал пост у южной стороны гаража, охраняя дверь в машинное отделение. Средняя часть гаража (а тем более — северный въезд) была видна ему так плохо, что он даже не мог толком описать, как и когда там проезжали две полицейские машины. Он не мог описать человека, пробежавшего по въезду, не увидел даже, как тот был одет. Кто-то пробежал — так ему показалось.

Телережиссер Тернер был гораздо ближе к месту действия и уверял, что человек, убивший Освальда, и человек, виденный им в нижней части въезда, — одно и то же лицо. Однако он многократно повторял при этом, что пробежавший был одет в пальто и что на нем была широкополая техасская шляпа. Руби, как это увидели миллионы телезрителей, был в пиджаке и в обычной шляпе с узкими полями.

Наконец, третий, сержант-резервист Крой ничего не говорил в своих показаниях о *движущемся* человеке. Кто-то стоял за его спиной за минуту до выстрела, а потом рванул вперед в сторону Освальда. Но и он заявил, что замеченный им человек был в черной шляпе, в то время как Руби был в светлой.

Был единственный свидетель, заявивший, что кто-то прошел в гараж мимо стоявшего на посту Вона за несколько минут до выстрела. Отставной полицейский-негр, Наполеон Дэниэлс, стоял на улице неподалеку от Вона. На следующий день Вон позвонил ему по телефону и спросил, видел ли тот кого-нибудь входящим через северный въезд, потому что вот его, Вона, подозревают в ротозействе. Дэниэлс сказал, что нет, не видел. Утверждать обратное он стал лишь пять дней спустя. Да и то говорил, что прошел мимо постового не Руби, а другой человек, и не в тот момент, когда выезжала машина. Однако в показаниях его было столько противоречий и несообразностей, что, к чести Комиссии, она отвергла их, хотя они и подтверждали ее версию.

Комиссия пыталась исследовать другие пути, какими Руби мог проникнуть в гараж, но не нашла никаких указаний на то, что он мог воспользоваться одной из пяти дверей: все они либо были закрыты, либо охранялись. Пришлось, с оговорками и многократным использованием слов "наверно", "вероятно", вернуться к версии северного въезда как наименее фантастичной. Не с потолка же он свалился к месту преступления!

Примечательно, что сам Руби в день ареста заявил, что он вошел через северный въезд. Детектив Макмиллан даже вспомнил такую деталь из его рассказа: постовой закричал на него, но он пригнул голову и продолжал идти. Затем в течение месяца на всех допросах он упорно отказывался обсуждать, каким образом он проник в гараж. Лишь месяц спустя, в показаниях, данных агентам ФБР 25-го декабря 1963, он вернулся к этой версии.

Но и тогда в его описаниях концы с концами не сходились, хотя ему помогала готовить рассказ целая команда адвокатов. Так, он заявил, что лейтенант Пирс был один в машине, которая выехала через северный въезд (там были еще двое). Он сказал, что постовой не только отошел в сторону, но нагнулся и заглянул в остановившуюся машину (ни один из участников сцены не помнил этого момента). Руби не увидел никого поблизости от въезда (напомним, что там, кроме постового Вона и отставного полицейского Дэниэлса, было еще несколько человек). То есть проникновение в гараж через северный въезд выглядело в его описании вдвойне чудесным: не только его никто не заметил, но и он никого толком не увидел.

Не многим лучше обстояло дело и с объяснением причины его поездки в центр Далласа в воскресенье утром. Как он утверждал, исполнительница стриптиза из его кабаре Кэрен Карлин (она же — Маленькая

Линн) позвонила утром, заявила, что ей не на что купить продукты и нечем заплатить за квартиру, и он обещал перевести ей телеграфом 25 долларов. Маленькая Линн подтверждала это, и ей пришлось давать показания много раз: полицейским, агентам ФБР, прокурору во время суда над Руби, следователям Комиссии Уоррена. В ее показаниях, данных на первом собеседовании (15 апреля, 1964), почти нет противоречий, но если прочесть их внимательно, можно обнаружить много интересных деталей.

Выясняется, например, что первый раз она позвонила Руби и попросила денег не в воскресенье утром, а вечером накануне — в субботу. Это был день выдачи зарплаты в клубе "Карусель" (если владелец, мистер Руби, был в настроении расстаться с деньгами), но когда она приехала, дверь клуба оказалась закрыта. По телефону Руби обрушился на нее с проклятиями, заявил, что не знает, откроет ли он клуб вообще, что ни у кого нет сочувствия к убитому президенту. Может быть, ему надо будет приехать в центр через час. Хотите — ждите.

Через час он не появился, и Маленькая Линн позвонила снова. На этот раз Руби велел ей позвонить утром следующего дня и сказать, сколько ей нужно. Пока же он распорядился, чтобы служащий гаража, откуда она звонила, дал ей пять долларов под расписку.

Не правда ли, какая поразительная смена настроений у хозяина кабаре? Утром он спешит в город, чтобы помочь своей танцовщице, оставшейся без денег. А накануне вечером у него не хватает ни доброты, ни совести сказать: хорошо, не зря же ты ехала из другого города — приезжай ко мне домой и я отдам причитающуюся тебе зарплату 120 долларов. (Напомним, что на следующий день при аресте у него обнаружили две тысячи.) И что это за странное распоряжение: позвони мне завтра утром и скажи, сколько тебе нужно? Почему не спросить об этом тут же?

Маленькая Линн, описывая разговор с Руби утром в воскресенье в день убийства Освальда, процитировала слова (и они попали в отчет Комиссии Уоррена): "я все равно еду в город". Каковы же были другие цели поездки Руби в город с тремя тысячами долларов и пистолетом? Положить деньги в банк? Но, во-первых, банки в воскресенье закрыты. А во-вторых, он никогда не пользовался банком, почти все операции вел наличными. Так или иначе, никто не спросил его об основной цели поездки.

Руби утверждал, что смерть президента так потрясла его, что он не находил себе места от горя. А когда он в воскресенье утром прочитал в газете о детях Кеннеди и молодой вдове президента, которой, видимо, придется вернуться в Даллас, чтобы давать показания на суде над Освальдом, он совсем потерял рассудок.

“Внезапно я почувствовал — конечно, это было глупо, — что мне нужно доказать любовь к нашей вере, то есть к еврейской вере, хотя я никогда не пользуюсь этими словами и не хочу в это вдаваться — но вот это чувство, этот порыв накатил на меня, что кто-то должен исполнить этот долг в память нашего любимого президента и избавить ее /вдову/ от мучительного возвращения сюда. Не знаю, почему это запало мне в голову”.

21

Этот образ порывистого и отзывчивого на чужую беду неудачника был развит потом в речах и книгах адвокатов Руби, снабжен убедительными деталями в сотнях газетных и журнальных статей, приукрашен в романизованных биографиях. Адвокат Беллай, называвший себя “другом Руби”, писал:

Он был деревенский персонаж. Я сказал в своем заключительном слове на суде, что такие есть в каждом городке — неудачники, объекты шуток, клоуны. Мы терпим их... до тех пор, пока что-то не обернется бедой... “Врач—пациент” скорее, нежели “адвокат—клиент” — таков был характер наших отношений. Мне он нравился. Нравится и до сих пор. Я никогда еще не встречал такого странного и искреннего человека.

22

Авторы Вилс и Демарис в своем художественно-документальном отчете о жизни Руби не без психологической убедительности рисуют его человеком, который нападал на что-то плохое и тут же делал то же самое, но еще хуже. Однажды его трубач стал переругиваться с публикой, употребляя нецензурные слова. Руби остановил его, заорав через весь зал: “Фрэнк, где твой класс, х..сос ты этакий!” Другой раз он жестоко избил служащего за то, что тот нарушил его приказ: не ввязываться в драки. “Он хотел, чтобы его хвалили и принимали... Его возбуждали телекамеры и огни. Он любил вертеться около журналистов”.

23

24

В Отчете Комиссии Уоррена итог был подведен в таких словах:

Расследование не дало никаких оснований считать, что, убивая Освальда, Руби выполнял свою часть в каком-то заговоре. К заключению о том, что заговор не имел места, пришли независимо, на основе имеющейся у них информации, государственный секретарь Дин Раск; министр обороны Роберт Макнамара; министр финансов Дуглас Диллан; главный прокурор Роберт Кеннеди; директор ФБР Эдгар Гувер; директор Си-Ай-Эй Джон Маккон; начальник Секретной службы Джеймс Роули.

25

Таково было единодушное мнение адвокатов, прессы, высокой государственной комиссии, расследовавшей дело в течение десяти месяцев. Как смел простой лояльный американец восставать против таких авторитетов и не верить их выводам? Тем более, что выводы были столь утешительны?

И все же американцы сомневались. Число сомневавшихся все росло. Ибо принять официальные выводы — во всяком случае те, что касались поведения Руби, — означало поверить в невероятнейшую цепь случайностей и совпадений.

Случайно утром в воскресенье исполнительница стриптиза позвонила и попросила денег. Случайно Руби, который накануне отказал ей, смягчился и решил подбросить ей денег. Отправляясь в город на это благое дело, он случайно положил в карман пистолет и три тысячи долларов. Случайно открытое телеграфное отделение оказалось в минуте ходьбы от полицейского управления. Случайно прогуливавшийся Руби заметил толпу внутри полицейского гаража и решил посмотреть, что происходит. Случайно один из семидесяти полицейских, охранявших перевозку важного преступника, на секунду зазевался. Случайно Руби прошел мимо него и случайно никем не был замечен внутри. А тут как раз случайно выводили Освальда. А у Руби как раз из головы весь день не выходила судьба детей и вдовы Кеннеди, о которых он случайно прочитал утром в газете. Ну что ему оставалось? Только воспользоваться всем этим чудесным совпадением случайностей и всадить Освальду пулю в живот.

Возможно, во времена темного средневековья адвокатам не нужно было бы пускаться на хитрости в отстаивании этой невероятной цепи случайностей. Все было бы объяснено вмешательством Высших сил. Ангел-мститель избрал простого владельца кабаре своим орудием, укрыл его крылом и невидимым доставил к месту исполнения казни над злодеем Освальдом. Не верившие этому были бы объявлены еретиками и отправлены на костер. Недаром же сам начальник далласской полиции Карри заявил, что появление Руби в подвале так непостижимо, точно сам Господь Бог его туда доставил.

Но так как костры к тому времени были в Америке запрещены, нашлись одиночки, которые дали волю своему скепсису. Они начали вчитываться в материалы расследования и истолковывать их по-своему. Они начали смущать умы. Сомнения множились, недоверие росло. Опросы показывали, что все меньше и меньше американцев верили выводам Комиссии Уоррена. Все это привело к тому, что 13 лет спустя Конгресс назначил новую следственную комиссию — Комитет Стокса по расследованию убийств президента Кеннеди и Мартина Лютера Кинга. Новый Комитет пересмотрел все имевшиеся материалы, провел новые опросы свидетелей и тоже опубликовал в 1978 году отчет. Среди главных выводов этого отчета:

На основании имеющейся информации, Комитет пришел к выводу, что президент Кеннеди скорее всего был убит в результате заговора... Ни Освальд, ни Руби не были "одиночками", какими их представило расследование 1964-го года. Тем не менее Комитет откровенно признает, что он не смог обнаружить... характер и масштабы заговора... Комитету удалось получить новую информацию, касающуюся Освальда и Руби, и тем самым изменить взгляд на них; однако и убийца, и человек, который с ним покончил, предстают до сих пор на фоне необъясненных или не полностью объясненных событий, связей и мотивировок.

28

Выводы Комитета Стокса, хотя и сформулированные с крайней осторожностью, явились наградой тем исследователям-одиночкам, которые в течение пятнадцати лет боролись против установленных официальных версий. И хотя живы еще тысячи могущественных людей, поддерживавших в свое время эти версии и заинтересованных в том, чтобы новые данные не получили широкой огласки; хотя отчет Комитета Стокса не имел такой широкой рекламы и такого отклика, как отчет Комиссии Уоррена, ибо пресса в значительной мере игнорировала его; хотя многие американцы даже и не слышали о нем (ведь был Вьетнам, Уотергейт и все текущие войны и убийства), — он как бы официально открыл это дело заново и санкционировал правомочность новых исследований.

Попробуем же воспользоваться благоприятным моментом и распутать — хотя бы частично — клубок "событий, связей и мотивировок", окружающий убийство Освальда.

5. КАК РУБИ ПОПАЛ В ГАРАЖ?

Версия скептика

Подойдем к этому делу самым естественным образом: поставим себя на место Руби. Представим себе, что это не ему, а нам (вам, мне) в субботу 23 ноября 1963 года стало абсолютно ясно, что убийство Освальда — единственный выход для нас в сложившейся ситуации.

Не будем пока задумываться о мотивах. (Большие деньги? Страх разоблачения? Угроза возмездия со стороны сообщников за невыполнение приказа?) Каковы бы ни были мотивы, они оказались достаточными, чтобы заставить Руби пойти на смертельный риск. Ибо риск действительно был велик. Руби мог сам быть подстрелен полицейскими в момент покушения. Он мог быть осужден на долгий срок. Он мог умереть на электрическом стуле. (Вспомним, что присяжные приговорили-таки его к смертной казни полгода спустя.) Все это он отлично понимал и, тем не менее, решился. Что может означать лишь одно: альтернативой для него была н е и з б е ж н а я гибель. Этот важнейший факт, это "или-или" (или успешное совершение убийства, или собственная гибель) мы должны твердо помнить на протяжении всего исследования.

Теперь попробуем представить себе, какие сведения Руби и его сообщники имели накануне воскресенья о готовящейся перевозке. Могли они быть уверены, что шеф полиции сдержит обещание, данное журналистам, и станет ждать до десяти утра? Сами журналисты, например, думали, что их обманут и Освальд будет тихо, без кинокамер и толпы, переправлен ночью. Не были ли ночные звонки с угрозами в адрес арестованного попыткой заговорщиков заставить полицию отказаться от этого варианта? Ибо угрожая нападением т о л п ы, они заставляли власти думать о необходимости иметь большой отряд охраны, который ночью собрать было нелегко.

Так или иначе утром стало ясно, что Освальд все еще в здании. В этот момент я — потенциальный убийца — должен принять решение, как действовать. Да, конечно, мне очень хочется представить будущим присяжным дело таким образом, будто я случайно приехал в центр города, случайно оказался вблизи полицейского управления и случайно поддался минутной вспышке ненависти к убийце президента. Для этого поездка на телеграф с целью отправки денег Маленькой Линн — чудный предлог. Будут свидетельские показания, будет документ с проштемпе-леванным временем. И все же, и все же... Оправдательные мотивировки,

доказательства непреднамеренности, психологическое алиби — все это очень желательно. Но не так важно, как сам акт убийства. Даже ради самого чудесного набора объяснений я не могу поставить свое главное дело под угрозу срыва. Ибо если я не убью — я погиб.

Руби не мог позволить себе такой роскоши: болтаться где-то у телеграфного отделения за три минуты до вывода Освальда в гараж. Тем более не мог сидеть дома, дожидаясь десяти часов. С самого раннего утра он должен был находиться либо где-то рядом, либо в самом здании полицейского управления — затаиться в засаде, ждать. Даже если у него был надежный сообщник среди полицейских (что вполне возможно), который бы согласился известить его о начавшейся перевозке, было бы чистым безумием рассчитывать, что никакая случайность не остановит его на пути от окошка телеграфного клерка до гаража, охраняемого десятками вооруженных людей. Любой рационально мыслящий убийца должен был проникнуть в здание полицейского управления с утра, предоставив своим помощникам заботиться об устройстве алиби для него.

На первый взгляд может показаться, что эта версия, хотя и самая логичная по сути, не сможет выдержать напора имеющихся свидетельских показаний. В 8.30 утра уборщица Элнора Питс звонила в квартиру Руби и говорила с хозяином. В 10.19 звонила Маленькая Линн из Форт-Ворта (город в сорока минутах езды от Далласа), просила денег. Сожитель, которого Руби пригласил делить с ним квартиру за три недели до описываемых событий, Джордж Сенатор, показал, что хозяин ушел около одиннадцати. На квитанции телеграфного перевода, найденной в вещах Руби при обыске после ареста, стоит штампель 11.17. Убийство было совершено в 11.21.

Рассмотрим пункт за пунктом эти свидетельские показания и эти улики.

Звонок уборщицы (8.30)

Элнора Питс, отвечая на вопросы следователя Комиссии Уоррена, так описала свой телефонный разговор:

Это было после восьми утра, когда я позвонила, а он мне говорит: "Что тебе нужно?" Я говорю: "Это Элнора". А он говорит: "Ну так что — тебе нужны деньги?" А я говорю: "Нет, я собираюсь придти убирать сегодня". — "Убирать?" А я снова: "Это Элнора". — "Ну, так чего тебе?" — "Я собираюсь придти убирать". — "Прямо сейчас?" — "Нет, мне сначала надо сходить в магазин для детей". Он говорит: "Так". Я говорю: "Что-то вы на себя не похожи. Мне приходить сегодня или нет?" — "Ладно, приходи. Но сперва позвони мне". — "А я что делаю? Для того и звоню заранее, чтобы потом не звонить". А он говорит: "Значит

ты приходишь убирать сегодня?" И голос у него был такой странный, что я спрашиваю: "С кем я говорю? Это мистер Джек Руби?" А он говорит: "Да. А что?" А я говорю: "Ничего". А он: "Позвони обязательно прежде чем приходить". А мне что-то страшно стало и я повесила трубку... Он так говорил... Совсем на него непохоже.

Думается, свидетельство говорит само за себя. Звонок уборщицы был абсолютно непредвиденной случайностью, и Джорджу Сенатору пришлось по мере его актерских способностей изображать Руби, который уже давно уехал в город по своим не терпящим отлагательства делам. Адвокат Беллай впоследствии использовал Элнору Питс в качестве свидетельницы на суде, чтобы подчеркнуть нервную взвинченность его подзащитного накануне преступления. (Сам на себя был непохож!) Прокурор не попытался обратить внимание присяжных на странности этого разговора, ибо обвинение тоже не ставило под сомнение факт пребывания Руби в квартире в этот момент.

Звонок Маленькой Линн (10.19)

Несложную роль, сочиненную для нее заговорщиками вечером в субботу, маленькая исполнительница стриптиза играла старательно и впоследствии многократно выступала перед судом, подтверждая время и содержание разговора. Есть, правда, некоторые обстоятельства, показывающие, что все месяцы, пока тянулось это дело, важнейшая свидетельница защиты жила в состоянии необъяснимого и панического страха.

Уже в январе 1964, когда она явилась на одно из первых судебных заседаний (слушалась просьба защиты о выпуске Руби под залог), в сумочке у нее был спрятан пистолет. Помощники шерифа обнаружили оружие и арестовали свидетельницу. Несколько недель спустя она ждала в коридоре суда своей очереди свидетельствовать. В это время пронеслась весть, что какой-то человек с револьвером бежит по лестнице. (Случилось пустяковое, по далласским масштабам, событие — семь человек как раз убегали из тюрьмы, расположенной в здании суда.) Маленькая Линн-Карлин впала в истерику, стала кричать: "Закройте дверь! Закройте дверь! Это меня он хочет убить, меня!"

Впоследствии следователь Комиссии Уоррена, Леон Хуберт, спросил свидетельницу:

ХУБЕРТ: Почему вы подумали, что он собирается убить именно вас?

ЛИНН-КАРЛИН: Потому что я боялась, что меня убьют еще до того, как я попаду в зал суда.

ХУБЕРТ: Кто, по-вашему, собирался убить вас?

ЛИНН-КАРЛИН: Я не знаю, кто и почему. Просто у меня было предчувствие, что меня убьют.

6

Двадцатилетняя девчонка боялась быть убитой, несмотря на то что она раз за разом послушно повторяла, что утром в воскресенье 24-го ноября разговаривала по телефону ни с кем иным, как с самим мистером Джеком Руби. Интересно, каково было бы ее состояние, если бы она позволила себе проговориться, что голос мистера Руби звучал чуточку необычно?

Показания Джорджа Сенатора

Сожитель, которого Руби пригласил делить с ним квартиру, оказался очень полезным ему. Немолодой гомосексуалист Джордж Сенатор обладал хорошей памятью и подтверждал присутствие Руби дома, когда это устраивало защиту, или заявлял, что он сам отсутствовал в такой-то момент или спал. Утро 24-го ноября расписано главным образом по его показаниям. Комиссия Уоррена пришла к выводу, что "Сенатор не находился в заговоре с Руби с целью убийства Освальда".

7

В этом случае очень трудно объяснить эпизод в Итвел-кафе, случившийся в утро убийства. Официантка вбежала в зал и закричала, что по радио передали — Освальда застрелили. Сенатор немедленно, на глазах у нескольких свидетелей, кинулся к телефону. Давая показания Комиссии Уоррена, он заявил, что звонил адвокату Джиму Мартину, но не застал его дома.

8

— Вы позвонили будущему адвокату Руби, еще не зная, кто стрелял в Освальда? — спросил изумленный следователь.

— Я позвонил ему просто потому, что это были местные новости, хотел сообщить их, — пытался выкрутиться Сенатор.

9

Во-первых, с местными новостями звонят знакомым журналистам, а не знакомым адвокатам. Во-вторых, выяснилось, что Сенатор тут же поехал к Мартину и привез его к зданию полицейского управления. (Довольно странно ехать к человеку, чей телефон не отвечает.)

10

Нет никакого сомнения, что о готовящемся покушении Сенатор был прекрасно осведомлен. Судя по свидетельским показаниям, последующие дни он жил в состоянии непрекращающегося страха и вскоре исчез из Далласа. Есть основания считать, что боялся он не зря. Вечером того дня, когда был убит Освальд, в квартире Руби он встретился с двумя адвокатами — Джимом Мартином и Томом Ховардом — и двумя журналистами. Шесть месяцев спустя один журналист был застрелен в Калифорнии в здании полицейского участка (якобы случайно); второй погиб в своей квартире в Далласе от удара карате по горлу через десять месяцев; Том Ховард умер от сердечного приступа полтора года спустя. По рассказам знакомых, страх не оставлял его последние недели жизни.

11

Телеграфист Лэйн

Итак, в подтверждение версии Руби о его местонахождении утром 24-го ноября имеются: а) показания уборщицы, которые скорее доказывают, что Руби уже в 8.30 не было дома; б) показания исполнительницы стриптиза из его кабаре, живущей уже многие месяцы в состоянии непроходящего ужаса; в) показания явного сообщника, тоже испуганного не на шутку.

Остается телеграфист Дойль Лэйн.

Он отвечал на вопросы немногословно, сдержанно. Да, он видел Джека Руби у себя в отделении в этот день. Да, Джек Руби и раньше посылал телеграммы, так что он знает его как клиента. Нет, он не видел, как мистер Руби входил или как заполнял бланк перевода. Он заметил его, лишь когда тот стоял у окошка и протягивал ему заполненный бланк. Расплатившись, он направился к дверям и вышел на улицу.

В конце его показаний, правда, всплывает примечательная деталь: доставка перевода в Форт-Ворт заняла больше времени, чем обычно, потому что в этот день все время забегали журналисты со срочными телеграммами. А в тот момент, когда был мистер Руби? Нет, никто не заходил. Только одна клиентка перед ним.

На суде опытный прокурор мог бы подвергнуть этот рассказ испытанию деталями. Спросить, например, какого цвета был галстук у Руби? Какого цвета рубашка, пиджак, шляпа? Доставал ли он деньги из кошелька, из бумажника или просто из кармана? Куда убрал сдачу? Лэйн указал точную сумму сдачи — 3 дол. 13 центов. Можно было бы свериться с описью найденных у Руби вещей и проверить, была ли у него мелочь и долларовые бумажки. Можно было бы затребовать у телеграфного ведомства другие квитанции, выданные до и после, проверить их штампы. Если бы на следующей квитанции было указано время, скажем, 11.18 или 11.19, несложно было бы найти человека, который стоял в очереди за Руби. Или за мнимым Руби?

Но, повторяю, никто даже не ставил под сомнение факт пребывания Руби в телеграфном отделении в 11.17. Хотя при трезвом взгляде становится ясно, что никакой объяснимой цели у данного визита в данных обстоятельствах не было и быть не могло, факт считался неопровержимо доказанным. Посреди моря неясностей, лжи, дезинформации, пробелов квитанция со штампом 11.17 была единственным твердым островком. Даже такой глубокий знаток всей эпопеи Джека Руби, как Зев Кантор (см. библиографию), признавал ее подлинность.

Квитанция

Но давайте приглядимся к самой квитанции. Она фигурирует в деле вместе с заполненным бланком почтового перевода как экспонат № 5118-19 и № 2420-2421. Они изображены на странице 351 Отчета

Комиссии. Клерк Лэйн разъясняет в своих показаниях значение различных пометок на ней. Да, сумма, имя получательницы и адрес вписаны п е ч а т н ы м и буквами отправителем. Нет, я не видел, как мистер Руби заполнял бланк. Он подал его уже заполненным, и я исправил то, что было неверно. Например, "Форт Ворт, Техас", не было написано полностью. Да, это мой почерк. Все, что вписано от руки, вписано мною. Да, даже адрес отправителя. Я спросил его: "Ваш адрес?" И он дал мне адрес, который я и вписал: 1312 1/2, Коммерс-стрит.

16

То есть адрес клуба "Карусель".

Итак, главный документ, подтверждающий версию Руби, не имеет ни одной записи, сделанной его почерком — одни печатные буквы. Кроме того, отправитель дал клерку не домашний адрес, на который все нормальные люди обычно получают почту, не номер почтового ящика, который Руби как раз недавно завел себе в том же самом почтовом отделении, где абонировал ящик Освальд, а адрес клуба "Карусель", как правило закрытого в те часы, когда происходит доставка почты. Ну, не удивительно ли?

Таким образом, версия защиты — Руби вышел из дому в 10.45, в начале двенадцатого был в центре Далласа, отпарковал машину, в 11.17 отправил грошовый перевод, а в 11.21 застрелил Освальда — версия эта подпирается очень шаткими данными. Как мы уже говорили, она идет вразрез со всеми другими сведениями о ходе событий и с логикой поведения убийцы. Ее было бы очень трудно принять даже в том случае, если бы Руби удалось искусно спрятаться в полицейском управлении и остаться никем не замеченным до самого момента убийства. Но отзывчивый владелец кабака и не собирался играть невидимку. Есть по меньшей мере четыре свидетеля, которые видели его около полицейского управления в различные моменты между 8.00 и 11.00 в воскресенье утром — видели и не побоялись заявить об этом.

Три сотрудника телестудии Дабл-ю-Би-Эй-Пи — Уоррен Ричи, Джон Элисон Смит и Айра Уокер — видели его около своего фургона, отпаркованного рядом с полицейским управлением на Коммерс-стрит. Показания всех троих не содержат никаких противоречий и изобилуют теми точными деталями, которые вернее всего показывают — люди не врут. Смит в восемь утра нужно было сходить в трэйлер телефонной компании, стоявший неподалеку, проверить качество изображения. На пути обратно он увидел человека, внимательно разглядывавшего кабели, пропущенные в окно полицейского управления. Полтора часа спустя тот же человек заглянул в окошко фургона и спросил, доставили ли Освальда вниз. Айра Уокер сказал "нет". В этот момент телевизионщики имели возможность разглядеть лицо Руби вплотную.

17

18

19

Комиссия Уоррена отвергла показания этих свидетелей, указывая на то, что человек, виденный ими, был одет в сероватый плащ, которого

у Руби никогда не было. (Действительно, серьезная проблема — одолжить у кого-то из сообщников плащ, чтобы хоть как-то изменить внешность.) Кроме того, он выглядел “помятым, точно спал не раздеваясь”, а Руби, как известно, всегда следил за своей внешностью. (Хорошо, что не добавили — “даже в ночи перед убийствами”.) Наконец, ни один из троих не был знаком с Руби до этого. Последнее утверждение абсолютно верно. Но опущена весьма важная деталь: несколько часов спустя после убийства журналистам был показан крупным планом снимок убийцы Освальда, сделанный тут же в тюрьме. Увидев его на экранах своего монитора, телетехники в один голос воскликнули: “Так это же тот тип, что заглядывал к нам в окно”. Айра Уокер выступал потом на суде как свидетель обвинения и подтвердил под присягой свои показания.

Евангелистский радиопроповедник Рэй Рашинг тоже никогда раньше не встречал Руби. (Заметим мимоходом, что только такие люди и могли давать правдивые показания — они не знали, на что способен этот человек и его сообщники.) Проповедник явился в то утро в полицейское управление, чтобы наставить на путь истины другого грешника — Ли Харви Освальда. С Руби он столкнулся в лифте, поднимаясь на третий этаж, и поговорил о погоде. Произошло это в 9.30 — он точно помнил время, потому что как раз доставил семью к службе в церкви. Рашинг готов был подтвердить на суде под присягой, что человек, встреченный им в лифте, и убийца Освальда, показанный вечером того дня по телевизору, — одно и то же лицо. По непонятным причинам обвинение решило не использовать его, хотя опытный полицейский, лейтенант Ревилл, был уверен в правдивости проповедника.

Итак, попробуем еще раз залезть в шкуру убийцы. Рано утром он приезжает в центр Далласа и паркует автомобиль не в своем обычном паркинге, где его все знали, а на какой-то стоянке без сторожа на углу Мэйн-стрит и Перл. (Сторож заявил впоследствии, что он пришел на службу только в 12.00 и не знает, когда автомобиль был запаркован.) Руби крутится у полицейского управления, без проблем заходит внутрь, ибо строгая охрана выставлена только в гараже. Многие журналисты показали, что входили в здание через любой из трех входов, которые никем не охранялись. Никто не остановил и проповедника Рашинга.

Скорее всего в этот день Руби старался не очень попадаться на глаза, затаивался в укромных местах. Но если кто-то из полицейских и видел его в здании, можно ли допустить, что они сознались бы в этом после того, что случилось? Конечно, Руби нужен был сообщник, чтобы доставить вовремя квитанцию из телеграфного отделения: вожденный документ, доказывающий, что он не планировал убийства заранее. (А если бы ему удалось выстрелить из толпы и скрыться в первый момент, эта бумажка была бы прекрасным алиби, доказывающим,

что и в здании-то его не было, и стрелял-то не он.) И чем ближе время на документе будет к времени вывода Освальда из кабинета 317, где его продолжали допрашивать, тем лучше. Но как известить сообщника, что пора?

Кто-то мог позвонить по телефону. И действительно, полицейский Харрисон, давнишний приятель Руби, из-за чьей широкой спины он бросится скоро на свою жертву, за 10 минут до вывода Освальда оставил своих товарищей и один спустился в раздевалку купить сигар. Расследование показало, что по дороге к табачному автомату он должен был миновать четыре телефона-автомата.

Другой полицейский, Майо, охранявший выезд из гаража на Коммерс-стрит, показал, что мимо него три раза по улице проезжала машина с двумя мужчинами, каждый раз останавливалась, и водитель спрашивал, доставлен ли Освальд вниз.

Прибытие бронированного грузовика к южному выезду в 11.07 тоже могло послужить сигналом того, что все готово. Мог это сделать и любой человек, болтавшийся в этот день в коридорах под тем или иным благовидным предлогом.

В одном мы можем быть уверены: с а м Руби не мог рискнуть покинуть свой пост, не мог сбежать в телеграфное отделение в тот момент, когда было объявлено о выводе Освальда. Ведь в крайнем случае он мог обойтись и без этой квитанции. Тогда была бы версия: приехал в город по делам, зашел в полицейское управление в поисках приятеля, увидел, как выводят негодяя, и не сдержался, всадил в него пулю. Суд все равно мог проявить снисхождение. Но не сообщники в случае неудачи. Этих он знал хорошо.

Тем более, что третий этаж был даже более удобным местом для атаки. Там была тоже толпа журналистов, кабели на полу затрудняли движение, осветительные лампы так же нещадно били в глаза сопровождавшим Освальда полицейским, а охраны было гораздо меньше. Почему же убийца не напал там?

Возможно, путь от кабинета капитана Фрица до тюремного лифта был чересчур коротким. Возможно, детективы окружали Освальда слишком плотным кольцом. А возможно, он все еще ждал сообщника с квитанцией из телеграфного отделения, все надеялся.

Взвешивая два варианта (а. самому дежурить у телеграфа и отправить перевод; б. поручить это сообщнику), Руби должен был учитывать не только возможность срыва всей операции в первом случае. При всем изобилии друзей среди полицейских, ему было бы очень трудно найти такого, кто пошел бы на сообщничество в у б и й с т в е. Слишком велик риск, слишком велика цена молчания такого свидетеля. Во втором же варианте сообщник, даже будучи пойман с поличным, не рисковал ничем. Да, мистер Руби, занятый более важными делами, попросил меня отправить денежный перевод и принести ему квитанцию.

Что в этом такого? Ничем не рисковал и телеграфный клерк Лэйн, подтверждая, что перевод отправлял сам мистер Руби. Да, так мне показалось — а что? Нет, никто не запугивал меня впоследствии и не оказывал давления. В конце концов, я не был знаком с этим человеком и не так уж часто он посылал телеграммы в мою смену. Мог и ошибиться. Ошибка — не преступление.

Полицейский Мак-Ги показал, что будущий адвокат Руби — не Джим Мартин, а другой — Том Ховард (личность довольно темная, алкоголик, привлекавшийся к уголовной ответственности за драки в помещении суда и за уклонение от налогов, и имевший контору через улицу от полицейского управления) появился внизу, около тюремной конторы, за минуту до того как туда доставили Освальда. "Это все, что я хотел увидеть", — обронил он и исчез. Если бы где-то по дороге в коридоре он сунул Руби в карман вожденную квитанцию со штемпелем 11.17, кто бы мог его обвинить? Услуга, дружеская услуга — вот и все.

30

Более того: в этом варианте отпадала необходимость в сообщнике внутри здания. Ибо позвонить тому же Тому Ховарду, дежурящему у телеграфа, о начавшейся перевозке мог с а м Р у б и. Путь же от телеграфной конторы до полицейского управления занимал меньше минуты — его хронометрировали потом много раз.

Остается последний вопрос: как Руби попал из здания полицейского управления в охраняемый гараж?

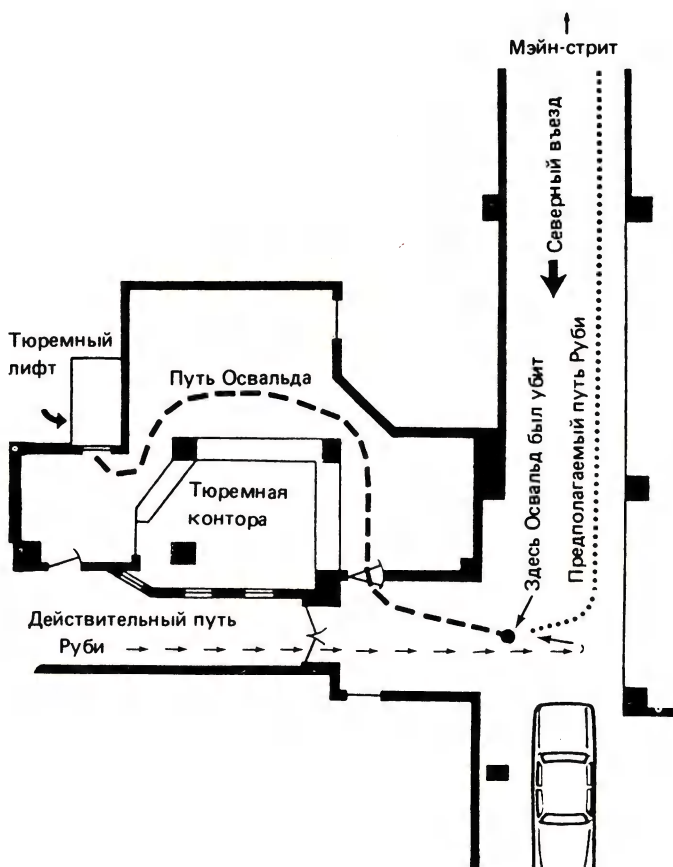
Комитет Стокса в 1978 году отверг версию Комиссии Уоррена о проникновении Руби в гараж через северный въезд. Вместо этого он выдвинул вариант входа через восточную дверь, со стороны здания муниципалитета, которая к тому времени, возможно, оказалась незапертой и неохраняемой. Правда, авторы отчета честно сознаются, что единственное основание для такого вывода — отсутствие чего-то более убедительного. Никакими свидетельскими показаниями эта версия не подкреплена.

31

Очень досадно, что членам Комитета Стокса, видимо, не были известны результаты расследования, проведенного журналистом Зевом Кантором. Книга Кантора "Кто был Джек Руби?" (см. библиографию) вышла одновременно с Отчетом Комитета (1978). В ней самым убедительным образом выделены свидетельские показания, из которых явствует, что Руби проник в гараж в последний момент, затесавшись между двумя телеоператорами.

За несколько минут до спуска Освальда и конвойных в гараж телеоператоры получили приказ доставить туда же еще одну камеру с третьего этажа. Они воспользовались общественным лифтом и оказались в коридоре, идущем вдоль стены тюремной конторы (см. план на следующей странице). Когда они проталкивали тележку с тяжелой

32

Тюремная контора в подвале полицейского управления,
около которой был убит Освальд

камерой через двойные двери, полицейский Кучшоу, стоявший там на посту, придержал створку двери для них. Он запомнил, что толкали трое: один был в зеленой куртке, другой — в темном плаще, третий, посредине, — в темном костюме. Последний держал голову так низко, что лица его не было видно. Другой полицейский, Лоури, тоже запомнил, что камеру мимо него прокатили трое. В какой-то момент он помог им удержать покачнувшуюся треногу. Потом вновь прибывшие смешались с толпой корреспондентов. Камера так и не была подключена к сети.

33

Несколько минут спустя после выстрела, когда еще не улеглось смятение, Кучшоу заметил, что ту же самую камеру вверх по выезду из гаража толкают двое. Он подбежал к ним и спросил, где третий. Они вели себя нервно и отвечали невнятно. С помощью Лоури он задержал обоих, и они были отправлены наверх для допроса. Лоури предполагал, что Руби был третьим, и делился своими соображениями с другими полицейскими. Судя по всему, никто не оспаривал его, и это было как бы молчаливо принятым общим мнением. О входе через северный въезд никто и не заикался.

34

35

Лоури описал все виденное в докладе начальству в тот же день. На следующий день, отвечая на вопросы агентов ФБР, он прямо заявил, что, по его мнению, Руби проник в гараж с телеоператорами. Допросили тех двоих. Один сознался, что с ними был кто-то третий, помогавший им, кого он принял за детектива в штатском. Второй заявил, что третьим был их коллега Тернер, который выбежал им навстречу из толпы журналистов и помог прокатить камеру через двойные двери. Ни Лоури, ни Кучшоу не видели, чтобы кто-то выбегал камере навстречу. Не видел этого и второй оператор. Нет сомнения, что операторы, боясь, что их обвинят в сообщничестве с Руби, неуклюже пытались замазать свое невольное соучастие. Впрочем, так ли обязательно "невольное"? Ведь для кого-то предназначались те пачки долларов, которыми были набиты карманы Руби. К сожалению, операторы не были подвергнуты обыску в момент задержания.

36

37

Любопытно, что лейтенант Ревилл, которому было поручено провести внутреннее расследование этого дела, заявил, что версию входа через северный въезд он впервые узнал, читая газеты, — не от живых свидетелей. Полицейские, находившиеся около Руби в течение часа после ареста — Дин, Арчер, Макмиллан, — вообще не спрашивали его о том, как он проник в гараж, и не упоминали об этом в своих отчетах, написанных в тот же день. Впоследствии они пытались изменить свой рассказ об этом дне, писали новые отчеты с добавлениями — и немудрено. Ибо не спросить о такой важной детали можно было только в том случае, если они *и без того знали, как он попал в гараж*, если видели его с телеоператорами своими глазами. Конечно, если это было так, им и в голову не пришло бы остановить всеобщего приятеля —

38

Джека Руби, болтавшегося в управлении два дня подряд, — остановить и приказать ему покинуть гараж. Но сознаться впоследствии, что они заметили, узнали и не приняли никаких мер?!

Да, факт проникновения убийцы через здание полицейского управления бросал слишком темное пятно на далласскую полицию. Он грозил серьезными неприятностями полицейским Лоури и Кучшоу — ведь это они пропустили в гараж *т р е х* человек, не проверив их документов. Он также не устраивал ни Руби, ни его сообщников, ни его адвокатов, ибо явно указывал на предумышленность и планирование убийства. (Некоторые журналисты сказали, что версию входа через северный въезд они впервые услышали от Тома Ховарда.) Он не устраивал и Комиссию Уоррена, ибо тут снова возникали мысли о существовании заговора. Под этим многоступенчатым давлением простая история проникновения в гараж, очевидная вначале для всех участников сцены (хотя и чреватая серьезными неприятностями для многих), была оттеснена нелепой, не укладывающейся в нормальную логику, не поддержанной никакими свидетельскими показаниями версией входа через северный въезд.

Может возникнуть вопрос: да так ли важно в расследовании огромной драмы — гибели президента Соединенных Штатов — узнать, каким способом убийца подозреваемого убийцы пробрался к месту преступления?

Да, важно. Необычайно. Ибо только зная *т о ч н у ю* картину преступления, можно вскрыть с ее помощью заведомые лжесвидетельства, обнаружить сообщников и дойти по их цепочке до сердцевины заговора.

Нет никакого сомнения, что нити заговора, во всяком случае на последних стадиях, протянулись через Джека Руби. А значит, придется нам, хотим мы того или нет, погрузиться в подробное исследование прошлого этого человека.

6. ПОРТРЕТ РЯДОВОГО ГАНГСТЕРА

Родители его были польскими евреями, приехавшими в Америку в начале века. Отец, Джозеф Рубинштейн, отслужил в русской армии артиллеристом. Профессия — плотник. Сильно пил. Мать после 35 лет жизни в Америке ставила вместо подписи крест. У них было восемь детей. Джек был пятым. Драки и свары не прекращались в доме, отца много раз арестовывали за дебоши. Дети росли шпаной, часто попадали в дома для трудновоспитуемых. 1

Джек был второгодником, хулиганом, пропускал занятия, доучился до шестого класса, оставил школу и продолжал свое образование на улицах ночного Чикаго. Приторговывал чем только можно, дрался, спекулировал билетами на спортивные зрелища. Одно время зарабатывал тем, что в компании других подростков доставлял запечатанные конверты по поручению Аль Капоне (по доллару за доставку). В тюрьму попал только один раз и то не надолго. В 1933 году уехал в Сан-Франциско, где к нему вскоре присоединилась старшая сестра Ева. Постоянной работы не имел никогда. Сексом во всех возможных вариациях интересовался с ранних лет. 2

По возвращении в Чикаго в 1937-ом он пристроился к только что образованному профсоюзу сборщиков металлолома и мусорщиков. Есть сообщения, что для пущей убедительности при организации собраний он мог извлечь пистолет. Его приятель, основавший профсоюз, Леон Кук, был застрелен в 1939 году председателем — выдвиженцем мафии. Убийца заявил, что действовал в целях самозащиты, и суд оправдал его, несмотря на то что пули попали его жертве в спину. Вскоре профсоюзом овладел гангстер Поль Дорфман, будущий соратник крупнейшего профсоюзного бандита Джимми Хоффа. 3

В период с 1940 по 1947 Руби снова приторговывал по мелочам, отслужил в армии на территории США, пытался вести дело вместе с братьями, но все четверо вскоре переругались, и бизнес распался. Наконец, в 1947 он появляется в Техасе.

Однако за несколько месяцев до него более крупный представитель преступного мира удостоил Даллас своим посещением. Поль Роуланд Джонс, осужденный в свое время в Канзасе за убийство свидетеля, обратился к новоизбранному шерифу Стиву Гутри и предложил выплачивать ему по 150 тысяч долларов в год, если он позволит чикагской мафии захватить контроль над игорным бизнесом и проституцией в Далласе. Для прикрытия операций "синдиката" (одно из наименований мафии в Америке) планировалось открыть шикарный ресторан на углу

Коммерс-стрит и Индастриал, управлять которым должен был свой человек из Чикаго — Джек Руби. Поль Джонс, кстати, был близким другом сестры Джека — Евы — и постоянным посетителем ее ночного заведения "Сингапур-Супер-Клуб".

Гутри записал все переговоры на магнитофон, заснял на пленку и передал материалы в прокуратуру. Джонс был осужден за попытку дать взятку должностному лицу. Пока тянулось обжалование, он болтался на свободе и участвовал в других операциях с семейством Рубинштейнов. Например, он помог брату Хаймену отправить в Оклахому 700 галлонов виски (там еще существовал сухой закон), которые были упакованы в ящики, якобы содержавшие солонки и перенчики, — предмет официального производства фирмы Эрла и Хаймена; давал им долю в операциях по контрабанде наркотиков из Мексики, перевозимых внутри железных труб. На наркотиках Джонс и попался и был отправлен в тюрьму.

Таким образом Руби опять оказался как бы не у дел. Все же у него обнаружилось достаточно денег и влияния, чтобы уплатить залог за сестру Еву (она была арестована за аферу, принесшую ей 2700 долларов) и добиться, чтобы обвинение против нее было снято. Они пытались вместе управлять "Сингапуром", но сотрудничество не ладилось, и Ева уехала в Калифорнию. Руби остался единственным владельцем (или управляющим?) клуба и в этом качестве, входя время от времени в недолгие партнерства с другими уголовниками, прикупив в 1960 году еще один клуб, он и прожил в Далласе 16 лет до того момента, когда в ноябре 1963-го поворот судьбы сделал его мировой знаменитостью.

Следователи Комиссии Уоррена, Хуберт и Гриффин, суммировали предварительную информацию о Руби в портрет, включенный в их меморандум от 24 февраля 1964.

Его считают сильно подверженным эмоциям. Он шепелявит, говорит мягко, обычно хорошо одет и имеет приличные манеры, но легко взрывается и пускает в ход кулаки. Известно, по меньшей мере, 25 случаев, когда он жестоко избивал разных людей либо в результате личных столкновений, либо наводя порядок в своем клубе. Обычная его манера — нападать на жертву без предупреждения, не входя в долгие препирательства...

Он очень привязан к своим собакам и очень гордится своей физической силой и ловкостью. Собак у него бывало до семи штук, и один свидетель заявил, что он больше их любит, чем людей... Он не курит, не пьет и редко сквернословит.

Говорят, что в его манере поведения много женственного и, возможно, он гомосексуалист. Хотя прямых доказательств этого нет. Он никогда не был женат, но имел связи с женщинами и одно

время даже считался "бабником". В последние годы некоторые женщины, бывшие с ним в близких отношениях, говорили, что он извращенец. Один его знакомый рассказал, что видел, как Руби мастурбировал своего пса и явно получал удовольствие от этого.

Можно сказать, что главным интересом в жизни Руби является "делание денег"... Политикой он не интересуется, и его невежество в этой сфере и отсутствие политических идей граничит, по мнению многих, с наивностью.

Своих собак он называл своими детьми, а суку Шебу, которая была оставлена им в машине в день убийства Освальда, — женой. Все сиденья в его машине были изъедены собаками так, что торчали пружины. Но снаружи автомобиль обычно выглядел чистым. Внешность — это *класс*, а класс он обожал больше всего.

Женщин, переспавших с ним, он презирал и старался избавиться от них как можно скорее. Если танцовщицы в его кабаре почему-то решали, что новенькая не вписывается в их компанию, они подговаривали ее соблазнить хозяина, даже скидывались и платили ей до сотни долларов. После этого дело было сделано — новенькую увольняли.

На одной из вечеринок Руби присоединился к исполнительнице стриптиза и стал сбрасывать одежду. Оставшись в одних трусах, он пришел в сильное возбуждение и закричал: "А ну, подходи, хоть мужчина, хоть женщина — употреблю любого!" Рассказывали, что он любил непристойные разговоры по телефону. Одной приятельнице он в деталях описывал свой детородный орган, упирая на то, что инструмент этот у него обрезан, а следовательно способен доставлять женщинам большее наслаждение. Психиатру Руби сознался, что больше всего в жизни он не выносит жалких, отвергаемых людей и старается избавляться от них как можно скорее.

И все же была в его жизни женщина, с которой он был связан многие годы и которую бесконечно почитал. Элис Николс работала секретаршей президента крупной страховой компании. Ее сдержанные и достойные манеры воплощали для Руби *класс*. Они встречались в течение одиннадцати лет, вплоть до 1959-го года. Хотя их отношения практически прекратились, она была одной из первых, кому он позвонил в день убийства президента. Когда ей пришлось выступать свидетельницей на суде, она прошла, не повернув головы в его сторону. Он же был заметно взволнован — встал и поклонился ей вслед.

Интересно, что подавляющее большинство свидетелей-сообщников заявляли, что не знают за Руби страсти к азартной игре. Но Элис Николс показала, что главной причиной, по которой она отказалась выйти замуж за Руби (они обсуждали такую возможность), была его безнадежная и разорительная увлеченность игрой.

Многие люди, знавшие Руби, считали, что его так называемые

вспышки бесконтрольного бешенства были, как правило, хорошо выверены и рассчитаны. Вилс и Демарис приводят в своей книге много примеров, подтверждающих это. Однажды Руби с напарником тузили какого-то скандалиста на верхней площадке лестницы, ведущей в "Карусель". В это время появилась компания хорошо одетых людей. Руби немедленно вскочил и пригласил гостей заходить. "Перешагивайте прямо через них! Обычная шваль — не обращайтесь к ним!" Другой раз, прежде чем начать избивать пьяного, он увел на кухню новенькую несовершеннолетнюю официантку и велел ей оставаться там, потому что может появиться полиция. Он мог отвлечься от разговора для избияния, затем вернуться к столу и продолжить беседу с того места, на котором она прервалась.

Доставалось от Руби не только гостям, но и его собственным служащим. В 1951 он жестоко избивал гитариста, и тот, защищаясь, откусил ему кончик указательного пальца. В 1955 он кастетом разбил рот другому музыканту, так что пришлось накладывать швы. В 1960 выбил зуб компаньону. В 1962 так изуродовал подручного, что потребовалась срочная операция глаза. И это все отнюдь не перечень — так, случайные примеры, ставшие достоянием гласности.

Руби не брезговал ничем для завлечения клиентов и для выкачивания из них денег. Все официантки и танцовщицы, приглашаемые гостями к столикам, обязаны были следить, чтобы те заказывали шампанское, продававшееся в "Карусели" в десять раз дороже его номинальной стоимости. Он обучал их несложной тактике — "случайно" опрокидывать бокалы, ронять в них салфетку, чтобы она впитывала напиток и гость был вынужден вскоре заказывать новую бутылку. Сами искусительницы должны были оставаться трезвыми (для этого им подавались стаканы набитые практически одним льдом) и использовать любые предлоги для того, чтобы уклоняться от притязаний разгоряченных ими клиентов.

Несмотря на все эти уловки, дела Руби шли неважно. В 1952 году он дошел до такого финансового тупика, что сбежал на несколько месяцев в Чикаго, впал в прострацию, подумывал о самоубийстве. Как-то дела поправились, и он вернулся в Даллас, где вел прежнюю жизнь до 1959-го года, когда нежданная удача вдруг свалилась на него. Причем с самой неожиданной стороны: в результате политических перемен, происшедших на острове, похожем на ящера, подползающего к Америке с юго-востока.

7. ДЕЛА КУБИНСКИЕ

Среди открытий, сделанных Комитетом Стокса в 1978 году, особый интерес представляет новая информация о связях Джека Руби с правительством Кастро. Подробно об этом можно прочесть в Заключительном отчете Комитета, где все изложено очень сдержанно и осторожно, в книгах Роберта Блэйки, который позволяет себе более определенные выводы, и Энтони Саммерса, сосредоточенного, главным образом, на грехах Си-Ай-Эй. Вкратце же история сводится к следующему.

Еще до прихода Кастро к власти Руби принимал активное участие в контрабанде оружия для коммунистических повстанцев. Он был связан с контрабандистом по имени Том Дэвис. Бывший его сообщник Джеймс Берд рассказал в конце 1970-х прессе и ФБР, что

ружья и патроны свозились в дом, стоявший на берегу моря, на юге Техаса, перед тем как отправиться на Кубу. Он своими глазами видел ящики, наполненные новым оружием, включая автоматы и пистолеты, грузившиеся на борт катера. И каждый раз, когда катер отправлялся к месту назначения, Руби был на борту.

Энтони Саммерс нашел и других свидетелей, подтвердивших участие Руби в операциях мафии по снабжению Кастро оружием. Но почему гангстеры занимались этим? Саммерс дает весьма неубедительное объяснение: "Мафия надеялась обеспечить себе хорошие отношения с Кастро на будущее". За синдикатом не числится такой наивности — помнить оказанные услуги или ждать, что другие будут помнить и отплачивать добром за добро. Эта серьезная организация работает только за наличные. Но об этом автор как бы на время забывает. Еще бы: ведь иначе пришлось бы задаться вопросом, откуда Кастро брал деньги, и в повествование бы вторглась немодная тема — "рука Москвы".

Весной 1959 (уже после победы Кастро в январе того же года) Руби обратился к другому контрабандисту оружием, Роберту Маккеону, в свое время задержанному и осужденному, с просьбой связать его с высокопоставленными победителями. Во-первых, заявил он, у него имеется партия джинов, которые он хотел бы продать кубинцам. Во-вторых, он просил рекомендательное письмо к новому лидеру, которое помогло бы вызволить с Кубы некоторых владельцев игорных домов, посаженных коммунистами в тюрьму. За каждого освобожденного неназванное лицо из Лас-Вегаса, от имени которого выступал Руби, предлагало уплатить по 5000 долларов. Маккеон действительно

мог помочь. Он пользовался таким авторитетом, что сам Кастро на-
вестил его летом 1959-го, во время путешествия по Америке, предла-
гал пост в своем правительстве. Тем не менее сделка не состоялась —
скорее всего потому, что Руби открыл более прямые пути для дости-
жения своих целей.

5

Той же весной он покупает гору новейшего электронного оборудо-
вания для подслушивания и шпионажа: часы с встроенным микрофо-
ном, подключатель к телефонному аппарату, булавку для галстука
с проводами, портфель с магнитофоном и т. д. — всего долларов на
пятьсот. И в это же время — дело для него неслыханное — заводит себе
сейф в банке. Третье событие той весны: Руби предложил свои услуги
в качестве платного осведомителя ФБР.

6

Можно, конечно, по разному интерпретировать эти эпизоды. Вер-
ный себе Саммерс видит тут зловещую цепь: ФБР санкционирует по-
купку шпионского оборудования и засылает Руби в Гавану. Версия
выглядит сметанной на живую нитку, если учесть, что а) ФБР занима-
ется внутриамериканскими делами, а не разведкой; б) уже осенью
агент ФБР, с которым Руби вступил в контакт, был вынужден закрыть
заведенную на него папку, ибо никакой полезной информации об ин-
тересовавших ФБР убийствах и ограблениях в Техасе получить от Руби
не удалось.

7

Гораздо большего внимания заслуживает истолкование Роберта
Блэйки. Описывая тот же эпизод, он замечает, что это весьма рас-
пространенный прием: идя на новое и опасное предприятие, преступ-
ник вступает в контакт с ФБР или Си-Ай-Эй, чтобы потом, в случае
провала, заявить, что он работал по заданию американского правитель-
ства.

8

Более того: в свете сегодняшней лихорадочной погони коммуни-
стических агентов за электронной техникой и в свете того, что многие
диссиденты в Москве, начиная с 1960-го года, обнаруживали в своих
домах подслушивающие устройства с маркой *made in U.S.A.*, мы скорее
склонны предположить, что все портативные микрофоны и магнитофо-
ны были образцами нового товара, который Руби посоветовали пред-
ложить его старым заказчикам — кубинским коммунистам. Ведь их
больше не интересовали джипы и ружья (после победы им достались ар-
сеналы Батисты), но их очень и очень интересовала электроника, при
помощи которой можно было следить за собственными гражданами
и которую жаждали также заполучить их московские покровители.
Видимо, платили они неплохо, если Руби понадобилось завести сейф
в банке.

Судя по сохранившимся записям в банковских книгах, с мая по
июль 1959 года он пользовался ящиком 6 раз. Этим же летом он был
замечен в ресторане с братьями Фокс — владельцами игорных домов
и торговцами наркотиками, недавно бежавшими из Гаваны. Крупный

9

мафиозо Сантос Трафиканте сознался в 1978 году Комитету Стокса, что, будучи еще на Кубе, братья Фокс делали все возможное, чтобы вызвать его из концлагеря Трескорния. Тем же летом Руби пересылает с общей знакомой шифрованную записку своему приятелю Маквилли, предупреждая, что он собирается посетить Кубу в ближайшее время.

10

Маквилли впоследствии подтвердил, что Руби посетил его на Кубе по его приглашению, провел неделю, бездельничая у него в отеле Тропикана (также имевшем игорный дом), и затем вернулся в Америку. Его показания примерно совпадали с показаниями самого Руби, если не считать некоторых расхождений в датах. Но Маквилли старался точные даты не называть, а Комиссия Уоррена не сочла нужным обратить внимание на то, что в ее собственном Отчете на странице 802 датой визита назван август 1959 года, а на странице 370 — сентябрь.

11

Четырнадцать лет спустя Комитету Стокса удалось датировать визит с большей точностью. Судя по кубинской туристской карте, Руби вылетел на Кубу из Нью-Орлеана 8 августа (его подпись на карте удостоверена) и оставался там до 11 сентября. 11-го он вернулся в Америку, но тут же снова прилетел на Кубу 12 сентября и снова вылетел в Нью-Орлеан 13-го. Этот последний однодневный вояж подтвержден документами американской иммиграционной службы, но отрицается кубинцами. Первый же визит, наоборот, не имеет американского подтверждения: скорее всего для него Руби воспользовался вымышленным именем и поддельным документом.

12

Однако всплыла и другая информация, указывающая на то, что Руби уезжал с Кубы и в августе. 21 августа он воспользовался сейфом в банке (об этом есть запись в банковских документах), 31 августа встретился с агентом ФБР (Саммерс сказал бы — для получения инструкций, мы же останемся при своем — для обеспечения лазейки на случай беды), 4 сентября снова воспользовался сейфом. Таким образом совершенно ясно, что Руби и Маквилли лгали, утверждая, что поездка была однократной и длилась всего неделю. Руби прилетал на Кубу как минимум трижды: 8 августа (кубинская туристская карта), 4 или 5 сентября (есть свидетели, видевшие его в Гаване в эти дни и открытка, посланная им оттуда Элис Николс 8-го сентября), и наконец 12 сентября (американская иммиграционная служба).

13

Когда преступник старается скрыть что-то или упорно отрицает очевидные факты, для здравого смысла это является верным указателем на то, что здесь таится что-то важное. Попробуем проанализировать кубинские рейсы Руби с этой точки зрения. В сложных махинациях всегда бывает несколько участников и обычно они лгут по-разному, заботясь лишь о выгораживании самих себя. Противоречия в их лжи часто проливают свет на то, что должно было быть скрыто. В данном случае мы имеем четырех участников: Руби, Маквилли, Трафиканте

и кубинские власти.

Итак, 8 августа Руби прилетел в Гавану якобы для того, чтобы навестить дорогого друга Маквилли, который так соскучился, что прислал ему оплаченный билет. В аэропорту он был задержан таможенно-пограничной службой, но вскоре отпущен. (Не говорит ли это о том, что кто-то уже выторговал или выпросил у кубинцев разрешение на его въезд?) На Кубе он отнюдь не бездельничал. Английский журналист Вильсон еще в декабре 1963 года сообщил американскому посольству в Лондоне, что "американский гангстер по имени Руби сопровождал несколько раз человека, приносившего еду для другого гангстера по имени Сантос, с которым он, Вильсон, вместе сидел в концлагере Трескорния летом 1959 года". (Пресса к тому моменту еще ничего не сообщала о визитах Руби на Кубу, так что Вильсон не мог выдумать этот эпизод, столь точно совпавший по датам и именам с реальностью.) Сам Маквилли в 1978 году, не зная, что уже известно Комитету Стокса, а что — нет, допустил, что, может быть, он брал с собой Руби, когда навещал друзей (не Трафиканте, которого он якобы не знал) в концлагере. Трафиканте уверял, что не помнит, чтобы когда-нибудь видел Руби в лагере, но признавал, что знал Маквилли в Гаване и, возможно, видел его в лагере Трескорния.

Таким образом, после того как Руби не прилетал на Кубу 8 августа (ложь Руби и Маквилли), не посещал лагерь Трескорния и не виделся там с Трафиканте (ложь Трафиканте, опровергнутая английским журналистом и, косвенно, самим Маквилли), Трафиканте был выпущен из лагеря 18 августа (а вскоре и из страны), а Руби, не покидая Гаваны (ложь кубинских властей), посетил свой сейф в банке в Далласе 21 августа и 4 сентября 1959 года.

Куба под властью Кастро — не такая страна, границу которой американский гангстер сможет (или рискнет) пересекать в том и другом направлении без ведома властей. Пересечь же американскую границу с поддельным документом для опытного контрабандиста не составляло труда. Нет сомнения, что Руби покинул Кубу в середине августа и вернулся на нее 4-го или 5-го сентября с ведома и одобрения кубинских властей.

Доставлял ли он им при этом выкуп за Трафиканте или за других боссов мафии, выпущенных в те же недели, или новые партии подслушивающих устройств — неизвестно. Но то, что Руби очень боялся раскрытия кубинской эскапады, видно из эпизода, случившегося гораздо позже, когда он уже сидел в тюрьме, приговоренный к смерти. В припадке истерического страха он стал говорить навестившему его приятелю: "Теперь они узнают все о Кубе, все узнают про винтовки, про Новый Орлеан, узнают обо всем!.."

Не надо забывать, что все эти дела обдelyвались задолго до того, как Руби стал мировой знаменитостью. Никто из участников не думал

в 1959 году, что их операции попадут когда-то под такое пристальное расследование и не озаботились созданием гладкой версии с "документированными" алиби. Поэтому, когда грянула беда, они невольно начали выдавать друг друга.

Для Руби и Маквилли самым опасным было признать, что они имели тесную связь с боссом мафии Трафиканте и вступали в сделки с кубинскими правителями ради его освобождения из лагеря. Поэтому они готовы были признать только недельный "светский" визит Руби в Гавану с 4-го по 11-е сентября. Для кубинцев самым важным было отгородиться от Руби — участника в заговоре на жизнь президента. Не зная, что американскую границу Руби пересек под вымышленным именем и что у американцев нет документов о его вылете 8-го августа, они "любезно" показали следователям Комитета Стокса, с которыми они согласились встретиться в марте-апреле 1978 года, туристскую карту Руби. Эта карта должна была "подтвердить", что Руби не покидал Кубу в августе с ведома кубинских властей, а значит, не выполнял никаких поручений для них в Америке. Выгораживая себя, кастровцы выдавали Руби и Маквилли, называя точную дату его первого приезда в Гавану — 8 августа 1959. Однодневный же челночный рейс Гавана—Флорида—Гавана—Нью-Орлеан выглядел таким откровенно и срочно деловым, что его отрицали все, хотя сам Руби должен был догадываться, что иммиграционная служба должна знать о нем. (Видимо, в сентябре 1959-го он решил, что безопаснее будет совершить однодневный визит на Кубу 12—13 сентября под своим собственным именем, чем привлекать внимание к себе — "туристу", тут же возвращаемуся зачем-то на Кубу после месячного пребывания там.)

Комитет Стокса, между прочим, спросил у кубинцев, почему такой маловажный документ, как карта американского туриста, которые обычно просто выбрасываются, был сохранен в течение почти двадцати лет. "Потому что Руби был замешан в убийстве президента Кеннеди", — ответили кубинские чиновники. Комитет решил не смущать их и не спрашивать, зачем же карту хранили первые четыре года — с 1959 по 1963. Ибо правдивый и убедительный ответ на этот вопрос скорее всего звучал бы примерно так: "Потому что мы уже тогда завели на Руби досье как на человека, который может быть полезен в будущем".

Вся новая информация, ставшая доступной американским властям в конце 1970-х, позволяет сделать по крайней мере два очень важных вывода:

1) Руби принимал самое активное участие в освобождении за выкуп заключенного на Кубе крупного гангстера Сантоса Трафиканте, ставшего впоследствии главой мафии во Флориде.

2) Руби и его сообщники — американский преступный синдикат — уже летом 1959 года вступили в тесный и взаимовыгодный контакт с кубинскими коммунистическими правителями.

Все разговоры о том, что мафия "ненавидела" Кастро за то, что он лишил ее огромных доходов от игорного бизнеса и проституции на Кубе, остаются чисто эмоциональными домыслами. Да, сначала удар был тяжелым и финансовые потери велики. Но мафия следует логике бизнеса, а не логике чувств. Как говорят гангстеры в романе "Крестный отец", всаживая пулю в грудь конкурента: "Ты уж извини, это не лично против тебя, а так — деловая необходимость".

Очень скоро выяснилось, что большой коммунистический босс, вытеснивший мелких гангстеров с Кубы, прекрасно понимает их язык, готов вести с ними дела и нуждается в них. Он был готов принимать в уплату: а) валюту; б) сложную электронную технику, которую было запрещено вывозить из Америки легальным путем; в) оружие и взрывчатку, которые следовало отправлять не на Кубу, а прямо коммунистическим повстанцам в латиноамериканские страны. Взамен же он предлагал в неограниченном количестве самый ходкий товар, белое золото — наркотики.

Статистика показывает, что уже в первые годы после прихода Кастро к власти приток наркотиков в США резко возрос. Результаты последних расследований рисуют Кубу одним из главных перевалочных пунктов. Причем контрабандой распоряжаются чиновники высокого ранга. В 1983 году перед сенатской комиссией выступал агент (спрятанный за ширмами), которому удалось проникнуть в ряды контрабандистов и быть свидетелем того, как транспортировка осуществляется на "острове свободы". Он назвал имя заместителя министра, принимавшего в уплату пачки долларов, привел и другие красочные детали. Жест Кастро, отпустившего в 1980 году десятки тысяч заключенных из тюрем прямо в Америку, по мнению многих, был продиктован необходимостью усилить контрабандную сеть в Майами, ослабленную ударами пограничной и таможенной служб, для чего достаточно было подмешать к тысячам выпускаемых сотню другую агентов.

Судя по всему, мафия, изгнанная с Кубы, очень быстро сумела компенсировать свои потери в начале шестидесятых годов. В меморандуме 1961 года Бюро по борьбе с наркотиками приводит данные о том, что Трафиканте стал главным агентом Кастро по контрабанде наркотиков в Америку. (Подробнее об этом см. стр. 256—57.)

Пошли на поправку дела и у Джека Руби. После удачной кубинской операции уже в конце 1959 года он смог вложить 6000 долларов и стать совладельцем клуба "Соверен" в центре Далласа. Доход, объявленный им в налоговой декларации, подскочил с 3274 долларов в 1958 до 14 060 в 1959 году. (В 4 раза!) В следующем году он выжил партнера и стал полным владельцем клуба, переименовав его в "Карусель". Сестра Ева вернулась из Калифорнии к преуспевшему брату, и он сделал ее управляющей другим своим притоном под названием "Вегас".

Казалось бы, живи и наслаждайся жизнью! Что же ему не сиделось?

8. ПОСЛЕДНИЙ МЕСЯЦ НА СВОБОДЕ

О Джеке Руби написано несколько книг и много статей. Ему уделено около ста страниц в Отчете комиссии Уоррена и целая глава в "Заключительном отчете" Комитета Стокса. Последние четыре года в Далласе накануне ареста изучены и расследованы весьма скрупулезно. Из всех этих описаний вырастает облик темного дельца, наиболее характерными чертами жизни которого были: а) вечные финансовые трудности и категорическое нежелание пользоваться банком для ведения дел (только наличными, из кармана в карман); б) регулярные и жестокие избиения служащих, посетителей клуба, даже собственных родственников; в) участие в темных полузаконных аферах; г) полная безнаказанность благодаря тесным дружеским связям с Далласской полицией.

Последнее обстоятельство выступает в свидетельских показаниях особенно настойчиво. Официанткам в "Карусели" и "Вегасе" было приказано бесплатно или с большой скидкой подавать полицейским что бы они ни пожелали, включая крепкие напитки, в любое время дня. Есть свидетельства, что стражи закона имели к своим услугам также и дам в клубах Руби. Когда одна танцовщица хотела пожаловаться на побои, представитель профсоюза эстрадников Долан (гангстер, подручный Трафиканте) отсоветовал ей, сказав: "Руби имеет столько материала на Далласскую полицию, что она и не подумает обратить внимание на такую пустяковую жалобу". Однажды он избил своего служащего в соседнем баре кастетом так сильно, что свидетели вызвали полицейских; те приехали и арестовали и з б и т о г о. Всего за время пребывания в Далласе Руби арестовывали 8 раз (из них два раза — за незаконное ношение оружия). Шесть раз обвинения снимались, два раза он заплатил пустяковый штраф.

Руби жульничал с зарплатой служащих, с пенсионными фондами, продавал спиртное в неположенное время, подсиживал конкурентов, участвовал в аферах, связанных с игорным бизнесом. Но несмотря на все эти ухищрения, финансовые дела его шли хуже и хуже.

Во-первых, у него явно не было никаких способностей к честному бизнесу.

Во-вторых, он, судя по всему, просаживал деньги на скачках и тотализаторе.

В-третьих, налоговое управление обнаружило его жульнические махинации и грозило взыскать многолетнюю задолженность, которая к лету 1963 года перевалила за 40 тысяч долларов. Он также должен был

своим родственникам около двадцати тысяч и, возможно, столько же своему приятелю и финансисту Ральфу Поллю, который после ареста Руби получил "Карусель" в свою собственность.

Таково было состояние дел этого "деревенского простака", столь полюбившегося адвокату-миллионеру Мелвину Беллау, роковой осенью 1963 года. Тем больший интерес могут вызвать свидетельства, указывающие на резкое изменение его настроения и его планов, наступившее в октябре-ноябре.

21 октября Руби расспрашивает специалистов-полицейских, где лучше всего установить сейф в его клубе.

22 октября он отправляется с проектировщиком осматривать место для покупки участка под новый клуб на Мэйпл-стрит.

На следующий день он там же — с агентом по продаже недвижимости.

1-го ноября он заказывает листовки, рекламирующие его новый бизнес — распространение специальных гимнастических досок. (Следствию не удалось обнаружить налаженного массового производства этих досок, и было высказано мнение, что весь "бизнес" был изобретен для объяснения неожиданного скачка доходов, ожидавшихся в ближайшем будущем, и что была произведена всего одна доска — та самая, которую Руби демонстрировал всем знакомым.) В тот же день Руби помещает объявление в газете: "Ищу партнера для открытия дорогого ресторана в Далласе".

7 ноября он — впервые за 16 лет в Далласе — арендует почтовый ящик. Когда ящик вскрыли после ареста Руби, в нем не было ничего, кроме тонкого слоя пыли. Зато выяснилось, что в том же отделении за неделю до Руби другой почтовый ящик был арендован Ли Харви Освальдом.

8 ноября Руби действительно покупает большой сейф, который устанавливает в "Карусели".

12—13 ноября Руби проводит время с двумя старыми приятелями по чикагским временам, которых не видел с 1947 года и которые "случайно" заскочили в Даллас. Поль Роуланд Джонс описан выше на страницах 44—45. Алекс Грубер не имел такого внушительного "послужного списка", но тоже был тесно связан с профсоюзами сборщиков металлолома, захваченными мафией. Где-то в эти же дни Руби звонит в Чикаго Патрику Леонарду — осужденному за ограбление банка, арестовывавшемуся несколько раз по подозрению в убийствах.

16—17 ноября Руби совершил секретную поездку в Лас-Вегас к старому другу Маквилли (которую тот, конечно же, решительно отрицал впоследствии).

18 ноября он обсуждает планы открытия ресторана с миссис Чик. (Сестра этой дамы была управляющей в доме, где в это время снимал комнату Освальд.)

19 ноября Руби заявил своему поверенному, ведавшему его

налоговыми делами, что нашелся источник, который даст ему возможность покрыть задолженность и что тот может сообщить об этом налоговому управлению. Больше того: он подписывает (впервые в жизни) соответствующую доверенность, облакающую поверенного правом распоряжаться его деньгами.

16

20 ноября он снова обсуждает планы открытия ресторана со старым приятелем из Чикаго.

17

Наконец, 22 ноября, уже в день убийства президента, он появляется в банке, и служащий, с которым он разговаривал, показал впоследствии, что Руби имел при себе 7000 долларов наличными.

18

Анализ ведомостей телефонной компании, проведенный Комитетом Стокса, подтвердил это усиление "деловой активности" Руби. Летом 1963 года число междугородних разговоров колеблется без больших отклонений на уровне 25—35 в месяц. Странными выглядят лишь ш е с т ь звонков другу Маквилли в Лас-Вегас, сделанные в сентябре. В октябре число звонков подскакивает до 75, а за первые три недели ноября — до 96! Среди них подавляющее большинство — звонки различным фигурам преступного мира в Чикаго, Лос-Анжелесе, Нью-Орлеане.

19

Все это не оставляет сомнений: большие дела заваривались вокруг Джека Руби, большая добыча плыла ему в руки накануне визита президента Кеннеди в Даллас, обсуждение которого пресса начала с середины сентября.

20

Дел стало вдруг так много, что Руби пускается еще на одно новшество: 1 ноября он поселяет в своей квартире Джорджа Сенатора, а в "Карусели" — уборщика Ларри Крауфорда, которого он только что нанял. Оба были нищими, полностью зависящими от Руби людьми, с одним лишь достоинством — за ними не числилось уголовных преступлений. С какой целью Руби дал им приют? Отвечать круглосуточно на телефонные звонки? Обеспечить ему алиби в случае какой-то беды?

21

Если последнее было главной целью, то в Джордже Сенаторе он не ошибся (см. выше стр. 35). Крауфорд же, который был совсем молодым пареньком, видимо, не выдержал нервного напряжения. Еще за несколько дней до визита президента в Даллас он говорил о том, что ему надо "убираться из "Карусели", хоть он и не знает, где взять денег на это, но надо убираться". (Его слова припомнила Маленькая Линн-Карлин.) Утром же на следующий день после убийства президента он просто убежал без оглядки, не сказав никому ни слова, имея семь долларов в кармане. Голосуя на дорогах, он ехал и ехал на север, пока не добрался до родственников в глуши Мичигана. ФБР с трудом отыскало его там.

22

Подойдя вплотную к анализу роковых дней, мы должны еще раз напомнить себе: информация об этих днях поступала либо от самого Руби и его близких (сестра Ева, сожитель Сенатор, брат Эрл, приятель

Ральф Поль) — и здесь нам будут интересны лишь приоткрывающие правду противоречия, несообразности, явная ложь, умолчания; либо от рядовых людей, связанных с ним, которые только что увидели на примере Освальда, что опасных свидетелей убивают и вся полиция Далласа не в силах защитить их; либо от людей посторонних, ничего не знавших о тайных связях Руби, не ощущавших прямой угрозы, не понимавших, что может быть опасным для него и его сообщников, и поэтому простодушно говоривших то, что они знали. Показания последних, хотя и не самые интересные порой, во всяком случае, заслуживают наибольшего доверия.

Вечером 21-го ноября Руби смог уделить своему клубу "Карусель" всего час-полтора. До этого он обедал с Ральфом Полем в "Египетском ресторане", принадлежавшем его приятелям, братьям Камписи — главным помощникам лидера Далласской мафии, Джозефа Сивелло. Из "Карусели" он отправился около полуночи в "Кабана-мотель" повидать своего чикагского приятеля Лоуренса Мейерса. По странному "совпадению" в тот же день в "Кабана-мотеле" зарегистрировались два известных афериста из Лос-Анджелеса — Юджин Брадинг и Морган Браун. Окно их комнаты выходило на Стимонс-фривэй, по которому на следующий день должен был проехать президент. Они собирались пробыть до 24-го, но, по неизвестным причинам, выписались из мотеля на следующий день в 2 часа дня (то есть через полтора часа после убийства президента). Брадинг был на короткое время задержан полицией на Дейли-плаза через несколько минут после того, как там прозвучали выстрелы, убившие президента Кеннеди, но ему удалось скрыть свое настоящее имя (он представил в качестве документа кредитную карточку на имя Джима Брадена), и то, что он осужденный преступник, находящийся под условным приговором и обязанный отмечаться в полиции. Оба афериста покинули Даллас на поджидавшем их частном самолете.

В своих показаниях ФБР Руби предпочел не упоминать ни "Египетский ресторан", ни визит в "Кабана-мотель". Но неделю спустя после ареста он отправил через шерифа послание Джозефу Сивелло с просьбой навестить его в тюрьме. И крупный мафиозный босс не считал возможным отказать ему — явился, захватив даже жену, и разговаривал около полчаса.

9. РУБИ В ПЯТНИЦУ, 22 НОЯБРЯ 1963

Все детали убийства разрабатываются специалистом и после этого обычно поступают на одобрение руководящего комитета... В планировании важно участие человека, знающего законы. Хороший адвокат может снабдить каждого участника правдоподобным объяснением причин, по которым он оказался в данное время в данном месте. Убийство планируется с мыслью о возможности ареста. В этом случае участник преступления должен иметь алиби, заготовленное заранее.

Винсент Фуриэль. "Организованная преступность".

Утром в "Даллас-Морнинг-Ньюс"

Три момента показались сотрудникам газеты необычными в поведении Руби в тот день: он явился в о в р е м я с объявлением о своих клубах для субботнего и воскресного выпусков газеты; он уплатил прежние долги; он вдруг заговорил о политике. Его глубоко возмутила прокламация, напечатанная на 14-ой странице в виде платного объявления в траурной рамке, с длинным списком издательских и гневных вопросов к президенту Кеннеди. Особенную тревогу у него вызывала подпись под объявлением: Бернард Вейсман. Кто такой этот Вейсман? Как он смеет бросать такие обвинения в адрес президента? Не нарочно ли враги правительства выдумали и поставили еврейское имя под таким мерзким документом?

Деловая часть визита могла быть закончена в пять минут. Но Руби продолжал шататься по редакции, приставал к сотрудникам с пустыми разговорами, ругал прокламацию. Все должны были видеть, где провел утро владелец "Карусели" и как патриотично он был настроен. То, что любимый президент как раз проезжал в нескольких кварталах и будущий "мститель" мог бы вполне пойти хотя бы взглянуть на него, конечно, несколько разрушало убедительность роли. Но тут уж ничего не поделаешь: алиби было важнее.

И все же, когда в 12.40 прилетела страшная весть, он не смог скрыть испуга. Сотрудник отдела рекламы показал потом, что посреди наступившего смятения и шума Руби поразил его окаменелой позой и бледностью. Может быть, он до последнего момента не верил, что заговор сработает? Или ждал, что убийцы ограничатся губернатором Коннэлли? (Далее будут рассмотрены свидетельства, указывающие на то, что Освальд воображал, будто покушение планируется только на губернатора.)

Но через минуту Руби уже пришел в себя и присоединился к общей панике и суете. Он даже позвонил сестре Еве, сообщил ей новости.

Ева начала плакать. Руби не мог пропустить такой момент: он подождал пробежавшего сотрудника и дал ему послушать, как плачет убитая горем сестра.

5

Но сотруднику было некогда — телефоны звонили не умолкая. Читатели засыпали редакцию вопросами, торговцы и предприниматели снимали свои объявления. Последнее произвело на Руби сильное впечатление: тема "закрывать или не закрывать мои клубы по поводу траура?" стоит поводом для разговора с разными людьми, а в будущем — объяснением множества телефонных звонков, которые он лихорадочно делал в течение последующих часов.

Паркландская больница

Свидетели показали, что Руби оставил редакцию в 1.10. Бармен в "Карусели" заявил, что Руби прибыл в клуб в 1.45 или в 1.50 и сразу распорядился позвонить Маленькой Линн, чтобы она не приезжала вечером. (Ведомости телефонной компании подтверждают этот звонок, но не говорят, звонил ли сам Руби или бармен, которому Руби мог отдать распоряжение о звонке, позвонив из города.) Где он провел выпадающие полчаса?

6

Журналист Зев Кантор уверял, что встретил Руби в 1.30 в Паркландской больнице, куда был доставлен смертельно раненый президент. Руби остановил журналиста, назвал себя, напомнил о прежних встречах год назад, пожал руку, спросил, следует ли ему закрыть клубы в связи с происшедшим. У Кантора не было никаких сомнений, что это был Руби, и ему не было никакой корысти выдумывать историю. Еще одна свидетельница показала, что видела Руби там же в то же время. Но Руби категорически отрицал этот визит.

7

Спрашивается — почему?

Ведь внешне поступок вполне укладывался в роль мечущегося, убитого горем поклонника президента, жаждущего узнать новости о его здоровье. И Руби не просто попался Кантору на глаза — он сам остановил пробегающего журналиста, заставил обратить на себя внимание. Зачем?

Кантор в своей книге "Кто был Джек Руби?" высказывает такое предположение: утром в пятницу Руби еще не был вовлечен в заговор, его роль была навязана ему в тот же день, но позднее.

8

С этим предположением трудно согласиться. Все, что он делал в течение предыдущего месяца, исключает возможность его неучастия. Спектакль, разыгранный им в редакции "Даллас-Морнинг-Ньюс", сама тщательность, с которой он устраивал свое алиби, выдают его.

Резкая смена его поведения и категорическое отрицание впоследствии визита в больницу могут быть истолкованы иначе. В тот момент, когда он останавливал Кантора, он скорее всего знал, что где-то неподалеку его сообщники расправляются с Освальдом и был заинтересован

в обеспечении себе еще одного алиби. Но он еще не знал, что Освальд ускользнет от убийц и что ему самому придется взять на себя эту "работу". Оказавшись же в роли подсудимого, Руби был заинтересован только в одном: любой ценой скрыть свое участие в заговоре. А в этом контексте его визит в Паркландскую больницу выглядел крайне подозрительно. Ведь там на носилках впоследствии была найдена пуля с отметками, оставляемыми ружьем, из которого стрелял Освальд. Пуля выглядела такой целехонькой, что многие подозревали, что она была просто подброшена, а не выпала из раны президента. Кто же мог бы привезти ее в Паркландскую больницу и подбросить?

В "Карусели" с 1.45 до 3.15

Что бы ни говорили следователи Комиссии Уоррена, пытавшиеся дискредитировать показания Кантора, Руби имел вполне достаточно времени доехать за 15 минут от Паркландской больницы до "Карусели". Из множества телефонных звонков, которые он делает сразу по приезде, шесть — междугородних. Где-то между этими звонками он узнает еще одну важную новость.

Первое сообщение об убийстве полицейского на 10-й улице вблизи перекрестка с Паттон было сделано по телевизору в 1.30. Находясь в машине, Руби не мог его слышать. Он был уже в "Карусели", когда сообщение повторили по радио и назвали имя убитого: Типпит. Присутствовавшие при этом свидетели — Армстронг и Крауфорд — показали впоследствии, что Руби воскликнул что-то вроде: "Да я же его отлично знал". Даже назвал его по имени и по прозвищу. Тем не менее на следствии Руби отрицал свое знакомство с Типпитом, и, вопреки показаниям множества свидетелей, Комиссия Уоррена включила в отчет его версию. (Он, дескать, имел в виду другого Типпита — детектива, а не патрульного.)

Это еще один пример того, как далеко Комиссия могла пойти в отстаивании версии "заговора не было". Знакомство Типпита с Руби подтвердили по меньшей мере шесть свидетелей. Один лейтенант полиции даже высказал предположение, что Руби убил Освальда не из мести за президента, а из мести за Типпита. Сестра Руби, Ева, которая во всем старалась покрывать брата и поддерживать его вранье, не подозревая опасности в этом пункте, сказала корреспондентам, что они хорошо знали убитого, что он был постоянным посетителем их клубов, что Джек называл его "бадди". Ее историю о том, как Джек в субботу угваривал ее пойти на похороны Типпита в воскресенье, адвокаты Руби собирались использовать как доказательство его сердечной отзывчивости. Никого он не собирался убивать, а хотел тихо-мирно пойти на кладбище! Конечно, довольно странно звать прикованную к постели сестру на похороны незнакомого человека. Но все свидетельства были отвергнуты, чтобы исключить подозрительную связь Руби—Типпит.

Захваченный в кинотеатре Освальд был доставлен в полицейское управление в 2.00. Следовательно вскоре после этого момента заговорщикам стало известно, что ликвидировать Освальда не удалось, что он находится в руках полиции и, может быть, уже дает показания. В 2.37 Руби звонит в Лос-Анджелес Алексу Груберу — тому самому Груберу, который за десять дней до этого заехал "навестить" старого друга, сделав крюк в 300 миль, и провел в Далласе несколько дней. О чем говорили? О собаке, которую он обещал прислать ему, заявил Грубер, и о покупке станции для мойки машин. (Не правда ли, замечательные темы для разговора в день убийства президента.) Через две минуты после этого Руби звонит своему компаньону Ральфу Полю, с которым имел длинный разговор всего за 40 минут до этого (то есть до того, как Освальд был доставлен в полицейское управление).

15

Теперь все заинтересованные лица знают, как опасно повернулись дела в Далласе.

Где он был от 3.15 до 9.00?

Около 4.00 Руби появился в Ритц-деликатесен и купил холодных закусок на 22 доллара. В 1963 году на эту сумму семья из четырех человек могла кормиться неделю. Для кого же предназначалась эта гора провизии? Сестра Ева уверяла, что Джек купил еду по ее просьбе и что она очень ругала его, когда увидела, как несоразмерно он растратился. Напомним, что она при этом поправлялась после полостной операции, а Руби сидел на диете.

16

Известно, что отношения брата с сестрой обычно сводились к взаимному раздражению, перепалкам и побоям. Летом 1963 года в клубе "Вегас" Руби так отшвырнул сестричку, что она повредила руку и плечо, вызывала полицию, кричала "убивают". В августе, в присутствии другой сестры и ее детей, он дал Еве пощечину, вытолкал ее из машины на улицу и умчался. Адвокат Беллай вспоминает, что за все время долгого процесса он только один раз видел Руби взбешенным: когда Ева навестила его в камере.

17

18

Тем не менее, как только Руби нужно было подтверждение того, что он не был там, где его видели свидетели, прикованная к постели сестра приходила на помощь и заявляла, что брат был у нее. Примечательно, что и на операцию она легла в начале ноября по его настоянию. (Ведь находится у постели выздоравливающего родственника — о таком алиби можно только мечтать.)

19

Так, оба уверяют, что и в пятницу 22-го ноября, примерно с 5.30 до 7.30 Руби находился у сестры. Мы позволим себе отнестись к этому скептически, особенно учитывая закупленную гору деликатесов. Так как позднее Руби пытался проникать в полицейское управление и на радиостанцию в роли доброго Санта-Клауса с горой сэндвичей для усталых сотрудников, логично будет предположить, что уже и в 4.00

он хотел использовать тот же предлог. Просто в этот первый раз еда не понадобилась — его пропустили в полицейское управление и так. Как заметил впоследствии один офицер полиции, "любой полицейский, знавший Руби, выпустил бы его в управление, если бы тот только попросил об этом". 20

Пять свидетелей видели его на третьем этаже полицейского управления в различные моменты между 4.00 и 9.00. Он здоровался со знакомыми детективами, пользовался служебным телефоном, делал вид, что помогает иностранным корреспондентам в качестве переводчика, пытался войти в кабинет 317, где капитан Фриц вел допрос Освальда. 21 Комиссия Уоррена должна была потратить почти полстраницы в своем отчете, объясняя, почему всем этим свидетелям не следует верить, а надо верить Руби и его сестре. Так или иначе около 9.00 он, видимо, был уже дома, потому что оттуда снова следует серия междугородних звонков. 22

Если звонки представляли доклад о положении дел, то ясно, что новости были невеселыми: полиция вела интенсивный допрос Освальда. Получил ли Руби какие-то определенные приказы в этот момент — неясно, но, когда полтора часа спустя он снова появился на третьем этаже полицейского управления, в кармане у него был заряженный револьвер. (Так он показал на допросе в ФБР 25-го декабря 1963, хотя потом отрицал наличие оружия.) 23

Вечером в полицейском управлении

Служба в синагоге Шеарит Израиль закончилась около 10.00. Руби показался там на минуту, пожал руку ребе Сильверману, поговорил с ним о здоровье сестры, но, к удивлению ребе, ни словом не помянул убийство президента. В 10.30 Руби снова покупает еду и звонит в полицейское управление знакомому детективу, предлагая завезти сэндвичи. Детектив поблагодарил, но сказал, что они все ели и уже кончают работу. Тем не менее Руби явился в управление и постовому — на этот раз незнакомому, — остановившему его по выходе из лифта на третьем этаже, заявил, что ему поручено привезти сэндвичи радиожурналистам. Тут же он начал махать рукой проходившим знакомым полицейским, заговаривать с ними, спрашивать, не видели ли они Джо Лонга с местной радиостанции. Кто-то предложил вызвать его приятеля через репродуктор. Короче, постовой пропустил его, и Руби нырнул в толпу репортеров. 24

Вскоре после этого Освальда вывели на короткую прессконференцию. Журналисты должны были увидеть, что задержанный не подвергался в полиции избиениям, что все требования закона соблюдались. На какой-то момент Руби, по его собственным показаниям, оказался в трех шагах от задержанного. Почему он не выстрелил уже тогда?

Кантор считает, что толпа репортеров и полицейских была так густа,

что у Руби просто не было возможности подобраться достаточно близко. 36 часов спустя в подвальном гараже толпа была не меньше, но она не остановила убийцу.

25

Более вероятным кажется объяснение: в этот момент он еще надеялся, что уничтожение свидетеля будет поручено кому-то другому, выполнял роль разведчика. Убийство Освальда в стенах полицейского управления слишком ясно указало бы на наличие заговора (как это и случилось впоследствии). Решение такой важности заговорщики не могли принять очень быстро. Им нужно было время, чтобы взвесить все "за" и "против", обсудить детали.

Да и само поведение Руби в тот вечер не похоже на поведение человека, которому предстоит вот-вот поломать свою жизнь. Он суетится в толпе, раздает свои визитные карточки, зазывает журналистов в "Карусель", сводит репортеров с нужными людьми, помогает взять интервью. Он настолько увлечен потоком событий и общим возбуждением, что делает серьезную ошибку, пробалтывается второй раз за этот напряженный день.

26

После того как Освальда вырвали из-под града вопросов и фотовспышек и увели в камеру, окружной прокурор Вэйд занял его место и стал отвечать на вопросы журналистов. Да, улики против задержанного не оставляют сомнений, что он является убийцей. Да, как и положено, его перевезут в тюрьму графства в начале следующей недели. К какой организации он принадлежал? К организации "Свободная Куба".

27

В этот момент Руби, стоявший на столе в задних рядах забитого людьми зала (видеокамера запечатлела его среди прочих в этот момент), выкрикнул поправку: не "Свободная Куба", а "За справедливое отношение к Кубе". Разница, заметим, немалая, ибо первая объединяла антикастровских эмигрантов, а вторая — сторонников Кастро в Америке. Откуда хозяин ночного клуба, никогда не интересовавшийся политикой, мог знать такую деталь об Освальде, которого он, по его уверениям, никогда не встречал?

28

Оплошность или нет, но поначалу выкрикнутая поправка сослужила Руби хорошую службу. Она позволила ему протиснуться к окружному прокурору, представиться, пожать руку. На правах знакомого он подтащил его к телефону и дал возможность местной радиостанции взять у него интервью.

29

— Ну что,пустишь теперь меня с моими сэндвичами на станцию? — спросил гордый собой Руби по телефону у радиокomentатора.

30

— Я оставляю дверь открытой на пять минут, — ответил тот.

Зачем он так рвался на станцию со своими несчастными сэндвичами, которых никто не хотел? Не потому ли, что она находилась всего лишь в квартале от полицейского управления и оттуда можно было продолжать наблюдение?

31

10. РУБИ В СУББОТУ, 23 НОЯБРЯ 1963

Ночь с пятницы на субботу

Эта ночь представляется загадочной во многих отношениях.

Не подлежит сомнению, что около 2.00 ночи Руби таки оказался на радиостанции и провел там около получаса. Не подлежит сомнению, что около четырех часов он был в редакции газеты Таймс-Гералд под предлогом помещения там объявления. Около шести часов утра его могли видеть в почтовом отделении и в кафе, в отеле Сауфленд (снова в близости от полицейского управления).

Остается неясным, что он делал в промежутках между этими событиями. Его собственные показания представляют собой отчаянные попытки затыкнуть зияющие дыры: между 2.30 и 4.00, затем между 4.30 и 6.00.

Первую дыру он не мог объяснить на допросах в ФБР. Готовя хронологию своих действий вместе с командой адвокатов, он просто отправлял себя напрямик с радиостанции в редакцию газеты, относя это примерно к 2.30. Лишь много позже, когда стало ясно, что газетчики в один голос называют 4.00 как время его визита, явилось объяснение: он провел пропавшие полтора часа, сидя в машине с одной танцовщицей из своего клуба и ее приятелем, полицейским. А не говорил об этом потому, что не хотел выдавать их незаконную связь.

Снова ложь. И Гарри Олсен, и Кэй Колеман были свободны от брачных уз к тому времени. В декабре Олсен, под давлением начальства, уволился из полиции, Кэй оставила работу в "Карусели", оба поспешно уехали в Калифорнию, где и поженились. Комиссия Уоррена отыскала их в Лос-Анджелесе лишь в августе 1964. Оба подтвердили факт встречи с Руби в гараже ночью с пятницы на субботу. Олсен сказал, что разговор длился часа два-три; Кэй — что около часа. Содержание разговора? Тоже описали по-разному. Главное же, что Кэй несколько раз подчеркнула, что они старались избегать Руби и что в тот день они оба решили, что она уходит из "Карусели" немедленно. Довольно странно при этом окликать вечером проезжающего мимо хозяина. (Между прочим, смотритель гаража, в котором состоялась эта затянувшаяся встреча, заявил, что Руби не проезжал, а шел по улице пешком.)

Еще два примечательных эпизода всплывают в показаниях этих свидетелей. 7 декабря 1963 Гарри Олсен попадает в тяжелейшую автомобильную аварию: сломана нога, ключица, несколько ребер. Его невеста Кэй не остается ухаживать за ним, а тут же уезжает в Оклахома-

сити, "чтобы подзаработать денег к Рождеству". Но о судьбе этих двоих и о роли Гарри Олсена подробнее будет рассказано во Второй части, в главе 17.

Заплаты на вторую дыру (от 4.30 до 6.00) выглядят еще менее убедительными. Руби заявляет, что из редакции он вернулся домой, разбудил Сенатора и с возмущением рассказал ему, что видел большой плакат, призывающий к отставке верховного судьи Уоррена. Тут же он позвонил в клуб, поднял с постели бедолагу Ларри Крауфорда, велел ему взять полароидную камеру и быть готовым. Втроем они приехали к месту расположения плаката, сделали снимки, после чего заезжали в почтовое отделение, где пытались по номеру почтового ящика, указанному на плакате, выяснить у клерка, что за негодяй занимается такими делами. По свидетельству Сенатора, Руби заявил, что, должно быть, "за всем этим стоит общество Берча или коммунистическая партия, или комбинация того и другого".

Снимки злополучного плаката действительно были сделаны, и Руби всем их показывал на следующий день. Но он также позвонил своему приятелю на радиостанцию и спросил, кто такой Эрл Уоррен.

Сама нелепость этого последнего алиби показывает, что человеку было уже не до продумывания деталей. Еще в редакции Таймс-Геральд (в 4.00) он был весел, потешал газетчиков, показывая упражнения на гимнастической доске, которую он в то время всюду рекламировал. (Куда девалась грусть о погибшем президенте!) Но после этого никто уже не видел его смеющимся. Что-то произошло этой ночью, что вышибло из него всю веселость. Что-то произошло, чему свидетелем, возможно, был Ларри Крауфорд и что заставило его наутро бежать из Далласа без оглядки аж до самого Мичигана. Но что?

Чем ближе мы подходим к важным, узловым моментам действий Руби в эти дни, тем меньше остается свидетелей, готовых дать ясные, непротиворечивые показания. Словно густое облако наплывает на картину — исчезают линии, глухнут звуки. Все, что у нас остается, это психологический анализ той лжи, которую подсовывает сам преступник.

В данном случае предлог — срочно сфотографировать посреди ночи политический плакат, поднять ради этого с постели двух людей, которым с самого начала была отведена роль поставщиков алиби, — самой своей неубедительностью показывает: Руби был вне себя от страха. И наиболее правдоподобное объяснение этого страха: он созвонился в очередной раз с главарями заговора, и те объяснили ему, как важно было уничтожить Освальда, насколько велика его вина, а также, что уже отправлена вспомогательная команда, которой поручено уничтожить Освальда, а заодно и самого незадачливого владельца кабаре. Только теперь он понял, что ему придется ликвидировать Освальда любой ценой, а это значит, что шанса улизнуть у него не будет. Поэтому все его действия подпадут под самое пристальное расследование и

ему даже придется объяснять, где и зачем он болтался в ночь с пятницы на субботу.

Бесплодная охота днем

Действия и перемещения Руби в субботу 23 ноября также оставляют большие куски времени незаполненными. Посреди зыбкого болота дезинформации и умолчаний есть лишь несколько твердых островков.

От 1.00 до 1.30 несколько человек видели его в баре Солс-Турф в центре Далласа. Там он показывал всем фотографии плаката против судьи Уоррена, ввязывался в горячие обсуждения происшедшего, но собеседники так и не могли понять, на кого он нападает и кого защищает.

10

Около 3.00 он вертелся у места убийства Кеннеди, где также находилась тюрьма графства, куда Освальда должны были перевезти в 4.00. Там его видели и разговаривали с ним двое полицейских и журналист.

Около 5.30 он разговаривал со знакомым на углу Коммерс и Бродер.

11

Руби решительно отрицает, что заходил в этот день в здание полицейского управления. Сестра Ева невпопад называет разные отрезки времени, которые он якобы провел у нее. Нет смысла снова пункт за пунктом ловить этих двоих на вранье и противоречиях, даже невзирая на то, что Комиссия Уоррена приняла их версию. Неопровержимые показания как минимум пяти свидетелей подтверждают, что Руби почти всю оставшуюся часть дня провел именно там. Он опять совался ко всем с сэндвичами, опять навязывал свои услуги журналистам, предлагая свести их с разными чинами полиции и прокуратуры. Даже находясь на улице, он время от времени подбегал к фургону телевизионщиков, отодвигал занавеску и пытался разглядеть на экране внутреннего монитора, что происходило на третьем этаже. Некоторое время спустя телемеханики могли увидеть "пронирю" (так они прозвали Руби) на своем экране уже у кабинета окружного прокурора внутри здания.

12

Неудивительно, что все эти показания поступали только от журналистов. Какой же полицейский мог сознаться, что он видел будущего убийцу Освальда в коридоре накануне и не потребовал от него объяснений, что он там делал? И все же один нашелся: шеф полиции Джесси Карри. "Неопровержимо установлено, — заявил он тринадцать лет спустя, — что Руби появился в полицейском управлении днем в пятницу и провел там много времени, начиная с... дня убийства президента и кончая воскресеньем, когда он застрелил Освальда".

13

Перевозка Освальда, объявленная на 4.00, снова была отложена. Капитан Фриц продолжал допрос задержанного, хотя ему уже стало ясно, что тот не сознается ни в убийстве президента, ни в убийстве полицейского Типпита. Только в 8.15 шеф Карри вышел в коридор.

Журналисты обступили его так тесно, что одному не осталось ничего иного, как пристроить блокнот на правой лопатке начальника полиции. Было официально объявлено, что перевозка состоится на следующий день в 10 утра.

14

Вечером в субботу

Только после этого усталый Руби смог вернуться домой, придти в себя после дня бесплодной охоты. Его "большая дичь", которая была так близко накануне, сегодня не появилась ни разу. Но что могли означать эти бесконечные допросы Освальда в здании полицейского управления? Только то, что задержанный г о в о р и л.

Нет, откладывать больше было нельзя. Завтра — последний день. Проникнуть в управление не составит труда. За два дня он так там примелькался, что никому не придет в голову остановить его. Оставалось обдумать другое: как планировать защиту на суде? Как представить присяжным свой акт непредумышленным убийством, совершенным в порыве благородного гнева? Избежать ареста и суда — на это надежды уже не оставалось.

В это время (примерно в 9.30) и раздался звонок Маленькой Линн. Взбешенный Руби обругал последними словами танцовщицу, посмевавшую в та к о й д е н ь попросить причитавшуюся ей зарплату, и велел ждать в клубе. Потом вернулся к своим лихорадочным размышлениям.

15

Вряд ли он был один в этот момент. И вряд ли Сенатор, который (по его показаниям) вернулся лишь к 10.30, мог ему помочь. Для обдумывания дел судебных нужен был специалист. А уж кто мог быть вернее и изобретательнее, чем прожженный Том Ховард, его адвокат? И кто мог быть более заинтересован в том, чтобы его постоянный клиент превратился из владельца захудалого притона в убийцу с мировой славой, вынес бы и его вместе с собой под юпитеры и под золотой дождь громкого процесса? Судя по тому, как вовремя Том Ховард появился на следующий день у места драмы (за минуту!), он принимал участие в планировании.

16

Позднее Руби сознался, что идею сострадания к миссис Кеннеди и ее детям подsunул ему Том Ховард. Думается, и повод отправиться назавтра в город был изобретен им же. Вряд ли Руби мог додуматься до такого самостоятельно. Только опытный адвокат, знающий, как смягчать сердца присяжных, мог так быстро подхватить и развить потенциальные возможности, таившиеся в неожиданном звонке Маленькой Линн. Именно поэтому ей час спустя были даны инструкции как бы перенести свою просьбу о деньгах на завтра и позвонить утром. Почему деньги не были даны тут же? Почему не сказать механику гаража, из которого она звонила, чтобы ссудил ей не 5, а 25 долларов? Неважно, никто об этом не спросит. Главное выстроить сюжет —

17

заботливый антрепренер спешит на помощь своей танцовщице, не имея ничего худого на уме.

После того, как сценарий был состряпан, начинается град последних звонков. В 10.44 — Ральфу Полку из квартиры сестры Евы. Ему же из “Карусели” — в 11.18, в 11.36 и в 11.47. Оттуда же он несколько раз пытался дозвониться своему приятелю Бреку Уоллу в Гальвестон. Любопытно, что именно в тот момент, когда Уолл добрался до Гальвестона из Далласа и Руби дозвонился ему, туда же прибыл вместе с двумя вооруженными приятелями и некто Дэвид Ферри — подручный босса ново-орлеанской мафии, имевший связи с Освальдом в Новом Орлеане за два месяца до этого. Наконец, в какой-то момент — пятнадцатиминутный разговор все с тем же Лоуренсом Мейерсом, все еще находящимся в Кабана-мотеле. Неизвестно, о чем они говорили, но Мейерс счел благоразумным покинуть Даллас на первую половину воскресенья и отправиться за 60 миль в городок Шерман поиграть в гольф.

Отдача последних распоряжений затянулась за полночь. Руби не забывает даже заскочить в Николс-гараж и вернуть дежурному механику пять долларов, которые тот по его распоряжению только что ссудил Маленькой Линн. Ведь неизвестно, когда еще владелец “Карусели” сможет вернуться к своей налаженной привычной жизни.

Вернуться ему было не суждено.

11. РАССЛЕДОВАНИЕ

По отношению к Далласской полиции у меня всегда было чувство, что они будут врать нам обо всем, что может поставить их в неловкое положение или бросить тень на них. Никакого сомнения в этом.

Берт Гриффин. (В интервью, данном Зеву Кантору)

Проникновение Руби в гараж подробно разобрано выше, в главах 4 и 5. Теперь пришло время рассмотреть, кто, как и по каким мотивам пытался исказить реальную картину случившегося.

От момента ареста в 11.21 до примерно 12.00 три детектива находились вместе с Руби почти неотлучно: Арчер, Кларди, Макмиллан. Они присутствовали при обыске в тюрьме, перебрасывались с задержанным замечаниями. В 12.00, по поручению шефа полиции Карри, сержант Дин привел агента Секретной службы Соррелса, который задал Руби несколько элементарных вопросов (имя? происхождение? род занятий? мотивы?) и ушел, чтобы доложить о случившемся своему начальству в Вашингтоне. Дин тоже ушел почти одновременно с Соррелем.

В 12.40 появился агент ФБР Рэй Холл. Он вел допрос задержанного до 3.15. Был короткий промежуток (с 1.56 до 2.02), когда Руби позволили встретиться с адвокатом Томом Ховардом. В 3.15 его отвели на допрос к капитану Фрицу.

Шеф Карри приказал всем своим подчиненным описать случившееся, не сверяясь друг с другом, и подать ему отчеты в тот же день. Ни один из трех детективов не включил в свой отчет упоминания о том, что Руби был спрошен о способе проникновения в гараж. Только сержант Дин в отчете, написанном два дня спустя, заявил, что он спросил Руби об этом в присутствии агента Соррелса и получил ответ: спустился через северный въезд.

Соррелс был изумлен. Ни в памяти его, ни в заметках, которые он делал по ходу разговора, такой вопрос (весьма немаловажный) не сохранился. Однако и три детектива с запозданием почти в неделю стали утверждать, что вопрос был задан и Руби ответил на него.

В других обстоятельствах было бы логично допустить, что четверо правы, а один ошибается. Здесь же слишком настойчиво выпирает тот факт, что этот один не отвечал за безопасность Освальда, а те четверо проворонили убийцу. Мало того. Час спустя после ухода Дина и Соррелса агент ФБР Холл задал задержанному тот же вопрос. Руби заявил, что вошел со стороны Мэйн-стрит и отказался вдаваться в подробности (через въезд в гараж? или через двери в главный вестибюль?). Казалось бы, детективы, честно выполняющие свой долг

должны были бы вмешаться тут и заявить агенту правительственного учреждения, что час назад задержанный назвал северный въезд местом входа. Ни один из них не открыл рта.

Лишь после короткой встречи с адвокатом Томом Ховардом в 2 часа Руби узнал, как ему следует отвечать на этот вопрос. Впервые он попытался пустить в ход подброшенную ему версию в разговоре с капитаном Фрицем в 3.15. На что капитан Фриц заявил ему:

— Не мог ты войти через северный въезд. Там один полицейский стоял наверху, другой внизу.

Капитан ошибался — внизу постового не было. Но Руби не мог этого знать. Чувствуя, что версия, подброшенная ему, еще слишком сыра, Руби в дальнейшем отказался отвечать на вопрос о входе. В течение месяца он упрямо держался этой политики на множестве допросов. "Это составная часть моей защиты на суде, и я не хочу раскрывать ее до времени", — говорил он. Лишь месяц спустя, после долгой подготовки с командой своих адвокатов, отвечая агентам ФБР на допросе 25 декабря, он вернулся к своей легенде. Но и тут, как было указано выше на странице 27, продемонстрировал неважное знание урока. (Не знал, сколько человек было в машине Пирса, в какую сторону она поехала, сколько человек стояло у входа.)

С первого же дня версию входа через северный въезд усиленно развивала пресса. Откуда же она взяла ее? Одни журналисты ссылались на сержанта Дина, который заявил им через несколько минут после убийства, что сам видел Руби, спускающимся по въезду к толпе внизу. (Дин впоследствии отчаянно отрицал это, говорил, что журналисты исказили его заявление.) Другим ее подсовывал адвокат Том Ховард. Журналист О'Лири показал, что Ховард рассказал им о входе через северный въезд чуть не в первый день со всеми подробностями: телеграфное отделение, 25-долларовый перевод, проходит мимо двух заболтавшихся полицейских.

Окончательную отделку версия получила в викенд 30 ноября — 1 декабря, когда все заинтересованные имели возможность обдумать и обсудить детали. Начиная с 1 декабря показания шестерых полицейских (Кларди, Макмиллан, Арчер, Дин, Ньюман, Крой) делают крутой поворот, после которого вход через северный въезд принимается как непреложная истина полицией, ФБР, судом и впоследствии — Комиссией Уоррена.

Примечательно, что этот вердикт по сути объявлял полицейского Вона, охранявшего северный въезд, виновным в непростительной небрежности. Казалось бы, такой проступок должен был повлечь самые тяжелые последствия. Однако этот якобы главный виновник случившегося не получил даже выговора. Правда, коэффициент надежности Вона (показатель, оценивающий исполнительность полицейских) был снижен с 90 до 86. Но когда он, не чувствуя за собой никакой вины

(см. выше, стр. 26), пошел выяснять в чем дело, ему объяснили, что снижение проведено по другой причине, а именно: за полтора часа до выстрела Руби он впустил в гараж механика Тома Кэбота.

13

Механик этот был на жалованьи у городского управления, постоянно обслуживал машины в гараже. Он подъехал к въезду в полицейской машине, объяснил Вону, который его отлично знал, что ему нужно переговорить с сержантом Дином, и через три минуты уехал. За что же тут наказывать? Скорее всего таким полувзысканием за полуvinу полицейское начальство хотело показать, что проступок не прошел незамеченным. На самом же деле оно тем самым лишь молчаливо признало, что само не верило в версию входа через северный въезд, а поддерживало ее лишь для защиты чести мундира.

Много любопытного содержится в показаниях телережиссера Джими Тернера — начальника тех двух операторов, которые в последний момент привезли камеру с третьего этажа и, затесавшись между которыми, Руби проник в гараж. Отвечая на вопросы следователя Комиссии Уоррена, Тернер заявил, что видел Руби спускающимся по северному въезду секунд за 30 до выстрела. Но, описывая внешность виденного им человека, он упомянул пальто и огромную, бросающуюся в глаза шляпу, какие носят на среднем Западе.

14

Миллионы телезрителей во всей Америке знали, что Руби в момент убийства был одет в темный костюм и обычную шляпу с узкими полями. Снимок момента убийства был воспроизведен в тысячах книг, газет и журналов. За четыре месяца (Тернер давал показания в марте 1964-го) этот снимок должен был попасться на глаза каждому взрослому американцу, не говоря уже о свидетеле, которому предстояло давать показания. Следователь Хуберт, помогая, спрашивает:

— Шляпа с узкими полями?

— Нет, — твердо отвечает свидетель. — С широкими. И человек выглядел гораздо крупнее, чем Руби, каким я его увидел на суде.

15

Спрашивается: зачем Тернеру понадобилось давать заведомо неправильное описание внешности убийцы? Если он действительно видел кого-то в пальто и тeхасской шляпе (журналист Хуффакер был одет так и стоял неподалеку), он должен был бы признать, что этот человек не мог быть мистером Руби и его первое впечатление было ошибочным. Если же он решил врать ради выгораживания своих операторов, ему ничего не стоило сделать вранье гладким и описать внешность Руби, как она запечатлелась на знаменитой фотографии.

Я вижу здесь лишь одно возможное объяснение: он хотел дать следователям знак, что показания его ложны и даются под угрозами. Формально выполняя требование заговорщиков подтвердить вход через северный въезд, он нашел способ — либо под давлением совести, либо из страха наказания за лжесвидетельство — дискредитировать собственный рассказ.

Так или иначе, эта явная ложь ставит под сомнение и его заверения в том, что он был третьим у телекамеры в момент ее продвижения через двойные двери (см. выше, стр. 42). Тем более, что и здесь он путается: не помнит, кто из двух операторов был в середине, кто слева (сам он, якобы, подошел к камере справа); невнятно объясняет, в какой момент он достиг движущейся камеры — до или после ее прохождения через двойные двери.

Несмотря на то, что версия проникновения убийцы через северный въезд совместными усилиями полиции, прессы и адвокатов Руби была утверждена в правах, действия отдельных полицейских многим официальным и неофициальным исследователям казались весьма подозрительными. То, что некоторые из них лгали, не оставляло сомнений. Вопрос был только в том, лгали они для сокрытия своего ротозейства или для сокрытия своего соучастия в заговоре.

Очень подозрительно вел себя старинный приятель Руби, полицейский Уильям Гаррисон. Перед перевозкой Освальда он оставил своих сослуживцев и один спустился в подвальную раздевалку якобы для того, чтобы купить в автомате сигар. На телевизионной ленте Руби виден перед самой атакой стоящим за спиной Гаррисона. На суд он не был приглашен ни обвинением, ни защитой — видимо, не казался надежным свидетелем. На допрос в Комиссию Уоррена явился (один из немногих свидетелей) с адвокатом. Испытание на детекторе лжи провалил.

Отвечая на вопросы лейтенанта Ревилла неделю спустя после совершенного им убийства, Руби потерял самообладание только один раз: когда его спросили о Гаррисоне. Он обозвал лейтенанта кровопийцей, который будет только рад, если сослуживец потеряет работу.

И все же справедливо задать себе вопрос: если бы, покупая сигары, Гаррисон столкнулся с Руби или наткнулся бы на него раньше, на третьем этаже, или узнал его в гараже за две минуты до вывода Освальда, — сознался бы он в этом после того, что произошло? И, утаив факт встречи, не нервничал бы точно так же, как он нервничал во время допроса в Комиссии? Недаром приведенный им адвокат в конце допроса включает в разговор с уточняющими вопросами, смысл которых: "Мистер Гаррисон, вы знали, что благодаря принятым мерам безопасности никто из посторонних не мог проникнуть в гараж и, если бы вы увидели постороннего, вы были бы крайне удивлены?" — "Безусловно", — отвечает Гаррисон.

Лейтенант Батлер тоже находился в гараже в момент убийства Освальда. Журналист Вальдо показал, что обычно очень спокойный и выдержанный лейтенант за несколько минут до выстрела был непохож на себя: губы его дрожали, он постоянно озирался, говорил невпопад. Тринадцать лет спустя в разговоре с Зевом Кантором Батлер признал,

что он сильно нервничал в тот момент, но объяснил это тем, что его тревожила плохая подготовка к перевозке задержанного.

Кантор с трудом сумел отыскать 69-летнего полицейского, ушедшего на пенсию и живущего в деревенской глуши.

Его телефон не числился в справочнике; на почтовом ящике не было имени. Вокруг двора — ограда, калитка — на замке; стая собак внутри своим злобным видом подтверждала серьезность предупредительной таблички снаружи. Отыскать его адрес мне удалось только через налоговое управление... Местоположение дома на дороге номер 2 указал почтальон.

20

У Батлера были основания превращать свой дом в крепость. Его специальностью была борьба с организованной преступностью, и он слишком хорошо знал методы и нравы этих людей. Одним из членов синдиката, отправленным им в свое время за решетку, был приятель и сообщник Руби, Поль Роуланд Джонс. Выше, на страницах 44—45, рассказано, как Джонс пытался подкупить новоизбранного шерифа Гутри. Дополнительная деталь: с предложением взятки преступники обратились к шерифу не через кого-то из его помощников, а через лейтенанта полиции Батлера, которого хорошо знали.

Замешанность Руби в той старинной истории (1946—47) стала предметом напряженной дискуссии и при первом расследовании (Комиссия Уоррена), и при втором (Комитет Стокса). Гутри заявил, что при переговорах именно Руби упоминался много раз как человек, который будет заведывать рестораном, прикрывающим деятельность мафии. Два репортера уголовной хроники тоже подтвердили, что слышали об этом. Причем, один — от самого Батлера. Сам Батлер, Джонс и Руби категорически отрицали эту связь. На сохранившихся записях подслушанных переговоров имя Руби не упоминается. Проблема, однако, состоит в том, что качество записей не позволяет слышать многие куски, а две пластинки из 22 вообще отсутствуют. Где же хранились эти записи? Выясняется, что дома у лейтенанта Батлера.

21

Опять встает вопрос: кому верить? Шерифу Гутри, который отказался от взятки в 150 тысяч долларов и чьи показания подтверждены двумя репортерами; или лейтенанту Батлеру, который был избран синдикатом в качестве посредника для предложения о взятке, который так плохо хранил записи переговоров, показания которого подтверждены только показаниями уголовных преступников и который был вне себя от страха за минуту до вывода Освальда в гараж? И Комиссия Уоррена, и Комитет Стокса пришли к заключению, что Гутри ошибался и Руби не был вовлечен в попытку чикагской мафии захватить Даллас. Непонятно при этом, как же ему удалось обосноваться там и уже в первые месяцы приобрести такое влияние, что он смог вызволить сестру из тюрьмы?

22

Когда случаются большие катастрофы, которые, казалось, легко можно было предотвратить, у людей невольно начинают шевелиться мысли о сознательной замешанности представителей власти. Огромный японский флот двигался в направлении Перл-Харбора одиннадцать дней и не был обнаружен американской разведкой. Поднявшиеся с авианосцев бомбардировщики летели до цели два часа и тоже не были вовремя замечены ни патрульными американскими судами, ни патрульными самолетами. Да и патрулировал ли кто-то в те утренние воскресные часы? То, что японская армада могла подкрасться незамеченной, кажется настолько невероятным, что недавно возникли теории, утверждающие, будто Рузвельт получил сообщение от такого-то разведывательного самолета, но нарочно скрыл его, чтобы дать японцам нанести удар и сделать войну неизбежной.

Я не удивлюсь, если возникнут теории, объясняющие гибель двухсот морских пехотинцев, взорванных в казармах в Бейруте осенью 1983 года, намеренной небрежностью командиров: они, мол, знали о возможности атаки и специально не приняли мер, чтобы получить повод остаться в Ливане. И найдутся люди, которые поверят этому бреду.

Да, действительно, все эти несчастья несложно было предотвратить. Командующий военно-морскими силами в Перл-Харборе должен был приказать, чтобы хотя бы треть личного состава оставалась на боевых постах у зенитных орудий и в кабинах истребителей даже в часы утренней молитвы по воскресеньям. Шеф полиции Карри мог бы распорядиться очистить помещение управления от журналистов на время нахождения там Освальда. Командир морской пехоты в Бейруте имел все основания (особенно после взрыва американского посольства за несколько месяцев до этого) окружить казармы рвом и разрешить солдатам держать автоматы заряженными и стрелять по подозрительным машинам, не реагирующим на предупреждения.

Но сохранили бы все эти командиры свои посты, если бы они решились на столь "крутые" меры? Весьма сомнительно. Под давлением возмущенного общественного мнения они очень скоро были бы смещены. Они знали, что проявить решительность гораздо опаснее, чем допустить катастрофу. Во всяком случае, и командир морской пехоты в Бейруте, и шеф далласской полиции Карри были оставлены на своих постах несмотря на случившееся.

Если иметь все это в виду, то станет ясно, что Руби не было никакой нужды вступать в заговор с полицейскими. Ему вполне довольно было иметь их приятелями. Он болтался у них на глазах по коридорам управления в пятницу, болтался и в субботу. С чего мы должны думать, что кому-то из них пришло бы в голову остановить его в воскресенье и потребовать объяснений? Он был с в о й.

При всем вышесказанном, остается один полицейский, в поведении которого цепь подозрительных действий выглядит трудно объяснимой простым желанием покрыть свои оплошности. Сержант Дин, по его словам, вернулся в Даллас в пятницу 22-го ноября, почти одновременно с приездом президента. Он якобы охотился на оленей на юге Техаса. Следователь не спросил его, и он не стал объяснять, зачем он вернулся из увлекательной поездки, когда у него было еще два свободных дня — пятница и суббота.

23

На службу он пришел в воскресенье в 7 утра. Ему было поручено обеспечить проверку и охрану гаража, и впоследствии он дал довольно сбивчивые показания о двери, ведущей из гаража в соседнее здание. Вскоре после того, как схваченного Руби отправили наверх в камеру предварительного заключения, он тоже поднимается на третий этаж. Зачем? Сержант не мог внятно ответить и на этот вопрос.

24

Больше того: примерно час спустя, не получив на то никакого специального приказа, он мчится в Паркландскую больницу, куда был отвезен смертельно раненый Освальд. Там он заговаривает с матерью убитого, заходит вместе с ней освидетельствовать тело. Все это происходит якобы под воздействием необъяснимого порыва.

25

Письменные доклады Дина о случившемся тоже изобилуют трудно объяснимыми противоречиями. Если собрать воедино все его изложения, картина складывается такая: он сказал радио- и тележурналистам сразу после выстрела, что видел Руби спускающимся по северному въезду, а лейтенанту Пирсу около 2.30 — что Руби назвал северный въезд местом своего входа в разговор с ним, сержантом Дином. От своего заявления журналистам он отрекся, но что было делать с лейтенантом Пирсом, который помнил сказанные ему слова? Дину нужно было любой ценой доказать, что его разговор с Руби о месте входа действительно имел место. Но единственное время, когда это могло произойти — те десять-пятнадцать минут, что он был в камере Руби вместе с агентом Секретной службы Соррелсом. Соррелс с уверенностью заявлял, что при нем вопрос не был задан. Таким образом, становится ясно, что Дин распространял версию северного въезда еще до того, как он физически мог узнать о ней. То есть он знал заранее (от самого Руби, от Тома Ховарда или от кого-то другого), что такая версия будет распространяться. Следовательно, был в заговоре.

26

Правда, одно обстоятельство заслуживает внимания: во время суда показания Дина были самым мощным оружием обвинения, доказывавшего *преднамеренность* убийства, и, по мнению многих, привели к смертному приговору. Трудно представить, что он посмел бы так уверенно топить сообщника и не бояться, что тот в отчаянии выдаст его. С другой стороны, именно показания Дина о высказываниях Руби, сделанных до того, как задержанный был предупрежден о возможности использования их на суде против него, послужили защите зацепкой

27

и позволили добиться пересмотра дела, назначенного судом в 1966 году. Похоже, Руби не держал зла на сержанта — из камеры смертника он послал Дину экземпляр Отчета комиссии Уоррена с личной надписью.

28

Есть и такая возможность: участие Дина в заговоре (если таковое имело место) не было известно Руби, сержант был связан с центральными фигурами самостоятельно. Учитывая то, что профессиональные убийцы имеют обычно запасные, подстраховочные варианты, его необъяснимая поездка в больницу вслед за раненым Освальдом приобретает зловещий оттенок. Так же, как и всплывшая позднее информация: в 1958 году Дина видели обедающим с главарем Далласской мафии, Джозефом Сивелло, как раз после того, как тот вернулся со съезда руководителей синдиката в Аппалачине.

29

В мае 1964 года Дин потребовал, чтобы его испытали на детекторе лжи, и провалил испытание. В 1978 году Комитет Стокса "не смог договориться о дате взятия новых показаний у сержанта Дина, а ответить письменно на посланный список вопросов он отказался".

30

Представляется, однако, маловероятным, что сержант Дин выдал бы своих сообщников, даже если бы Комитету Стокса удалось заставить его встретиться со следователями еще раз. Страх смерти довлел бы над ним четырнадцать лет спустя, как и в 1964-ом году. Только человек, которому нечего терять, мог бы выдать организаторов убийства. И такой человек был. Летом 1964-го он готов был дать показания. Звали его Джек Руби.

Когда 14 марта 1964-го года присяжные вынесли ему смертный приговор, многие в зале суда были изумлены. Знаменитые адвокаты продемонстрировали такую неутомимость и умелость в замазывании очевидных фактов, приглашенные ими психиатрические светила так убедительно завертывали убийство закованного в наручники человека в паутину научнообразных терминов, что зрители ждали приговора лет на пять — не больше. Но 12 жителей Далласа, которых защита и обвинение отбирали, допросив 162 потенциальных присяжных, в течение двух недель, не дали затуманить им мозги и, просоветовавшись меньше двух часов, единодушно послали владельца "Карусели" на электрический стул.

31

Руби был ошеломлен, подавлен, испуган. Хотя ему говорили, что все еще впереди, что начат процесс-апелляции, который займет месяцы, если не годы, он не верил. Порой ему казалось, что его могут вытащить из камеры в любую минуту и повести на казнь. Поэтому, когда 7-го июня Комиссия Уоррена наконец приехала в Даллас, чтобы взять его показания, он готов был говорить.

32

Но при одном условии: чтобы его увезли сначала из Далласа в Вашингтон.

— Есть ли какая-либо возможность перевести меня в Вашингтон?.. Я прошу перевести меня в Вашингтон и готов пройти любые тесты, какие потребуются. Это очень важно... Джентльмены, если вы не увезете меня в Вашингтон, вы не сможете извлечь из меня того, что я знаю... Моя жизнь в опасности здесь.

33

Снова и снова он возвращается к этой теме, и снова и снова председатель Комиссии, верховный судья Уоррен, отказывает ему, ссылаясь на несуществующие сложности. Да, он признает, что им дана власть вызывать в Вашингтон любых свидетелей. Однако, вот ведь, Комиссия допросила в Далласе более 200 человек, и все прошло нормально.

— Но ни один из них не был Джеком Руби! — восклицает допрашиваемый³⁴

В машине Руби после его ареста была обнаружена газета двухмесячной давности, описывавшая разоблачения синдиката, сделанные знаменитым информатором Джоозефом Валачи. Устав сидеть в тюрьме, не получая обещанной поддержки от своих прежних приятелей-сообщников, Валачи согласился давать показания, и ФБР обеспечило ему беспрецедентную защиту. Судья Валачи явно занимала Руби. Нет никакого сомнения, что летом 1964 года он был готов последовать его примеру и попытаться спасти свою жизнь, выдав сообщников.

35

Во время допроса в общей сложности шесть раз он обращался к членам Комиссии, умоляя их забрать его в Вашингтон и обещая дать ценные показания. И каждый раз он получал отказ. Судья Уоррен даже намекал ему, что он не хочет слушать:

— Если вам кажется, что вопросы, задаваемые мною, могут в какой-то мере оказаться опасными для вас, я хочу, чтобы вы чувствовали себя вправе немедленно заявить, что интервью окончено.

36

Возможно, если бы следователи Хуберт и Гриффин присутствовали при этом, они бы вмешались и настояли на выполнении просьбы. Однако судья Уоррен и его главный советник Ранкин предусмотрительно не взяли этих двоих в Даллас. Когда конгрессмен Джеральд Форд пытался расспрашивать Руби о его кубинских делах и связях, председательствующий и его помощник просто обрывали его. Поведение руководителей Комиссии во время допроса Руби однозначно свидетельствовало об одном: *они не хотели слышать ничего, что могло бы указать на наличие заговора.*

37

Политические соображения текущего момента настолько доминировали в их сознании, что они оказались неспособны предвидеть ущерб, который их действия наносили духу нации, ее доверию руководителям. Правда — пусть мучительная, болезненная — сама плыла им в руки. Они были единственными, кто мог открыть ей дорогу. Но они отвергли ее.

Каковы бы ни были соображения председателя Верховного суда, каковы бы ни были его прежние заслуги, 7 июня 1964 года, в Далласе, он совершил роковую ошибку. Из-за этой ошибки сомнения, недоверие, чувство беспомощности перед торжествующим насилием надолго связались в сознании американцев с историей убийства президента Кеннеди.

12. ПОЧЕРК СИНДИКАТА

Если убийца схвачен, защита, обеспечиваемая ему преступным миром, переходит на следующую линию обороны.

Винсент Фуриэль. "Организованная преступность".

Нет, по совести говоря, Руби не имел права жаловаться на своих сообщников, кто бы они ни были. Он не был брошен один в камере. Невидимая рука помощи неустанно показывалась из мрака, то доставляя изрядные суммы родственникам и адвокатам, то подталкивая свидетелей в нужном направлении, то убивая опасных и упрямых.

Родственники Руби решили, что Том Ховард не обладал достаточной импозантностью, чтобы доверить ему защиту в таком громком процессе. Брат Эрл вылетел в Сан-Франциско для встречи с прославленным адвокатом Мелвином Беллаем.

Контора Беллая располагалась в старинном здании, наполненном шикарной мебелью и украшениями, общей сложностью на полмиллиона долларов.

Огромное окно, обрамленное газовыми горелками, открывало проходим самого Беллая, сидящего за огромным письменным столом, под собственным портретом на стене — тоже огромным и идеализированным... На крыше здания была установлена пушка и флагшток. Победу в суде Беллай всегда отмечал выстрелом из пушки и поднятием флага с черепом и костями.

Но брата Руби он принял не в конторе. И не в своем двухсоттысячном (цена 1963 года) доме в Сан-Франциско. И не в квартире, которую он имел там же. А в уединенной резиденции с бассейном, в Голливуд-хиллс.

Еще до появления Эрла Беллай получил через своего партнера Сеймура Эллисона известие из Лас-Вегаса о том, что если он возьмется за это дело, гонорар будет порядка миллиона. В своей книге о процессе он приводит более скромные цифры: "Эрл сказал, что защита, очевидно, будет стоить 100 тысяч. Я согласился, и мы пожали руки". Он не стал уточнять, откуда семейство обвиняемого, который должен был федеральному правительству 44 тысячи неуплаченных налогов, собиралось взять такую сумму. Он был уверен в получении платы за свои труды.

Впоследствии Беллай объяснял, что рассчитывал на деньги, которые

Руби должен был получить от продажи своего жизнеописания газетам, и на гонорары от собственной книги о процессе. Однако Комитет Стокса не верил, что дело ограничилось литературными заработками. Из доклада Си-Ай-Эй выяснилось, что несколько дней спустя после окончания процесса Беллай летал на один день в Мексико-сити, где встретился с адвокатом Виктором Веласкесом — фигурой темной, связанной в свое время с контрабандой наркотиков, доходы от которой шли в казну прокоммунистической партии, членом которой он состоял. Комитет Стокса считал, что Беллай летал туда для получения платы, но доказать это не смог.

“Добудь мне это дело — я жажду заполучить его, я уже ощущаю его на вкус”, — просит Беллай одного знакомого, участвовавшего в переговорах. Ему еще до вылета в Даллас было ясно, что бедный Руби совершил свой поступок в момент краткого умопомешательства.

Верил ли он в это?

Трудно допустить такую наивность в адвокате, загребающем гонорары в сотни тысяч. Во всяком случае, по приезде в Даллас он получил исчерпывающую информацию о своем клиенте. Нанятый защитой частный детектив представил ему доклад, описывающий Руби гораздо точнее, чем это смогли сделать впоследствии авторы “Отчета Комиссии Уоррена”. Среди прочего детектив первым делом раскрыл список междугородних звонков хозяина “Карусели” за последние 6 месяцев и предупредил, что обвинение наверняка попытается сыграть на бросающемся в глаза факте: большинство звонков сделаны известным членам синдиката.

Но связи с преступным миром никогда не пугали Мелвина Беллая. Всего лишь за несколько лет до этого он защищал знакомую Руби, знаменитую исполнительницу стриптиза Кэнди Бар, обвинявшуюся в хранении наркотиков. Нанял его для защиты крупнейший гангстер Западного берега, Мики Козн, — кумир Джека Руби, которому он старался подражать во внешности и манерах. И хотя Кэнди Бар была осуждена на 15 лет, репутация Беллая в глазах мафии от этого не пострадала. Нет сомнения, что Эрл Руби получил самые лучшие рекомендации о нем.

После того, как Беллай проиграл и процесс Руби (ему явно не везло в Техасе), была нанята новая команда адвокатов. Они занимались апелляцией, ссорились между собой, интриговали, но так или иначе кормились у этого дела еще два с половиной года вплоть до смерти Руби в январе 1967 года. (Он умер в той же Паркландской больнице; официальный диагноз — рак.) Кто и из каких средств платил этой компании? Разобраться в этом пока не удалось никому, но надо полагать, что средства были, коли адвокат Джо Тонахил отказался выйти из дела даже тогда, когда семья осужденного заявила ему, что он уволен.

Заметно расцвели дела и у родственников и компаньонов Руби. Брат Эрл еще после удаchi кубинской эскапады брата Джека смог купить в 1961 году химчиcткy за 120 тысяч. После 1963 года его доходы снова подскочили вверх невероятным образом, и он не очень убедительно объяснял этот факт Комитету Стокса впоследствии.

13

Старинный приятель, Ральф Поль, стал владельцем "Карусели", но уверял, что, ничего, кроме убытков, не получил от клуба. В своих показаниях он вообще рисует себя таким добрым расточителем, который только и занимался тем, что дарил Руби тысячи долларов, начиная с 1948 года, и не получал взамен даже расписок. Он оценил суммарный долг, накопившийся за эти годы, в 15 тысяч. Казалось бы, теперь можно было покрыть хотя бы часть своих потерь, продав "Карусель". Но нет: мистер Ральф Поль, сей Санта Клаус из Далласа, просто подарил клуб (вернее ту половину акций, которой он владел) сестре Руби — Еве. Кто владел другой половиной акций? "Не знаем", — отвечают эти непрактичные добряки. Нам остается гадать — то ли их интересы лежат в более высоких сферах, то ли их легальные бизнесы приносят такие гроши по сравнению с главными, нелегальными доходами, что они просто не в силах уследить за подобными мелочами.

14

Зато в судьбах маленьких людей, которые так или иначе были связаны с Руби и могли оказаться нежелательными свидетелями, началась темная полоса. Выше уже было рассказано о Маленькой Линн, которая жила в страхе и носила в сумочке пистолет (стр. 34); о Ларри Крауфорде, который бежал из "Карусели" на следующий день после убийства президента (стр. 56); о Гарри Олсене, который через две недели попал в тяжелейшую автомобильную аварию, и о его невесте, исполнительнице стриптиза, убежавшей в эти дни в Оклахому вместе с другой танцовщицей, Тамми Тру (стр. 64). Джордж Сенатор тоже вскоре незаметно покинул Даллас.

15

Вот что пишет специалист по делам синдиката:

Там, где полицию и окружного прокурора подкупить не удается, преступный мир берется за свидетеля. Одних запугивают, других подкупают, третьих ликвидируют. Во всех этих случаях свидетель, внушающий беспокойство, — это посторонний, случайно оказавшийся вблизи места совершения преступления.

16

Исследовательница Сильвия Мейер составила список людей, так или иначе связанных с тройным убийством в Далласе, которые умерли в течение последующих трех лет. Из 17 человек только пятеро умерли от естественных причин (включая сюда троих, умерших от сердечного приступа без свидетелей). Остальные были либо убиты, либо покончили собой, либо погибли в автомобильных авариях. Насильственные смерти

17

составили для этой группы 70% от всего числа смертей. Среднестатистическая цифра для Америки была в эти годы 10,12%.

Вечером в день убийства Освальда в квартире Руби собралось пять человек: Джордж Сенатор, адвокаты Том Ховард и Джим Мартин, и двое репортеров. Неизвестно о чем у них шел разговор, но пять месяцев спустя один из репортеров был "случайно" застрелен в полицейском участке в Калифорнии (полицейский, видите ли, выронил пистолет, и тот выстрелил). Другой репортер был убит в своей далласской квартире ударом карате по шее в сентябре 1964-го. Сам Том Ховард умер от сердечного приступа в марте 1965-го.

Сообщения агентов и информаторов, а также результаты подслушивания, проводившегося ФБР, показывают, что весть о гибели президента вызвала неудержимое ликование руководителей синдиката. В доме главы мафии в Найагара Фолс (похоронная контора Стефано Магаддино) присутствовавшие поздравляли друг друга. Выражала свое удовлетворение чикагская ветвь, возглавлявшаяся Сэмом Джанканой. "Месяца через два ФБР станет снова таким, каким оно было пять лет назад, — говорили они. — Их и видно не будет. Они начнут гоняться за всякими типами из 'Справедливого отношения к Кубе', а нас, мальчишек, оставят в покое".

Руководитель пуэрто-риканского отделения профсоюза тимстеров, тесно связанного с гангстерами, направил генеральному прокурору Роберту Кеннеди издевательское письмо, в котором извещал, что профсоюз выделит специальные средства на украшение свежими цветами могилы Освальда. Всеамериканский глава тимстеров, знаменитый бандит Джимми Хоффа, был взбешен, когда узнал, что его подчиненные в штаб-квартире приспустили в знак траура американский флаг. Он обозвал их лицемерами.

Однако ликование повсеместно было связано с изумлением: почему Джона? Почему не Роберта?

Роберт Кеннеди, вступивший в 1961 году в должность генерального прокурора, начал беспрецедентную войну с синдикатом.

Он лично добивался и обеспечил принятие пяти законов, направленных против мафии. Были объявлены преступлением деловые поездки из одного штата в другой, имеющие целью помощь рэкету или игорным заведениям; перевозка оборудования для игорных домов из штата в штат; передача информации между тотализаторами разных штатов по телеграфу. Новый генеральный прокурор назначил 60 адвокатов в отдел, занимающийся организованной преступностью и рэкетом, увеличив его на 400%. Отдел координировал деятельность 27 расследующих агенств, до этого действовавших разобщенно. Был составлен список главарей синдиката, подлежащих привлечению к судебной ответственности в

первую очередь. Первоначально в нем было 40 имен; к тому времени, когда Кеннеди оставил свою должность (август 1964-го), список вырос до 2300.

23

Мафия люто ненавидела нового генерального прокурора. Еще в 1962 году главарь Нью-Орлеанской организации, Карлос Марселло, которого Роберт Кеннеди на короткий срок сумел депортировать в Гватемалу, поклялся страшно отомстить. На собрании сообщников он произнес зловещую сицилийскую формулу: "Livarsi na petra di la scarpa!" ("Выньте камень из моего сапога!").

24

Свидетель обвинения на процессе Джимми Хоффа, Эдвард Партин, показал, что главарь тимстеров спрашивал его, что он знает о пластиковых бомбах. "Что-то нужно предпринять против этого сукиного сына, Бобби Кеннеди, — говорил Хоффа. — Добраться до него не составит проблемы — он все время разъезжает по Вашингтону в своем открытом автомобиле с этим черным псом. Все что нужно: запустить в него пластиковую бомбу, и дело с концом". Позднее планы были изменены: предполагалось взорвать дом Кеннеди со всеми, кто там находился.

25

Когда разнеслась весть об убийстве президента, нью-йоркский гангстер Шлиттен вскричал: "Прекрасно! Плохо только, что не убили заодно и брата Бобби".

Лидер пенсильванской мафии говорил: "Эти Кеннеди — причина всех моих несчастий. И зачем убили старшего, когда надо было убить другого, малевку".

"Как жаль, что брата Роберта не было в том автомобиле!" — вторил ему гангстер из Чикаго.

26

Таким образом мы оказываемся перед явным противоречием. С одной стороны, не оставляет сомнений, что убийство президента Кеннеди было осуществлено руками представителей синдиката, с использованием всех характерных для них приемов. С другой стороны, имеющаяся информация однозначно указывает на то, что острие ненависти гангстеров было направлено на Роберта Кеннеди и что, если бы мафия на своем всеамериканском собрании приняла решение перейти от слов к делу, именно он был бы выбран объектом нападения.

Некоторые исследователи высказывают мнение, что убийство президента было выгодно мафии, ибо оно подрывало власть генерального прокурора. В доказательство они приводят слова все того же Джимми Хоффы: "Бобби Кеннеди теперь просто рядовой адвокатишка... За его спиной нет больше власти президентского вето".

27

Думается, суждение это недостаточно обосновано. Борьба с организованной преступностью не ослабла, и сам Хоффа вскоре оказался за решеткой. (Приговор вынесен в 1964, утвержден Верховным судом в 1966; Хоффа впоследствии был помилован Никсоном в 1971 и убит

мафией в 1976.) Убийство генерального прокурора было бы делом нешуточным. Но убийство президента представляется еще более опасным и дорогостоящим предприятием. Решиться на него лишь для того, чтобы ослабить власть генерального прокурора? Не похоже ли это на поездку из Нью-Йорка в Вашингтон через Даллас?

Вообще мафия крайне редко и неохотно устраивает прямые нападения на членов государственного аппарата. У синдиката есть свои правила, своя тактика, свои табу.

Он старательно избегает применять насилие против представителей закона, правительственных чиновников, журналистов... Исключением являются люди, которые принимали услуги от гангстеров и затем выступили против них. В истории США нет примера, когда удар был бы направлен против высокопоставленного должностного лица. Более того, считают, что намерение одного из мобстеров /Артура Флегенхеймера/ покончить с окружным прокурором Нью-Йорка привело к тому, что он сам был убит мафией в середине 1930-х.

Убийство представителя власти всегда вызывает осложнения: вспышку общественного возмущения, активизацию полиции и ФБР, вынужденное сворачивание деятельности и, следовательно, уменьшение доходов синдиката. Деньги же — главный инструмент его власти. (Специалисты считают, что годовой доход синдиката в стране в конце 1970-х достиг 40 миллиардов, то есть в сумме превысил доходы Юнайтед Стэйтс Стил, Форда, Стандарт Ойл, Джeneral Электрик и Джeneral Моторс.) Поэтому преступный мир очень сурово карает все, что может привести к снижению барышей.

Учитывая это, мафиозный босс, решившийся бы на свой страх и риск пойти на убийство такого масштаба, должен был бы считаться не только с угрозой возмездия со стороны властей, но и с возможностью возбуждения серьезного недовольства других боссов. Никакой прозорливец не мог предвидеть, что расследование убийства президента пойдет в такой бережной и робкой манере, какую избрала Комиссия Уоррена. Риск быть обнаруженным и привлеченным к ответу был очень и очень велик. Расходы на подготовку сценария, на устройство алиби всем участникам, на подтасовку фактов, на оплату исполнителей и адвокатов для тех, кто попался, на уничтожение случайных свидетелей должны были измеряться в миллионах долларов.

Что же могло заставить серьезного мафиозного бизнесмена пуститься на такую рискованную и дорогостоящую авантюру?

Даже исследователи, считающие мафию исполнительницей убийства, теряются, когда начинают говорить о мотивах. Ненависть? Но тогда жертвой должен был бы пасть в первую очередь Роберт Кеннеди.

Попытка ослабить давление властей на преступный мир? Но за членами синдиката не водится жертвенной готовности высываться и подставлять свою голову под бревно, падающее на всю честную компанию.

И н и о д и н из видных авторов, писавших об убийстве президента даже где-нибудь в примечаниях не попытался взглянуть на проступающую из мрака картину под тем углом, под которым в первую очередь и рассматривается обычно деятельность мафии. Никто не посмел назвать в качестве возможного мотива *деньги*.

Ибо если это была просто "платная работа" (а все другие варианты, как мы видим, не выдерживают испытания логикой), то сумма должна была быть гигантской.

И какой же "заказчик" мог уплатить такие деньги?

Часть вторая

КАК БЫЛ УБИТ
ПОЛИЦЕЙСКИЙ ТИППИТ

13. ПОЛИЦЕЙСКИЙ ВСТРЕЧАЕТ СВОЕГО УБИЙЦУ

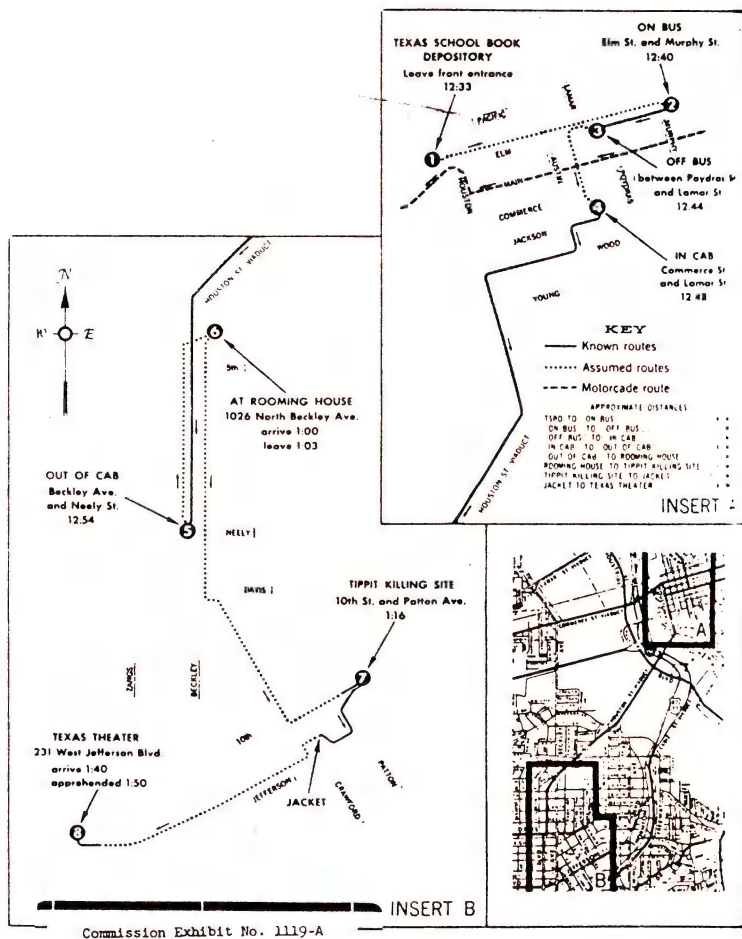
В те минуты, когда врачи в Паркландской больнице боролись за жизнь раненого президента, в другом районе Далласа, на тихой Десятой улице, на участке между Паттон и Денвер, где-то в начале второго (от 1.07 до 1.15) снова прогремели выстрелы, и полицейский Типпит упал замертво рядом со своей патрульной машиной. Расследование пришло к выводу, что убийцей был все тот же Ли Харви Освальд. Он шел по улице, внешность его соответствовала переданному по радио описанию человека, стрелявшего в президента, и Типпит попытался задержать его для допроса, но Освальд выхватил пистолет и застрелил полицейского.

Комиссия Уоррена так суммировала имеющиеся против Освальда улики:

1. Два свидетеля, которые слышали выстрелы и видели, как патрульный Типпит был застрелен, а также семь свидетелей, видевших человека с пистолетом в руке, бегущим от места преступления, опознали Ли Харви Освальда. 2. Гильзы, найденные вблизи сцены убийства, имели отметки идентичные тем, какие оставляет револьвер, обнаруженный у Освальда в момент ареста (45 минут спустя). 3. Этот револьвер был куплен Освальдом и принадлежал ему. 4. Куртка Освальда была найдена брошенной на пути подозреваемого с места преступления. На основании этих улик Комиссия пришла к заключению, что Ли Харви Освальд убил полицейского Типпита.

Гладкие и убедительные формулировки Отчета комиссии Уоррена снова выглядят неопровержимыми лишь до тех пор, пока читатель не попытается сопоставить их с текстом свидетельских показаний в 26-томном приложении к Отчету. Когда критики Комиссии получили в свои руки этот бесценный фактологический материал, они засыпали авторов Отчета градом возмущенных вопросов и справедливых недоумений, вскрыли десятки вопиющих противоречий между словами свидетелей и выводами Комиссии. Попробуем сделать сжатый обзор этой полемики, разбив ее на три основных проблемы:

- а) *каким образом* Освальд добирался от книжного распределителя на Дэйли плаза до Десятой улицы?
- б) *когда* произошла его встреча с Типпитом?
- в) *кто* видел его в этот момент?

Предполагаемые перемещения Освальда с 12.33 до 1.50 (момент ареста) 22 ноября, 1963 года

Жирной линией показаны участки пути, на которых его видели свидетели; пунктиром — предполагаемый маршрут

Между книжным распределителем и Десятой улицей

Администратор книжного распределителя, Рой Трули, и полицейский Бэйкер вбежали в здание примерно в 12.32 (две минуты спустя после выстрелов, поразивших президента) и столкнулись с Освальдом около автомата с кока-колой на втором этаже.

Управляющая домом 1026 по Норт-Бэккли-стрит, миссис Эрлен Робертс, показала, что Освальд, снимавший у нее комнату под именем О. Х. Ли, заскочил домой около часу дня, пробыл у себя три-четыре минуты и сразу ушел.

В 1.16 свидетель позвонил в полицию и сообщил, что на Десятой улице, вблизи перекрестка с улицей Паттон, убит полицейский.

Далласская полиция и вслед за ней Комиссия Уоррена стремились доказать, что Освальд имел достаточно времени, воспользовавшись автобусом и затем такси, добраться до своего дома от места работы (от книжного распределителя ТРУ), взять там пистолет, надеть куртку и пешком дойти до перекрестка Десятой и Паттон, где он и был остановлен бдительным полицейским. Критики доказывали, что это было физически невозможно, а следовательно Освальд не мог быть убийцей Типпита.

На странице 88 воспроизведен взятый из Отчета план перемещений Освальда после того, как он покинул здание ТРУ (Техасский распределитель учебников). Жирными линиями выделены те участки пути, которые Комиссия считала выясненными при помощи свидетельских показаний с достаточной степенью определенности. Пунктиром отмечены предполагаемые перемещения.

Даже неподготовленного читателя Отчета должна поразить причудливость этого пути. Мы должны поверить, что человек, спланировавший и только что совершивший в одиночку дело невероятной трудности — убийство президента США, человек, который две минуты спустя был абсолютно сдержан и спокоен (показания Трули и Бэйкера), что этот человек не имел разработанного плана бегства с места преступления и начал метаться по городу, как безумный. Сначала он проходит семь кварталов на восток по улице Эльм и садится в автобус, который везет его обратно к месту преступления. Минуты через четыре он оставляет автобус, получив у водителя пересадочный билет. Он может сесть с этим билетом в идущий следом автобус, который довез бы его до самого дома на Норт-Бэккли-стрит. Но нет — он проходит еще несколько кварталов и у автобусной станции садится в такси.

Руфь Пэйн, дававшая приют семье Освальда в течение последнего года его жизни и хорошо знавшая его привычки, сказала французскому журналисту Лео Саважу: "Ли не потратился бы на такси ни при каких обстоятельствах". Конечно, данные обстоятельства были совершенно исключительными. Освальд с п е ш и л убраться подальше.

Но тогда уже совершенно непонятно, зачем он проезжает пять лишних кварталов мимо своего дома (по другим показаниям таксера — семь) и затем возвращается к нему пешком. И это при том, что на бегство у него припасено всего лишь 14 долларов.

10

Было единственное указание на то, что Освальд воспользовался автобусом: при аресте в кармане у него был найден пересадочный билет (трансфер). Не правда ли, какое интересное совпадение? И у Руби, и у Освальда оказываются в кармане кусочки бумаги, только что полученные ими и доказывающие, что они были там-то и там-то в такое-то время. Романисту читатель никогда бы не простил подобного однообразия приема. Но тот, кто сочинял сценарий для заговорщиков, мог не утруждать себя излишней изобретательностью: он был уверен, что следователи заглотят подброшенную им наживку "вещественного доказательства".

11

Критики Отчета не оставили камня на камне от построений Комиссии в отношении поездки Освальда на автобусе. Водитель автобуса Макватерс на следующий день якобы опознал Освальда в полицейском управлении, но, давая показания Комиссии, сознался, что он просто выбрал его как самого низкорослого из четырех показанных ему людей. Освальд чем-то напомнил ему одного молодого человека, который был его постоянным пассажиром. Макватерс осознал свою ошибку — и заявил о ней — уже в понедельник, 25 ноября, когда этот молодой человек, Рой Милтон Джонс, снова вошел утром в автобус и преспокойно занял свое место.

12

13

Зато и водитель автобуса, и Рой Милтон Джонс припомнили мужчину, который ненадолго входил в автобус, пока тот двигался по Эльм-стрит в западном направлении, и который по выходе из автобуса получил трансфер. Оба помнили, что этот человек был одет в куртку, причем довольно поношенную. Джонс также показал, что выглядел он лет на 30-35, роста примерно 5 футов 11 дюймов, худощавый, темные коричневые волосы, поредевшие у висков, и что на нем были брюки защитного цвета.

14

Комиссия не вызвала для допроса Джонса, приняла показания Макватерса в той части, где они подтверждали ее концепцию, но отвергла все остальное. Отвергла она и показания полицейского Бэйкера, утверждавшего, что на Освальде была куртка. Бедная куртка портила всю историю, потому что она не вписывалась в показания важнейшей свидетельницы, уверявшей, что она видела Освальда в автобусе: миссис Мэри Бледшоу. По невероятному "совпадению" Освальд, который только что вышел из здания ТРУ и не был замечен ни одним из сослуживцев, толпившихся у входа, в автобусе тут же напоролся на знакомую даму — он в течение недели снимал у нее комнату всего лишь за месяц до описываемых событий. (Потом она попросила его съехать, потому что ей не нравился его мрачный вид и разговоры по телефону

15

16

на иностранном языке.) Ее показания являются образцом той невразумительной околесицы, которую невозможно опровергнуть, потому что она сама себя опровергает на каждом слове, но из которой Комиссии было удобно настригать отдельные предложения для подтверждения своей линии.

Миссис Блэдшоу заявила, что Освальд, вошедший в автобус, выглядел как маньяк, лицо его было искажено, рубашка вылезла наружу, на рукаве — дыра. Правда, она созналась, что рубашку с дырой на рукаве ей показали на следующий день агенты секретной службы. Другие агенты порекомендовали ей давать показания Комиссии по подготовленным заметкам, в которые она и заглядывала постоянно, потому что, как она объяснила, "я забываю, что я должна говорить". Если и записки не помогали, ответы за нее давал приведенный ею адвокат.

Не лучше обстояло дело и со вторым участком пути — поездкой Освальда на такси. Водитель такси Уильям Вэлли, заявивший полиции, что в это время дня у него был пассажир, напоминавший внешностью Освальда, простодушно рассказал потом Комиссии, что полиция заставила его подписать заявление об опознании еще до того, как ему показали задержанного. Он также сказал, что Освальд очень выделялся среди прочих выстроенных для опознания людей: он единственный вел себя вызывающе, кричал на полицейских, что они не имеют права выставлять его для опознания среди подростков гораздо моложе него. При всем этом Вэлли указал на другого человека. Если добавить сюда тот факт, что в его путевом листе этот рейс отмечен как имевший место между 12.30 и 12.45 (как раз то время, когда Освальд, по расчетам Комиссии, должен был совершать свой странный проезд в автобусе); что пассажир, которого он принял у автобусной станции, любезно пытался уступить такси пожилой леди; что на нем была куртка; и что он проехал пять (или семь) лишних кварталов мимо дома, куда ехал Освальд, станет ясно, какими средствами приходилось Комиссии латать свою версию.

Но ведь каким-то путем Освальд добрался в свой дом на Норт-Бэкли в час дня? И если он покинул его в 1.03, мог ли он пешком одолеть 11 кварталов, отделявших его дом от места убийства полицейского?

Когда был убит полицейский Tunnit?

Отчет Комиссии Уоррена гласит: в 1.15. Ибо в 1.16 один из свидетелей убийства подбежал к оставленной полицейской машине и сообщил диспетчеру о случившемся. Две минуты спустя радиосообщение было послано в эфир, и патрульные машины, находившиеся в районе к югу от центра Далласа (Оак-Клиф), устремились по указанному адресу: квартал 400 по Десятой-ист-стрит.

Открываем свидетельские показания.

Доминго Бенавидес показал, что он ехал по Десятой улице в своем

грузовике, когда он увидел остановившуюся патрульную машину и выходящего из нее полицейского. Потом раздался выстрел. Бенавидес немедленно свернул к обочине, затормозил и пригнулся в кабине. Прогремели еще два выстрела. Он выглянул и увидел человека с пистолетом в руках, убегавшего по Десятой в сторону Паттон-стрит. Боясь, что стрелявший может вернуться, Бенавидес просидел, спрятавшись в своем грузовике еще несколько минут. Лишь потом он вышел, приблизился к полицейской машине и попытался ради-
21

ровать диспетчеру.
В это время на улице остановилась еще одна машина. Водитель, Т. Ф. Боули, подошел, чтобы выяснить, что случилось с лежащим на земле полицейским, не надо ли помочь. Собирались люди. Боули посмотрел на часы. Они показывали 1.10. Другой свидетель не был уверен, что он правильно обращается с микрофоном в полицейской машине и что диспетчер слышит его. Боули занял его место и сообщил об убийстве, назвал адрес: Десятая-ист, дом 404.
22

Учитывая, что Боули взглянул на часы уже после выстрелов, мы должны прийти к выводу, что убийство произошло никак не позже, чем в 1.09. Коронная свидетельница Комиссии, Элен Маркхэм, назвала время еще более раннее: 1.06 или 1.07.
23

Комиссия не вызвала Боули, не упомянула о нем в Отчете и заявила, что в отношении времени Маркхэм ошибается. Ибо 1.07 практически давало Освальду алиби. Он не мог пешком пройти от остановки автобуса около своего дома, где его последний раз видела миссис Робертс примерно в 1.03, до угла Десятой и Паттон-стрит.
24

Правда, миссис Робертс нигде не говорила, что она хоть раз посмотрела на часы в это время. Можно было бы допустить, что она назвала время — час дня — приблизительно и что Освальд посетил свою комнату пятью минутами раньше. Но в этом случае рушился весь тщательно выверенный хронометраж его пути от ТРУ до дома — на автобусе и такси. Зажатая в тесные временные рамки между 12.33 (покидает ТРУ) и 1.16 (объявление об убийстве полицейского по радио) Комиссия пыталась манипулировать с этими 43 минутами, как басенный Тришка со своим кафтаном.

Допустить же, что на каком-то участке сообщник подвез Освальда на машине, Комиссия не могла, ибо сообщника не было, не было, не должно было быть.

Кто видел убийцу полицейского?

Главная свидетельница, Элен Маркхэм, утверждавшая, что она видела встречу Освальда и Типпита, продолжала биться в истерику и три часа спустя, когда ее привезли в полицейское управление, чтобы она опознала убийцу. Капитан Фриц сам бежал за нашатырем для нее. Свидетельствуя перед Комиссией, она заявила, что из четырех людей,

показанных ей, она никого прежде не видела, а Освальда опознала по тому, что при взгляде на него "ее как холодом прошибло".

25

Ее показания изобилуют самыми причудливыми несообразностями. Она заявила, что Освальд переговаривался с Типпитом, облокотившись об открытое окно машины с правой стороны; двое свидетелей и фотография, сделанная 20 минут спустя, показывают, что окно было закрыто. По ее словам она пробыла с умирающим Типпитом минут двадцать наедине; все остальные утверждают, что толпа собралась минуты через три. Она уверяла, что Типпит силился что-то сказать ей, но она не могла разобрать слов; вскрытие показало, что он умер мгновенно. Адвокату Марку Лэйну, позвонившему ей в марте 1964 года по телефону, она описала убийцу как невысокого, плотного человека с густой шапкой волос (ни одну из примет нельзя отнести к Освальду); на допросе в Комиссии категорически отрицала, что разговаривала с Лэйном, даже после того как ей дали прослушать магнитофонную запись беседы, сделанную предусмотрительным адвокатом.

26

Если бы Освальд остался жив и был судим открытым судом, вряд ли прокурор решился бы использовать такую ненадежную свидетельницу. Защитник просто выставил бы ее на посмешище. Но авторам Отчета перекрестный допрос не грозил. Соблазн же был слишком велик: свидетельница, видевшая, что Освальд шел один по улице, что полицейский остановил идущего и что этот идущий начал стрелять.

Показания Маркхэм, включенные в Отчет, стали отличной мишенью для будущих критиков. Но, соглашаясь со всеми их аргументами, допуская, что дама эта была либо игрушкой в руках заговорщиков (такая возможность будет рассмотрена ниже), либо рядовой далласской психопаткой, скорее всего оказавшейся у места убийства минут пять-шесть спустя (ее не помнил ни один из свидетелей, собравшихся у места происшествия в первые минуты) и затем увлекшаяся своей ролью и всеобщим вниманием, мы должны признать, что и в этом случае груз улики против Освальда остается очень тяжелым.

Водитель такси Скоггинс ел свой завтрак, сидя в машине, отпаркованной на углу Паттон-стрит и Десятой. Он слышал выстрелы и видел убежавшего человека довольно близко, ибо тот бежал в его сторону. Зная замашки преступников, которые часто заставляют таксеров увозить их с места преступления под дулом пистолета, Скоггинс выскочил из автомобиля и бросился бежать. На следующий день он опознал Освальда, выбрав его из четырех других мужчин. (В отличие от таксиста Вэлли, который в том же ряду указал на другого.)

27

Опознали в Освальде убежавшего и две молодые женщины, жившие на углу Десятой и Паттон-стрит, управляющий парком подержанных машин, Тэд Каллавей, и сторож того же парка, Сэм Гиньярд. Механик из другого парка, Уоррен Рейнольдс, не был вызван в полицейское управление, но, выступая перед Комиссией, заявил, что разглядел убежавшего

28

очень хорошо и что у него нет никакого сомнения в том, что это был Освальд.

29

Пятеро из свидетелей заявили не сговариваясь, что убегавший на ходу перезаряжал револьвер — деталь, которую трудно выдумать пятерым сразу и которая характерна для непрофессионала, каковым и был Освальд (профессионал сразу прячет оружие).

Пули, извлеченные из тела Типпита, были слишком деформированы, и эксперты по баллистике не смогли с уверенностью соотнести их с револьвером Освальда. Но химический анализ показал, что три пули были изготовлены фирмой Винчестер-Вестерн, а четвертая — фирмой Ремингтон-Петерс. При этом из четырех гильз, найденных вблизи места преступления, две принадлежали одной фирме, две — другой. В револьвере Освальда и в его карманах при аресте были обнаружены патроны обеих фирм.

30

Парафиновый тест, сделанный над кожей рук Освальда в день ареста, обнаружил следы пороховых газов.

31

Наконец, его поведение в момент ареста в зале кинотеатра полчаса спустя — ударил полицейского, выхватил револьвер — рисует человека, вполне способного применить насилие против стражей закона даже в безнадежных обстоятельствах.

32

Конечно, в сборе улик и свидетельских показаний против Освальда далласская полиция допустила огромное количество процессуальных нарушений, проявила элементарную безграмотность, нередко занималась явной подтасовкой. Критики убедительно вскрывают эти нарушения, ловят полицейских на противоречиях в показаниях, особенно в тех, что касаются сцены ареста Освальда в кинотеатре (около 2.00). Но здесь справедливость требует вступить за полицейских: им приходилось арестовывать предполагаемого убийцу их собрата по профессии, который был вооружен и очень опасен. Немудрено, что они вели себя в кинозале порой необъяснимо и потом путались в рассказах о событии.

Некоторые свидетели ставят под сомнение даже наличие пистолета у Освальда в момент ареста или доказывают, что факт этот не был достаточно подтвержден свидетельскими показаниями. Возможно, в зале суда их аргументы поколебали бы двух-трех присяжных. Однако сам Освальд, решительно отрицавший свое участие в убийствах и многое другое, наличие пистолета признавал. На вопрос "зачем он взял его с собой в кино?" он заявил: "Ну, знаете — как мальчишки, когда у них есть револьвер. Они просто носят его повсюду". Были у него в карманах и патроны.

33

34

Таким образом, груз улик и свидетельских показаний заставляет нас придти к выводу, что Освальд: а) был вблизи места убийства Типпита; б) что он убежал оттуда с револьвером в руке, на ходу перезаря-

жая его; в) что он стрелял из этого револьвера; г) что, возможно, по крайней мере одна из его пуль поразила Типпитта.

Однако, даже признав все эти факты доказанными, мы все равно не решим загадку гибели полицейского. Десятки вопросов остаются пока без ответов.

Каким образом Освальд перенесся из книжного распределителя на угол Десятой и Паттон-стрит?

Почему Типпит оказался один на этой тихой улице, вдали от отведенного ему района патрулирования и в тот момент, когда всем полицейским машинам было приказано мчаться к Дэйли-плаза, к месту убийства президента?

Почему неизвестная полицейская машина остановилась перед домом, где жил Освальд (так показала управляющая Эрлен Робертс), как раз в тот момент, когда он заскочил туда на несколько минут, — остановилась и негромко посигналила?

Почему в документах Комиссии нет отчета о вскрытии тела Типпитта? Не потому ли, что его раны плохо совмещались с версией убийцы-одиночки?

Почему полиция передала в лабораторию ФБР вначале (23 ноября) только одну пулю и заявила, что это все, что им удалось обнаружить? (Три другие пули, якобы извлеченные из тела Типпитта, были найдены в ящике в полицейском управлении и переданы ФБР четыре месяца спустя.)

Наконец, почему такие несчастья обрушились на некоторых свидетелей убийства полицейского или на их родственников?

В январе 1964 года кто-то подкараулил Уоррена Рейнольдса в темном коридоре его конторы и прострелил ему голову. Это случилось два дня спустя после того, как его допрашивало ФБР. Рейнольдс вышел чудом. Человек, подозреваемый в этом покушении (сам Рейнольдс не верил в его виновность), был арестован, но затем отпущен, потому что некая Бетти Макдональд обеспечила ему алиби. Месяц спустя эта девица (ходили слухи, что она в юности танцевала в "Карусели" у Джека Руби) была арестована полицией, но через час повесилась в камере.

Доминго Бенавидес очень неохотно рассказывал о том, что он видел, прятался от репортеров. Конечно, тот факт, что в феврале 1964-го его брат Эдди был убит в драке в баре, смелости ему не прибавил. Марк Лэйн пытался получить у него интервью, но, под нажимом двух детективов из далласской полиции, тот отказался.

В конце июня 1964-го сын Элен Маркхэм был арестован в ее квартире по обвинению в грабеже и "при попытке бежать упал из оконной ванной на цементный проезд внизу и сильно разбился". По странному совпадению это случилось через три дня после того, как другой ее сын дал интервью журналистам.

И снова самый главный вопрос: что за безумие напало на коварного и расчетливого убийцу президента и заставило его метаться по городу без всякой видимой причины? На что он надеялся? Куда пытался удрать с четырнадцатью долларами в кармане?

14. НЕВЫСЛУШАННЫЕ СВИДЕТЕЛИ, ОТВЕРГНУТЫЕ УЛИКИ

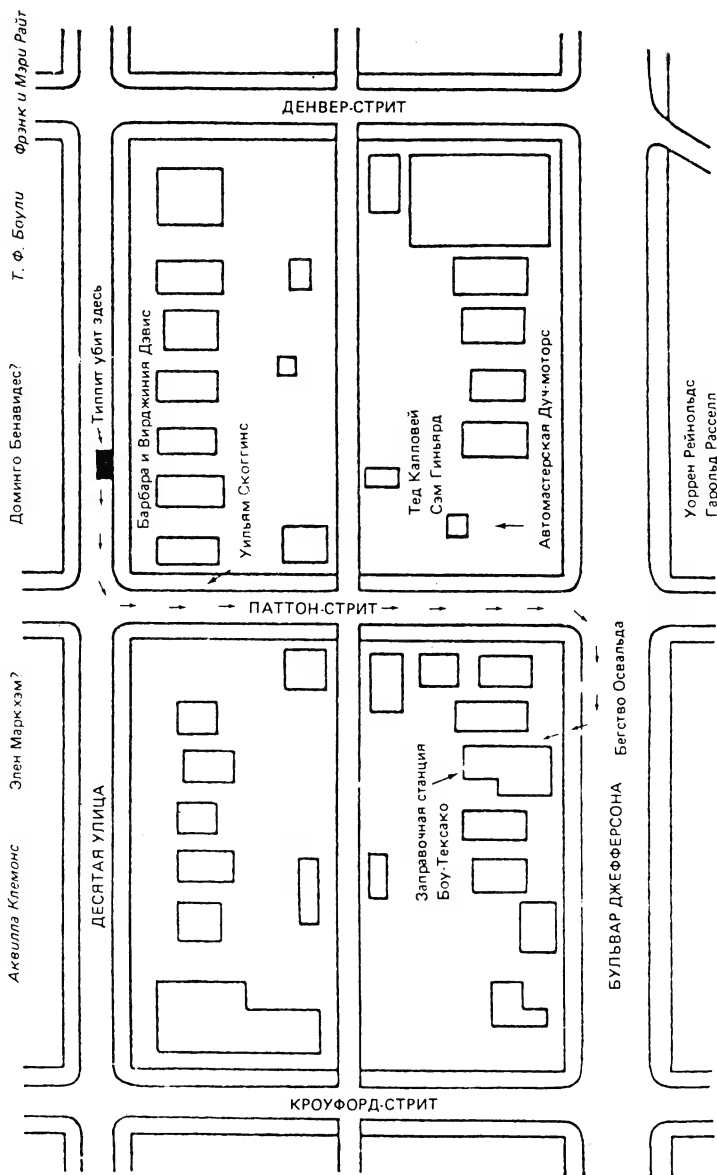
Помощник шерифа Роджер Крэйг был на Дэйли-плаза в день 22-го ноября. Когда раздались выстрелы и машина с раненым президентом умчалась, он побежал вместе с другими полицейскими и зрителями по травяному склону в сторону кустов, из которых — как им казалось — велась стрельба. Не найдя там никого, он включился в опрос свидетелей, принимал участие в осмотре места происшествия. Минут пятнадцать спустя он услышал резкий свист и увидел человека, сбежавшего по травяному склону со стороны здания ТРУ. Светло-зеленый пикап марки Нэш-Рэмблер, с багажником на крыше, проезжавший по Эльм-стрит (движение все еще не было перекрыто!), притормозил, принял бежавшего и умчался в западном направлении. ¹

Позже в тот же день Крэйг позвонил в бюро капитана Фрица и описал случившееся. Его пригласили приехать в полицейское управление. Взглянув на допрашиваемого Освальда, он с уверенностью заявил, что это тот самый человек.

Комиссия отвергла показания Крэйга, потому что они подтверждали наличие, по крайней мере, одного сообщника у Освальда. Расследование пыталось дискредитировать свидетеля, указывая на противоречие в его рассказе: 22 ноября он заявил ФБР, что за рулем пикапа сидел негр, а на следующий день — что просто очень темнокожий белый (или латиноамериканец?). Но когда читаешь запись его допроса в Комиссии, видишь, что человек лишь уточнял и корректировал свои первоначальные впечатления, стараясь быть предельно аккуратным. Во всем остальном его рассказ поражает отсутствием противоречий и умолчаний, столь густо рассыпанных в 26 томах приложений к Отчету. Фотографии, делавшиеся на Дэйли-плаза разными людьми, показывают Крэйга именно в тех местах, которые он упоминает. На одной из них виден даже светло-зеленый пикап с багажником, замеченный им. ²

Показания Крэйга подтверждены и другими свидетелями.

Марвин Робинсон проезжал по Эльм стрит в западном направлении примерно 15 минут спустя после выстрелов. Он увидел человека, спустившегося по травяному склону и вошедшего в Нэш-Рэмблер пикап, который тут же уехал... Миссис Джеймс Форест... увидела человека, выбежавшего из-за книжного распределителя и севшего в Рэмблер пикап... "Если это не был Освальд, — заявила она впоследствии, — то уж наверняка — его двой- ³ник".

Квартал, в котором был убит Типпит, и местоположение
главных свидетелей
(Имена тех, кто не был вызван следствием, даны курсивом)

Капитан Фриц признавал, что он помнит какого-то помощника шерифа, который приходил к нему в тот день, но уверял, что в кабинет тот не входил. "А кто-нибудь из моих полицейских видел его?" — спрашивает он с тревогой. Но сохранились две фотографии, показывающие Крэйга в кабинете Фрица в тот день.

Сильно досадовал на Крэйга и следователь Комиссии — Дэвид Белин. Он постоянно останавливал допрос, пытался давить на свидетеля, в какой-то момент даже выбежал в бешенстве из кабинета. Крэйг стоял на своем и показаний не менял. Однако Белин на этом не успокоился. Когда несколько лет спустя Крэйгу показали 6-й том протоколов Комиссии, он отметил 14 мест, где его показания были существенно изменены следователем.

Итак, с одной стороны, у нас есть показания профессионального стража закона, ясные и непротиворечивые, подтвержденные другими свидетелями и фотографиями, и говорящие о том, что Освальд был увезен с места убийства президента сообщником. С другой — бредовые фантазии его бывшей домохозяйки, якобы видевшей его в автобусе, которые расходятся с показаниями всех других пассажиров и водителя автобуса. Кому бы поверили присяжные на суде?

А теперь послушаем, что сказал свидетель убийства Типпита, имя которого даже не упомянуто ни в Отчете, ни в 26 томах приложений. Фрэнк Райт смотрел вместе со своей женой телевизор в квартире, снимаемой ими на первом этаже дома № 501 по Десятой улице. (См. схему на стр. 98.) Они оба услышали выстрелы, и мистер Райт выбежал на улицу.

Я увидел полицейскую машину в соседнем квартале... Я увидел человека около нее. Он упал. Похоже было, что он упал только что... Другой человек стоял прямо перед машиной. Он стоял и смотрел на упавшего... Он был среднего роста. На нем был длинный пиджак. Доставал почти до кистей. Пистолета я не видел. Он обежал полицейскую машину. Он побежал очень быстро и прыгнул в свой автомобиль. Автомобиль был маленький, серый, двухместный. Старый, года 1950—51, может быть, "плимут". Он был запаркован на той же стороне, но носом против движения... Человек прыгнул в этот автомобиль и умчался на большой скорости... Потом я пытался рассказывать то, что я видел. Никто не обращал внимания. Я видел, как это описывали в газетах и по телевизору, но я знаю, что все было не так. Я видел человека, уехавшего в сером автомобиле. Ничто на свете не изменит моего мнения.

Конечно, множество людей пытались потом привлечь внимание к себе, доказывая, что они были свидетелями драмы. Но супругам Райт

не было нужды выдумывать небывлицы. Именно по их телефонному звонку диспетчер выслал скорую помощь к месту происшествия, именно их адрес значится в заполненном им бланке: дом 501 по Десятой-ист. Гараж был близко, так что машина прибыла на место очень быстро — в 1.18. 7

Водитель скорой помощи рассказал потом, что труп полицейского был накрыт одеялом. Откуда оно могло взяться? Только кто-то из жильцов соседних домов мог вынести его. Мистер Райт заявил, что одновременно с ним на выстрелы выбежала женщина, жившая в доме, около которого остановилась полицейская машина. "О Боже, его застрелили!" — воскликнула она и убежала обратно в дом. Женщину, жившую в доме напротив, упоминает в своих показаниях и сержант-резервист Крой. Не она ли вынесла одеяло? Мы этого теперь не узнаем, ибо ни имени ее, ни показаний нет в документах Комиссии. 8

Наконец, была еще одна свидетельница, утверждавшая, что она видела двух человек рядом с Типпитом за несколько секунд до выстрелов. Отчет Комиссии упоминает о ней в главе "Слухи и домыслы" и объявляет несуществующей. Но Марк Лэйн отыскал Аквиллу Клемонс и записал интервью с ней на видеопленку. Среди прочего она поведала ему, что после того, как Типпит упал, эти двое побежали в разные стороны. Один был плотный и невысокий, другой — повыше, одет в белую рубашку и брюки цвета хаки. (Вспомним пассажира автобуса, получившего трансфер, стр. 90.) 9

К сожалению, все расследование убийства Типпита сосредоточилось потом в руках Дэвида Белина. Как мы видели на примере его разговора с Роджером Крэйгом (стр. 97), он отличался особым умением перетасовывать слова свидетелей в нужном направлении, обходить острые углы. Блестящий пример его тактики можно видеть в процессе взятия показания у сержанта Барнса, который делал фотоснимки на месте убийства Типпита минут двадцать спустя.

БЕЛИН: /На этой фотографии/ внутри за ветровым стеклом машины виден какой-то кусок бумаги или документ. Не помните, что это было?

БАРНС: Это планшет, такой блокнот, который крепится в патрульных машинах, чтобы полицейские могли делать заметки или записывать имена людей, разыскиваемых полицией.

БЕЛИН: Были какие-нибудь записи в этом блокноте?

БАРНС: Да; /но/ мы их так и не прочли. 10

Следователь не восклицает "как?! почему?! куда же девался этот блокнот? немедленно доставьте его нам!" Нет, он пытается избежать ловушки, в которую завлек его неосторожный вопрос, выиграть время:

БЕЛИН: Блокнот был именно в таком положении?

БАРНС: Да, именно в таком.

БЕЛИН: Похоже, что к нему прикреплена фотография какого-то человека. А не заметили ли вы, чтобы была какая-то запись от руки, заметки на память?

БАРНС: Я не могу сказать вам, что было в блокноте.

БЕЛИН: Что еще вы можете припомнить об этой фотографии А, сделанной вами?

БАРНС: Что?

11

Свидетель как бы не верит своим ушам. Он приготовился к трудной борьбе, он не знает, как обойти этот опасный момент, который его начальство велело ему скрывать от Комиссии, но следователь приходит ему на помощь. Он не спрашивает "почему не прочли блокнот?" Он не спрашивает, куда девалась фотография человека, которую Типпит держал перед глазами в последние минуты жизни. Он переходит к следующим вопросам, к следующим снимкам.

Словно глухая пелена натянута следствием на все, что касается Типпита. Не были взяты показания у его вдовы, которая видела его часа за два до гибели. Не опрашивали ни родственников, ни знакомых. Не пытались выяснить, почему его телефон не числился в телефонном справочнике. Не включили в Отчет результаты вскрытия. Судя по сообщениям прессы, семья Типпита не имела возможности увидеть его в открытом гробу. Заявление врача, производившего вскрытие, было подписано агентом секретной службы Муром. В докладе своему начальству Мур говорит, что одно пулевое ранение было в голову, три другие — в грудь. Представители полиции, однако, упоминали также ранение в живот и в руку.

12

Если к блокноту Типпита была прикреплена фотография, например, самого Освальда, вся история предстала бы в совершенно новом свете. Нет никакого сомнения, что полицейское руководство Далласа намеренно старалось исказить реальную картину гибели патрульного. В значительной мере ему это удалось. Немудрено, что исследователи вот уже почти четверть века безуспешно пытаются сложить куски этой кровавой головоломки. Ясно, что и всякая новая попытка будет обречена на провал, если мы не изобретем какого-то нового подхода к проблеме.

15. КАК ЭТО МОГЛО ПРОИЗОЙТИ?

Есть что-то общее в ремесле прокурора и в ремесле исторического романиста. Оба должны сделать свою историю правдоподобной, оба должны убедить — присяжных или читателя, — что все так и было на самом деле. Есть такая же аналогия между ремеслом литературного критика и ремеслом адвоката. Критик имеет право разнести любой роман, и никто не потребует, чтобы он переписал его в улучшенном виде, рассказал, как было на самом деле. Также и от адвоката не требуется выстраивать свою версию событий: достаточно если он разобьет аргументы обвинения.

Все критики Отчета комиссии Уоррена вели свою работу именно по "адвокатскому" принципу. Они доказывали, что обвинения против Освальда выстроены недостаточно прочно. Но никто из них (за редким и частичным исключением) не пытался предложить свою версию событий. Они только настаивали на том, что расследование велось безобразно, поэтому нужно провести новое. Они добились нового расследования, но и оно не принесло удовлетворения. Все позитивное, что смог предложить Комитет Стокса в 1978, укладывается в формулу: "Мы убедились, что президент Кеннеди был убит в результате заговора, но не смогли выяснить, как и кем злодейский умысел был приведен в исполнение".

Пока независимый исследователь нападает и критикует, он опасен, неуязвим и неуловим, как воин-кочевник. Но кочевник неспособен выстроить ничего прочного и долговечного. Отчет Комиссии, при всех его огрехах, нелепостях и передергиваниях, имеет то преимущество, что он до сих пор — единственная "история", единственный связный рассказ о событиях. (Есть и другие толстые тома — Уильяма Манчестера, Джима Бишопы, — но они тоже исходят во всех основных положениях из выводов Отчета.) Как плохой роман часто имеет больше читателей, чем самая блистательная критика его, так и Отчет будет занимать в читательском сознании больше места, чем отличные книги, развивающие его, до тех пор пока не будет предложена и детально разработана новая версия событий.

Вряд ли кто-нибудь сейчас готов к выполнению столь трудной задачи. Все еще идет борьба с первым расследованием, все еще тянется расчистка места под новое строительство. Тем не менее, в первой части мы попытались выстроить реальную картину участия Джека Руби в преступлении. И надо признать, что в каких-то местах мы отступали от строго юридического подхода к делу. Это означает, что критерию

психологического правдоподобия придавалось большее значение, чем показаниям явно лгущих свидетелей или явных сообщников. Я собираюсь следовать этому методу и впредь. То есть буду делать то, что недоступно прокурору, но доступно историческому писателю: связывать между собой твердо установленные факты не только свидетельскими показаниями и уликами (которые могут быть искажены, уничтожены, подтасованы), но также и логикой человеческих страстей там, где эти страсти обнаруживают себя явно — поступками и порывами, словами и умолчаниями, страхами и надеждами.

Какие же факты можно считать твердо доказанными?

Первый и главнейший: Освальд не был абсолютно невинным ягненком, каким его рисуют многие критики, до какой-то степени он был вовлечен в заговор.

На чем основан такой вывод?

Накануне дня покушения, нарушив сложившийся порядок — визиты по выходным, — Освальд поехал в Ирвинг повидаться (или проститься?) с семьей. Уезжая утром 22 ноября на работу, он оставил жене практически все деньги и обручальное кольцо. Две минуты спустя после выстрелов на Дэйли-плаза он выглядел (по показаниям полицейского Бэйкера и управляющего Трули) абсолютно спокойным — может быть, единственный из сотен людей, оказавшихся свидетелями событий. Он единственный из 70 сотрудников поспешил покинуть книжный распределитель. (Был еще один — Чарльз Гивенс, — но он потом вернулся.) Ружье, найденное на шестом этаже, принадлежало ему. Все вышеизложенное не может быть использовано как юридическое доказательство вины, но для рядового здравомыслящего наблюдателя делает ясным факт соучастия Освальда в заговоре.

Конечно, он мог быть неправильно информирован злоумышленниками о целях и масштабах задуманного. Но даже если ему была отведена лишь пассивная роль, роль козла отпущения, они не могли оставить его в абсолютном неведении. Под каким-то предлогом надо было заставить его принести ружье в здание ТРУ. Если допустить, что ружье было подброшено туда, все равно необходимо было под каким-то предлогом выманить его у Освальда в день убийства или за несколько дней до того. Нужно было каким-то образом гарантировать, чтобы в момент выстрелов он оказался один, а не на глазах сотрудников, которые могли бы засвидетельствовать его невиновность. Что-то нужно было сделать, чтобы после убийства он поспешил покинуть здание и оказался бы где-то вдали от людских глаз.

Второй доказанный факт касается гибели Типпитта.

Бегство Освальда с револьвером в руке с места убийства, наличие у него револьвера при аресте полчаса спустя, гильзы, найденные на пути бегства, парафиновый тест, подтвердивший пользование огнестрельным оружием в тот день, — все приводит нас к выводу, что Освальд,

по меньшей мере, принимал участие в стрельбе, завершившейся гибелью полицейского.

Наконец, третий факт был доказан всем содержанием первой части этой книги: убийство Освальда Джеком Руби два дня спустя было одним из звеньев заговора на жизнь президента Кеннеди.

Этот последний факт дает нам возможность сделать один очень важный вывод: *если убийство Освальда было организовано с такими трудностями и опасностями, когда он был под охраной семидесяти полицейских, значит первоначальный сценарий должен был включать в себя его убийство где-то в более благоприятных обстоятельствах, скорее всего в тот короткий промежуток времени между стрельбой на Дэйли-плаза и началом активного расследования, в процессе которого Освальд мог выдать своих сообщников.*

Попробуем снова (как мы это делали в истории с Джеком Руби) поставить себя на место заговорщиков, планирующих представить Освальда главным и единственным убийцей. Каким образом было проще всего избавиться от него? Просто пристрелить в здании или на улице? Это слишком явно указывало бы на замечание следов, на наличие заговора. Убит при попытке задержания, убит полицейским — вот это был бы идеальный вариант. Причем лучше всего, чтобы это произошло вдали от людских глаз, где-то на тихой и пустынной улице. Значит, нужно было позаботиться о том, чтобы доставить Освальда к месту этой встречи. А если бы и полицейский оказался убит в процессе перестрелки, расследование зашло бы уже в безнадежный тупик. Случайным свидетелям, оказавшимся у места происшествия, можно было бы устроить впоследствии автомобильную аварию, сердечный приступ, падение из окна. И все. Концы в воду.

Но одно дело — сочинить сценарий и разыграть его на Голливудской площадке. Другое — осуществить его в реальной жизни, где статисты не вышколены, актеры непредсказуемы, а судьба постоянно вмешивается, как самый сумасбродный продюсер.

Поэтому все обернулось так...

12.32—12.45, Дэйли-плаза

Президентский автомобиль, в котором забрызганная кровью и мозгом Джеки Кеннеди держала на руках смертельно раненного мужа, только что умчался в сторону Паркландской больницы. Выли полицейские сирены. Люди метались по площади. Часть бежала вверх по травяному откосу в сторону кустов, из которых раздались выстрелы. (Почти три четверти свидетелей заявили, что звуки выстрелов донеслись из этих кустов, трое видели там вспышку.) Посреди всеобщего смятения лишь один человек сохранял внешнюю невозмутимость. На втором этаже книжного распределителя он подошел к автомату и протянул руку за бутылкой кока-колы. В этот момент полицейский

Бэйкер, держа пистолет в руке, окликнул его и велел подойти. Но следовавший за полицейским управляющий Трули заверил его, что он знает этого парня, что это их служащий Ли Харви Освальд, после чего они с полицейским побежали дальше наверх обыскивать здание. ⁴

Минуту спустя одна из служащих распределителя, миссис Рейд, встретила Освальда, с бутылкой кока-колы в руках, медленно проходящим через помещение конторы на втором этаже. Она была последним сотрудником ТРУ, видевшим Освальда в тот день. Спрашивается, каким путем и когда он покинул здание? ⁵

Отчет Комиссии говорит, что через главный вход в 12.33. Но все это время у главных дверей, выходящих на Эльм-стрит, толпился народ, в том числе сослуживцы Освальда. Ни один не увидел его покидающим здание. Если он хотел улизнуть незамеченным, было бы глупо пользоваться главным входом. Скорее всего он ждал внутри у одного из окон, пока не заметил на улице светло-зеленый Рэмблер-пикап; после этого выбежал через задние двери и затем на Эльм-стрит, где его и заметили по меньшей мере трое свидетелей (см. выше стр. 97) садящимся в автомобиль.

Могут возразить, что к тому моменту кругом было полно полицейских. Однако даже Отчет признает, что здание ТРУ было оцеплено не раньше, чем в 12.37, а может быть и позже. Сотрудник распределителя, Билл Шелли, сказал, что сзади оставалось четыре неохранных двери, через которые любой мог войти и выйти. Агент Секретной службы Соррелс никем не был остановлен, когда воспользовался этими дверьми в 12.50. Капитан Фриц прибыл в 12.58 и был спрошен полицейскими, не прикажет ли он оцепить здание. ⁶

В это время автобус, за рулем которого сидел водитель Макватерс, медленно продвигался по Эльм-стрит в сторону Дэйли-плаза. За шесть или семь кварталов до площади в автобус вошел человек, запомнившийся Милтону Джонсу: 30-35 лет, 5 футов 11 дюймов, худощавый, редущие волосы, брови защитного цвета (см. стр. 90). Пробыв в автобусе всего несколько минут, он попросил трансфер и вышел. Что могло помешать этому неизвестному сесть в небольшой серый автомобиль и отправиться выполнять вторую часть своего задания — подогнать Освальда около его дома в час дня?

12.58—1.20, район Оак Клиф

С того момента, как мы даем Роджеру Крэйгу убедить нас в том, что он говорил правду и не ошибался, логический аппарат нашего ума испытывает огромное облегчение. Больше не нужно вслушиваться в бредни миссис Бледшоу (которая, скорее всего, проезжала в каком-то автобусе в районе Дэйли-плаза и выдумала встречу со своим бывшим постояльцем, когда увидела его вечером по телевизору), в путаницу показаний таксера Вэлли; не надо пытаться убедить себя,

что обезумевший Освальд бежал сначала от книжного распределителя, потом ехал к нему обратно на автобусе, потом прыгал в такси, проезжал семь кварталов мимо своего дома и бежал к нему обратно. Его увез с места преступления сообщник в светло-зеленом Рэмблер-пикапе и этот же сообщник (или другой несколько позже) вручил ему автобусный трансфер, чтобы объяснить в случае ареста, каким путем он добирался до дома, а то и обеспечить алиби (мол, и в здании-то я не был в это время, тихо ехал на автобусе) .

Просто, логично, последовательно.

По совету тех же сообщников он оставил куртку в автомобиле, чтобы ее можно было подбросить потом в книжный распределитель и тем самым поставить под сомнение показания свидетелей, видевших его бегство из здания. (Домоуправляющая Эрлен Робертс видела, что он прибежал домой без куртки.) 7

Освальду было обещано, что о бегстве его позаботятся, что он сможет, наконец, попасть на "остров свободы", куда он так рвался, сможет увидеть своего кумира Кастро. (Одним из вымышленных имен, использованных Освальдом, было имя Ф. Хидель.) Именно поэтому он давно настаивал, чтобы жена с детьми вернулась в СССР, именно поэтому совершил прощальный визит в Ирвинг, оставил там почти все деньги и обручальное кольцо. Возникает единственный вопрос: почему автомобиль сразу не рванул прочь из города или, скорее, к тому месту, где Освальд должен был быть уничтожен?

Мафия обычно использует два автомобиля для бегства. Один увозит с места преступления — он может быть замечен и опознан свидетелями, кто-то может записать номер. Другой (или другие) ждет где-то на тихой улице, и в него участники пересаживаются уже спокойно, не привлекая внимания. Нет никаких оснований думать, что профессионалы, организовавшие убийство президента, отказались от этой удобной и проверенной методики.

Таким образом место пересадки из одного автомобиля в другой должно было быть запланировано при любых обстоятельствах. Вполне возможно, что Рэмблер-пикап доставил Освальда к его дому, а дальше о его судьбе должен был позаботиться кто-то другой. Кто-то, кого он ждал, стоя на автобусной остановке у своего дома, где его последний раз видела Эрлен Робертс примерно в 1.03. 8

Как мы уже убедились (стр. 92), все свидетельские показания говорят о том, что Типпит был убит между 1.07 и 1.10, а не в 1.15, как гласит Отчет. Пешком Освальд не мог попасть к углу Десятой и Паттон ⁹ за семь минут. Более того: никто и не видел его идущим пешком. Одна лишь Элен Маркхэм уверяла, что Освальд шел по Десятой улице в восточном направлении, когда машина Типпита поравнялась с ним. Но все говорит за то, что Маркхэм — паталогическая лгунья, оказавшаяся у места происшествия гораздо позже. Зато самый обстоятельный свидетель,

таксист Скоггинс, который ел свой ланч, сидя в такси на самом перекрестке, заметил полицейскую машину, медленно проехавшую по Десятой, но не заметил, чтобы кто-то прошел мимо. Могут возразить: "Кто обращает внимание на случайных прохожих?" Но Десятая — настолько малолюдная улица, что идущий человек на ней гораздо большая редкость, чем проезжающая машина. (Я пробыл на ней минут 15 во время визита в Даллас в 1985 году и за это время не заметил ни одного.) Если же в тридцати метрах от вас раздаются выстрелы и человек с пистолетом бежит в вашу сторону, вы скорее всего узнаете в нем прохожего, миновавшего вас незадолго до этого. Но Скоггинс не видел Освальда идущим. В просвет между кустами он видел его уже стоящим около машины Типпита.

10

Какую роль мог играть человек в длинном пиджаке, замеченный Фрэнком Райтом и умчавшийся в сером автомобиле? Послушаем специалиста, знающего методы преступного мира:

Намеченную жертву убийце показывает "человек-палец". Человек-палец знает только две вещи: лицо (необязательно даже имя) жертвы и лицо (имя необязательно) убийцы. Если человек-палец исправно выполнит свою роль, жертва будет уничтожена.

11

Судя по всему, человек-палец исправно выполнил первую часть задачи и доставил Освальда в своем сером автомобиле от дома на Норт-Бэкли-стрит в нужное место. И, может быть, не его вина, что жертва на этот раз оказалась неожиданно зубастой и опередила своего убийцу. Типпит успел извлечь пистолет из кобуры, но не успел воспользоваться им. Сценарий не сработал.

12

На сцене появляется полицейский

С точки зрения юридической у нас нет достаточных оснований для обвинения Типпита в участии в заговоре. С моральной точки зрения тоже неправомерно бросать тень на память погибшего человека, который не может оправдаться. Чтобы как-то сгладить возникающую неловкость, попробуем восстановить возможный ход событий, говоря не о нем, а о некоем условном полицейском Т.

Что мы знаем о нем? Очень немного. Жизнь у него была самая заурядная. Десять лет службы в полиции без повышения в чине. Доходы скромные, счет в банке — соответствующий. Подрабатывал по выходным, наблюдая за порядком в закусочной Остин. Был хорошим семьянином, ходил в церковь. Правда, член Комиссии Уоррена, Аллен Даллес, спросил у начальника полиции Карри, справедливы ли слухи о замешанности полицейского Т. в наркотиках. Карри заявил, что слухи эти необоснованы.

13

И еще мы знаем, что у этого полицейского Т. был близкий приятель, которого звали Джек Руби.

В свое время (в первой части) мы не задавались вопросом, почему именно Руби было приказано пожертвовать собой ради уничтожения Освальда. А ведь в мире синдиката царят свои правила, своя справедливость. И объяснение напрашивается само собой: эта "работа" была поручена Руби с самого начала, он провалил ее, не выполнил в требовавшийся момент, т. е. 22-го ноября, и был вынужден исправлять свою ошибку такой дорогой ценой, на глазах у всего света, 24-го.

Мы не знаем, какая сумма была выделена Руби на оплату исполнителей, но, судя по тем тысячам долларов, которыми были набиты его карманы 22–24 ноября 1963 года, деньги были отпущены немалые. Каким образом он должен был обрисовать задачу полицейскому Т.? Нет, не было никакой нужды говорить ему о заговоре на жизнь президента. (Да и знал ли об этом сам Руби?) Исполнителю опасного трюка в фильме не дают читать весь сценарий. Ему просто говорят: ты пробегаешь по крыше горящего дома и прыгаешь оттуда в бассейн. На этом твоя миссия кончается. Получаешь деньги — и до свиданья.

В истории с Т. задача могла быть обрисована следующим образом. 22-го ноября, примерно в 12.00 ты переключаешь приемник в своей машине на такую-то волну. По этой волне тебе будут передаваться указания о том, куда ехать, чтобы выйти на цель. Когда цель будет совсем близка, ты увидишь автомобиль (например, серый двухместный "плимут" 1952 года), неправильно отпаркованный носом против движения. Ты остановишься якобы для того, чтобы сделать замечание водителю. В машине будут двое. Вот фотография одного из них — того, которого следует пристрелить. Второй подсунет убитому в карман пистолет и будет свидетелем, что тот угрожал тебе оружием и ты был вынужден убить его, защищаясь. О случайных свидетелях мы позаботимся. Плату за работу получишь такую-то.

Возможен был и более тонко разработанный вариант. Чтобы усыпить опасения полицейского Т. (все же не так легко подбить непривычного человека на убийство даже за большую плату), его могли попросить просто задержать указанного человека и доставить его в полицию с каким-то пустячным обвинением, которое трудно опровергнуть: скажем, оскорбление словом носителя власти. Оказать такую дружескую услугу Джеку Руби полицейский Т. вполне мог согласиться и за очень скромную мзду, и даже не очень расспрашивая, зачем это понадобилось старому приятелю. В этом втором варианте все развивалось бы так же, как и в первом, до момента встречи. Но в момент встречи человек-палец должен был расширить свои функции: он должен был застрелить полицейского и тут же (желательно — воспользовавшись пистолетом убитого) застрелить Освальда.

Если именно этот второй вариант имел место, множество загадок оказываются разрешимыми.

Во-первых, не надо больше ломать голову над тем, как Типпит

нашел Освальда. (Если верить Комиссии Уоррена, что Типпит опознал его по описанию, переданному по радио в 12.45 — "белый мужчина, лет 30, худощавый, рост 5 футов 10 дюймов, вес 165 фунтов, во что одет — неизвестно", — непонятно, почему тысячи других жителей Далласа, подпадающих под это описание, не были притащены в полицию.) Он нашел его, потому что держал перед собой его фотографию, потому что искал именно его и ему в этом хорошо помогали.

14

Во-вторых, становится ясно, почему пули, извлеченные из тела Типпита, не соответствовали найденным гильзам, — потому что по крайней мере две гильзы были подброшены заговорщиками. Вы можете заготовить заранее гильзы с отметками нужного вам пистолета, но нет никакой гарантии, что убийца (в данном случае Освальд) воспользуется патронами той же фирмы. Вполне возможно, что все пули, извлеченные из тела Типпита были изготовлены одной фирмой (скажем, Винчестер-Вестерн), а найденные гильзы были разных фирм, и полицейское начальство не знало, как скрыть этот факт, не возбуждая подозрения в наличии заговора.

В-третьих, самоуверенное поведение Освальда в полицейском управлении, его заявление, что он никого не убивал, полное отсутствие чувства страха или вины, отмеченное многими, тоже приобретают смысл. Если, действительно, он был лишь подставной фигурой и не стрелял в президента, то ему оставалось лишь доказать, что Типпит сам был в заговоре и что он выстрелил в него, защищаясь, — и тогда появлялись довольно значительные шансы если не на оправдание, то на легкий приговор при гарантированной мировой славе.

В-четвертых, поведение полиции города Далласа в расследовании убийства на Десятой улице тоже становится вполне объяснимо. Она с самого начала отдавала себе отчет в том, что присутствие Типпита вдали от отведенного ему участка патрулирования и его встречу с Освальдом невозможно объяснить простой случайностью. Стоило Комиссии Уоррена затребовать планшет и фотографию, упоминание о которых всплыло во время допроса сержанта Барнса, и предумышленность встречи сделалась бы стопроцентно очевидной. Поэтому-то полицейское управление прятало извлеченные пули от ФБР, результаты вскрытия тела Типпита — от Комиссии Уоррена, а планшет и фотографии, найденные в машине убитого, — от всего света.

15

Объективности ради здесь следует заметить, что Типпит и те двое полицейских, что подъезжали к дому Освальда в час дня, могли оказаться вовсе незамешанными в заговоре. Руби мог вовлечь их в свою игру обманом: сказать, что в таком-то месте, в такое-то время они имеют шанс схватить крупного преступника в момент какой-то важной незаконной операции. Это называется "тип", и такие "типы" полицейские очень часто получают от свих знакомых из уголовного мира. Без них полиция не могла бы работать эффективно. Полицей-

ское начальство должно было понимать, что такая возможность существовала. Но оно не хотело рисковать.

Признать, что их подчиненный был замешан в заговор на жизнь президента, — малоприятная перспектива. Но было ли оправданным ради сокрытия этого факта пускаться на подделки и лжесвидетельства, которые являлись уже не просто должностными упущениями, но уголовно-наказуемыми деяниями?

16. ПОЛИЦИЯ ДАЛЛАСА ЗАМЕТАЕТ СЛЕДЫ

Приметы Освальда

В 12.43 инспектор Сойер, находившийся около книжного распределителя на Дэйли-плаза, радировал полицейскому диспетчеру сообщение, которое тут же было передано в эфир:

СОЙЕР: Описание подозреваемого: худощавый мужчина, белый, лет тридцати, рост пять футов, десять дюймов, вес 165 фунтов, в руках ружье калибра 30-30, видимо, Винчестер.

ДИСПЕТЧЕР: Во что одет?

СОЙЕР: Свидетель не может припомнить этого.

ДИСПЕТЧЕР: Подозреваемый все еще находится в здании или покинул его?

СОЙЕР: Свидетель не мог сказать с уверенностью... Свидетель также не знает, был ли он в здании вообще. 1

Какие парадоксы, оказывается, выкидывает порой память свидетеля! Он сумел определить рост, вес и возраст человека, но не заметил, во что тот был одет. Больше того: свидетель не сказал, видел ли он подозреваемого с ружьем в здании ТРУ или где-то в другом месте. 2

Кто же был этот загадочный свидетель, первым сообщивший приметы подозреваемого убийцы?

Комиссия Уоррена считала, что честь эта принадлежит Ховарду Бреннану, строителю-монтажнику, который увидел человека, целившегося из ружья в окне шестого этажа ТРУ. Однако Бреннан ничего не говорил о росте человека (и немудрено — он видел его в окне). Он также не мог выражать сомнения по поводу местонахождения стрелявшего, ибо видел его в здании. Наконец, он заявил, что описал виденное им не инспектору Сойеру, а агенту Секретной службы Соррелсу, который прибыл на Дэйли-плаза в 12.50, то есть уже после передачи сообщения в эфир. 3
4

Инспектор Сойер плохо помнил человека, сообщившего ему приметы подозреваемого. В первые минуты после выстрелов такое количество людей спешило рассказать полицейским о том, что они видели, что инспектор был вынужден всех их отсылать в сопровождении детективов в контору шерифа. Послал он туда и этого свидетеля и больше его не видел. Запомнил только, что это был белый мужчина лет тридцати пяти, без особых примет. (Интересно, не был ли он одет в брюки цвета хаки?) Бреннан же носил каску строителя, которую трудно было не запомнить. 5

Попробуем подойти к этому загадочному эпизоду с другой стороны: Если сценарий заговорщиков предполагал уничтожение Освальда вскоре после выстрелов на Дэйли-плаза, полицейский, которому следовало задержать его, должен был иметь предлог для этого. Радио-сообщение с описанием примет было идеальным предлогом. И, как мы видим, обеспечить его не составило труда: любой человек, ничем не рискуя, мог подбежать посреди общего смятения к инспектору Сойеру и заявить, что видел человека с ружьем, который вел себя крайне подозрительно.

Подставной свидетель мог получить заранее лишь часть примет Освальда, которые он и перечислил инспектору: худощавый, белый, такого-то роста и такого-то веса. Но он не мог знать накануне, во что Освальд (которого он, скорее всего, и в глаза не видел) будет одет в тот день и где он будет находиться в момент стрельбы. (Возможен и второй вариант: у заговорщиков был в запасе другой козел отпущения, и они лишь в последний момент могли решить, который из них будет выглядеть правдоподобнее.) Именно поэтому важнейшие моменты — местонахождение и одежда подозреваемого оказались опущенными в радио-сообщении. Нелепость подобного упущения, конечно, не привлекла внимания следователя Белина.

Зато его явно огорчала другая часть показаний инспектора Сойера. Тот заявил, что, кроме примет белого подозреваемого, он передал в эфир приметы черного служащего ТРУ, который поспешил скрыться с места происшествия. Помощник шерифа пришел из конторы, где велся опрос свидетелей, и принес фотографию Чарльза Гивенса, перечень его примет и сообщение о том, что за этим человеком числится замешанность в дела, связанные с наркотиками. Сойер передал имя и приметы в эфир, и некоторое время спустя Гивенс был задержан и отправлен в распоряжение капитана Фрица.

Но куда же девалось это важное сообщение? Сколько ни рылись, так и не нашли его в записях радио-переговоров № 1. Зато в радио-2 и радио-3 это сообщение было восстановлено.

Радио-транскрипты

Первый (сокращенный) вариант датирован 3 декабря 1963 года. Будем называть его радио-1. Второй, более полный, был изготовлен полицией Далласа по требованию Комиссии в конце апреля 1964 года (радио-2). Наконец, радио-3 являет собой наиболее полную запись, с именами переговаривающихся полицейских (а не только с их номерами, как в радио-2), изготовленную ФБР по пленкам и пластинкам, предоставленным опять же Далласской полицией.

Радио-1 названо в Приложениях к отчету "Документы Сойера", хотя никакого отношения к честному Сойеру они не имеют. (Не для придания ли им достоверности пристегнули сюда это имя?) Описание

Чарльза Гивенса, посланное им, как мы видели, не попало в первый транскрипт. Но руководство Далласской полиции использовало не только ножницы в обработке этих важных документов. Творчество было целенаправленным, многоступенчатым, подгонявшимся под нужды момента.

Первая и главная задача была: доказать, что перемещения Типпита совершались с ведома и одобрения начальства, что он переключался из отведенного ему района патрулирования (№ 78) в чужой (№ 91) не просто так. Для этого уже в радио-1 вставляется запрос диспетчера, отнесенный ко времени 12.45:

ДИСПЕТЧЕР: Вы находитесь в районе Оак Клиф?

ТИППИТ: Да, угол Ланкастер-стрит и Восьмой.

Ради чего же полицейский диспетчер посреди небывалого смятения обратил внимание на неприметного патрульного, находящегося примерно в четырех милях от места покушения на президента? С каким важным сообщением он хотел обратиться к нему в минуты, когда эфир был переполнен призывами и запросами полицейских, пытавшихся сообщить Управлению важную информацию?

ДИСПЕТЧЕР: Будьте начеку на случай любых непредвиденных обстоятельств.

Какое ценное указание! Какое своевременное напоминание!

Видимо, в штате далласской полиции не было предусмотрено должности профессионального драматурга, который мог бы придумать здесь убедительную ремарку. Пришлось довольствоваться вопиющей банальностью. Но неудовлетворенность собственным творчеством свойственна и сочинителям в мундирах. В радио-2 мы видим уже более развернутую картину отношений между диспетчером и Типпитом. Оказывается уже в 12.45 диспетчер приказал полицейским Типпиту и Нельсону отправиться в Оак Клиф. Хорошая деталь: не одному Типпиту (чтобы не возникало вопроса — почему именно ему?), а сразу двум. Но сочинительство — трудное дело. Ядовитые критики стали впоследствии спрашивать, отчего же Нельсон не послушался команды и отправился куда и все — на Дэйли-плаза? И отчего никто не спросил его потом, почему он не подчинился приказу?

Хотя в радио-1 ясно сказано, что в 12.45 состоялся последний акт радиосвязи между Типпитом и диспетчером, в радио-2 мы находим еще и другие попытки. Примерно в 1.00 диспетчер якобы спрашивает Типпита о местонахождении, но не получает ответа. В 1.08 Типпит якобы безуспешно взывал к диспетчеру. (Не для того ли, чтобы подтвердить: "Меня еще не застрелили"?). Наконец, по получении известия

от прохожих о стрельбе на Десятой улице диспетчер начинает судорожно вызывать не полицейского Менцеля, который патрулировал этот район, а именно Типпита. Эти призывы появились уже в радио-1, но в радио-2 для пущей убедительности добавлено: 12

ЧЕЙ-ТО ГОЛОС У МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ДОБАВЛЯЕТ: Патрульная машина № 10, полицейский № 78. 13

Еще через несколько месяцев сообразили, что хотя номер машины был указан прямо на дверце, никто из прохожих, сбежавшихся к месту происшествия, не мог знать, что в радиопереговорах убитый полицейский обозначался кодовым номером 78. В радио-3 эту красочную деталь убрали. 14

Ключевой момент, выдающий подделки в радио-транскриптах, — отметки времени. Они расставлены неравномерно. Имеющиеся в одном варианте часто отсутствуют в другом. Тем не менее можно проследить любопытный феномен. В радио-1 (сокращенном) на одну минуту времени приходится примерно 4–5 строчек текста переговоров. Но сообщение об убийстве полицейского помечено 1.18 и отстоит от предыдущей пометки — 1.04 — на 15 строк. То есть можно подумать, что полицейские впали вдруг в задумчивость и стали разговаривать в пять раз медленнее (одна строчка в минуту). Если же подставить вместо 1.18 то время, которое называли свидетели — 1.10 (см. выше стр. 92), то темп переговоров вернется к нормальному. 15

То же самое и в радио-3. Средняя густота записей: страница (30 строк, ибо это самый подробный транскрипт) в минуту. И вдруг накануне сообщения об убийстве Типпита, переданного прохожим, происходит такой же “наплыв” молчаливости — 4 строки в минуту. То есть почти в 8 раз немногословнее. 16

Но самый любопытный сдвиг обнаруживается в радио-2. Там тоже проделаны все трюки накануне сообщения прохожего, тоже между пометкой 1.11 и 1.15 помещается всего 12 строк (до этого средняя плотность текста — 10 строк в минуту), но вдруг на следующей странице стоит черным по белому 1.10. То есть опять же время, названное свидетелем Боули. Что это? Оплешность фальсификаторов? забыли исправить? или время вернулось вспять? А еще восемнадцать строчками ниже пометка времени хранит следы таких грубых подправок, что уже невозможно разобрать: то ли это 1.12, то ли 1.19. 17

Как бы там ни было, все три радио-транскрипта хранят следы явных подделок, направленных на искажение реального хода событий и хронометража. Из четырех полицейских-диспетчеров, обслуживавших 1-ый канал радиосвязи 22-го ноября, был допрошен только один. Но и его расспрашивали только о событиях 24-го ноября (день убийства Освальда). Ни один из них не был вызван для того, чтобы подтвердить 18

или сверить тексты радиопереговоров. Так как последний, самый полный, радио-транскрипт был получен Комиссией Уоррена лишь в августе 1964-го, времени на критический анализ уже не оставалось. Администрация президента Джонсона требовала любой ценой закончить отчет до выборов в ноябре.

Капитан Фриц и адреса Освальда

Сейчас трудно установить, кто именно из полицейских чинов занимался подчисткой радио-транскриптов. Так как это делалось многократно и многоступенчато, надо полагать, творчество было коллективным и не могло протекать без ведома начальства. Однако есть один высокопоставленный страж закона, чье поведение на протяжении всего расследования выглядит особенно подозрительным.

Словно какое-то затмение нашло на опытного (больше 30 лет службы) капитана Фрица в тот день. С момента прибытия на Дэйли-плаза (12.58) он начинает совершать ошибку за ошибкой. Вот ему передают найденное ружье после того, как оно было сфотографировано и проверено на отпечатки пальцев. Он извлекает из зарядника неиспользованный патрон и, некоторое время подержав его у себя, передает впоследствии работникам лаборатории, не сделав никаких отметок на патроне (что полагалось по правилам). Не поставил он никаких опознавательных инициалов и на самом ружье.

19

После обнаружения ружья управляющий, мистер Трули, сообщает ему, что один из служащих ТРУ отсутствует. Какая реакция была бы нормальной на подобное сообщение? Поручить кому-то из подчиненных проверить полученную информацию, съездить по указанному адресу (управляющий Трули знал только адрес в Ирвинге) — это было бы вполне естественно. (Вспомним, что капитан Сойер, получив сообщение об исчезнувшем Гивенсе, просто послал сообщение в эфир.) Но нет. Имя отсутствующего так, видимо, впечатляет капитана Фрица, что он оставляет место преступления и, в сопровождении двух помощников, мчится в полицейское управление. Зачем? “Проверить, не числилось ли за этим человеком других преступлений в наших досье”, — отвечает капитан. Как будто это нельзя было сделать по телефону.

20

В управлении ему говорят, что задержан человек, подозреваемый в убийстве полицейского. Есть свидетели, видевшие, как он убегал. Зовут его Ли Харви Освальд. “Да ведь это тот самый, которого мы подозреваем в убийстве президента!” — восклицает капитан Фриц.

21

Спешно делаются приготовления, и примерно в 2.25, в тесном кабинете капитана Фрица, начинается допрос задержанного. Без стенографа. Без магнитофона. Люди входят и выходят. Звонит телефон. Сам Фриц то и дело отлучается. В это время допрос ведут другие. Капитан отдает распоряжения полицейским в коридоре, торопит организацию

опознания и вызов свидетелей, сам бежит за нашатырным спиртом для то и дело теряющей сознание Элен Маркхэм.

Все ответы Освальда потом пришлось собирать по воспоминаниям присутствовавших при допросе. И так как в конечном итоге дольше всего разговаривал с задержанным сам капитан Фриц, его отчет и стал главным источником информации об этом допросе. Отсутствие магнитофона если и было оплошностью, то оплошностью весьма удобной. Впоследствии, давая показания Комиссии Уоррена, капитан Фриц имел возможность изворачиваться, подправлять себя, забывать ненужное. Он смог даже затуманить самый опасный для него вопрос: как и в какой момент он узнал адрес Освальда в Далласе, на Норт-Бэкли-стрит, куда он вскоре отправил полицейских с обыском.

В конце допроса член Комиссии Даллес спрашивает Фрица, знала ли полиция Далласа что-то об Освальде до этого ареста. И капитан решительно заявляет, что ни он, ни члены его отдела ничего не слышали об этом человеке и никаких материалов на него в полицейских досье не обнаружено.

22

Однако ведь и полицейские — люди, и у них нервы не железные. Где-то в начале допроса Фриц на минуту расслабился и проговорился, что он послал двух своих подчиненных по адресу 1026 Норт-Бэкли-стрит сразу по приезде в полицейское управление. Тут же он так пугается, что начинает нести околесицу:

23

ФРИЦ: Я не думаю, чтобы у нас был адрес на Бэкли в этой части этого вопроса. (Sic!)

БОЛЛ (следователь Комиссии): У вас не было этого адреса к этому моменту, хотите вы сказать?

ФРИЦ: Нет, не в это время, но как только я прибыл по этому адресу.

БОЛЛ (спешит на помощь): Давайте поговорим об этом позже и тогда разберемся, когда вы туда прибыли.

ФРИЦ: Прибыл туда?

24

Капитан даже не сумел воспользоваться передышкой, предоставляемой ему следователем. Он так спешит замазать свою промашку, что тут же выдумывает какого-то полицейского (имени, конечно, не помнит), который в коридоре сказал ему про адрес на Норт-Бэкли-стрит. Час от часу не легче: опять получается, что полиция знала про этот адрес, который Освальд держал в тайне даже от жены. Следователь снова спешит на помощь, задавая бессмысленный тавтологический вопрос:

БОЛЛ: Он /Освальд/ был уже доставлен в полицейское управление к этому времени?

ФРИЦ: Он был в управлении, когда мы туда прибыли, вы же знаете.

БОЛЛ: Значит, был?

ФРИЦ: Да, сэр. Так что, начав разговаривать с ним, я спросил, где он снимает комнату на Бэкли. (Курсив мой — И. Е.)

25

Откуда он узнал, что Освальд снимает комнату, если управляющий Трули дал ему адрес в Ирвинге? Откуда узнал, что на Бэкли? Бедный Фриц совсем бы пропал, если бы семь страниц спустя добрый следователь Болл не придумал, как помочь ему.

БОЛЛ: И вот во время этого первого разговора Освальд сказал вам, что он живет на 1026 Норт-Бэкли?

26

Только тут до Фрица доходит, что ему подсовывают толстую соломинку; что остальных присутствовавших при допросе Освальда не будут спрашивать, была ли речь о его адресе вообще. "Да, сэр", — с облегчением говорит капитан. Нет, что ни говорите, а вести допросы без магнитофона и стенографа — полезнейшая вещь.

Но еще полезнее было бы не иметь среди подчиненных честных упрямцев, которых никак не заставишь играть по сценарию. Таких, например, как лейтенант Ревилл.

В сущности 13 мая 1964 года Комиссия Уоррена допрашивала лейтенанта совсем о другом. В день убийства президента он столкнулся со своим приятелем, агентом ФБР Джеймсом Хости, и тот в волнении проговорился, что они знали об Освальде, знали о его прокоммунистических настроениях, знали, что он может быть опасен. Лейтенант был возмущен тем, что ФБР утаило такую важную информацию от них, от полиции, и, несмотря на старую дружбу с Хости, немедленно написал рапорт о состоявшемся разговоре своему начальству. Вот этот-то доклад, написанный по свежим следам примерно в 3.30 полудни, 22 ноября 1963 года, и привлек внимание следователей. Ибо в отведенных строчках бланка, сразу вслед за именем Освальда, стоит адрес: 605 Элзбет-стрит.

27

Освальд с семьей, действительно, жил по этому адресу в конце 1962-го и в начале 1963 года. Но откуда же полиция, которая якобы не имела о нем никаких сведений, могла знать этот старый адрес уже в 3.30, в день убийства президента? Лейтенант Ревилл заявил, что он был передан ему двумя детективами, и обещал расспросить их, откуда они его взяли. Однако никаких сведений о дальнейшем расследовании этой загадки мы не находим в 26 томах. Более того: сам доклад был поначалу утаен от Комиссии полицией. Лишь после того, как сведения просочились в прессу, пришлось обнародовать этот важный документ.

28

В тот же день, то есть 22-го ноября 1963 года, капитану Ганнавей был передан список всех служащих ТРУ с адресами. Имя Освальда

стоит первым. И адрес рядом с ним не тот, что был в документах распределителя, — адрес Руфи Пэйн в Ирвинге. И не тот на Норт-Бэкли, который капитан Фриц каким-то чудом знал сразу по приезду в полицейское управление. Нет, там вписан все тот же старый адрес: 605 Элзбет.

29

(Между прочим, полиция могла бы предложить довольно невинное объяснение: при аресте у Освальда нашли библиотечную карточку — правда старую — с этим адресом. Однако в его карманах были и другие карточки с другими адресами. Кроме того, уже были точно известны два его текущих адреса. Думается, выбрать из всех возможных именно адрес на Элзбет-стрит можно было лишь в том случае, если этот адрес был взят прямо из полицейского досье.)

30

Только очень наивные люди могут поверить, что далласская полиция не знала о жителе их города, который прославился тем, что убежал в Россию, отказался от американского гражданства, а затем вернулся обратно и агитировал за "новую Кубу". Поведение капитана Фрица, который сразу оставил обыск здания ТРУ и помчался в полицейское управление, как только услышал имя Освальда; полицейский доклад о некоем человеке, который распространял прокубинскую литературу на улицах Далласа, совпадающий с описанием этого инцидента в письме самого Освальда и подтверждающий, что это был именно он; наконец, знание полицией по крайней мере двух адресов Освальда ясно показывает, что сведения о нем были в их архивах.

31

А значит, и капитан Фриц, и шеф Карри лгали Комиссии Уоррена в этом вопросе. Но зачем? Неужели признание в ошибке, в недооценке опасности подозрительного человека было чревато для них более серьезными последствиями, чем разоблачение прямой лжи под присягой? Или Освальд, как и Руби, для отвода глаз предлагал им свои услуги в качестве осведомителя, они пользовались им и теперь были в смущении, боялись, что это выплывет наружу?

32

Нам остается лишь гадать о мотивах поведения этих людей. Их психология, действительно, должна была обладать какой-то туповатой инерцией, ставившей служебные интересы и соображения превыше всего. Посреди бела дня, на глазах всего мира в их городе был убит президент страны, а они даже не перекрыли движение на Дэйли-плаза. Как же можно — ведь образовались бы пробки! Грузовики, автобусы, автомобили продолжали катить, как будто ничего не случилось. Площадь не была оцеплена, и половина свидетелей разошлась по домам, не дав никаких показаний. Конечно, ускользнули и убийцы.

Полицейское начальство могло иметь и другие причины для тревоги. Связи их подчиненных с преступным миром выплывали в расследовании дела Руби неудержимо. Но они уже к тому моменту наверняка знали больше, чем пресса и публика. Они не могли, например, не знать, что двое полицейских находились вблизи места гибели Типпита при весьма подозрительных обстоятельствах.

17. ДВА ПОЛИЦЕЙСКИХ ВЕЛИЗИ ТОГО МЕСТА, ГДЕ БЫЛ УБИТ ТРЕТИЙ

Загадка № 1: Призрак патрульной машины

Домохозяйка Освальда показала на допросе в Комиссии, что в тот короткий момент, когда ее опасный постоялец заскочил в последний раз в свою комнату, у дома остановилась полицейская машина.

ЭРЛЕН РОБЕРТС: Прямо у двери — остановилась и посигналила. У меня были знакомые полицейские, у которых я работала, и иногда они заглядывали ко мне, передавали что-нибудь от своих жен, так что я подумала, может быть, это они, и выглянула, и когда увидела номер машины, я сказала "А, это не их машина", потому что их машину я знала.

БОЛЛ (следователь): Вы имеете в виду, у полицейских, которых вы знали, была другая машина?

РОБЕРТС: Это была не та машина, которую я знала, потому что у той номер был 170, а у этой не 170, так что я перестала обращать на нее внимание.

БОЛЛ: Сообщили вы кому-нибудь номер машины?

РОБЕРТС: Я думаю, что да... Я, правда, не уверена... Сначала я помнила... Кажется, это был номер 106...

БОЛЛ: 29 ноября 1963, давая показания ФБР, вы сказали: "После того, как Освальд вошел в свою комнату, вы выглянули в окно и увидели полицейскую машину № 207".

РОБЕРТС: Сто семь?

БОЛЛ: Значит, 107?

РОБЕРТС: Да — я помнила его. Не знаю, откуда я взяла эти 106, 207. Так или иначе, я знаю, что не 170.

БОЛЛ: И вы утверждаете, что в машине были двое полицейских в форме?

РОБЕРТС: Да, и машина была черная...

БОЛЛ: И один из полицейских посигналил?

РОБЕТРТС: Так слегка бибикнул — дважды.

БОЛЛ: И потом уехал по Норт-Бэкли в сторону бульвара Зангс?

РОБЕРТС: Да.

Полиция заявила, что машины 170 и 107 были проданы за полгода до событий, а машины 207 и 106 находились все это время около

книжного распределителя. Документы и свидетельские показания, однако, говорят лишь о том, что в здании ТРУ находились полицейские, приписанные в тот день к этим двум машинам. То, что кто-то другой мог воспользоваться ими около 1.00, не учитывается. Вывод Отчета: свидетельница ошиблась.

Загадка № 2: полицейский Гарри Олсен

Да, это тот злополучный Гарри Олсен, который упоминался выше, в начале главы 10 (стр. 64). Напомним: он был возлюбленным (а вскоре и мужем) танцовщицы Руби, по имени Кэй Колеман. Через две недели после убийств в Далласе он попал в тяжелейшую автомобильную аварию, был уволен из полиции, бежал вместе с Кэй в Калифорнию. Комиссия разыскала его там только в августе 1964-го. Он подтвердил, что Руби провел полтора часа ночью с 22-е на 23-е, болтая с ним и его подругой в гараже о несчастном президенте. Однако допрос не ограничился этим. Следователь Спектер начал спрашивать его, где он находился днем 22-го ноября. И тут у бедного Гарри начались провалы в памяти.

Он заявил, что в те дни у него нога была в гипсе, поэтому на службу он не ходил, но кое-какую легкую работу мог выполнять и нанялся подменить товарища-полицейского, охранявшего дом какой-то пожилой леди. В этом доме он и находился 22-го. Имя товарища? Не помнит. Имя хозяйки дома? Не помнит. Адрес? Где-то на 8-ой улице, примерно в двух кварталах от шоссе Стимонс. (Между прочим, на Восьмой улице вблизи шоссе Стимонс тогда было лишь несколько развлекательных, два многоквартирных дома и ни одного частного жилища, которое нуждалось бы в специальной охране.) Как вы узнали о гибели президента? Знакомая хозяйки позвонила и сказала об этом. Имя знакомой? Не помнит. Были у вас другие телефонные разговоры? Позвонил в полицейское управление, спросил, нужна ли его помощь. Они сказали, что нет. С кем говорили в управлении? Не помнит. Куда вы отправились вечером после дежурства? В дом Кэй. На машине? Нет, пешком. С ногой в гипсе? Там всего четыре квартала. Правда, нога распухла потом. Почему же не на машине? Не помню. Кажется, я оставлял машину в тот день моей невесте. Позже мы вместе поехали на ней в город.

Механик гаража, в котором произошла потом ночная встреча четы Олсенов с Руби, показал, что "полицейский Олсен пришел, чтобы забрать свой автомобиль из гаража. Потом подъехал к выезду и стал ждать свою подругу".

И еще одна деталь: в какой-то момент Олсен (по его же словам) вышел из охраняемого дома и перемолвился парой слов с прохожими. А дом, надо сказать, находился в четырех-пяти кварталах от того места, где примерно в это время был убит Типпит.

Загадка № 3: полицейский-резервист Кеннет Крой

Выше, на странице 72, описывается подозрительное поведение сержанта Гаррисона, за спиной которого Руби укрывался за минуту до броска на Освальда. Но рядом находился еще один полицейский, которого никто ни в чем не заподозрил. Кеннет Крой показал, что, когда Руби с пистолетом в руке кинулся мимо него на Освальда, он попытался ухватить нападавшего, но пальцы его только задели полу пиджака.

О том, что произошло в гараже полицейского управления 24-го ноября, Крой дал самые подробные показания ФБР и полицейскому начальству. В них почти нет противоречий. Ту же самую историю, слово в слово, он повторил на допросе в комиссии Уоррена в конце марта 1964 года. Но совершенно неожиданно он заявил следователю, что хотел бы рассказать и о том, что он видел на месте убийства Типпита 22-го ноября.

Да, он оказался там совершенно случайно. Его дежурство кончилось примерно в 12.30. Он приехал на Дэйли-плаза в своем автомобиле вскоре после убийства президента и разговаривал там с другими полицейскими. Нет, он не помнит имен. Он спросил, не нужна ли им помощь, и они сказали, что нет. Потом он ехал домой и вдруг услышал по радио сообщение об убийстве полицейского. Да, у него в личной машине есть полицейское радио. Он поехал по указанному адресу и оказался первым полицейским, прибывшим к месту происшествия. Тело Типпита как раз переносили в скорую помощь.

Он, Крой, начал опрашивать свидетелей. Одна женщина видела встречу Освальда и Типпита, но она была в таком истерическом состоянии, что от нее почти не удалось получить связной информации. Была ли это Элен Маркхэм? Нет, имени ее он не помнит. Она описала, как Освальд был одет, но сейчас он уже не помнит ее слов. Еще она сказала, что Освальд обошел полицейскую машину и разговаривал с Типпитом, засунув голову в открытое окно. Потом прибыли другие полицейские, и он передал свидетельницу им. Нет, он не помнит их имен. Он знает их в лицо. Там был еще один свидетель — мужчина. Он сказал, что видел, как Освальд шел по улице. В каком направлении — не сказал. Имени его он не помнит.

(Напомним, что Элен Маркхэм ни в одной из своих версий не говорила, что Освальд обходил машину и засовывал голову в окно; ни один из свидетелей, кроме Маркхэм, не заявлял, что он видел Освальда, идущим по улице, до выстрелов.)

Пробыв у места происшествия около 30–40 минут, Крой решил, что пора уезжать, потому что у него была назначена встреча с женой в закусочной.

ГРИФФИН (следователь): Подъезжали ли вы к тому кинотеатру, где задержали Освальда?

КРОЙ: Нет.

ГРИФФИН: А вблизи него?

КРОЙ: Я проехал мимо, да. На расстоянии квартала, по пути домой.

ГРИФФИН: Был ли Освальд уже арестован?

КРОЙ: Нет.

ГРИФФИН: Откуда вы знаете?

КРОЙ: Они только направлялись туда. По радио сообщили, что он укрылся в кинотеатре "Техас"... Я видел, как они ринулись туда в переднюю и в заднюю двери.

ГРИФФИН: И что вы сделали?

КРОЙ: Их там было больше, чем достаточно, так что я поехал дальше.

(Опускаем часть стенограммы.)

ГРИФФИН: Вы своими глазами видели, как полицейские вбегали в кинотеатр?

КРОЙ: Нет.

ГРИФФИН: Откуда же вы узнали, что они ворвались туда именно в тот момент, когда вы проезжали неподалеку?

КРОЙ: Там было три /полицейских/ машины у входа в кинотеатр, три — у выхода, и все пустые.

(Опускаем часть стенограммы.)

ГРИФФИН: Каким путем вы ехали оттуда домой?

КРОЙ: Я не поехал домой. Я отправился поесть.

ГРИФФИН: Куда?

КРОЙ: В закусочную Остин.

(Опускаем часть стенограммы.)

ГРИФФИН: Вы встретили там кого-нибудь, кого вы знали?

КРОЙ: Мою жену.

12

Круг случайностей замыкается.

Сержант-резервист Крой случайно оказался на Дэйли-плаза как раз в то время, когда Освальд, совершив свое злодеяние, убегал оттуда. А полчаса спустя он случайно первым прибыл на место, где Освальд (как полагают) убил Типпит. И так уж вышло, что в памяти его сохранились имена по меньшей мере шести полицейских, которых он видел в гараже полицейского управления 24 ноября; зато напрочь забылись имена всех, кого он встретил 22-го — и свидетелей, и других полицейских, которые могли бы подтвердить его слова. А потом он совершенно случайно оказался у кинотеатра, где Освальда арестовали. А потом — уж такой выдался денек! — проехав три мили, он выбрал во всем огромном Далласе именно ту закусочную, которую по выходным охранял только что убитый Типпит. Ту самую закусочную, которой владел Остин Кук — приятель Ральфа Поля, ближайшего друга и

13

14

покровителя Джека Руби. А два дня спустя сержант Крой случайно оказался в двух шагах от того места, где Руби, выпрыгнув из-за его спины, застрелил Освальда.

Такого сцепления случайностей не найти ни в детских сказках, ни в средневековых романах. И тем не менее его проглотили, не моргнув глазом, десятки серьезных исследователей. Чего же требовать от рядового читателя Отчета комиссии Уоррена?

Сколько правды можно выцедить из явной лжи?

Ясно, что и Гарри Олсен, и Кеннет Крой не говорят всей правды. Их силуэты проступают сквозь туман лжи расплывчато, но в них угадывается странное сходство.

Оба признают, что в час дня 22-го ноября они оказались вблизи места убийства Типпитта.

Оба признают, что знали Джека Руби.

Оба демонстрируют полную амнезию на имена людей, с которыми встречались или говорили в этот день.

И тот, и другой на вопрос "кто может подтвердить ваши слова?" отвечают: "Моя жена".

Оба заявляют, что предлагали свою помощь коллегам-полицейским, но получили ответ, что помощь не нужна. (И это посреди столпотворения, в котором каждый человек был на счету.)

Версии обоих оказываются выстроены таким образом, чтобы обеспечить им алиби на час дня.

То есть именно на тот момент, когда Эрлен Робертс видела двух полицейских в машине, остановившейся около ее дома.

Есть большой соблазн поместить этих двоих в загадочную машину и попытаться выяснить, что они могли делать в коротком промежутке времени между двумя убийствами: президента Кеннеди и полицейского Типпитта. Но прежде чем мы поддадимся соблазну, попробуем собрать воедино то, что известно об этих двоих.

Гарри Олсену было 29 лет. С 16 лет он работал в фирме своего отца, некоторое время учился в колледже, потом два года служил в армии. До поступления в Далласскую полицию работал в страховых компаниях, расследовал несчастные случаи, после которых люди требовали компенсации. В полиции пять с половиной лет. Разведен. Имел роман с танцовщицей из клуба Руби, Кэй Колеман, на которой и женился впоследствии. С Руби встречался довольно часто, пытался (по его словам) утихомиривать его в минуты бешенства. Однажды во время какой-то паники в клубе "Карусель" посоветовал ему убрать извлеченный револьвер, предоставить полиции навести порядок. В ночь с 22-го на 23-е ноября 1963 года у него была встреча с Руби и долгий разговор в гараже, в центре города. Через две недели Олсен был тяжело ранен во время автомобильной аварии. Его невеста в эти дни скрывается

15

16

17

в другом городе. По выходе из госпиталя Олсен был увален из полиции.

СПЕКТЕР (следователь): Кто предложил вам уйти из полиции?

ОЛСЕН: Шеф Карри.

СПЕКТЕР: На каком основании?

ОЛСЕН: Я израсходовал весь запас больничных дней, и он не хотел предоставить мне больше.

СПЕКТЕР: Было ли это единственной причиной, по которой он предложил вам покинуть службу?

ОЛСЕН: Это была одна из причин.

СПЕКТЕР: Были и другие причины?

ОЛСЕН: (долгая пауза) Я не помню точно, что было сказано.

18

После этого он забрал Кэй с двумя ее детьми и уехал в Калифорнию, где вернулся к своей старой работе: следователь-контролер в финансовых организациях.

О Кеннете Крое известно гораздо меньше.

Ему 26 лет. На вопрос о профессии уклончиво отвечает "у меня их несколько": торгует недвижимостью, владеет заправочной станцией, занимается стальными конструкциями, а также участвует в родео как профессиональный ковбой. В полицейском резерве четыре года. Это значит, что не реже раза в месяц он должен принять участие в патрулировании. Да, ему доводилось встречаться с Джеком Руби. Однажды они с напарником заехали перекусить в кафе во время ночного дежурства. Вдруг прибежал Руби и сказал, что угощает их ужином. Похоже, что он почему-то хотел удержать их от визита в его клуб "Вегас", который был через улицу. Возможно, были и другие встречи, но их не припоминает.

19

20

Крой очень осторожно называет имена людей. В его рассказах почти все фигуры анонимны. "Знаю в лицо, но имен не помню".

ГРИФФИН: Сколько полицейских прибыло к месту убийства Тип-пита, пока вы находились там?

КРОЙ: Я не знаю. Их было там полно. Трудно сказать.

ГРИФФИН: Были среди них те, кого вы знаете?

КРОЙ: Да, несколько. Я только имен их не знаю.

ГРИФФИН: Но хоть кто-нибудь, кого вы знали?

КРОЙ: Вне всякого сомнения.

ГРИФФИН: То есть кого-то вы все же знали?

КРОЙ: Ну да, тем же манером. По виду, в лицо.

21

Более того: возникает впечатление, что и его никто не знает по имени. Или не хочет называть. Во всех 26 томах опубликованных документов

нет ни одного упоминания сержанта Кроя, сделанного другим свидетелем. И это несмотря на то, что он неизменно оказывался у всех узловых точек драмы.

Ни полиция, ни ФБР в течение четырех месяцев не спрашивали его, где он находился днем 22-го ноября. Он сам предоставил эту информацию следователю Комиссии Уоррена. Зачем? Ведь не мог он не видеть, как слабо сплетены его объяснения, как перегружены случайностями. Тогда ради чего?

22

Конечно, он мог подозревать, что кто-то из полицейских видел его во всех трех местах (Дэйли-плаза, угол Десятой и Паттон, кинотеатр 'Техас') и рано или поздно его имя всплывет на допросах. Он мог разработать набор невинных объяснений на этот случай. Но зачем соваться с ними, пока никто не тянет за язык? Это так непохоже на сдержанного и осторожного Кроя.

Я не вижу другого объяснения, кроме одного: он пошел на этот опасный ход не только потому, что нуждался в алиби, но и потому что ему нужно было выполнить поручение. И смысл поручения проступает вполне отчетливо в протоколе допроса. Любой ценой он старается подкрепить рушащуюся версию гибели Типпита.

Для этого прежде всего необходимо было восстановить репутацию главной свидетельницы Элен Маркхэм. (Напомним, что как раз в начале марта 1964-го, за три недели до допроса Кроя, Марк Лэйн рассказал Комиссии о своем разговоре с Маркхэм по телефону и передал перечень примет якобы виденного ею человека, которые ни в чем не совпадали с внешностью Освальда.) Крой заявляет, что первым из полицейских прибыл на место происшествия, что застал там Маркхэм (или женщину, похожую на нее), что пытался расспрашивать ее и, несмотря на истерику, она дала ему описание стрелявшего (правда, сейчас он не может припомнить, какое именно). В своих показаниях Маркхэм заявляет, что Типпит разговаривал с Освальдом через окно с правой стороны машины. Но свидетели и фотография говорят, что это окно было закрыто. Крой исправляет Маркхэм, утверждает, что ему она сказала, будто разговор имел место у окна со стороны водителя. После разговора он передал ее другим подоспевшим полицейским. Кому? Как всегда, не помнит. Зато вспоминает, что там был еще мужчина (имени не помнит), который уверял, что видел, как Освальд шел по улице, прежде чем Типпит остановил его.

23

В отличие от рассказа о событиях воскресенья (убийство Освальда), рассказ Кроя о событиях пятницы (убийство Типпита) наполнен такими оговорками, несообразностями и путаницей, что, кажется, никто из защитников Отчета не решился сослаться на него. Ибо эффект мог бы оказаться противоположным желаемому. Ведь если явный лжец пытается поддержать явную лжесвидетельницу и всучить нам какую-то версию (да еще с некоторым риском для себя), мы очень легко можем

прийти к обратным выводам: что Элен Маркхэм не видела своими глазами стрельбу и что Освальд не шел пешком по Десятой улице.

Но в рассказе сержанта-резервиста есть еще две детали, имеющие зловещий оттенок.

Первое: Крой заявляет, что он разговаривал с Элен Маркхэм, облокотившись о машину Типпитта. Не странно ли, что профессиональный полицейский позволяет себе прикасаться к столь важному вещественному доказательству? Зато если обнаружатся на дверце отпечатки пальцев сержанта Крой, объяснение у него готово.

Второе: на вопрос следователя "кто была свидетельница, с которой вы разговаривали первой?" Крой отвечает:

КРОЙ: ...Это была женщина, стоявшая через улицу от меня. (Курсив мой — И. Е.) Я не помню ее имени. Впрочем, тогда она назвала себя.

Что это значит — "стоявшая через улицу от меня"? В какой момент она там стояла? Маркхэм заявляла, что она сразу подбежала к упавшему Типпиту и пыталась разговаривать с ним. Потом собралась толпа, приехала скорая помощь. Крой заявляет, что прибыл, когда тело вносили в машину. Надо ли это понимать так, что Маркхэм отбежала обратно из толпы собравшихся людей на свою исходную позицию (как она ее описала) на северной стороне перекрестка Десятой и Паттон, а Крой остановился на южной стороне? Ситуация, вообразимая на съемочной площадке, где решили переснять дубль, но не в реальной жизни. Но даже если такое случилось, нелепо было выбрать в качестве приметы не цвет платья, возраст, рост, а именно местоположение свидетельницы. И не похоже ли это больше на обмолвку, слетающую с языка в момент нервного напряжения и выдающую правду, которую надо любыми средствами скрыть: что Крой, как и Маркхэм, уже находились заранее в каком-то условленном месте в районе перекрестка Десятой и Паттон, когда началась стрельба?

Попытка собрать головоломку

Первый вопрос: сколько патрульных машин охотилось за Освальдом в районе его дома? И если их было две, как мы можем распределить по двум машинам трех подозрительных полицейских, находившихся в час дня вблизи места убийства?

Возможны варианты:

а) Типпит охотился в своей машине № 10, а Крой и Олсен самостоятельно выполняли ту же задачу в машине № X — ее-то и увидела Эрлен Робертс около своего дома в час дня.

б) Машина № 10 и была машиной № X, а Крой (или Олсен) сидел в ней вместе с Типпитом и лишь в последний момент покинул ее.

в) Учитывая, что Эрлен Робертс была почти слепа на один глаз, и то, что куртка Типпита висела на заднем сиденье его машины на плечиках, мы можем, чисто теоретически, допустить, что Робертс видела все ту же машину Типпита, но ошиблась в числе полицейских. (Это значит, что второй машины вообще не было, что Крой и Олсен пользовались своими личными автомобилями.)

26

Ни одна из трех возможных версий не имеет под собой достаточно прочного фундамента доказательств. Все, что нам остается, — попробовать реконструировать события таким образом, чтобы свести к минимуму противоречия в свидетельских показаниях и в мотивировках действующих лиц.

Повторяю: мы исходим из допущения, что убийство Освальда полицейскими (или подставными лицами в ситуации, когда улики указали бы на полицейских) вскоре после выстрелов на Дэйли-плаза было запланированным и весьма важным элементом заговора. Настолько важным, что заговорщики не удовлетворились одним исполнителем (Типпитом), одной машиной (№ 10), но имели и запасной (или основной?) вариант, который почему-то не сработал: машину Х. Так как я склонен верить самым первым показаниям свидетелей, дадим ей тот номер, который Эрлен Робертс назвала на первых допросах: 207.

27

Водитель машины № 207 показал, что он отпарковал ее на Дэйли-плаза и отдал ключ от нее сержанту Путнаму примерно в 12.45, после чего три часа находился в здании книжного распределителя, участвуя в обыске. Крой, по его словам, прибыл в это же время на Дэйли-плаза. Будучи резервистом-патрульным он мог без труда заготовить заранее запасные ключи не только к этой машине, но и к нескольким другим. Он был в форме, так что никто не обратил бы внимания, если бы он сел в эту машину и поехал по своим делам. Он мог подобрать напарника и вместе с ним пуститься в погоню за Освальдом.

28

29

Возможно, они замешкались где-то. (Крой, например, упоминает, что на подъезде к Дэйли-плаза в 12.40 он застрял в автомобильной пробке.) Возможно, Освальд был уже увезен в зеленом Рэмблере. Они помчались разыскивать его. Адрес Освальда они знали от Руби, поэтому подъехали к его дому в час дня и сделали неловкую попытку вызвать его из дома. Возможно, осознав свою оплошность, они решили разделить: Крой пересел в свою личную машину и поехал к месту, где была запланирована встреча Типпита с Освальдом, а Олсен погнал машину № 207 обратно на Дэйли-плаза.

30

В отношении Гарри Олсена подобная версия позволила бы разрешить сразу три недоумения: 1) покушение на его жизнь две недели спустя; 2) беспричинное увольнение из полиции и спешный отъезд в Калифорнию; 3) опасное признание, сделанное им во время допроса в Комиссии, о том, что около часу дня он находился на улице за несколько кварталов от места убийства Типпита. Объяснения: 1) он

понял, во что его вовлекают, и категорически отказался принимать участие, несмотря на нажим, оказанный на него Руби во время ночного разговора (ночь с 22-го на 23-е), за что и был наказан; 2) он был замечен при возврате машины № 207, и полицейское начальство поспешило услатить его подальше (впрочем, его могли убрать и за долгую беседу с Руби, о которой могло стать известно шефу Карри); 3) поджидая сообщника на улице, он был замечен кем-то из знакомых (его невеста жила неподалеку, так что его видели там много раз), поэтому пришлось придумывать такое неправдоподобное алиби (охрана чьего-то дома) в таком опасном соседстве.

В отношении Кроя картина тоже сильно прояснилась бы. Так как этот человек в течение 22-го и 24-го ноября четыре раза оказывался рядом с Освальдом в самые ответственные моменты, мы вправе допустить, что он следовал за намеченной жертвой по пятам. Его оговорка — "женщина через улицу от меня" — позволяет допустить, что он был участником засады. Хотя никто из полицейских, прибывших на место убийства, не называет Кроя по имени, трудно представить себе, что он мог выдумать факт своего присутствия там только для того, чтобы поддержать шатающуюся официальную версию. Такая ложь была бы слишком рискованной, слишком легко разоблачимой. Он был там — в этом ему можно верить. Но трудно поверить в то, что затем он лишь проехал мимо кинотеатра "Техас" и "случайно" увидел около него полицейские машины. Имея в своем автомобиле радио, он был в курсе поисков убийцы полицейского, он двигался в нужном направлении вместе с преследователями.

Тем не менее они опередили его и схватили Освальда раньше, чем сержант-резервист смог добраться до него. Крой увидел, как арестованного выводили из кинотеатра. После этого ему ничего не оставалось, как мчаться в закусочную Остин и доложить о провале. 31

Вариант "в" тоже не следует сбрасывать со счета слишком легко. Если мы допустим, что Эрлен Робертс видела из своего окна машину № 10 и стала "путать" номера лишь после того, как ей объяснили, какими неприятностями грозят ей правдивые показания, сразу отпадет нужда во включении в головоломку второй патрульной машины. Объяснить же ей это могла родная сестра, Берта Крик, у которой с Руби были постоянные делишки, которая встречалась с ним за несколько дней до трагедии в Далласе. Внезапная смерть Эрлен Робертс от сердечного приступа в январе 1966 года в этом случае приобретает зловещую многозначительность. 32

Так или иначе, к двум часам дня 22-го ноября стало ясно, что из трех полицейских, вовлеченных Руби в операцию уничтожения Освальда, один был убит, второй, скорее всего, испугался и сбежал, третий не сумел добраться до жертвы.

Повторяю: это всего лишь версия. Но версия, которой как

официальное, так и неофициальное расследование не уделило никакого внимания. Гарри Олсен и Кеннет Крой остались всего лишь свидетелями — не подозреваемыми.

Нам осталось рассмотреть еще одного свидетеля, не вызвавшего до сих пор, как это ни странно, никаких подозрений даже у независимых исследователей: Доминго Бенавидеса.

18. СВИДЕТЕЛЬ С ДВУМЯ ГИЛЬЗАМИ

Противоречия в словах свидетеля вызывают у судьи и присяжных недоверие. Вещественные доказательства могут ясно показать, что свидетель лжет. Но бесконечные сцепления случайностей и совпадений в рассказе почему-то не кажутся большинству людей подозрительными. Если каждое из случайных событий было физически возможным (случайно отправился в город, случайно положил в карман револьвер, случайно зашел в гараж мимо случайно отвернувшегося полицейского, а в этот самый момент случайно выводили Освальда, и т. д.), версия, как правило, проглатывается. Человек должен обладать скептическим, аналитическим складом ума, чтобы заподозрить неладное в двух совпадениях, случившихся подряд, и решительно сказать "не верю", когда ему попытаются подsunуть третье. Но много ли таких? И не их ли в первую очередь опытный адвокат попытается не допустить в состав жюри?

Призвав читателя заострить имеющийся у него скептицизм, я прошу его перечисть историю, рассказанную главным свидетелем убийства Типпита — Доминго Бенавидесом. Должен предупредить при этом, что ни один из следователей и ни один из критиков Отчета ни в чем дурном этого человека не заподозрил. (Некоторые, правда, считают, что он сменил показания и начал утверждать, будто видел именно Освальда убегающим, лишь после того, как в феврале 1964 года был убит его брат, Эдуардо Бенавидес; но к этому относятся с пониманием — чего не сделаешь из страха за собственную жизнь.)

Бенавидес рассказал, что он работает автомехаником. Ему 27 лет. Женат, двое детей, третий на подходе. Два года отслужил во флоте. На вопрос следователя "демооблизованы с почетом?" ответил "нет". Следователь Белин (уже знакомый нам) не стал спрашивать, "что случилось? за что вас выгнали с флота?" По возвращении к штатской жизни он работает там и тут, уходит из фирм и нанимается снова. В нынешней фирме (ремонт и продажа подержанных автомобилей "Дуч-моторс") работал с перерывами три года, подрабатывая также в разных транспортных компаниях.

В день убийства президента Бенавидес (по его словам) спокойно ел ланч на своем рабочем месте. (То есть в автомастерской на Паттон-стрит, управляющим которой был Тэд Калловей.) Тут появился человек, который сказал, что у него испортился мотор и машина остановилась на улице. Это бывает. Не очень часто, но случается, что мотор глохнет на ходу. Однако в сто, в тысячу раз реже случается, чтобы

мотор заглох прямо напротив автомобильной мастерской. Это просто какая-то невероятная удача. С вами случилось? С вашими знакомыми?

Бенавидес осмотрел мотор и решил, что неполадка в карбюраторе. Он сел в свой грузовичок и поехал в магазин, который обычно снабжал их запасными частями. Если вы когда-нибудь ремонтировали машину, вы знаете, что обычно так не делается. Механик звонит в магазин и спрашивает, есть ли нужный узел и в какую цену. Потом сообщает цену владельцу испортившейся машины. Если того устраивает, механик просит привезти деталь или отправляется за ней сам. Но тут почему-то телефонный звонок сделан не был. Может быть, автомобилист был такой богатый, что сказал, что цена его не интересует? Чего не бывает на свете.

Бенавидес подробно описывает, как он ехал в магазин запчастей, расположенный на углу улиц Марсалис и Десятой. Но тут случилась третья неожиданность подряд: он забыл номер карбюратора, который ему следовало купить. Бывает же такое! Может человек вдруг забыть и более важную вещь. И что тут оставалось делать? Он повернул назад и поехал по Десятой улице, обратно в сторону автомастерской, где его ждал человек с испорченной машиной.

3

Тут-то оно и случилось. Тут нагрянула неожиданность номер 4. Да какая! Он услышал в ы с т р е л. В страхе он свернул к обочине, затормозил, пригнулся в кабине. Прогрели еще два выстрела. Он выглянул и увидел убежавшего человека с пистолетом. Он снова спрятался в кабине и просидел несколько минут, боясь, что стрелявший вернется. Потом вышел и приблизился к лежавшему на мостовой полицейскому.

Выше, на странице 92, описано, что происходило дальше. Мы помним, как Бенавидес (опять же, по его словам) пытался радировать диспетчеру, как его сменил более опытный Боули, как собралась толпа. (Напомним, что Боули так и не был вызван Комиссией и его не спросили, видел ли он там Бенавидеса.) Потом Бенавидес ненадолго покинул сцену убийства. Он направился к дому своей матери. Оказывается, и мать жила через два дома от того места, где застрелили Типпита! Совпадение номер 5! А потом он передумал, вернулся и подобрал гильзы, выброшенные стрелявшим. Он, видите ли, прятался в кабине, но выглянул как раз вовремя, чтобы увидеть, куда убежавший выбросил гильзы, — совпадение номер 6. Бенавидес передал подоспевшему полицейскому две гильзы в сигаретной коробке. А потом ушел и вернулся к своей работе.

4

Но где же тот неудачливый автомобилист, который застрелял посреди улицы Паттон и из-за которого Бенавидес вынужден был покинуть свое рабочее место? Ведь, как мы помним, Бенавидес должен был вернуться без карбюратора. Или мотор исправился сам собой, и автомобилист уехал? И вдобавок к цепи шести невероятных совпадений

мы получим еще небольшое автомоторное чудо? Во всяком случае, ни управляющий мастерской Тэд Калловей, ни подсобник Сэм Гиньярд, выбежавшие на Паттон-стрит и видевшие убежавшего Освальда, никакого автомобилиста с испорченной машиной там не заметили.

Возможно, судьи, следователи, адвокаты, присяжные, подчиняясь правилам американского судопроизводства, обязаны были бы поверить истории Бенавидеса. Я не верю ему. Я думаю, что он лжет. И так как ложь под присягой — дело рискованное, я думаю, что альтернатива — рассказать правду — была в десять раз опаснее для него (вспомним судьбу его брата).

Следует обратить внимание на то, что нанизывание совпадений подчинено было двойной задаче: не только объяснить его присутствие через улицу от того места, где полицейский встретил своего убийцу, но и исключить возможность разрушения версии другими свидетелями. Испорченная машина не была доставлена на территорию мастерской, поэтому никто из сослуживцев не мог опровергнуть или подтвердить факт ее существования. Никто из них не видел, в какое время Бенавидес выехал на своем грузовике из гаража. До магазина запчастей он не доехал — значит, и продавцы не могли выступить свидетелями. Без свидетелей он прибыл именно на то место, где ему и положено было быть по сценарию убийства, и ждал там прибытия главных действующих лиц.

Впрочем — ждал ли он там? Даже этот факт попадает под сомнение. Ибо другой свидетель, дававший показания на четыре часа раньше, но в том же здании федеральной прокуратуры на углу Брайан и Эрвей-стрит, опровергает слова Бенавидеса. Это был тот самый Сэм Гиньярд, который вместе со своим начальником, Тэдом Калловей, видел убежавшего Освальда и потом прибежал к тому месту, где лежал убитый полицейский.

БОЛЛ (следователь): Что вы сделали потом?

ГИНЬЯРД: Помог погрузить тело в скорую помощь.

БОЛЛ: Вы оставались там, когда прибыла скорая помощь?

ГИНЬЯРД: Да, сэр.

БОЛЛ: А были вы там, когда приехал грузовик, за рулем которого сидел Бенавидес?

ГИНЬЯРД: Да, сэр.

БОЛЛ: Он приехал сразу после этого?

ГИНЬЯРД: Да, он приехал с восточной стороны, двигаясь на запад.

БОЛЛ: Что вы сделали после этого?

ГИНЬЯРД: Ну, мы стояли там, разговаривали, и я называл его Донни, а он подобрал все эти пустые гильзы, которые выпали из пистолета.

Это, кажется, уже совпадение номер 8: приехал позже всех и тут же нашел гильзы. Везет человеку!

Инспектор Ливель упоминает в своем отчете, что на месте убийства Типпита он говорил со свидетелем Доминго Бенавидесом, который *"прибыл к месту происшествия, подобрал две пустые гильзы и передал их полицейскому По"*. Никакого упоминания о том, что Бенавидес был свидетелем происшествия, в то время как все остальные свидетели в отчете инспектора упомянуты. Да и можно ли поверить, что человек, который видел убийство полицейского своими глазами, который (как он утверждал позднее) находился всего в 25 футах — через улицу — от убийцы, не был даже вызван в полицейское управление для опознания Освальда?

6

Если вы устраиваете западню, если вы хотите, чтобы в готовящемся убийстве подозрения пали на другого человека, нельзя полагаться на одни вещественные доказательства, например, на гильзы с рисками нужного вам револьвера. Гораздо лучше иметь у места происшествия надежного человека (а то и двоих), на роль случайного свидетеля. Хорошо бы, чтобы за ним не числилось уголовщины. Чтобы у него были невинные причины находиться в этом месте в эту минуту.

Все говорит за то, что Элен Маркхем* и Доминго Бенавидес и были такими подставными свидетелями. Недаром поведение обоих в тот день выдает крайнюю степень испуга. Оба утверждают, что видели убийство полицейского своими глазами. Но противоречия в их показаниях и рассказы других свидетелей указывают на то, что оба лгут. Скорее всего, встреча Освальда с полицейским была запланирована в другом месте, неподалеку, где эти "свидетели" и ждали своего часа. Лишь услышав выстрелы, они поспешили к месту убийства и смешались с собравшейся толпой. (Тут-то Сэм Гиньярд, прибежавший туда раньше, и увидел, как Доминго Бенавидес подъехал на своем грузовике.) Спрашивается: было ли вблизи от перекрестка Десятой-стрит и Паттон какое-то здание или площадка, которые вызывали бы наши подозрения и выглядели бы подходящим местом для засады? И если были, не оставили ли заговорщики там каких-то важных следов?

* Еще одно совпадение: Маркхем работала официанткой в Итвелл-кафе — том самом, завсегдатаем которого был другой лжесвидетель, завербованный Руби, — Джордж Сенатор. (См. выше, стр. 35.) А где же еще мог Руби набирать исполнителей на второстепенный роли, как не среди знакомых? Не в газете же давать объявления.

7

19. СЕМЬ КВАРТАЛОВ ЗА ПОЛЧАСА

Покушение на Уоррена Рейнольдса

Даже если мы примем утверждения Комиссии Уоррена, заявлявшей, что Освальда видели убегающим с пистолетом в руке в 1.15 (а не в 1.10, как следует из показаний свидетелей) и что следующее сообщение о нем поступило от владельца обувного магазина, Джонни Брюэра, в 1.45, остается одна неразрешенная загадка: где он провел эти полчаса?

Место убийства полицейского находится всего в восьми кварталах от кинотеатра "Техас", где Освальд был арестован в 1.50. Пробежать это расстояние можно за три минуты. Освальд мог прятаться, отсиживаться — но где? Улицы к тому моменту кишели патрульными машинами, разыскивавшими убийцу полицейского. Район этот крайне малолюднен, прохожие редки — и речи не может быть о том, чтобы замешаться в толпе. Один молодой человек слишком быстро вбежал в публичную библиотеку на углу Джефферсон и Марсалис — кто-то немедленно сообщил об этом, и полиция ринулась туда, схватила молодого человека, но он оказался работником библиотеки, который просто спешил рассказать сослуживцам о покушении на президента. То есть мы должны придти к выводу, что без посторонней помощи Освальду невозможно было спрятаться на эти полчаса. Кто-то должен был укрывать его — в доме или в автомобиле.

Вызывает недоумение и другое: почему Освальд побежал от места убийства в сторону оживленной улицы Джефферсон, а не в сторону пустынных кварталов к северу от Десятой улицы? Эти кварталы заселены латиноамериканской беднотой (даже 22 года спустя, когда я осматривал их, меня поразила запущенность жилищ, спрятанных в густых кустах), которая меньше всего склонна помогать властям в поимке беглецов. Бежал ли Освальд куда глаза глядят или у него была определенная цель?

Последним свидетелем, видевшим убежавшего Освальда, был Уоррен Рейнольдс (см. схему на стр. 98). Он следовал за беглецом на безопасном расстоянии, но все же довольно близко, чтобы заметить, как тот скрылся за зданием заправочной станции Боу-Тексако, расположенной на углу Кроуфорд и Джефферсон. Рейнольдс побежал через улицу, пересек стоянку подержанных автомобилей и выглянул в проезд, проходивший за заправочной станцией, но никого там не увидел. Он вернулся и спросил служащих, не видели ли они убежавшего. Те сказали, что видели, что он пробежал мимо. Однако, отвечая на вопросы следователя

Комиссии Уоррена, Рейнольдс заявил: "Я и по сей день думаю, что он все еще прятался там".

Вскоре нагрянула полиция, начала обшаривать окрестности, нашла куртку Освальда, брошенную около какой-то отпаркованной машины на участке между Кроуфорд и Сюррей-стрит. Потом пришло сообщение о подозрительном молодом человеке в библиотеке, и все полицейские умчались туда. Ушел и Уоррен Рейнольдс. Появившимся репортерам он охотно рассказывал о случившемся, его слова передавали по радио и по телевидению, однако в полицию для опознания Освальда его не вызвали. Впервые его попросили дать показания лишь два месяца спустя — 22 января 1964 года. На следующий день кто-то попытался убить его, подкараулив в подвале авто-магазина и выстрелив в голову из ружья.

Спрашивается: почему пытались убить Рейнольдса?

Я не согласен с теми критиками официальной версии, которые утверждают, что Рейнольдс видел кого-то другого и лишь после урока — пуля в голову — стал говорить, будто убежавший был Освальд. В первые же два дня Освальд был опознан пятью безусловно честными свидетелями (Скоггинс, Калловей, Гиньярд, Барбара и Вирджиния Дэвис), видевшими убежавшего. Если бы даже шестой выразил сомнение, не было никакой нужды убивать его за это. Но Рейнольдс и не выражал сомнения. В течение двух месяцев до покушения он рассказывал репортерам о виденном, и, если бы его версия расходилась с общепринятой, это должно было бы попасть в газеты. На допросе в полиции он тоже заявил, что убежавший человек и предполагаемый убийца президента, на его взгляд, одно и то же лицо. Он отказался формально опознать его — но о каком формальном опознании могла идти речь, если Освальда уже два месяца не было в живых, а фотографии его заполняли экраны телевизоров и страницы газет?

Нет, причина покушения на Рейнольдса должна была крыться в другом. И если мы допустим, что он был прав в своих ощущениях, что Освальд, действительно, не пробежал дальше, а спрятался на территории или в помещении Боу-Тексако, то вывод должен быть однозначным: именно на этой бензозаправочной станции Освальд имел сообщника или сообщников, именно сюда он бежал, рискуя быть замеченным на оживленной Джефферсон-стрит. Если 22 января 1964 года Рейнольдс поделился этой уверенностью с допрашивавшим его полицейским (в короткий протокол это могло и не попасть) и если известие о его показаниях достигло заговорщиков, у них были все основания убрать Рейнольдса до того момента, когда власти начнут вызывать для допроса служащих заправочной станции. Или тех, кто "случайно" находился там в этот момент. Кого случайно заметил Уоррен Рейнольдс, не зная, насколько опасно было для него увидеть и запомнить этих людей. Что если Кеннет Крой или Элен Маркхем находились

там в этот момент? Что если сам Доминго Бенавидес (который, по его словам, в этот момент должен был находиться около сраженного пулями Типпита) или его брат, Эдуардо, околачивались там с неизвестной целью? Добавим лишь, что свидетели, видевшие того, кто покушался на Рейнольдса, описали его как невысокого, очень темного латиноамериканца.

Сам Рейнольдс был уверен, что покушение на него связано с тем, что он видел 22-го ноября 1963 года. Однако следователю Комиссии Уоррена он сказал довольно загадочно: "Сейчас вы не сможете доказать эту связь". В феврале 1964-го, когда чудом выживший Рейнольдс 8
выписался из больницы, кто-то попытался на улице заманить в машину его 10-летнюю дочь. В другой раз лампочка над его крыльцом (укрытая колпаком-абажуром на трех винтах) оказалась вывернутой. 9
Примечательно, что такого сорта неприятности прекратились после марта 1964 года, то есть после того как Эдуардо Бенавидес был убит в пьяной драке только что выпущенным из тюрьмы уголовником. Впоследствии Рейнольдс отказался отвечать на вопросы репортеров и независимых исследователей. На мое письмо, посланное в 1986 году, не ответил.

На схеме на странице 98 рядом с Рейнольдсом указан еще один свидетель — Гарольд Расселл. В феврале 1967 года этот свидетель был убит полицейским в баре. Напомним, что февраль 1967 года — это 10
начало второго официального расследования убийства президента Кеннеди, возглавленного прокурором Нового Орлеана, Джимом Гаррисоном, и что в эти же недели умирают два ключевых свидетеля: Джек Руби и Дэвид Ферри (о нем речь пойдет ниже, в главе 27).

Свидетель, видевший Освальда в пропавшие полчаса

Телевизионный корреспондент Вес Вайс (ставший впоследствии мэром Далласа) рассказал ФБР и полиции в декабре 1963 года интересную историю. Один механик, работавший в гараже на Седьмой улице (примерно в шести кварталах от места убийства Типпита), заметил 11
красный автомобиль, неправильно отпаркованный на стоянке около ресторана примерно в 2 часа дня, 22-го ноября 1963 года. Человек, сидевший в автомобиле, явно старался спрятаться. Район к тому времени был наводнен полицейскими машинами, которые с воем пронеслись по улицам. Встревоженный механик на всякий случай записал номер красного автомобиля. Вскоре после этого автомобиль выехал со стоянки и умчался на большой скорости. Вечером того же дня механик увидел на экране телевизора Освальда и узнал в нем прятавшегося водителя.

Вес Вайс, следуя репортерскому правилу, не открывал имени своего информанта, а тот, напуганный случившимся, не соглашался встретиться с представителями властей. Прошло больше двух недель, прежде

чем он поддался нажиму Вайса и ответил на вопросы агента ФБР. Во время этого разговора механик Уайт повторил историю, рассказанную им журналисту, и подтвердил, что красный автомобиль, виденный им, был марки "фалькон" 1961 года, с техасским номером PP-4537. Агент справился в полиции и сказал, что под этим номером зарегистрирован "плимут" 1957 года, покрашенный в голубой и синий цвет. Механик настаивал на том, что номер был им записан правильно и что человек, сидевший в автомобиле, был Освальд.

12

Эта история не попала в опубликованные материалы Комиссии Уоррена. Но Комитет Стокса извлек ее из забвения 15 лет спустя и снова допросил участников. Ибо в истории была одна весьма примечательная деталь: голубой и синий "плимут" с номером PP-4537 принадлежал близкому другу полицейского Типпита, Карлу Матеру.

В свое время Вес Вайс встретился с супругами Матер и пытался расспросить их об обстоятельствах происшествия. Встреча была устроена в ресторане. Мистер Матер так нервничал, что не мог есть. Жена его оставалась очень холодной и спокойной. Она заявила, что муж ее в тот день, как обычно, был на работе, а когда вернулся, они тотчас отправились выразить соболезнование семье покойного Типпита. При этом оставалось неясно, в какой из двух машин, принадлежавших семейству Матер, они поехали к Типпиту, в какой из двух сам Матер ездил на работу.

Проще всего было бы допустить, что механик Уайт ошибся и что виденный им в машине человек не был Освальдом. Но в этом варианте остается необъяснимым совпадение (опять совпадение!): как мог записанный им номер совпасть с номером машины близкого друга Типпита? Если же представить себе, что, по неизвестным причинам, он захотел оклеветать мистера Матера, обвинив его в том, что преступник пользовался его машиной, он не стал бы упоминать красный "фалькон", а так и сказал бы: сине-голубой "плимут".

Похоже, что ни Вес Вайс, ни ФБР, ни Комитет Стокса не сомневались в правдивости механика Уайта. История была оставлена ими без последствий, потому что она не находила никакого осмысленного объяснения.

Попытаемся же разработать версию, которая снимала бы пелену загадочности со всех четырех событий, описанных в этой главе: 1) бегство Освальда в сторону оживленной улицы; 2) его исчезновение на заправочной Боу-Тексако; 3) покушение на Рейнольдса и убийство Расселла; 4) появление Освальда в автомобиле на стоянке у ресторана.

Версия романиста

Как я писал выше (в главе 15) невозможно представить себе Освальда невинной игрушкой в руках заговорщиков. Он мог быть сильно дезинформирован ими, но при этом сам-то считал себя активным,

а может, и центральным участником заговора. Следовательно, должен был думать о бегстве. Его попытки сдать экзамен на водительские права (9 и 16 ноября) не увенчались успехом не по его вине (автоинспекция была закрыта в эти дни). Показания по меньшей мере четырех свидетелей подтверждают, что водить машину он умел. Поэтому он и выбирает в качестве способа бегства автомобиль. Сообщники идут ему в этом навстречу и предоставляют красный (его любимый цвет) "фалькон". Освальд знает, где этот автомобиль будет ждать его (на углу Кроуфорд и Джефферсон, рядом с Боу-Тексако). Не знает он лишь того, что этот автомобиль и станет ловушкой для него.

Задержание (а может быть и уничтожение) Освальда поручено полицейскому Типпиту. Но для задержания необходим повод. Никто заранее не мог быть уверен, что приметы Освальда передаст полицейское радио. (Хотя усилия для этого и были сделаны, и они впоследствии увенчались частичным успехом.) Нужно было что-то другое. Но что? Украденный автомобиль — чего же лучше! Или даже не сам автомобиль (тут снова надо выдумывать кражу, вовлекать других людей, которые сообщили бы о краже в нужный момент, и т. д.), а всего лишь табличку с номером. Да, именно так: табличка с номером была накануне "украдена" с автомобиля мистера Матера, а полицейский Типпит на следующий день был крайне удивлен, увидев номер своего друга на каком-то неизвестном красном "фальконе". Это и будет вполне достаточной и вполне невинной причиной для задержания Освальда. А дальше — случайная перестрелка, бах-бах, и опасный свидетель исчезает. А с ним, может быть, и задержавший его полицейский.

В 12.30, после выстрелов на Дэйли-плаза, все полицейские, по приказу диспетчера, несутся к центру города. Один лишь Типпит с неизвестной целью сидит в своей машине на территории чужого участка неподалеку от заправочной Боу-Тексако. Впрочем, мы знаем, с какой целью: он ждет, когда появится Освальд и сядет в свой красный "фалькон". Но Освальда все нет. Типпит начинает нервничать, начинает делать круги по окрестным улицам. (Может быть, даже останавливается около дома Освальда на Бэкли-стрит, где полицейскую машину видела в час дня Эрлен Робертс.) Именно во время этих разъездов и происходит (примерно в 1.07) незапланированная — то есть не в том месте, не в том автомобиле — встреча с Освальдом. Сообщник, везущий Освальда, узнаёт патрульную машину Типпита и резко сворачивает к обочине (вспомним показания Фрэнка Райта, стр. 99: машина, отпаркованная против движения). Типпит узнаёт в пассажире остановившейся машины Освальда (вспомним, что у него скорее всего была фотография намеченной жертвы) и приказывает ему выйти. Именно таким образом Освальд (которого никто из честных свидетелей не видел идущим к месту этой роковой встречи) оказывается рядом с патрульной

машиной. Именно из-за неожиданности тренированный полицейский Типпит извлек свой пистолет на секунду позже Освальда.

Дальше сообщник (по показаниям Фрэнка Райта) в испуге кидается в машину и уезжает. Освальд же продолжает свой путь к намеченной цели — к заправочной Боу-Тексако. Он пока еще думает, что встреча с полицейским была случайной. (Пробегая мимо таксиста Скоггинса, он бормотал "глупый кап".) Он прибегает в здание бензоколонки и прячется от преследующего его Рейнольдса. Сообщники, как и было уговорено, дают ему ключ от красного "фалькона". Они заверяют Рейнольдса, что убийца полицейского пробежал дальше, а сами дают Освальду уехать еще до прибытия полицейских машин. После этого они подкидывают куртку на автостоянке как свидетельство того, что он пробежал мимо, не останавливаясь. (Если допустить, что это сделал сам Освальд, поступок его выглядит крайне нелепо: он не мог надеяться сбить преследователей с толку таким примитивным приемом; но сообщники на заправочной станции, чтобы отвести от себя подозрения, вполне могли потребовать у него оставить куртку и подбросить ее — это было оправдано и логично.)

13

Если бы в этот момент он направил свой "фалькон" прямо на юг по бульвару Зангс, через пять минут он мог бы вырваться на шоссе, ведущее к Вако, мог бы затеряться хотя бы на несколько дней на юге Техаса, даже перебраться в Мексику.

Но он в панике. Он уже понимает, что все идет не так, как он предполагал. Что сообщники предают его, подставляют под удар. (Возможно, ему были обещаны деньги, но в автомобиле на условленном месте их не оказалось.) Ему нужно время, чтобы все обдумать. Именно ради этого он останавливается на стоянке у ресторана, где его заметил механик Уайт. Вскоре ему становится ясно, что если он предан, полиция в первую очередь будет охотиться за красным "фальконом". Что оставаться в этом автомобиле крайне рискованно. Вот уже и какой-то механик смотрит на него с подозрением, записывает номер. Освальд срывается со стоянки, едет до первого пустынного места и оставляет автомобиль. Дальше идет пешком по улицам до тех пор, пока бдительный обувщик не замечает его у витрины своего магазина и не звонит в полицию.

14

Если арест Освальда полицейским Типпитом был запланирован около заправочной Боу-Тексако, то и все подставные свидетели должны были находиться там. То есть в двух с половиной кварталах от того места, где судьба свела полицейского с беглецом. Доминго Бенавидес должен был сидеть в своем грузовике, имея в кармане сигаретную коробку с двумя гильзами от пистолета Освальда. Элен Маркхем должна была стоять на перекрестке в ожидании момента, когда ей надо будет увидеть сцену задержания. Может быть, был там и сержант-резервист Крой. (Вспомним его оговорку — "женщина через улицу

от меня"; вспомним, что от места ареста Освальда он помчался не куда-нибудь, а в закусочную Остин, которую охранял Типпит и которая принадлежала ближайшему компаньону Руби, Ральфу Полю; вспомним, что и Элен Маркхем работала в Итвелл-кафе, завсегдатаем которого был другой друг Руби — Джордж Сенатор.)

Когда неподалеку раздались выстрелы, "свидетели" сначала растерялись, потом поспешили на звуки стрельбы. Именно поэтому Элен Маркхем оказалась таким плохо подготовленным свидетелем и врала так нескладно: она просто ничего не видела своими глазами и импровизировала на ходу, стараясь истерикой придать правдоподобие своим рассказам. Именно поэтому Бенавидес прибыл в своем грузовике к месту происшествия несколько минут спустя (как следует из показаний Гиньярда и Ливеля, см. стр. 132—33), и его поначалу даже не считали свидетелем происшествия. (Примечательно, что в конце допроса он упоминает вдруг, что перед ним к обочине во время выстрелов свернул красный "форд", в котором сидел человек лет 25—30. Так как перед нами очевидный лжесвидетель, это можно расценивать как попытку запутать и исказить любые показания об Освальде в красном "фальконе", которые могли бы попасть в руки следствия.)¹⁵

Если кто-то из этих "свидетелей" замешкался около заправочной Боу-Тексако до того момента, когда туда прибежал преследовавший Освальда Уоррен Рейнольдс, если Рейнольдс увидел и запомнил Маркхем, или Бенавидеса с его грузовиком, или хотя бы красный "фалькон", версия заговорщиков рушилась. Да уже и его убеждение в том, что Освальд прятался там, было достаточной причиной, чтобы поспешить убрать его как можно скорее. Попытка убить его была предпринята на следующий же день после того, как он дал показания ФБР.

Протокол этого допроса Рейнольдса очень краток. Сказано только, что он спросил служащих на заправочной и те заявили, что бежавший скрылся. Следователь Комиссии Уоррена не стал расспрашивать Рейнольдса, кого он увидел там, и пропустил мимо ушей его замечание о том, что Освальд, скорее всего, укрылся на территории бензоколонки. Комитет Стокса 15 лет спустя вообще не вызвал Рейнольдса.¹⁶

А жаль.

Ибо было бы очень интересно узнать, кого и что он увидел, преследуя Освальда. Наверное, увиденное им было достаточно важно, если его пытались убить. Вспомним также, что сержант Крой впервые заявил о своем нахождении вблизи места убийства Типпита в марте 1964 года, то есть именно тогда, когда стало ясно, что Рейнольдс выживает и что утраченная после ранения речь вернулась к нему.

Все вышесказанное позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Убийство Освальда было запланировано заговорщиками заранее, и полицейский Типпит должен был сыграть в нем ключевую роль.

2. Заверив Освальда, что они организуют его побег, заговорщики на самом деле везли его с Дэйли-плаза в автомобиле к месту, где убийство могло быть обставлено с максимальным правдоподобием. Элен Маркхем и Доминго Бенавидес были подставными свидетелями, которым предстояло подтвердить версию задержания и "случайного" убийства Освальда полицейским. Покушение на Уоррена Рейнольдса и убийство Эдуардо Бенавидеса были совершены потому, что эти двое могли раскрыть какие-то детали и участников этой провалившейся засады.

3. В силу непредвиденной случайности (Освальд потребовал, чтобы его сначала привезли домой и произошла задержка?) задуманный план не сработал, Типпит не сумел выполнить свою задачу и сам пал, сраженный пулями Освальда. (Как вариант можно допустить, что его сообщник тоже принял участие в стрельбе. Но единственное основание для такого допущения: мухление полиции с пулями, извлеченными из тела Типпита, и с документами вскрытия. При этом следует учесть, что причиной мухления могло быть и несоответствие подобранных гильз пулям, найденным в теле.)

4. Так как Освальд избежал смерти 22-го ноября, заговорщикам пришлось убирать его два дня спустя — грубо, на глазах у всего света, выдавая наличие заговора. Как это ни грустно, все честные исследователи, считающие, что Освальд действовал в одиночку (Эдуард Эпштейн) или что он был невинной подставной пешкой (Иоахим Йостен, Ховард Роффман), автоматически должны допускать, что Руби убил его в силу эмоционального порыва, и этим допущением дискредитируют свои ценные изыскания, ибо предстают в глазах трезвых людей простодушными идеалистами.

5. Организация убийства Освальда была поручена Джеку Руби, его подручные не справились с поставленной задачей, поэтому два дня спустя ему пришлось самолично исправлять их "промах". Альтернативой для него был либо арест на основании разоблачений, сделанных Освальдом, либо смерть от руки гангстеров — организаторов заговора. (Вполне возможно, что Дэвид Ферри, срочно выехавший из Нового Орлеана в направлении Далласа вечером 22-го ноября, имел как раз такое задание; недаром Руби так судорожно пытался дозвониться и перехватить его по дороге, чтобы, по всей вероятности, заверить, что он доведет дело до конца. Подробнее об этом — в главе 27.)

6. Любое новое расследование должно будет заново расспросить сержанта Барнса и других полицейских, которые могут знать, куда девался блокнот Типпита и фотография, лежавшие в его машине. Следует также вызвать Кеннета Кроя, Элен Маркхем, Доминго Бенавидеса, служащих заправочной станции Боу-Тексако и устроить им очную ставку с Уорреном Рейнольдсом. Но останутся ли эти люди в живых, доживут ли до допроса? Гарантировать это трудно, ибо нравы синдиката не изменились за 25 лет.

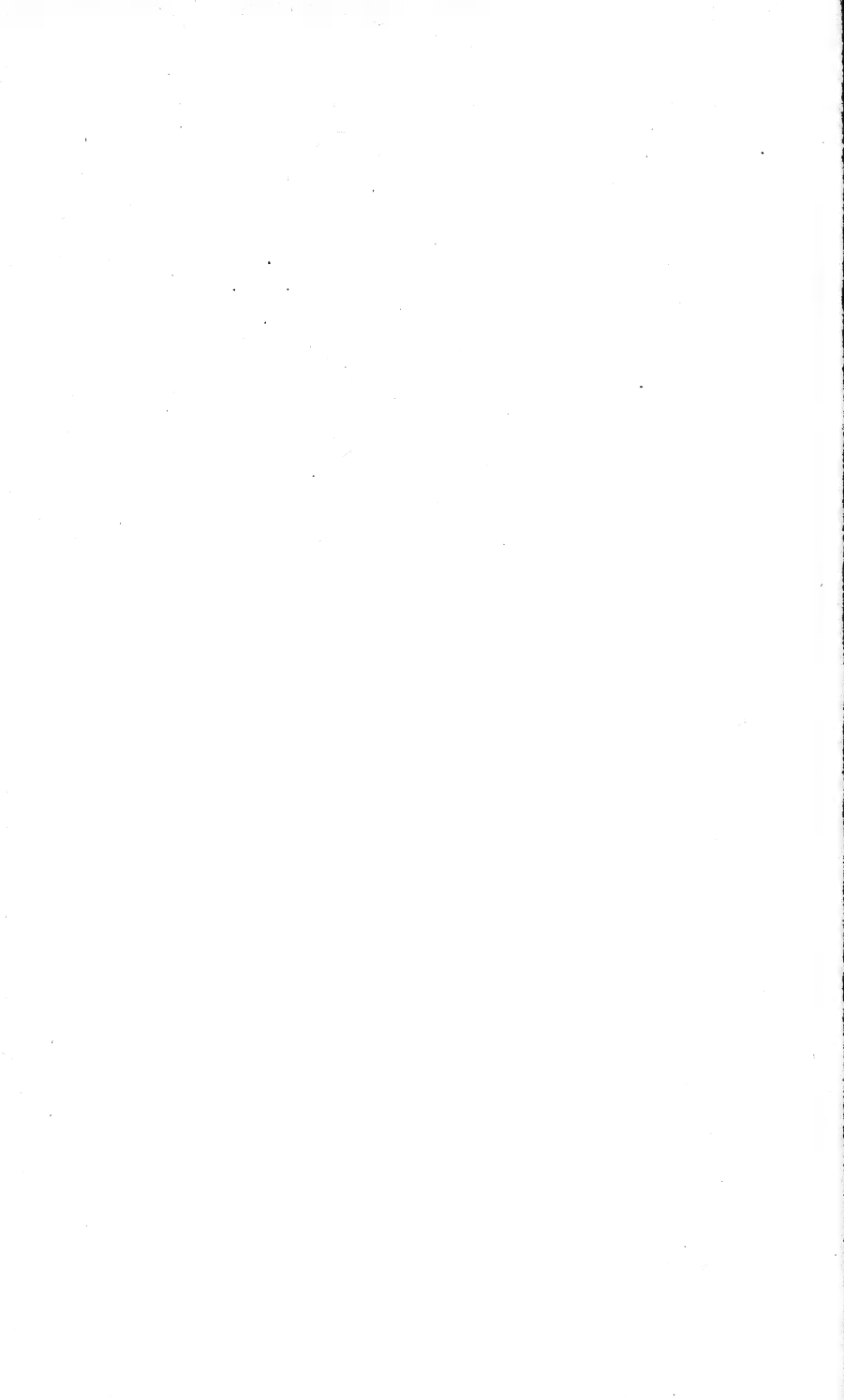
Если взглянуть на схему на странице 98, можно заметить, что люди выбежали на звуки стрельбы из всех домов. Свидетели как бы рассыпаны по всему короткому пути бегства Освальда от места убийства Типпитта. И лишь там, где он таинственно исчезает, — белое пятно, ни одного свидетеля. А ведь Рейнольдсу служащие автостанции Боу-Тексако сказали, что видели убежавшего и что он пробежал мимо. Но ни имен этих служащих, ни упоминания о них нет в документах. Это значит, что полиции они должны были заявить, будто ничего не видели и не слышали. Зачем им понадобилось лгать? Из страха? Почему же тогда не испугались все остальные свидетели? Не потому ли, что служащие Боу-Тексако знали, насколько опасно ввязываться в эту историю, а остальные — нет?

Даже название автомастерской в документах расследования дано неправильно — Ballew's Техасо вместо Bouw's Техасо. Независимая исследовательница, Мэри Феррелл, извлекла из своего компьютеризованного архива соответствующую карточку и сообщила мне, что мистер Боу владел автомастерской недолго, что он еще жив и проживает в Далласе. Она посоветовала мне запросить у него список людей, работавших у него в 1963 году. Но памятуя о судьбе Уоррена Рейнольдса и Гарольда Расселла, я не решился обращаться к бывшему владельцу этой таинственной мастерской, где человек мог исчезнуть так бесследно.

17

Часть третья

КАК БЫЛ УБИТ
ПРЕЗИДЕНТ КЕННЕДИ

20. ПРИГОТОВЛЕНИЯ

Летом 1963 года богатый кубинский эмигрант, Хозе Алеман, встретился с главой мафии во Флориде, Сантасом Трафиканте (тем самым, которого Руби вызволял из кастровской тюрьмы в 1959 году). Разговор у них шел о деловых проектах, о возможности вложить деньги в Доминиканскую республику и о том, что руководитель профсоюза тимстеров, Джимми Хоффа, готов ссудить на это дело миллион, да вот беда — братья Кеннеди сильно досаждают ему, не дают провернуть операцию. "Но ничего, — добавил Трафиканте, — скоро президент получит то, что ему следует". Алеман возразил, сказав, что популярность президента растет и, скорее всего, он будет переизбран.

— Вы меня не поняли, — заявил Трафиканте. — До выборов президент не дотянет. Его уже взяли на мушку. ("He is going to be hit.")¹

В конце сентября две молодые беженки с Кубы, сестры Одио, жившие в Далласе, услышали звонок в дверь поздно вечером. На площадке стояли трое: два кубинца и молодой американец, которого хозяйкам представили как Леона Освальда. Кубинцы заявили, что они принадлежат к антикастровской организации, что у них есть сведения об отце девушек, сидящем в тюрьме на Кубе, просили помощи. Визит длился недолго. На следующий день старший кубинец ("Леопольдо") позвонил по телефону и спросил у Сильвии Одио, что она думает об американце. Та ответила уклончиво. Кубинец стал объяснять ей, что американец — бывший морской пехотинец, отличный стрелок. И такой бешеный, что его можно подбить на что угодно. Даже на убийство Кастро. Он, например, говорит, что кубинские эмигранты — трусы, что они должны были бы отомстить президенту Кеннеди, убить его за то, что он не послал воздушное прикрытие во время вторжения в Заливе Свиней. Сильвия Одио сказала, что она не поддерживает насилие, и повесила трубку. Но когда, два месяца спустя, на экране телевизора появилась фотография Освальда, она вспомнила этот эпизод и потеряла сознание.²

Через два дня после визита к Одио Освальд появился в кубинском консульстве в Мехико-сити. Он рассказал о своей деятельности в поддержку новой Кубы, заявил, что хочет бороться за революцию, за освобождение Кубы от американского империализма. Обронил несколько замечаний и о том, что пора расправиться с президентом Кеннеди. От услуг его отказались, но об эпизоде сообщили в Гавану. Во всяком случае, такую версию визита Кастро представил в разговоре с английским журналистом летом 1967 года.³

Из столицы Мексики Освальд вернулся в Даллас. 4 октября 1963

года далласский адвокат Кэрл Джарнагин был с приятельницей в клубе "Карусель" и случайно подслушал, как за соседним столиком хозяин клуба, Джек Руби, обсуждал с человеком по имени Ли план убийства губернатора Коннэлли. Джарнагин, по его словам, на следующий же день сообщил по телефону полиции о случившемся. Через 12 дней после убийства президента (а по показаниям самого Джарнагина — на следующий же день) подробный отчет о подслушанном разговоре был послан в ФБР. Никакого упоминания об этом сообщении в Отчете комиссии Уоррена мы не находим. 4

9 ноября полиция в Майами подслушала разговор между своим агентом и известным деятелем американской крайней правой, Джозефом Милтьером. Вот отрывки из этого разговора:

МИЛТЬЕР: Чем больше у него /Кеннеди/ телохранителей, тем легче с ним покончить.

АГЕНТ: Что за черт, "покончить с ним"? Как ты себе это представляешь?

МИЛТЬЕР: Из высокого здания с конторами, из мощного ружья. ...Ты знаешь, сколько он завел себе двойников?

АГЕНТ: Никогда не слышал об этом...

МИЛТЬЕР: Около пятнадцати. Куда он ни едет, они с ним. Потому что он знает, что он человек конченный...

АГЕНТ: Они всерьез собираются убить его?

МИЛТЬЕР: О да, это сейчас разрабатывается... Ты разбираешь ружье, нет нужды вносить его в здание целиком, можно пронести по частям...

АГЕНТ: Если Кеннеди убьют, нам лучше подготовиться. Потому что они начнут трясти всех и каждого.

МИЛТЬЕР: Это точно, перевернут каждый камень. Но через несколько часов они арестуют кого-нибудь для отвода глаз, чтобы народ не слишком вопил. 5

20 ноября лейтенант полиции в Луизиане, Фрэнсис Фруге, доставил в больницу женщину, находившуюся в состоянии наркотического опьянения. Она бормотала о том, что президент Кеннеди будет убит 22-го в Далласе. Ни полицейский, ни врач не придали большого значения ее словам. Но после того, как убийство произошло, лейтенант помчался в больницу и допросил Роз Черами. Она показала, что, работая в свое время у Руби в "Карусели", завязала отношения с торговцами, перевозившими наркотики из Луизианы в Хьюстон. 20 ноября, во время такой поездки, она подслушала, как два ее спутника обсуждали готовившееся убийство Кеннеди. Потом она наглоталась наркотиков, и спутники выбросили ее из машины. (В 1965 году Роз Черами была убита автомобилем на дороге.) 6

Утром 22-го ноября агент Си-Ай-Эй в Мадриде слышал, как бывший кубинский журналист заявил, что Кеннеди будет убит сегодня.

В тот же день Фидель Кастро пригласил к себе на ланч французского журналиста, Жана Даниэля. Этот Даниэль в течение нескольких недель жил на Кубе, пытаясь получить интервью у кубинского диктатора. Вечером 20 ноября Кастро неожиданно пришел к нему в номер гостиницы без предупреждения и просидел до 4 утра, выспрашивая журналиста о его встрече с президентом Кеннеди. 2 дня спустя именно этому журналисту была предоставлена возможность увидеть во время ланча, как примет известие премьер-министр. "Плохая новость, плохая новость, — несколько раз повторил Кастро. — Вот увидите, теперь они попытаются свалить вину за убийство на нас".

Несколько позже в тот же день сотрудница кубинского посольства в Мексике, Луиза Кальдерон Каралеро, разговаривала с приятельницей. Та первым делом спросила ее, слышала ли она об убийстве Кеннеди. "Конечно, — отвечала Каралеро с усмешкой. — Я узнала об этом чуть ли не раньше, чем сам Кеннеди".

Конечно, все эти сведения всплыли на поверхность и были собраны исследователями гораздо позже. Теперь мы видим: заговор имел такие масштабы, что держать его в абсолютной тайне было практически невозможно. Десятки людей знали о готовившемся и говорили вслух. Если бы убийцы промахнулись, все эти разговоры канули бы в вечность как досужая болтовня и не попали бы в анналы истории. Но убийцы не промахнулись. Ибо готовились они очень и очень серьезно.

Подготовка должна была вестись по двум направлениям. Первое: организация собственно убийства, то есть выбор места засады, отбор и инструктаж команды исполнителей, обдумывание способов бегства с места преступления. Второе: разработка фальшивой версии, сочинение и размещение "улик", которые должны были бы указать на Освальда как на главного и единственного убийцу.

О первом направлении мы знаем очень мало. Оно разрабатывалось тесной группой профессионалов, которым не нужны были помощники, которые умели держать язык за зубами. О линии Освальда известно гораздо больше. Его видели и запомнили десятки людей, потому что он любил привлекать к себе внимание, часто был вызывающе хвастлив или груб. Многие исследователи считают даже, что заговорщики создали Освальду двойника. Этот двойник, якобы, появлялся на стрельбище, где практиковался в стрельбе из иностранного ружья; вел переговоры о покупке автомобиля, заявляя, что скоро у него будет достаточно денег, чтобы приобрести его за наличные; являлся в оружейную мастерскую, прося, чтобы ему приделали оптический прицел к винтовке.

Особенно упорно версию двойника поддерживают те критики Отчета

комиссии Уоррена, которые пытаются объявить Освальда абсолютно невиновным и в заговоре незамешанным. Однако если это был двойник, его талант перевоплощения следует признать невероятным. Такой человек смог заработать бы гораздо больше денег, играя в Голливуде, чем принимая участие в опасном сценарии реальных убийц. Зато уж сценарий выглядит никуда не годным. Вместо того чтобы представить Освальда одиноким маньяком, "сценаристы" то и дело подсовывают его свидетелям в компании с другими темными личностями или в моменты получения денег из неизвестных источников, то есть из всех сил рассыпают "улики" заговора. Но так как в остальных своих действиях заговорщики отнюдь не выглядят дураками, идею "двойника" Освальда следует оставить, если мы хотим остаться в рамках правдоподобия.

В первых двух частях книги рассказано о том, что многих свидетелей, знавших что-то о Руби или Типпите, ждала насильственная смерть или увечье. Свидетелей, сталкивавшихся с Освальдом, подкарауливала другая напасть: публичное шельмование. Не понимая, чего хотят от них следователи Комиссии Уоррена, они из всех сил пытались говорить правду, как они ее помнили. Но так как правда не укладывалась в заданную Комиссией схему (Освальд — убийца-одиночка), следователи и авторы Отчета любыми средствами пытались выставить свидетелей либо выдумщиками, стремившимися стать центром внимания, либо неуравновешенными психопатами, либо просто лжецами. К настоящему моменту написаны уже десятки убедительных книг, восстанавливающих доброе имя этих простых и честных людей (правда, для многих — посмертно). Благодаря этим книгам мы можем теперь не тратить время на споры с авторами Отчета, а просто шаг за шагом проследить по свидетельским показаниям действия Освальда в течение последних трех месяцев его жизни.

Лето 1963 года Освальд прожил вместе с семьей в Новом Орлеане, где у него были родственники. Работал то там, то тут, но главным образом отдавал свое время на прокастровскую пропаганду: раздавал на улице листовки, переписывался со всевозможными левыми организациями, даже принял участие в радио-диспуте с кубинским эмигрантом-антикоммунистом. Жизнь не налаживалась, и в понедельник, 23 сентября, Руфь Пэйн забрала Марину с ребенком и вещами и повезла их обратно в свой дом в Ирвинге (пригород Далласа). Освальд обещал вскоре последовать за ними, ища по дороге работу.

Он покинул Новый Орлеан 24-го сентября. Днем 25-го, покрыв 500 миль, прибыл в столицу штата Техас, город Остин, появился в местном бюро регистрации военнослужащих и расспрашивал о возможности изменить формулировку в своих документах о демобилизации. (Отрицательная характеристика, мол, мешала ему в получении работы.)

Вечером 25-го сентября Освальд появился в доме Сильвии Одио

в сопровождении двух кубинцев. Этот эпизод (описанный вкратце в начале главы) стал впоследствии предметом отчаянных дебатов и самого скрупулезного расследования. Практически ни один серьезный исследователь не сомневается в правдивости рассказа Сильвии Одио, ибо она поведала о визите тут же, через несколько дней, своему психиатру, написала о нем отцу еще до того, как президент был убит и Освальд появился на экране телевизора. Споры идут лишь по поводу истолкования эпизода.

Отчет Комиссии Уоррена пытается доказать, что три визитера были совсем другими людьми, даже называет их имена, хотя последующее расследование показывает вздорность этой версии. Осторожная Сильвия Мейер признает убедительность свидетельства, но не пытается делать никаких выводов, ибо визит слишком явно доказывает участие Освальда в заговоре. (Она считает его невиновным.) Саммерс полагает, что заговорщики представили Сильвии Одио фальшивого Освальда, все того же "двойника", за два месяца начиная накапливать "улики" против намеченного козла отпущения, а заодно и сваливая вину на левое крыло антикастровской эмиграции (к нему принадлежали сестры Одио), которое для крайне правых было не лучше коммунистов.

Но спрашивается, если бы Леон Освальд был подставным лицом, двойником, актером, не проще ли и не убедительнее ли было, чтобы он обронил угрозы в адрес Кеннеди сам, в присутствии Сильвии Одио? Он же промолчал почти все время визита, держался вежливо и скромно. Грозным террористом его обрисовал один из латиноамериканцев, "Леопольдо", позвонив сыночке Одио на следующий день. Она же с самого начала отнеслась с недоверием к визитерам, и впоследствии ее отец, вырвавшийся из кастровской тюрьмы, с уверенностью заявил, что это были самозванцы. Ей показывали десятки фотографий кубинцев анти- и прокастровской ориентации, а также агентов кубинской разведки, но ни один не был похож на пришельцев. У нее было также впечатление, что те двое могли быть мексиканцами.

У нас нет никаких оснований отказаться от принципа, которым мы пользовались уже много раз на протяжении расследования: если заведомый лжец подсовывает нам какую-то информацию, скорее всего она должна быть противоположной истине. Если самозванцы антикастровцы, посетившие сыночку Одио, пытались выдать Освальда за своего, это означает, что на самом деле он был на противоположной стороне, что как раз совпадает с его открытой прокубинской деятельностью и попытками уехать на Кубу. Эпизод содержит в себе еще один важный момент: Сильвия Одио видела в лицо двух реальных заговорщиков и при этом осталась жива. Это следует рассматривать как весьма серьезное указание на то, что двое пришельцев были, скорее всего, иностранными агентами, которым не было нужды оставаться в Америке и опасаться разоблачения.

Выполнив свой дезинформирующий маневр, "Леопольдо" и "Андже-ло" отвезли Освальда в Хьюстон, где он мог сесть на автобус, отправ-лявшийся в Мексику в 2.35 ночи. Многие пассажиры запомнили моло-дого человека, которого они увидели наутро. Он рассказывал о своем пребывании в России, показывал русские документы, описывал свои прежние посещения Мехико-сити, рекомендовал приличный и недоро-гой отель "Куба", где он обычно останавливался. Упоминал и о своем намерении поехать на Кубу, повидать Фиделя Кастро.

17

Многие пассажиры показали, что разговорчивый молодой человек сидел рядом с пожилым пассажиром и о чем-то долго беседовал с ним. ФБР разыскало спутника Освальда. Им оказался человек по имени Джон Ховард Бовен, пользовавшийся также именем Альберт Осборн, занимавшийся, по его словам, проповедничеством, живший случайны-ми работами и неустанно путешествовавший. Во время допроса этот Осборн-Бовен не смог толком назвать ни место, ни время своего рож-дения, ни представить нормальные документы, ни объяснить, откуда у него брались деньги на бесконечные разъезды по разным странам: Америка, Канада, Мексика, Англия, Испания, Франция, Северная Аф-рика. Он категорически отрицал, что беседовал с Освальдом во время поездки на автобусе или с кем-то еще, хотя многие пассажиры опозна-ли его по фотографии и с уверенностью заявили, что эти двое разгова-ривали очень долго.

18

Границу с Мексикой пересекли в Ларедо в 2 часа дня. Еще 20 часов пути — и юный борец с мировым империализмом, в визе которого имя его уже было переименовано как Ли (фамилия) Харви Освальд (имя — всегда можно сказать, что чиновник не понял и перепутал), прибыл в столицу соседней страны.

19

В тот же день (пятница, 27 сентября) он спешит в кубинское кон-сульство и просит визу. (Дальше обстоятельства этого визита изложе-ны, в основном, со слов кубинских чиновников и секретарши — мексиканской коммунистки, Сильвии Дюран.) Ему говорят, что при-дется ждать несколько дней. Он говорит, что ждать не может. Как они смеют отказывать человеку, который столько сделал для кубинской революции? Он показывает всевозможные листовки, выпущенные им, членские билеты, газетные фотографии. Рассказывает о годах в России, о своей русской жене, показывает русские документы. И вообще, он хочет лишь заехать на Кубу, а главная цель его поездки — Советский Союз. Хорошо, говорит секретарша консульства, если у вас будет со-ветская виза, транзитную визу мы выдадим вам скорее. Освальд спешит в советское посольство и, вернувшись, заявляет, что дело улаже-но. Секретарша тут же звонит туда. Ничего подобного, говорят совет-ские. Решение о визе будет принято не раньше, чем через четыре ме-сяца. Освальд приходит в ярость, кричит на секретаршу и на появив-шегося консула, обзывает их "бюрократами". Консул заявляет, что

“такие друзья приносят лишь вред кубинской революции” и выгоняет разбушевавшегося посетителя. Через несколько дней Освальд покидает Мехико-сити, ничего не добившись.

20

Так описали визит секретарша и консул. Потом начали всплывать другие детали. Комитет Стокса “из конфиденциальных источников” (читай, от Си-Ай-Эй) узнал, что Освальд выкрикивал угрозы в адрес президента Кеннеди, говорил, что его следует убить и он готов взяться за это. Сам Кастро в интервью английскому журналисту в 1967 году сказал, что в докладе, полученном им из посольства, угрозы в адрес Кеннеди упоминались, хотя потом отрицал это. (А то ведь некрасиво получается — не предупредить о таком опасном маньяке.) Не следует забывать, что поездка в Мексику состоялась как раз в те дни, когда кубинский лидер узнал (или только заподозрил), что Си-Ай-Эй готовило заговоры на его жизнь. 19 сентября ново-орлеанская газета “Таймс-Пикаюне”, которую Освальд наверняка читал, перепечатала интервью, данное Кастро корреспонденту Ассошиэтед Пресс, в котором он грозил возмездием. “Если американские лидеры будут помогать террористам в их покушениях на кубинских руководителей, пусть знают, что им самим не укрыться от расплаты”.

21

22

Последний раз Освальд посетил кубинское посольство во вторник 1-го октября. “Пришла ли моя советская виза?” — “Поговорите сами с советским посольством”. Телефонный звонок Освальда был подслушан Си-Ай-Эй. “А с кем вы говорили о своей визе в субботу?” — спросил дежурный. “С товарищем Костиковым”. — “Тогда вам лучше поговорить об этом деле с ним самим”. — “Хорошо, я сейчас приду”.

23

Связь Освальда с Костиковым подтверждена и его письмом в Советское посольство в Вашингтоне, где он упоминает это имя. А американская разведка знала от надежного перебежчика, что Костиков, имевший дипломатический статус, был на самом деле офицером высокого ранга в 13-ом отделе КГБ и ведал всеми подрывными операциями в Мексике и США. Примечательно также, что скрытые камеры Си-Ай-Эй, фотографирующие всех посетителей советского посольства в Мехико-сити, не запечатлели Освальда. Либо он знал, как избегать их, либо, скорее, его привозили и увозили на машине. По крайней мере один очень надежный свидетель (мексиканский кредитный контролер, проверявший кредитоспособность кубинского дипломата) видел, как Освальд покинул кубинское посольство в сопровождении высокого кубинца после того, как оба сели в машину на территории посольства.

24

25

21. ПОСЛЕДНИЕ СЕМЬ НЕДЕЛЬ В ДАЛЛАСЕ

Семейная жизнь

По возвращении из Мексики в Даллас Освальд продемонстрировал разительную перемену настроения. Присцилла Макмиллан пишет в своей книге "Марина и Ли":

Марине казалось, что он выглядел счастливым, настроение его заметно улучшилось по сравнению с тем, что было до поездки в Мексику...

Руфь Пэйн дала ему первый урок вождения...

Он играл с ее сыном, смотрел футбол по телевизору и, как с радостью отметила Руфь в письме к своей матери, "добавлял необходимый колорит мужского присутствия в доме".

Вот уже второй викенд подряд он не сказал Марине ни одного сердитого слова.

Все заметили перемену. Руфь считала, что Ли необычайно изменился в лучшую сторону... Ее бывший муж, Майкл Пэйн, нашел его "очень разумным и уравновешенным".

Итак, пережив крушение своей мечты о визите на Кубу, оставшись без работы, без дома, без гроша в кармане, не имея в перспективе никаких реальных надежд на нормальную жизнь с семьей, Освальд вернулся из Мексики ошарашенным. Почему? Что такое мог пообещать ему товарищ Костилов, с которым он дважды встретился в советском посольстве, или кубинские дипломаты? И о какой услуге могли попросить взамен?

Первую ночь по возвращении в Даллас, 3-го октября, Освальд провел в дешевом приюте YMCA. С утра искал работу, получил отказ в одном месте и только после этого, голосуя на дороге, отправился в Ирвинг к семье. Еще неделя прошла в поисках работы и, несмотря на неудачу, следующий викенд (12-13 октября), проведенный в доме Руфи Пэйн, он снова выглядел довольным и счастливым. Наконец, 15 октября управляющий техасским распределителем учебников, мистер Трули, согласился взять его подсобником на упаковку книг.

Конечно, способ, каким Освальд получил работу в роковом здании ТРУ, подвергся самому внимательному анализу. Никаких следов заранее планируемого злодейства обнаружено не было. Просто Руфь Пэйн рассказала о проблемах Освальда соседям, кто-то вспомнил, что молодой человек, живший на той же улице в доме сестры, говорил

о том, как они загружены на работе, Руфь тут же позвонила управляющему, и тот согласился поговорить с Освальдом и взять его на временную работу, если тот подойдет.

Правда, несколько деталей заслуживают внимания. Во-первых, несколько служащих ТРУ, давая показания Комиссии Уоррена, мельком упомянули, что на работе в эти месяцы царило затишье и администрация, чтобы чем-то занять их, затеяла ремонтировать пол на шестом этаже здания. Во-вторых, как показала сотрудница агентства по найму, где Освальд оставил свое заявление, она позвонила 15 октября в дом Руфи Пэйн и сообщила, что нашла для Освальда работу в аэропорту — постоянную и вдвое лучше оплачиваемую, чем то, что ему предложили в ТРУ. Женский голос ответил ей, что Освальд уже нашел работу. Марина по-английски не говорила, следовательно, это могла быть только Руфь Пэйн. В-третьих, стало известно, что 14 октября Освальд пытался получить работу в магазине лесоматериалов, который тоже находился на пути проезда президента.

Жизнь потекла более или менее нормально. В пятницу молодой сослуживец Освальда, Вэсли Фрезер, подвозил его в Ирвинг, где он сам жил с сестрой, в понедельник утром забирал обратно в Даллас на работу. 20 октября Марина родила вторую дочку. Освальд был счастлив. Все же он получал теперь 1.25 доллара в час. Подумывал о том, чтобы забрать семью в Даллас и снова начать жизнь вместе.

Впоследствии десятки людей, сталкивавшихся с Освальдом в течение этих недель, узнали его на экране телевизора и заявили властям о том, что видели его там-то и там-то в такие-то дни и часы. Как я уже говорил, многие из этих сообщений чем-то не устраивали следствие, поэтому свидетели были объявлены не заслуживающими доверия. Чаще всего опровержение их показаний строится на словах Марины и Руфи. Представляется любопытным проследить на нескольких примерах, чем же свидетели не угодили.

Финансы Освальда

Вот, например, владелец гастронома в Ирвинге — Леонард Хатчинсон. Он любит присматриваться к своим покупателям, заговаривает с каждым из них. И уж конечно, он не мог не обратить внимания на молодого человека, который никогда, ни одним словом не откликнулся, не выдал из себя ни "добрый день", ни "спасибо". А когда однажды этот молодой человек появился с беременной женой, с которой он разговаривал на непонятном языке, Леонард Хатчинсон запомнил эту пару очень хорошо. И потом узнал обоих, когда их фотографии заполнили газеты и телеэкраны.

Рассказ этого достойного, уравновешенного человека не содержит никаких противоречий, в нем старательно проводится грань между воспоминаниями смутными, расплывчатыми и тем, что врезалось

в память отчетливо. Но есть детали, которые никак не лезут в картину, создававшуюся Комиссией Уоррена. Во-первых, он заявил, что те три-четыре раза, когда Освальд являлся в магазин один, приходились на раннее утро в будние дни. Освальд приходил пешком, брал галлон молока и булочку с корицей, расплачивался и молча уходил. А это означает, что Освальд ночевал в Ирвинге не только во время викендов. Что, в свою очередь, оставляет нас перед дилеммой: либо Вэсли Фрезер лгал, либо не только он возил Освальда на работу в Даллас и обратно. Но кто тогда? Во-вторых, владелец гастронома заявил, что однажды в пятницу, между 5 и 6 вечера, Освальд попросил выдать ему наличными 189 долларов, предъявив чек на свое имя. Мистер Хатчинсон извинился и объяснил, что по их правилам он не может оплатить персональный чек на сумму выше, чем 25 долларов. Спрашивается, откуда у Освальда взялся чек почти на 200 долларов? И почему упомянутая сумма почти точно совпала с месячным жалованьем, которое, по некоторым данным, выплачивало Освальду ФБР за неизвестные услуги?

Получение Освальдом мелких сумм по денежным переводам было подтверждено показаниями почтового клерка Хэмблена. Уже 25-го ноября он рассказал репортерам, что узнал в Освальде одного из своих клиентов, который всегда вел себя грубо и который, кроме получения денег, за несколько дней до убийства президента послал телеграмму в официальное учреждение в Вашингтоне, кажется, в министерство военно-морского флота. Отчет отводит целую страницу на доказательство того, что все это Хэмдлен выдумал. Но 25-го ноября почтовый клерк еще не имел никакой возможности узнать из посторонних источников, что Освальд, действительно, переписывается с военно-морским министерством.

Конечно, Освальд мог получать деньги и через почтовый ящик, который он завел в том же почтовом отделении, что и Руби. Однако весь образ его жизни показывает, что средства его были довольно ограничены. Тем не менее он явно ожидал изменения своего финансового положения к лучшему. Марине было обещано, что скоро они всей семьей поселятся в новой квартире в Далласе. В начале ноября он провёл около сорока минут в мебельном магазине, прицениваясь к недорогой обстановке для будущей квартиры, а несколько дней спустя выбирал автомобиль в торговом отделении Линкольн-Меркьюри в центре Далласа.

Оба эти инцидента тоже стали предметом пристального расследования.

Хозяйка мебельного магазина, миссис Витворт, и ее приятельница, миссис Хантер, немедленно узнали Ли и Марину Освальдов на экране телевизора. Они подробно и обстоятельно описали следователям Комиссии их визит. Семья подъехала на машине — белый с голубым

“форд”, примерно 1957 года (именно такой, какой был у Руфи Пэйн).⁹ Сначала вошел муж, потом он вернулся к машине и привел семью. Обе приятельницы отметили, что супруги за все время не сказали друг другу ни слова. Только по короткому замечанию, сделанному Мариной старшей дочери, они поняли, что женщина — иностранка. Миссис Витворт повела Освальда вглубь магазина показывать мебель, и они немного поговорили о детях и о том, что вот младшая Освальдов родилась 20-го октября, а у хозяйки есть двое внуков, а им всегда хотелось девочку, и не обменять ли нам их, а? Когда семья уезжала, миссис Хантер вышла из магазина и указала Освальду на то, что улица эта с односторонним движением, поэтому ему следует повернуть на запад, а потом свернуть у светофора. Освальд уехал, не сказав ни слова благодарности за совет.

10

Чтобы дискредитировать простые и ясные показания двух женщин, Комиссии понадобилось уже полторы страницы Отчета. Спрашивается — зачем? Чем следователей не устроила эта невинная история? Скорее всего, двумя вещами: тем, что Освальд к тому времени свободно водил машину, и тем, что визит, судя по показаниям обеих свидетельниц, имел место в будний день, между двумя и тремя часами. То есть, что Освальд, несмотря на свои стесненные обстоятельства, готов был отлучаться с работы, когда ему было это нужно, и добирался до Ирвинга без помощи Вэсли Фрезера.

Визит в автомобильный магазин описан Альбертом Богардом и другими продавцами, видевшими Освальда. Он явился туда в субботу днем, 9 ноября, и попросил показать ему красную машину марки “меркьюри-комет” с двумя дверьми. Богард предложил ему опробовать машину. Освальд вел автомобиль по шоссе со скоростью 60–70 миль в час и заворачивал так резко, что продавец был рад вернуться в магазин живым. Освальд заявил, что денег на первый взнос (нужно было 300 долларов) у него нет, но недели через три у него будет достаточно денег, чтобы купить машину за наличные (3000–3500 долларов). Богард записал имя потенциального покупателя на обороте своей визитной карточки. Когда же днем 22-го ноября по радио передали имя человека, арестованного по подозрению в убийстве полицейского, Богард достал карточку с именем Ли Освальд, разорвал ее на глазах у других продавцов и сказал, что “меркьюри-комет” этому человеку теперь вряд ли понадобится.

11

На следующий же день, прослышав про эту историю, в авто-магазин явились агенты ФБР. Богард провез их по тому же пути, который они проделали с Освальдом. Между прочим, маршрут их на участке Стиммонс-фривей совпадал с предполагавшимся маршрутом президента, а сам автомагазин находился в двух шагах от Техасского распределителя учебников. Хотя агентов ФБР явно огорчали показания Богарда, он повторял их раз за разом, не изменяя, выдержал испытание

12
13

на детекторе лжи и затем то же самое рассказал Комиссии Уоррена.

И снова целая страница Отчета тратится на дискредитацию показаний свидетеля, который не противоречит себе ни в одном слове, которого невозможно заподозрить во лжи. Ради чего? Да потому что снова получается, что Освальд умел водить машину и что он ждал крупную сумму денег. Или, на худой конец, что это был не Освальд, а человек, который изображал его. То есть заговорщик.

Любопытно, что Отчет ссылается на Руфь Пэйн, которая якобы была с Освальдом весь день в субботу 9 ноября и отрицает визит в авто-магазин. Но та же Руфь Пэйн показала, что в этот день она привезла Освальда в Даллас, чтобы он мог сдать экзамен на вождение и получить права. Пункт для сдачи экзамена находился неподалеку от авто-магазина, но оказался закрыт в тот день. Конечно, Освальд мог и провалить экзамен. Но и он, и Руфь Пэйн явно считали, что его водительские навыки достаточно прочны, чтобы попытаться. Отчет же опять применяет обратную логику: мы знаем, что Освальд не умел водить, поэтому Богарду верить не следует.

В феврале 1966-го Богард был найден мертвым в своем автомобиле, отпаркованном на кладбище. Толстый шланг шел от выхлопа внутрь машины, окна которой были закрыты. Заключение полиции: самоубийство.

Упражнения в стрельбе

Визит в мебельный магазин, описанный выше, произошел случайно. Как показала хозяйка, миссис Витворт, Освальд появился со свертком под мышкой и спросил, не могут ли они починить ему ружье. Дело в том, что часть мебельного магазина раньше арендовал оружейный мастер. Он разорился, уехал, но вывеска его снаружи еще оставалась — она-то и привлекла Освальда. Миссис Витворт не помнила точно, дала ли она Освальду адрес другого спортивного магазина, где ему могла бы помочь с ружьем, но сказала, что, как правило, она непременно дает людям совет, куда им следует обратиться.

Как раз неподалеку в Ирвинге находился спортивный магазин, в котором работал механиком и продавцом молодой человек по имени Дайал Райдер. На следующий день после убийства президента он убирал свой верстак и обнаружил ярлык на ремонт ружья с именем "Освальд". Ни адреса, ни даты. Судя по цене, проставленной на ярлыке, работа состояла в просверливании трех дырочек для укрепления оптического прицела и в предварительной пригонке его. Райдер был уверен, что он выполнял эту работу в первой половине октября. Хозяин как раз уехал в отпуск, и он оставался один в магазине, а дело было накануне охотничьего сезона, так что ему приходилось укреплять по 25 прицелов за неделю, не считая всей остальной работы. В такой запарке он не мог запомнить всех посетителей и не был уверен, видел ли

он самого Освальда в магазине или нет. Зато он с абсолютной уверенностью заявлял, что никогда не производил никаких работ над итальянским ружьем калибра 6.5 — таким, какое было найдено на шестом этаже ТРУ. Да и известно, что ружье было получено Освальдом по почте с уже просверленными дырочками для прицела.

17

Итальянское ружье калибра 6.5 видели в руках Освальда другие свидетели — отец и сын Вуд. Тринадцатилетний Стерлинг Вуд очень хорошо запомнил молодого человека, которого он встретил на стрельбище под Далласом. Их кабинки находились рядом. Молодой человек стрелял из необычного ружья с коротко отпиленным стволом, из которого при каждом выстреле вырывался пучок огня. Использованные гильзы он аккуратно вынимал и прятал в карман. Почти все его пули ложились в десятку. Стерлинг не удержался и спросил его: "Сэр, ваше ружье — это итальянский карабин калибра 6.5?" — "Да", — ответил стрелявший. Потом он уехал в автомобиле (кажется, новом "форде") вместе с другим человеком, который вел машину.

18

Отец Стерлинга, доктор Гомер Вуд, тоже был на стрельбище и подтвердил все рассказанное его сыном. Он заявил, что сын его такой специалист в ружьях, каким ему никогда не бывать. В день убийства президента, когда Освальда показали на экране телевизора, доктор Вуд немедленно узнал его. Но он не сказал об этом сыну, решив посмотреть, опознает ли он подозреваемого. Стерлинг, увидев фотографию в газете, воскликнул: "Па, да ведь это тот самый, что стрелял из соседней кабинки!"

19

Видели Освальда на том же стрельбище в разные дни и другие люди. Мистер Гленвил Слэк столкнулся с ним два раза: в воскресенье 10 ноября и в следующее воскресенье, 17-го. Во время первой встречи он предложил Освальду участвовать в небольшом стрелковом состязании, от чего тот отказался. Во время второй произошел конфликт. Мистер Слэк только что повесил оплаченную им мишень и собирался стрелять, как из соседней кабинки раздался выстрел, и дырка появилась в мишени мистера Слэка. Рассерженный, он побежал жаловаться управляющему. Управляющий явился и строго выговорил двум молодым людям, находившимся в кабинке. Один из них был Освальд. Мистер Слэк заявил на следствии, что он и 20 лет спустя будет помнить взгляд, которым наградил его Освальд на прощанье. Слэк также заметил, что у молодых людей было несколько ружей. С итальянскими обрезанными карабинами они обращались довольно небрежно — просто кинули в багажник машины, когда уезжали. Но одно ружье, завернутое в серое одеяло с красной каемкой, передали через ограду весьма осторожно.

20

Казалось бы уж этих свидетелей Комиссия должна была принять с распростертыми объятиями. Ведь их показания подтверждали, что Освальд тщательно готовился, что он пользовался итальянским карабином 6.5, что отлично стрелял. Но нет — и эти свидетели были объявлены

ошибающимися. Ибо, если принять их слова за правду, надо было признать, что в подготовке участвовало несколько человек и несколько ружей, а это было разрушительно для официальной сказки с одним-единственным злодеем.

Освальд и Руби

Многие эпизоды, описанные в этой главе, плохо укладывались не только в схему Комиссии Уоррена, но и в построения ее критиков. Ибо большинство из них (Марк Лэйн, Сильвия Мейер, Лео Саваж, Иоахим Йостин, Ховард Роффман) как бы брали на себя функцию адвокатов Освальда и пытались доказывать его абсолютную невиновность. Естественно, что для них активные упражнения "подзащитного" в стрельбе, получение им значительных сумм из неизвестных источников, ожидание резкого улучшения финансового положения были весьма нежелательными деталями.

Будучи людьми честными, критики не могли просто отвергнуть ясные и убедительные свидетельские показания. Чтобы обойти возникающее противоречие, все они в той или иной мере склонялись к идее "двойника", которого заговорщики якобы посылали изображать Освальда во всех указанных местах, в то время, как сам Освальд, не замышляя ничего худого, либо честно двигал ящики на службе, либо нянчил своих детишек в доме Руби Пэйн. (Несостоятельность этой теории доказывается выше, на стр. 148. Тем же, кто любит детективные истории с переодеваниями, рекомендую книгу Роберта Морроу, *Betrayal*, в которой эта версия разработана с завидной бесшабашностью.)

Неудивительно, что при таком подходе все свидетельские показания о контактах между Освальдом и Руби отвергались обеими сторонами. Для Комиссии Уоррена это означало бы принять наличие заговора, для критиков — допустить, что Освальд хотя бы частично был в этом заговоре замешан. К этому двойному давлению добавлялся еще и страх каждого свидетеля, сообщавшего о встречах Руби с Освальдом, быть убитым или изувеченным. И тем не менее показания людей, видевших будущего убийцу и его жертву вместе, рассыпаны в документах в изобилии.

Больше дюжины надежных свидетелей заявили, что видели Руби и Освальда вместе в течение четырех месяцев, предшествовавших убийству президента. Шестеро видели их в разные моменты в клубе "Карусель" в ноябре 1963 года. Трое из них были служащими, трое — посетителями. Мне самому довелось брать интервью у журналиста, который видел Руби и Освальда вместе на фотографии.

Вот, например, конференсье из клуба "Карусель" — Билл де Мар. В день убийства Освальда он немедленно позвонил в агентство новостей, затем своему приятелю, радиожурналисту в Индиане, а также в далласскую полицию, сообщая, что видел Освальда в клубе "Карусель" за девять дней до убийства. Специальностью де Мара были трюки, связанные с запоминанием множества предметов, называемых зрителями. Именно в таком трюке принял участие Освальд. 22

Позднее, давая показания Комиссии, де Мар заявил, что его заявления были раздуты прессой и у него нет уверенности, что виденный им человек был Освальд. Но в ходе следствия так много людей отказывались от своих показаний из страха смерти, что разумно доверять лишь тому, что было сказано в первый момент, когда человек еще не знал, что ему грозит и как надо лгать. 23

Точно так же и Брус Карлин ("Маленькая Линн") в первые дни после убийства заявила агенту Секретной службы, что видела Освальда в "Карусели". Но десять месяцев спустя, запуганная угрозами и измученная допросами, она (та самая, что приходила давать показания, имея в сумочке пистолет) уже говорила, что полной уверенности у нее нет, что просто все кругом говорили, что Руби и Освальд знали друг друга, и она подхватила и повторила эту молву. Тем не менее, даже в этот момент она признала, что ее личное мнение — да, да, сугубо личное мнение, основанное на косвенных данных, — сводится к тому, что эти двое знали друг друга. 24

Еще более откровенно рассказал о процессе изменения своих показаний Вильбурн Личфилд. Поначалу он заявил полиции, что видел Освальда в "Карусели" в середине октября или в начале ноября 1963 года. Он ждал назначенной встречи с Руби, а Освальд вошел в кабинет перед ним и через некоторое время вышел оттуда. Личфилд обратил на него внимание, потому что тот был одет неряшливо, волосы нуждались в стрижке — вообще, нетипичная фигура для ночного развлекательного заведения. Но полиции его показания не нравились, ему устроили испытание на детекторе лжи, заявили, что он провалил его. За Личфилдом числились грешки, он отсидел срок за подделку чека, и меньше всего ему хотелось связываться с полицией. 25

Я им говорю, что Освальд до чертиков похож на человека, которого я видел в "Карусели", а они: "Ты уверен? Ты уверен? Ты уверен?.." А я говорю: "Выглядит похоже, выглядит похоже, выглядит похоже..." А когда агенты ФБР со мной разговаривали, они заявили: "А знаешь, что если ты сейчас заявляешь, что уверен, а потом окажется, что то был не Освальд, это подсудное дело?" Ну, после этого я и говорю: "Окей, я не вполне уверен". 26

Наконец, то, что подслушал адвокат Джарнагин вечером 4 октября в клубе "Карусель" — прямые переговоры между Руби и Освальдом об убийстве губернатора Коннэлли (кратко упомянутые выше, на стр. 146), было игнорировано всеми. Имени Джарнагина нет ни в Отчете, ни в книгах критиков, даже в более поздних, связанных со вторым (а по сути — третьим, если считать вторым расследование прокурора Нового Орлеана, Джима Гаррисона) расследованием. Один лишь Пен Джонс отводит ему главу и справедливо замечает, что человек, выступивший с таким заявлением, по крайней мере заслуживает того, чтобы его вызвали на допрос.

ФБР поставило на меморандуме Джарнагина дату получения 5 декабря 1963 года. То есть 10 дней спустя после убийства Освальда. Джарнагин в своем разговоре с прокурором Далласа, Генри Вэйдом, уверяет, что послал меморандум через день или два после покушения. Если это так, в меморандуме обнаруживается множество деталей, которых Джарнагин не мог к тому моменту узнать из прессы. Он не мог знать, что Освальд вернулся в Даллас именно 3-го октября, что первую ночь провел в мотеле YMCA, а не дома, что в Новом Орлеане он попал в тюрьму за драку на улице.

Джарнагин признал, что в тот вечер они со спутницей выпивали, переходя из клуба в клуб. Однако пристрастие к алкоголю не помешало Джарнагину блестяще закончить два университета и быть отличным шахматистом. Спутница его, бывшая танцовщица Руби, отказалась подтвердить его показания. Однако была она особой бедовой, регулярно попадала в тюрьму и имела все основания думать прежде всего о собственной безопасности. Полиция Далласа заявила, что никто не звонил им в начале октября с подобными предупреждениями. Но если попробовать допустить, что Джарнагин, действительно, позвонил им на следующий день, признали бы полицейские, проворонившие два убийства такой важности, что их предупреждали насчет Руби и молодого человека по имени Ли? Наоборот, не кроется ли здесь объяснение той паники, в которую впали высокопоставленные полицейские, когда услышали имя Освальда 22-го ноября, объяснение той политики заматания следов, которая описана в Главе 16?

Но главное, снова и снова встает вопрос: зачем уравновешенному человеку, с приличной карьерой и репутацией, не замеченному раньше в склонности к мистификациям, было выступать с выдуманной историей, которая грозила ему, в лучшем случае, обвинением в лжесвидетельстве, в худшем — гибелью от руки убийцы? Ибо он не только отправил меморандум в ФБР, но в феврале 1964 явился к прокурору Вэйду, готовившему процесс Руби, и предложил себя в качестве свидетеля. То есть готов был подтвердить сказанное публично и под присягой. Прокурор заявил, что история показалась ему неубедительной, что он устроил проверку на детекторе лжи и Джарнагин провалил тест.

Однако никаких подтверждений того, что проверка имела место, в документах мы не находим. Зато находим очередной сюрприз: 24-го ноября прокурор Вэйд возвращался с семьей из церкви и, услышав по радио, что Освальда убили, не задумываясь заявил, что, наверное, это сделал Руби, хотя имя убийцы еще не объявили.

30

Конечно, трудно поверить, что Руби стал бы обсуждать планы убийства там, где его могли подслушать посторонние, то есть прямо в зале своего клуба. Я вижу только одно возможное объяснение истории адвоката Джарнагина: он получил информацию о разговоре между Руби и Освальдом от кого-то из служащих Руби, которому обещал не называть его имени. Но важность сообщения была так велика, что он не мог не рассказать властям о нем. Поэтому-то и решил взять всю ответственность на себя — заявил, что слышал разговор собственными ушами. Лишь убедившись, что эта правдивая информация почему-то отбрасывается следствием, он решил не идти дальше по пути, который таил для него двойную опасность, и в дальнейшем оставался в тени.

Поистине, когда пытаешься перечислить все, что знали официальные лица и организации об Освальде и Руби, список получается угнетающе длинным. Немудрено, что так много независимых исследователей искали корни заговора в недрах ФБР, Си-Ай-Эй, полиции, Секретной службы. Правда, все они упускают одну немаловажную деталь: если бы заговорщики принадлежали к официальным кругам, Освальд был бы убит на месте, ибо любой охранник, любой полицейский имел право пристрелить его прямо в здании ТРУ как подозреваемого убийцу. "Сценарист" заговора поместил бы "ликвидатора" у входа в книжный распределитель, поручил бы ему вбежать в здание немедленно после стрельбы, и Освальд никогда не дошел бы до автомата с кока-колой. Но, как мы уже видели, у настоящих заговорщиков такой возможности не было и Освальда они упустили почти на 48 часов.

22. ДАЛЛАС, 22 НОЯБРЯ 1963 ГОДА, ДЭЙЛИ-ПЛАЗА

Тысячи людей приветствовали президента, чей автомобиль медленно двигался в колонне других машин по улицам Далласа. Сотни оказались свидетелями покушения на Дэйли-плаза. Послушаем их рассказы.

Первый выстрел

ДЖИН НЬЮМАН (она стояла на северной стороне улицы Эльм, под травяным склоном; на схеме на стр. 163 ее местоположение было бы в зоне 2, чуть правее цифры): Первые машины как раз миновали меня, когда я услышала что-то, что я сначала приняла за хлопок ракеты... Президент словно бы вскинулся, а голову уронил вниз. Я видела, как он поднял локти вот так, прижав руки к груди.

1

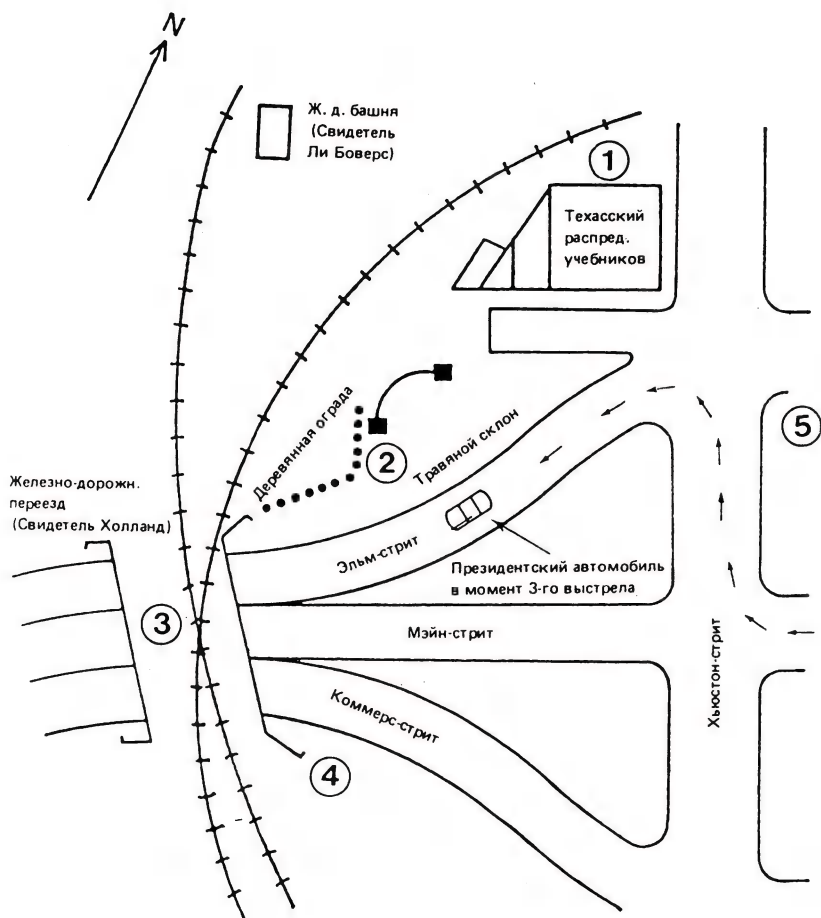
ХОВАРД БРЕННАН (он сидел на цементном барьере посредине Дэйли-плаза, в треугольнике, образованном улицами Эльм, Мэйн и Хьюстон): Президентский автомобиль как раз миновал то место, где я сидел, и президент Кеннеди повернулся в нашу сторону. В этот самый момент все радостное и благодушное настроение дня было разбито звуком выстрела... Сначала я решил, что это был просто автомобильный выхлоп. Я уверен, что и остальные люди вокруг меня подумали так же, потому что толпа сначала никак не прореагировала.

2

РОЙ КЕЛЛЕРМАН (агент Секретной службы, сидевший рядом с шофером президентского автомобиля): Мы только что свернули с Хьюстон на Эльм-стрит, там улица идет под уклон, прочь от зданий, и был дорожный знак, я не помню, что на нем было написано, но только мы миновали его и выезжали на открытое пространство, как раздался треск, точно хлопнула шутиха — поп!

3

ДЖЕЙМС ТОУГ (его автомобиль остановился в пробке под железнодорожным мостом, и он вышел из автомобиля взглянуть на президентский кортеж; между зоной 3 и 4 на схеме): Я стоял там и старался увидеть президента и его автомобиль. Примерно в это время я услышал звук, похожий на ракету-шутиху.

ДЭЙЛИ-ПЛАЗА

(Цифры в кружках означают зоны, обсуждаемые в тексте)

Правда, довольно громкую шутиху. На ружейный выстрел было совсем непохоже. Я стал глядеть по сторонам, чтобы понять, кто кидает шутихи, и старался уразуметь, что происходит.

ДЭЙВ ПАУЭРС (помощник президента, ехавший за ним в следующем автомобиле): Мы сделали поворот с Хьюстон на Эльм... Вскоре после этого раздался первый выстрел, и мне показалось, что это ракета-шутиха. Я увидел, что президент после этого выстрела стал падать в левую сторону, далеко налево.

ЛИНДА КЭЙ (наблюдала проезд с южной стороны Эльм-стрит): Когда первый выстрел поразил президента, он перестал махать толпе и он схватился за горло и весь согнулся вперед.

МИССИС КОННЭЛЛИ (жена губернатора Коннэлли, ехавшая рядом с ним в президентском автомобиле, на левом среднем сиденье): Я услышала звук и, не очень разбираясь в огнестрельном оружии, не поняла, что это ружье. Просто пугающий звук, который раздался справа. Я обернулась направо и взглянула назад и увидела, как президент поднял обе руки к шее... Он не издал ни звука, не вскрикнул. Я не видела крови, ничего. У него просто было ничего не выражающее лицо, и он просто как бы осел, повалился.

ГУБЕРНАТОР КОННЭЛЛИ (ехал в президентском лимузине на правом среднем сиденье): Мы только что сделали поворот, когда я услышал то, что я принял за звук выстрела. Я инстинктивно повернулся направо, потому что мне казалось, что звук выстрела раздался справа, но не увидел ничего необычного — просто люди, толпа, — но я не увидел президента, и меня это встревожило, потому что, когда я услышал выстрел — а я знал, что это был ружейный выстрел, — первое, что промелькнуло в моей голове, была мысль о покушении.

Второй выстрел

С. ХОЛЛАНД (стоял на железнодорожном переезде, под которым должен был проехать президентский кортеж; на схеме зона 3): И губернатор /Коннэлли, сидевший перед президентом/ повернулся направо, вот так; после этого он стал поворачиваться в другую сторону, и в это время вторая пуля попала в него... Я рассказывал об этом Комиссии Уоррена, что он повернулся направо, потом налево и что он был поражен вторым выстрелом. Уж точно не первым.

МИССИС КОННЭЛЛИ: Очень скоро после этого /первого выстрела/ второй выстрел попал в Джона /Коннэлли/. Я как раз обернулась, чтобы посмотреть, и я припоминаю, что Джон говорил "О нет, нет, нет". В это время раздался второй выстрел, и он откинулся направо, просто рухнул, как раненный зверь, и сказал: "О Боже, они убьют нас всех".

10

ГУБЕРНАТОР КОННЭЛЛИ: Я оборачивался налево, но так и не успел закончить поворот... потому что что-то ударило меня в спину. Я сразу понял, что это было: пуля попала в меня. Я понял это, когда взглянул вниз и увидел кровь повсюду, и в голове мелькнула мысль, что в этом участвуют два или три человека или кто-то стреляет из автоматической винтовки... Кровь была повсюду, и я понял, что пуля прошла через грудь навывлет, и подумал, что я ранен смертельно.

11

ХОВАРД БРЕННАН: ...Я взглянул вверх на ТРУ, словно какая-то невидимая сила заставила меня посмотреть на окна шестого этажа. Кровь застыла у меня в жилах от того, что я увидел... В угловом окне стоял тот же самый молодой человек, которого я видел там же еще до прибытия кортежа. С одной лишь разницей — в этот раз в руках у него было ружье, наведенное на президентский автомобиль. Он опер его о карниз, и, хотя он двигался быстро, в движениях его не было заметно паники. Все это случилось в течение секунды или двух. Затем в уши мне ударил второй выстрел... Я видел, как губернатор Коннэлли дернулся от полученной раны, видел, как его жена рванулась к нему на помощь. Помню, что я подумал: "О мой Бог! Он хочет убить их, он хочет убить их всех!" Чужовидность и огромность происходящего почти раздавили меня. Я хотел плакать, хотел кричать, но не мог издать не звука. Я только смотрел, как развертывалась эта страшная драма.

12

Третий выстрел

С. ХОЛЛАНД: В этот момент миссис Кеннеди смотрела на этих девушек, одна из них как раз делала снимки, а другая просто стояла и она /миссис Кеннеди/ повернулась в сторону, где сидели президент и губернатор Коннэлли. И я думаю, она поняла, что просиходит... В этот момент еще одна пуля ударила в него... Она просто сбила его на пол. Он просто провалился вниз... Я услышал третий выстрел, а всего я насчитал четыре... Я не был уверен, что третий звук был выстрелом. Не могу сказать.

И клуб дыма вырвался из-под этих деревьев (на схеме зона 2) на уровне 6—8 футов над землей. Словно кто-то выбросил ракету-шутиху, да и звук был такой. Он не был таким громким, как первые два.

13

ДЭЙВ ПАУЭРС: Третий выстрел снес верхнюю часть головы президента, и звук был такой тошнотворный, словно грейпфрут шмякнулся о стену... Сначала мне показалось, что выстрелы раздались справа над моей головой, но в какой-то момент было мимолетное ощущение, что звук донесся со стороны виадука (из зоны 3).

14

ПОЛИЦЕЙСКИЙ БОББИ ХАРГИС (он ехал на мотоцикле сзади и слева от президентского автомобиля): Казалось, что его голова взорвалась... Я был покрыт кровью и мозгом и какой-то кровавой жидкостью... Меня так хлестнуло, что я подумал, что пуля попала в меня... В тот момент в голове моей мелькнуло, что стреляли со стороны железнодорожного переезда.

15

ВИЛЬЯМ НЬЮМАН (стоял на травяном откосе перед деревянной оградой в зоне 2, вместе со своей семьей): Так я это увидел. Как его ударило, так что казалось, что ударили бейсбольной битой; точно чурбан какой обрушился на его голову... Этот третий выстрел ударил его с /правой/ стороны головы, и я подумал, что стрелявшие были как раз сзади нас. И мы испугались, потому что думали, что мы оказались как раз на линии огня... Я думаю, и все считали, что стреляли оттуда /из-за ограды за нашей спиной/, потому что потом все побежали в том направлении. (Фотографии, сделанные сразу после выстрелов, показывают, что супруги Ньюман упали на землю, прикрывая собой детей.)

16

ХОВАРД БРЕННАН: Одновременно с третьим выстрелом я перевел взгляд на президентский автомобиль, который продвинулся всего на несколько футов с момента второго выстрела, и то, что я увидел, наполнило мою душу отчаянием. Ореол красных брызг окутал голову президента. Я понял, что пуля попала в цель. Позже я узнал, что все эти события заняли не больше десяти секунд. Мне казалось, что несколько минут... В тот же момент я понял, что убийца сделал свое дело. Что бы ни говорили мне потом, я знал, что наш президент умер. Никто не может выжить после такой раны... Президент Кеннеди умер в тот самый момент, и все сообщения из госпиталя были просто оттяжкой времени, чтобы приготовить американцев к неизбежному.

17

Только после третьего выстрела водитель президентского лимузина (агент Секретной службы, который обучен реагировать немедленно и обязан при малейшей опасности мчаться из зоны огня, а не сбрасывать — как он сделал — скорость до пяти миль в час) словно бы пришел в себя и нажал на акселератор. Под вой сирен лимузин со смертельно раненным президентом умчался в сторону Паркландской больницы. За ним последовали машины кортежа с сотрудниками Белого дома, журналистами, охраной.

ХОВАРД БРЕННАН: Мужчины и женщины, одетые по-воскресному, попадали на землю, пытались укрыться от выстрелов. Полицейские в форме и в штатском бежали в разных направлениях... Большинство из них устремилось в сторону виадука... Другие побежали направо, в сторону травяного склона.

18

Сотни людей на площади, ошеломленные происшедшим, собирались группами, расспрашивали друг друга, спешили рассказать полицейским, что они видели.

ДЖЕЙМС ТОУГ (стоял под железнодорожным переездом, между зонами 3 и 4): После третьего выстрела я спрятался за опору моста, а когда выглянул снова, машина с агентами Секретной службы как раз промчалась мимо меня под мостом... Взглянув вперед, я увидел полицейского, который остановил мотоцикл, достал пистолет и побежал по откосу в сторону железнодорожных путей. Толпа сгущалась; и многие в возбуждении побежали туда же... И я сказал помощнику шерифа, что что-то царапнуло меня по щеке /во время стрельбы/. И он взглянул на меня и сказал: "Да у вас на щеке кровь".

19

Несколько человек побежало по травяному склону в сторону деревянной ограды (на схеме — зона 2), откуда — как им казалось — раздалась выстрелы. Оставив свой наблюдательный пост на железнодорожном переезде, туда же прибежал семафорный мастер Холланд.

ХОЛЛАНД: И я прибежал на то место, где я видел клуб дыма, когда раздалась выстрелы; я искал пустые гильзы или еще какое-нибудь указание на то, что стрелявший стоял там. В то утро, вы знаете, шел дождь, и там около бампера одного пикапа можно было насчитать четыре или пять сотен отпечатков ног. А на самом бампере были следы, будто кто-то отирал подошвы... Я заметил цепочку следов и слева... Человек дальше

либо пошел по гравию дорожки /не оставляя следов/, либо спрятался в багажнике автомобиля, что было совсем нетрудно.

20

Следы и сигаретные окурки в этом месте видели и другие свидетели — Додд, Симонс, полицейский Сеймур Вайцман. Полицейский Джо Маршалл Смит, прибежавший туда же, почувствовал запах пороха. Он также рассказал, что, обыскивая близлежащие кусты и заглядывая в отпаркованные автомобили, он столкнулся с человеком, который показал ему удостоверение агента Секретной службы.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ ДЖО СМИТ: Я чувствовал себя несколько глупо, потому что из-за стрельбы и всего такого я вытащил из кобуры пистолет и я думал, что это глупо, что я даже не знаю, кого я ищу, и я спрятал пистолет. Как только я это сделал, он /неизвестный/ показал мне удостоверение агента Секретной службы... Он увидел, что я приближаюсь с пистолетом в руке, и показал мне удостоверение... Но что там было написано, я не запомнил.

21

Однако Секретная служба сообщила Комиссии, что ни один из агентов не оставался на Дэйли-плаза, что все они последовали за раненым президентом. Это значит, что полицейский Смит столкнулся с фальшивым "агентом" — столкнулся и дал ему уйти и замешаться в толпе, даже не запомнив имени, которое было проставлено в удостоверении.

22

Другая часть свидетелей считала, что выстрелы раздались из здания ТРУ. Ховард Бреннан был одним из них. Он уверял, что видел стрелявшего, и впоследствии под присягой показал, что опознал в нем Освальда. После выстрелов Бреннан тоже бросился на землю. Когда он опять взглянул наверх, к своему великому изумлению, он увидел, что

...тот человек все еще стоял у окна! Казалось, он никуда не спешил. Лицо его не выражало никаких эмоций, только легкая усмешка блуждала на нем... Казалось, он был доволен тем, что никто не понимал, откуда прозвучали выстрелы. Затем он сделал нечто необъяснимое. Очень медленно и аккуратно он поставил ружье прикладом вниз и так стоял, упиваясь моментом, как охотник, знающий, что дичь поражена насмерть. Затем, не спеша, он просто отодвинулся от окна и исчез.

23

Опрос свидетелей

Джошуа Томпсон провел кропотливую работу, подвергнув скрупулезному анализу показания 190 свидетелей, бывших на Дэйли-плаза

в момент стрельбы. Подавляющее большинство из них (136) заявило, что они слышали три выстрела. Правда, 15 человек с той или иной степенью уверенности, показали, что слышали четыре. Откуда были произведены выстрелы? На этот вопрос ответили лишь 66 человек, и мнения их разделились. 33 свидетеля считали, что стреляли со стороны травяного склона с оградой и кустами наверху (зона 2), 25 свидетелей — что из здания ТРУ (зона 1), двое — что из зданий на Хьюстон-стрит (зона 5).

24

Примечательно, что Томпсон, как и всякий исследователь имевший свою теорию, не выделил в отдельную группу людей, заявивших (опять же, с разной степенью уверенности), что стреляли со стороны железнодорожного переезда. А между тем, из его собственной таблицы следует, что таких было как минимум 9 (то есть 14%). Более того — многие из тех, кто отнесен Томпсоном в группу "Ограда на травяном холме", говорили просто "со стороны железнодорожных путей". Но железнодорожные пути проходят, как видно из схемы на стр. 163, и позади ограды, и по виадуку (переезду).

25

Не учтены в таблице и косвенные свидетельства и импульсивные высказывания, которые порой важнее обдуманных и, может быть, нарочито искаженных показаний. Например, не указано, что далласский шериф, Билл Деккер, ехавший в головной машине, через секунду после выстрелов отдал приказ по радио: "Немедленно пошлите всех людей из моей конторы на железнодорожные разъезды, чтобы выяснить, что там произошло, и пусть они охраняют все до прибытия следователей из отдела покушений". Два часа спустя его помощники все еще вели расследование на железнодорожных путях позади деревянной ограды. Начальник полиции Карри, ехавший в той же машине, прокричал в микрофон: "Пошлите людей на этот виадук и посмотрите, что там происходит". То есть совершенно ясно, что первая реакция опытных полицейских была: стрелявшие находятся впереди президентского автомобиля. (Если таково же было впечатление шофера, это могло бы послужить объяснением, почему он сбросил скорость: он не мог свернуть ни вправо, ни влево, а ехать вперед означало бы приближаться к стрелявшему.)

26

27

Миссис Дональд Бэйкер (она же Верджи Рэккли) заявила, что первый выстрел донесся со стороны железнодорожных путей и виадука. Более того, она уверенно, не поддаваясь нажиму ведущего допрос Либелера, показала, что после первого выстрела она увидела, как пуля ударила в мостовую позади президентского автомобиля. Давая показания ФБР 24 ноября 1963, она сообщила об этом и указала место, куда ударила пуля: неподалеку от того места, где она стояла на улице Эльм (почти перед зданием ТРУ). Судя по всему, это место было скрыто от окон шестого этажа деревом. Поэтому показания не устроили агентов, и в архивах появился протокол допроса от 25 ноября, где сказано,

что свидетельница увидела, как пуля ударила впереди автомобиля. Нет, заявила миссис Бэйкер, никогда она такого не говорила. Да и каким образом она могла увидеть мостовую впереди автомобиля, когда сама находилась метров на 30 сзади?

28

Фильм Запрудера

Далласский фабрикант женской одежды, Абрам Запрудер, был невысок ростом, поэтому он выбрал место на травяном склоне (зона 2), да еще забрался на бетонный барьер. В руках у него была любительская кинокамера. Вообще-то утром он забыл ее дома, но секретарша уговорила его вернуться за ней — ведь когда еще президент приедет в Даллас в следующий раз!

29

Запрудер нажал на спуск камеры, когда президентский автомобиль свернул с Хьюстон на Эльм-стрит. Ненадолго президент исчез за дорожным знаком, и в этот момент раздался первый выстрел. Когда лимузин появился снова, президент уже поднимал руки, чтобы схватиться за грудь и за горло. Раздался второй выстрел, третий. Люди кругом падали на землю, спасаясь от огня. Но Запрудер продолжал снимать, и только камера слегка вздрагивала в его руках в моменты выстрелов (это можно заметить по слегка расплывшимся кадрам). Так убийство президента оказалось запечатленным на пленке.

У Запрудера хватило сообразительности не передавать проявленный фильм властям, а предложить его журналу "Лайф". Журнал немедленно уплатил ему 25 тысяч долларов, а затем выплачивал еще и еще. Наверное, эта полуминутная лента так и останется самым дорогим любительским фильмом в истории.

30

Каждый кадр, каждый миллиметр запрудеровского фильма был впоследствии изучен досканально. Благодаря ему удалось точно рассчитать время между выстрелами и соответствующие местоположения движущегося автомобиля. Получилось, что президент исчезает за дорожным знаком на кадре 183, а появляется вновь в кадре 225, уже явно раненный. Попадание пули в губернатора Коннэлли приходится на кадр 234, а роковой выстрел в голову президента — на кадр 313.

31

Не будь фильма Запрудера, Комиссии Уоррена было бы в десять раз легче отстаивать свою версию. Но фабрикант дамской одежды и его любительская камера задали Комиссии хлопот.

Вяснилось, что на кадрах 166—210 автомобиль проезжал по тому участку улицы Эльм, который был скрыт от стрелка на шестом этаже ТРУ кроной дерева. Поэтому Комиссия заявила, что президент был поражен первой пулей где-то между кадрами 210 и 225. Но так как камера работала со скоростью 18,3 кадра в секунду (это было установлено последующей проверкой), нетрудно было подсчитать, что от выстрела, поразившего президента (кадр № 210, да и то лишь при допущении, что стрелявший поразил президента как только тот появился из-под

листвы, не дав себе даже секунды на прицеливание), до выстрела, ранившего губернатора (кадр № 234), прошло только (234 — 210) : 18,3 = 1,31 секунды. А итальянский карабин Освальда, найденный на 6-ом этаже ТРУ, даже в руках самых опытных стрелков, оперировавших затвором с предельной быстротой и стрелявших почти не целясь, не смог на испытаниях произвести два выстрела подряд быстрее, чем за 2,6 секунды. Оставалось два возможных вывода: либо стреляли

32

двое, либо стрелявший имел другую винтовку — автоматическую.

Но ни того, ни другого вывода Комиссия ни в коем случае не могла допустить.

И так как вещественные доказательства — фильм Запрудера и винтовку Освальда — изменить было невозможно, следователи-адвокаты взялись за изменение логики. Была создана так называемая "теория единственной пули", утверждавшая, что одна и та же пуля прошла тело президента, затем — губернатора Коннэлли и впоследствии была обнаружена на носилках в Паркландской больнице почти неповрежденной.

33

Критики обрушили на эту "теорию" настоящий шквал сокрушительных контраргументов. Но, пожалуй, лучше всех она была пародирована Джорджем Эвика:

Отчет Комиссии Уоррена утверждает, что это могло случиться. Одна и та же пуля могла влететь сзади в шею Кеннеди (переместившись, правда, вверх на 6 дюймов от того места, где находилась рана в спине), пройти шею насквозь (под очень острым углом к горизонтали, хотя предполагается, что стреляли из окна 6-го этажа, что дает траекторию примерно 45°), не задев ни одной кости, вылететь через отверстие, которое все приняли за входную рану в горле, оставив кусочки свинца по пути, но сохранив медную оболочку неповрежденной и не потеряв в весе, повернуть вниз и, то ли подождяв 1,3 секунды, то ли пробив Коннэлли так нежно, что он не замечал этого в течение 1,3 секунды, рвануться сквозь грудную клетку губернатора, раздробив ребро и снова не потеряв в весе, все еще с цельной медной оболочкой, не утратив своей дьявольской скорости, вылететь из груди, повернуть направо, раздробить запястье губернатора, оставляя позади кусочки свинца, но не теряя веса и с неповрежденной оболочкой, повернуть вниз и налево, застрять в левом бедре губернатора, где она, утомленная, затихла, чтобы потом выкатиться наружу и последним усилием забраться под матрас на носилках, а оттуда объявиться на свет, целой и невредимой, когда она понадобилась в качестве вещественного доказательства.

34

Пуля была калибра 6,5 и имела характерные отметки, оставляемые ружьем Освальда. Не дать ей законных прав в официальном расследовании

значило бы признать, что кто-то п о д б р о с и л ее, пытаясь указать на Освальда как на убийцу. То есть признать заговор. (Вспомним, что Руби видели в Паркландской больнице час спустя после убийства президента — см. выше стр. 59).

“Теорию единственной пули” или “чудо-пули”, как ее называли критики, можно было бы включить в юридические учебники как образчик доказательства желаемой версии вопреки вещественным доказательствам, логике, теории вероятности. Пример был бы весьма поучителен и тем, что показал бы, как хорошо оплачиваются подобные таланты: создатель “теории”, следователь Комиссии Арлен Спектер, сделал блестящую карьеру и сейчас заседает в Сенате Соединенных Штатов, представляя республиканскую партию штата Пенсильвания.

23. РАНЫ И ПУЛИ

Раны президента

Свидетель может ошибаться, может лгать, может опускать какие-то детали виденного, может просто отмалчиваться из страха, что преступники попытаются разделаться с ним. Поэтому при расследовании любого убийства свидетельские показания принято рассматривать с долей осторожности. Единственными данными, которые не подвергаются сомнению, принято считать медицинское заключение о вскрытии трупа, описывающее раны, нанесенные жертве, причину и время смерти. Не поразительно ли, что в самом сенсационном убийстве XX века именно отчет о вскрытии оказался полным противоречий, послужил источником бесконечных споров?

Вечером 22 ноября, в 7.35 — по официальной версии, а по показаниям некоторых свидетелей — в 6.45 и совсем в другом гробу, тело президента было доставлено в Военно-морской госпиталь в Бефезде (близ Вашингтона). Провести вскрытие поручили двум хирургам: Джеймсу Хьюмсу и Торнтону Босвеллу. Оба они имели немалый опыт работы по вскрытию людей, умерших естественной смертью, но почти никак не обладали опытом в исследовании огнестрельных ранений. (В мирное время такие случаи в военно-морском госпитале крайне редки.) Позднее к ним присоединился армейский хирург, полковник Финк, занимавшийся расследованием насильственных смертей, но не со скальпелем в руках, а в качестве администратора, проверяющего работу других. Одно достоинство, правда, должно было компенсировать отсутствие опыта у всех троих: были они людьми военными и, как таковые, подчинялись приказам.

Специалисты-патологи впоследствии нашли много профессиональных ошибок и упущений в официальном отчете о вскрытии. Но и на взгляд рядового читателя вся история медицинской экспертизы выглядит крайне запутанной и неубедительной.

Начать с того, что официальный рапорт о вскрытии, помещенный в Отчет комиссии Уоррена на страницах 538—43, не имеет даты. Когда он был составлен? Главный хирург, доктор Хьюмс, заявляет, что черновик рапорта был закончен им утром 24 ноября 1963, а официальный рапорт является исправленной и дополненной версией того первого варианта. Где же сам черновик? "Я сжег его в то же утро в собственном камине". Следовательно, конечно, не спрашивает, что заставило доктора обойтись с черновыми заметками так, словно это были какие-то шпионские шифровки, а сам он ждал ареста.

Все 13 человек, помогавших при вскрытии, получили письменный приказ, запрещавший им рассказывать о том, что они видели, даже членам семьи и грозивший трибуналом за нарушение.

5

1) Напоминаем вам, что приказ главного хирурга военно-морских сил Соединенных Штатов запрещает вам обсуждать с кем бы то ни было события, связанные с исполнением вами служебных обязанностей в ночь с 22 на 23 ноября.

2) Это письмо представляет собой официальное уведомление об отдании вышеупомянутого приказа. Если вы нарушите приказ о неразглашении вы подлежите суду Военного трибунала по соответствующим статьям Военного кодекса.

6

Хирурги, проводившие вскрытие в Бефезде, не заметили раны в горле. Они узнали о ней только из телефонного разговора с Далласским хирургом, доктором Перри, наутро 23 ноября. Доктор Перри рассказал им, что в горле президента была аккуратная рана размером всего 3—5 мм. Пытаясь восстановить дыхание умирающего, он сделал надрез прямо по этой ране и ввел в трахею дыхательную трубку. Доктор Хьюз во время вскрытия увидел только этот хирургический разрез.

7

Сразу после смерти президента далласские врачи дали прессконференцию в госпитале. Результаты этой прессконференции немедленно были опубликованы в десятках газет, передавались по радио и телевидению. Из этих отчетов ясно, что почти все врачи были уверены: одна из пуль ударила президента в горло. Они описывали аккуратную ранку с ровными краями. Имея огромный опыт работы с огнестрельными ранениями (как и всякий большой американский город, Даллас поставлял им подстреленных людей почти каждый день), они легко отличать входную рану от выходной. То же самое впечатление возникает и при чтении их отчетов, написанных для ФБР в тот же день. Однако Секретная служба, видимо, не была удовлетворена этими отчетами. Ее агенты продолжали расспрашивать далласских врачей и медсестер. Всего было проведено — судя по рассказам медперсонала — как минимум 30 таких допросов. Почему-то в опубликованных документах нет протоколов ни одного из них.

9

Комиссия Уоррена начала расспрашивать врачей в марте 1964 года. Теперь уже в их показаниях не было прежней уверенности. Многие говорили, что рана в горле могла быть и входной, и выходной. Доктор Перри заявил, что слова его были искажены прессой, что высказываемые предположения были представлены как твердые умозаключения. Доктор Джонс продолжал утверждать, что рана выглядела как входная, а если допустить, что она была выходной, это значит, что пуля уже почти не имела скорости, с трудом пробилась через ткани и должна была просто упасть на пол автомобиля. Так как, по теории ведшего

10

допрос Арлена Спектера, этой пуле предстояло еще пробить губернатора Коннэлли, он вдруг стал спрашивать Джонса, верно ли, что сейчас решается вопрос о его статусе в Паркландской больнице? правда ли, что в июле истекает срок его стажировки? правду ли он сказал агентам Секретной службы, что никаких письменных заметок о событиях в операционной у него не осталось?

Врачи в Бефезде не заметили рану в горле, зато врачи в Далласе не заметили рану в спине. Они уделяли все время ранам головы и горла и не могли терять драгоценные секунды на детальный осмотр. Правда, доктор Каррико заявил, что он подсунил руки под спину президента и ощупал ее от поясницы вверх, не обнаружив никакой раны. Но за все время в операционной президента ни разу не переворачивали лицом вниз — даже после наступления смерти. Две медсестры обмыли тело и завернули его в простыни. Следовательно не спросил их, видели ли они рану в спине.

Хотя сам факт наличия раны в спине почти не вызывал сомнения даже у критиков Отчета, споры велись по поводу ее местоположения. Во время вскрытия в Бефезде доктор Босвелл сделал зарисовку, показывающую расположение ран на теле. Рана в спине изображена примерно на шесть дюймов ниже воротника и на два дюйма правее позвоночника. Это местоположение точно совпадает с отверстиями в рубашке и пиджаке президента, с показаниями агентов ФБР, присутствовавших при вскрытии.

Но разве может пуля, прилетевшая сзади и сверху и ударившая в спину, вылететь из горла, то есть в точке, находящейся выше точки входа?

Не может.

Поэтому были предприняты соответствующие усилия, чтобы "передвинуть" рану выше, почти в основание шеи. Доктор Босвелл заявил, что его зарисовка была приблизительной и рана в спине указана на ней неправильно (каким-то образом все остальные раны и шрамы, изображенные на этой зарисовке, имеют правильное местоположение). Доктор Хьюмс заявил, что, видимо, рубашка и пиджак президента задралась в момент выстрела на шесть дюймов выше. (Хотя фотографии, сделанные за секунду до стрельбы, показывают, что рубашка и пиджак сидят на президенте отлично.) И вот под наблюдением хирургов военный художник изготавливает рисунок, который и помещают в приложение к Отчету. Но даже на нем видно, каким неестественным усилием надо было бы выгнуть шею президента, чтобы версия Комиссии получила хоть какое-то правдоподобие.

Но зачем же нужно было затруднять в таком деле художников? Неужели во время вскрытия не были сделаны фотографии, неужели не сохранились рентгеновские снимки?

Нет, снимки делались. В присутствии агентов Секретной службы

были сделаны 11 рентгеновских снимков, 22 цветные фотографии, 18 черно-белых, а также имелась катушка пленки с пятью непроявленными снимками. Все это забрал под расписку агент Рой Келлерман. В апреле 1965 года фотодокументы были переданы семье покойного президента, которая поместила их в Национальный архив с требованием никому не показывать в течение пяти лет. Лишь в январе 1969, за четыре дня до окончания срока президентства Линдона Джонсона, Министерство юстиции выпустило отчет четырех врачей, которые были отобраны для обследования фотоматериалов. Их заключение: фотографии подлинные и подтверждают официальный рапорт о вскрытии.

17

Членам Комиссии Уоррена фотодокументы показаны не были. Сам Уоррен в своих воспоминаниях писал:

Я видел эти снимки, и они произвели на меня такое ужасное впечатление, что я не мог спать много ночей...

18

Чтобы не дать "любителям сенсаций" поживиться, судья Уоррен решил не включать эти снимки в публикуемые документы.

Страшная рана — или раны — в голове президента тоже были по-разному описаны врачами Далласа и Бефезды. Есть серьезные расхождения и между тем, что видели хирурги, проводившие вскрытие в 1963 году, и тем, что видели врачи, изучавшие фотодокументы в 1969 и 1972 годах. Противоречия эти так серьезны, что, пытаясь разрешить их, один серьезный исследователь — Дэвид Лифтон — выдвинул уже совершенно парадоксальную теорию: что высокопоставленные заговорщики подменили (или хирургически обработали) тело президента во время перевозки из Далласа в Вашингтон. На поиски доказательств своей гипотезы он потратил около 15 лет и в 1980 году опубликовал книгу "Самые надежные свидетельства", ставшую бестселлером.

Американская читающая публика жадна до любой теории, исходящей из допущения, что заговорщиков следует искать в правительственных организациях — ФБР, Си-Ай-Эй, Секретной службе. Кроме того, книга Лифтона отлично документирована, написана живо, является богатым источником информации. Но главный вывод ее остается недоказанным. Скептический читатель мог бы спросить автора: если эти страшные и могущественные заговорщики имели доступ к президенту, зачем им нужно было устраивать покушение на глазах у пятисот свидетелей? И если они сумели так успешно осуществить убийство, если им было под силу осуществить подмену тела, почему же они так плохо справились с относительно легкой задачей — нанесения ран мертвому телу сзади в нужных местах? У них что — именно в этот момент начали дрожать руки и слезиться глаза? Неужели они не могли сработать почище, чтобы дырки в одежде совпадали с расположением ран, чтобы хирургам в Бефезде не нужно было затыкать рот, чтобы не возникала

необходимость прятать фотодокументы вскрытия от всего мира? Но скептический читатель, как мы уже говорили, встречается не часто.

Пули и гильзы

Насмотревшись детективных фильмов и начитавшись детективных романов, мы привыкли верить, что техника раскрытия преступлений поднялась на небывалую высоту, что по отпечаткам пальцев и по рискам на пуле, извлеченной из тела жертвы, стражи закона безошибочно находят как убийцу, так и оружие, использованное им. Мы забываем, что преступники тоже следят за новостями криминалистики, что они научились не оставлять отпечатков, а пули в теле так деформируются, что никаких рисок на них не увидишь. Статистика показывает, что лишь ничтожное число преступников удается отправить за решетку на основании баллистической экспертизы.

В официальных документах расследования убийства президента Кеннеди имеется несколько найденных на месте преступления пуль и гильз. Одна пуля (в документах она обозначена номером 399) была найдена на носилках в Паркландской больнице уже после того, как тело президента увезли из операционной. Два пулевых обломка (№567 и №569) были найдены в лимузине, около переднего сиденья. Лабораторный анализ показал, что обе пули вылетели из ружья Освальда.

Чудо-пуля №399 — это та самая, которая, по уверениям Комиссии, пробил двух человек и при этом осталась целехонькой. Комиссия оказалась перед дилеммой: либо пуля, найденная на носилках, выпала из какой-то раны — и тогда надо было объяснить, из какой, либо она была подброшена кем-то, и тогда надо было признать наличие заговора. А раз заговора “не было, не было, не было”, на пулю №399 ввалили ответственность за семь ран (две — в теле президента, и пять — в теле губернатора).

Дэвид Лифтон считает, что заговорщики не могли быть так глупы, чтобы подбрасывать целехонькую пулю на носилки. Но он забывает при этом, что никто не мог заранее знать, какие раны будут нанесены намеченным жертвам и заранее подготовить “убедительный” комок расплавленного свинца. В этой ситуации вполне логично было заготовить пулю с характерными пометками освальдовского ружья, выстрелив из него, скажем, в мешок с шерстью. (Вспомним, что, судя по показаниям свидетелей на стрельбище — выше, стр. 157, — у Освальда и его приятелей было несколько ружей; сообщники без труда могли “одолжить” у Освальда его итальянский карабин, чтобы осуществить эту несложную подготовительную операцию.) Главное было обеспечить “вещественное доказательство” и предоставить впоследствии адвокатам настоящего убийцы — в случае если бы он был пойман и судим, — обыграть подброшенную пулю так, чтобы свалить всю вину на

Освальда. Не случись фильма Запрудера, давшего точный хронометраж выстрелов, эту пулю без труда объявили бы той самой, которая нанесла неглубокую рану в спине президента и затем выпала на носилки.

Имевшиеся обломки пули и кусочки металла, обнаруженные в ранах, были подвергнуты нейтронно-радиоактивному анализу в лаборатории ФБР. Этот анализ позволяет точно высчитать содержание того или иного элемента в сплаве. И хотя исследуемые образцы металла сравнивались только по содержанию серебра и сурьмы, анализ дал очень важные результаты. Он показал, что использовались, как минимум, два типа пули и что химический состав пули, попавшей в голову президента, резко отличался от химического состава пули, ранившей губернатора Коннэлли и от обломков, найденных на полу лимузина.

21

Логика оставляет лишь два возможных варианта: либо убийца был так хитер, что пользовался патронами разных фирм, либо убийц было, как минимум, двое.

Около окна на шестом этаже книжного распределителя были обнаружены три пустые гильзы. Впоследствии они фигурировали как веское доказательство того, что убийца произвел три выстрела из своей засады. Однако более пристальное исследование показало, что одна из гильз имела глубокую вмятину на шейке и для нормального использования была непригодна. Под микроскопом были изучены характерные риски, оставляемые затвором освальдовского ружья. Оказалось, что лишь одна из трех гильз имела точно такие же отметки, какие оставлял затвор на гильзах, использованных в контрольном эксперименте. Снова возникала мысль, что гильзы могли быть подброшены.

22

Таким образом, мы видим, что ни баллистический анализ, ни обследование ран президента и губернатора не подтверждали официальную версию убийцы-одиночки. И хотя за 23 года многие куски головоломки оказались потеряны или безнадежно испорчены, попробуем все же сложить картину из того, что уцелело.

Попытка реконструкции

Призовем снова на помощь нашего главного судью — Здравый смысл. И дадим ему, как и прежде, право отводить подозрительных или явно недобросовестных свидетелей.

Первым отведенным будет судья Уоррен. Здравый смысл не может поверить, чтобы в ситуации непрерывных атак критиков на ход расследования председатель Комиссии отказался бы использовать фотографии вскрытия и рентгеновские снимки — если бы они подтверждали его версию, — потому, видите ли, что они могут произвести удручающее впечатление на чувствительные сердца. Здравый смысл не верит таким разъяснениям, он верит поступку: сокрытию фотодокументов от публики и от членов Комиссии. Поступку, совершенному тем самым человеком, который отказался выслушать Руби, хотя тот шесть раз просил его дать ему возможность говорить правду, забрав его в безопасное место — в Вашингтон. (См. выше, стр. 76.)

Мы не будем верить и помощнику Уоррена, Ли Ранкину, который уверял, что документы нельзя видеть, потому что Роберт Кеннеди не дает доступа к ним. Теперь мы знаем, что в тот момент (в 1964 году) фотодокументы были в распоряжении Секретной службы, а следовательно — доступны Комиссии; семья Кеннеди получила их лишь в апреле 1965 года.

Хирурги, проводившие вскрытие, тоже не могут быть признаны абсолютно надежными свидетелями. Это те самые врачи, которые не заметили рану в горле и узнали о ней только на следующий день из разговора по телефону. Это те самые врачи, которые “исследовали” рану в спине, просто засунув туда палец, вместо того чтобы провести подразумеваемый правилами детальный разрез и проследить путь пули внутри тела. Это те самые врачи, которые сжигали свои черновые записки и отказывались от собственных зарисовок расположения ран на теле.

Если биолог в лаборатории ставит опыт с различными культурами, помещенными в пробирки, и наутро обнаруживает, что одна из пробирок, по неизвестным причинам, оставалась открытой, он не начинает гадать, попали туда посторонние микробы или нет, — он просто выбрасывает пробирку. Если мы обнаруживаем, что с вещественными доказательствами кто-то манипулировал, нет смысла гадать, до какой степени дошла манипуляция — нужно просто отказаться принимать их во внимание.

Именно поэтому мы не можем верить и фотодокументам, хранящимся ныне в Национальном архиве. Расписка, данная Секретной службой о получении этих фотодокументов ночью 22 ноября 1963 года, указывает на наличие 28 негативов (при этом в машинописном перечне имеются исправления, сделанные от руки). Несколько лет эти документы находились в полном распоряжении правительства Джонсона. В 1969 году комиссия Кларка, допущенная к ним, насчитала 38 снимков. Вывод: либо кто-то добавил 10 снимков, либо целиком подменил всю коллекцию.

3

Во время вскрытия мозг президента был извлечен и помещен в формальдегид, в специальный контейнер. После затвердения мозга можно было сделать срезы, которые показали бы движение пули (или пуль, или осколков) в мозговой ткани. Такие срезы сделаны не были, а мозг таинственным образом пропал. Пропали и срезы тканей, сделанные во время вскрытия.

4

Что же остается?

Остается огромный объем надежных свидетельских показаний и вещественных доказательств, которые лишь в сумме своей могут восстановить картину случившегося.

Выстрел первый

Попробуем вообразить, что вся наша информация об убийстве сводится к следующему: на теле убитого обнаружена маленькая (3—5 мм) рана в горле и вдвое большая рана в спине, примерно на шесть дюймов ниже шеи и на два дюйма вправо от позвоночника. Рентгеновское просвечивание не обнаружило пули внутри тела.

Какой вывод мы могли бы сделать на основании этой скупой информации? Что скорее всего рана является сквозной, со входом в горле и выходом в спине, что стрелявший находился впереди, слева и сверху по отношению к жертве, что он стрелял из мощного ружья малого калибра.*

Понятно, что официальное расследование отмело бы такую версию с порога. Но поразительно, что и ни один из критиков не выдвинул это напрашивавшееся предположение. Все они считали рану в спине входной, но не давали объяснения, куда же девалась пуля из этой мелкой

* Начиная с 1959 года Colt Co. начинает выпуск ружья AR-15 калибра 5,56 мм, которое оказалось очень эффективным и было принято американской армией в войне во Вьетнаме под названием M16. Было на рынке в то время и отличное немецкое ружье того же калибра, Gewehr 3, позже модифицированное фирмой Heckler & Koch в ружье HK33, отличавшееся большой точностью стрельбы; имела и снайперская модель этого весьма компактного ружья (длина 37 дюймов или 94 см.)

5

раны. И сколько же сотен метров пролетела эта пуля, если она смогла войти в тело президента всего лишь на два дюйма, в то время как другая пуля пробил сидевшего рядом губернатора насквозь? Само собой разумеется, не отвечали критики и на вопрос, что стало с пулей, ударившей президента в горло.

Попробуем же проанализировать остальную имеющуюся у нас информацию в свете этого допущения: первый выстрел — сквозная рана от горла к спине.

1. Свидетельские показания врачей и медсестер в Паркландской больнице, имевших огромный опыт работы с огнестрельными ранами, не оставляют никаких сомнений в том, что все они считали рану в горле входной; с их слов и пресса в первые дни разнесла весть о том, что одна из пуль ранила президента в горло. 6

2. Рану в спине видели только хирурги, проводившие вскрытие. Даже они не решились в своем отчете назвать ее с уверенностью входной (хотя знали, что именно такое заключение требовалось от них в сложившихся обстоятельствах): написали "предположительно входная" ("presumably of entry"). 7

Палец доктора Хьюмса вошел в рану только на полтора дюйма. Это совершенно необъяснимо, если считать рану входной, ибо пуля в процессе движения в теле деформируется и канал может только увеличиваться. Если же считать рану выходной, все противоречия отпадают: только выходная часть канала была достаточно широка, чтобы в нее мог войти палец доктора Хьюмса. Дальше он уперся в основную, узкую часть канала (доктор решил, что здесь рана кончается), которая равна была калибру пули, то есть около 5 мм, и палец, конечно, не мог пройти дальше. 8

3. Самое главное подтверждение этой версии — обследование отверстий в одежде президента. Края отверстий в галстуке и воротнике рубашки не содержат микроскопических частиц металла — типичное явление для входных отверстий, когда пуля еще не разрушена. Края отверстий на спине (в пиджаке и рубашке) содержат частички меди — характернейшее свойство выходных отверстий. 9

4. Свидетельство кинокамеры. Как уже говорилось, в фильме Запрудера президент появляется из-за уличного знака в кадре №226 явно раненный: он хватается руками за горло и начинает падать лицом вперед и налево.

Во всех приключенческих и гангстерских фильмах последних лет пули, попадающие в грудь человека, эффектно отшвыривают его назад. Я никогда не видел, как убивают людей, не был на войне, однако судьба свела меня однажды с профессиональным убийцей, выполнявшим задания Сталина за границей. Прошел он и войну, а к моменту нашей встречи сменил профессию — стал драматургом и спокойно доживал, пользуясь всеми привилегиями члена Союза советских писателей.

Среди прочих интересных вещей он рассказал мне, что "человек всегда падает на пулю"; то есть, что при ранении в корпус импульсивный рывок мышц — прочь от ранящего предмета — перегибает тело таким образом, что человек падает в ту сторону, откуда прилетела пуля. Во всяком случае, полицейский Типпит, раненный в грудь, упал лицом вперед. Так же падают люди на документальных кинолентах, запечатлевших расстрелы. Если все это верно, мы получаем еще одно подтверждение того, что пуля прилетела спереди.

5. Положение стрелявшего. Как ни подтягивала Комиссия Уоррена рану в спине наверх, все равно она оставалась расположенной ниже раны в горле. Надо было перегнуть президента чуть ли не головой в колени, чтобы соотнести рану "от спины к горлу" (официальная версия) с местоположением стрелявшего в окне 6-го этажа ТРУ. (Недаром в расследовании прокурора Гаррисона в 1967 году, среди прочих нелепостей, рассматривается версия: выстрел, произведенный из уличного люка сзади автомобиля.) В то время как версия "рана от горла к спине" ¹⁰ никаких неестественных поз не требует: она лишь показывает, что стрелявший находился на каком-то возвышении впереди президентского автомобиля.

6. Впереди было лишь два возвышения: травяной холм справа, с деревянной оградой на нем (зона 2) и железнодорожный переезд, под который направлялась колонна машин (зона 3). Стрелять было удобно и с той, и с другой позиции, однако возникали серьезные противоречия: на железнодорожном переезде было двое полицейских и около дюжины зрителей, так что укрыться там было невозможно; если же ¹¹ стреляли из зоны 2, находившейся впереди и справа от президентского автомобиля, выходная рана в спине должна была оказаться не справа от позвоночника, а слева.

Будучи в Далласе в мае 1985 года, я обнаружил, что и зона 4 представляла весьма удобную позицию. Оставаясь внутри машины, отпаркованной там на стоянке, стрелявший мог приспустить окно (предпочтительно дымчатое), взять жертву на мушку, произвести выстрел и затем незаметно уехать, воспользовавшись наступившей паникой. Выбор позиции 4 был логически вероятен еще и потому, что убийцы никогда не могли быть уверены, что президентский автомобиль поедет по улице Эльм. Если бы маршрут пролегал по улице Мэйн (центральная из трех), позиция №1 оказалась бы слишком далеко от цели, позиция №2 — гораздо менее удобной, зато позиция №4 — идеальной.

Еще одно: свидетелю Холланду, стоявшему на переезде, и свидетелю Тоугу (зона 4) первый выстрел показался громче других, а свидетелям, находившимся на Дэйли-плаза, — тише. Это было бы объяснимо, если бы стрелявший находился к Холланду и Тоугу заметно ближе, то есть в зоне 4. ¹²

7. Свидетельница, видевшая первую пулю, Верджи Рэкли (она же

миссис Дональд Бэйкер) стояла на северной стороне улицы Эльм, вблизи здания ТРУ. Она показала, что после первого выстрела, звук которого был слабым и донесся со стороны железнодорожного переезда, она увидела, как пуля ударила в мостовую позади президентского лимузина (см. выше, стр. 169). То есть она сначала не поняла, что это была пуля — просто увидела искры, когда что-то ударило по асфальту. Она была твердо уверена в этом и подтвердила свои показания 15 лет спустя, отвечая на вопросы Комитета Стокса. Еще один свидетель (Рой Скелтон), стоявший на переезде, тоже видел, как что-то ударило в мостовую сзади и слева от президентского автомобиля в момент первого выстрела. 13

Таким образом траектория пули может быть подробно прослежена на всех участках: а) выстрел с позиции впереди и выше президентского автомобиля (ниже мы вернемся к вопросу о том, был ли он произведен с позиции 2 или с позиции 4); б) пуля, двигаясь по нисходящей, ударяет президента в горло (входная рана, увиденная восемью врачами в Паркландской больнице, отверстия в галстук и воротнике — без следов металла); в) выходная рана в спине, расположенная ниже входной, увиденная врачами в Бефезде (напомним — соответствующие отверстия в рубашке и пиджаке имеют микроскопические частицы металла); г) удар пули о мостовую позади президентского автомобиля, увиденный Верджи Рэкли-Бэйкер и Роем Скелтоном. 14

Выстрел второй

Критики Отчета Уоррена потратили много лет на разрушение "теории единственной пули". Нам нет нужды проделывать заново их трудную работу. Можно просто напомнить, что ни один из свидетелей, видевших покушение, не сомневался, что губернатор Коннэлли был ранен вторым выстрелом. Не сомневался в этом и сам губернатор, не сомневалась и его жена, сидевшая рядом; то же самое подтверждает и фильм Запрудера, на котором ясно видно на кадрах 225—233, что президент уже ранен, а губернатор все еще твердо держит шляпу правой рукой, которая у него — по "теории единственной пули" — должна быть уже раздробленной. 15

Характер ран, полученных губернатором, однозначно показывает, что он был ранен выстрелом сзади и сверху. Пуля пробила туловище, затем ранила кисть правой руки и левое бедро. На полу лимузина были найдены два обломка пули — носовой и задний. Баллистическая экспертиза показала, что эта пуля вылетела из того самого итальянского карабина калибра 6.5, который был найден на 6-м этаже книжного распределителя. Нейтронный анализ кусочка металла, извлеченного из кисти губернатора, показал, что по химическому составу он идентичен

пулям итальянского карабина (сравнивались "чудо-пуля" №399, найденная на носилках в Паркландской больнице, и большие куски №567 и №569).

16

Таким образом, на сегодня у трезво мыслящего наблюдателя не может оставаться сомнений: некто, укрывшийся на 6-ом этаже ТРУ, выстрелил из итальянского карабина, принадлежавшего Освальду, и тяжело ранил губернатора Коннэлли.

Оставим пока в стороне вопрос, сделал ли это сам Освальд или кто-то другой. Попробуем задаться вопросом: **з а ч е м** это было сделано?

Простейшее объяснение: стрелявший целился в президента, но промахнулся и попал в губернатора. Это тем более вероятно, что баллистические испытания "освальдова" ружья показали: оно давало ошибку вправо и вверх, то есть именно в направлении от президента к губернатору. Или можно допустить, что убийца перепутал и выстрелил в губернатора, приняв его за президента. Можно было бы и остановиться на одном из этих вариантов, если бы не история адвоката Джарнагина.

Выше (стр. 160—161) была рассказана суть этой истории. Приведем несколько отрывков из беседы между Освальдом и Руби, как она была записана Джарнагином:

РУБИ: Ты уверен, что справишься с работой и не попадешь ни в кого, кроме губернатора?

ОСВАЛЬД: Уверен... Когда губернатор прибывает сюда?

РУБИ: О, он будет здесь много раз во время кампании...

ОСВАЛЬД: Откуда я смогу пришить его?

РУБИ: С крыши какого-нибудь здания... Или из этого окна (указывает на северное окно клуба "Карусель").

ОСВАЛЬД: ...Не то чтобы мне очень важно было знать, но все же, что вы имеете против губернатора?

РУБИ: Он отказывается сотрудничать с нами и помогать с досрочными освобождениями; если бы губернатор хоть в чем-то шел нам навстречу, с несколькими надежными ребятами мы могли бы вскрыть этот штат... А так — посмотри на этот клуб: наполовину пусто. Если бы мы могли вскрыть этот штат, деньги были бы для всех...

ОСВАЛЬД: Откуда вы знаете, что губернатор не пойдет вам навстречу?

РУБИ: Это бесполезно, он слишком долго пробыл в Вашингтоне, а они там очень добродетельные; кто там побыл, начинает рассуждать, как генеральный прокурор. Генеральный прокурор — вот до кого ребята хотели бы добраться, но это безнадежно, он все время торчит в Вашингтоне...

17

А вот отрывок из допроса Марины Освальд (неизвестно какого по счету), проходившего 6 сентября 1964 года:

МАРИНА: Лично мне кажется, что Ли целился не в президента Кеннеди, когда он убил его.

КОНГРЕССМЕН БОГГС: В кого же тогда?

МАРИНА: Я думаю, в Коннэлли. Это мое личное мнение, но мне кажется, что он стрелял в губернатора Коннэлли, в губернатора Техаса...

СЕНАТОР РАСЕЛЛ: ...Меня обеспокоило ваше заявление, миссис Освальд, о том, что вы считаете, что Ли стрелял в Коннэлли, а не в президента, потому что раньше вы нам этого не говорили... Не рассказывали ли вы нам, что обсуждая выборы губернатора в Техасе, Ли сказал, что он голосовал бы за Коннэлли?

МАРИНА: Да.

РАСЕЛЛ: А теперь вы считаете, что он мог стрелять в человека, за которого готов был голосовать?..

МАРИНА: ...Я прошу прощения за то, что я всех только запутала.

18

Если верить показаниям Марины, она знала и о покушении на генерала Уокера, совершенном Освальдом (см. ниже, стр. 211), и о том, что он собирался пойти "посмотреть на приезд Никсона", спрятав пистолет в кармане. Было бы неудивительно, если бы она знала и о планах своего мужа на 22 ноября 1963 года.

Попробуем снова — как мы уже делали много раз — поставить себя на место главного "сценариста" убийства. Мы видели, что фальшивой версии (Освальд — убийца-одиночка) было уделено огромное внимание. С того момента, как Освальд покидает Новый Орлеан в конце сентября 1963 года и заговорщики привозят его в дом Сильвии Одио, чтобы представить ярым антикастровцем, он уже явно включен в сюжет, чья-то рука уже ведет его. Но представим себе: а что если этот неуравновешенный тип за оставшиеся семь недель переменит свои намерения, наделает ошибок, попадетсЯ, начнет болтать, решит признаться властям? Весь план рухнет, президента станут охранять в десять раз тщательнее, он будет появляться на публике гораздо реже, в закрытом автомобиле. Но если Освальд будет воображать, что покушение готовится на губернатора Коннэлли, его измена не нанесет заговорщикам большого ущерба. Просто им надо будет искать другого "козла отпущения". Возможно, и Руби не знал до последнего момента, на кого готовится покушение на самом деле. Если замысел "сценариста" был именно таков, придуманный им ход следует признать дьявольски эффективным.

Свидетель Ховард Бреннан не только дал показания Комиссии,

но оставил также мемуары, которые его друг-священник записал на пленку незадолго до его смерти. Цитата на странице 168 взята из этих воспоминаний. Трудно поверить, чтобы человек выдумал эту сцену. Скорее всего, Бреннан, действительно, видел, как стрелявший застыл, оперев ружье прикладом о подоконник. Он только неправильно истолковал жест: вполне возможно, что убийца испытывал не торжество, а изумление, когда увидел, что кто-то другой тоже ведет огонь по президентскому лимузину и жертвой выстрелов этого другого падает президент. Ведь и Руби тоже, по показаниям свидетелей в "Даллас-Морнинг-ньюс", просто окаменел, когда прилетела страшная весть (см. выше стр. 58).

Остается задаться вопросом: кто выстрелил в губернатора Коннэлли из здания ТРУ — Освальд или его сообщник?

В 11.45 или 11.50 несколько служащих книжного распределителя, ремонтировавших пол на 6-ом этаже, сели в два лифта и устроили шуточные гонки вниз. На 5-ом этаже они увидели Освальда, который окликнул их и попросил закрыть внизу двери лифта. Около 12.00 Бонни Вильямс поднялся на 6-ой этаж со своим ланчем (объедки куриного сэндвича были обнаружены на 6-ом этаже полицией), никого там не увидел, съел свой ланч в одиночестве и, не дождавшись своих приятелей, которые обещали присоединиться к нему, спустился на 5-ый этаж, откуда ему слышались их голоса. Это произошло примерно в 12.15.

19

Около этого времени секретарша Кэролин Арнольд зашла в комнату, отведенную для ланча сотрудников, и увидела там Освальда, сидящего за столом. Сам Освальд утверждал, что он именно там и находился во время стрельбы.

20

Но начиная с 12.15 несколько свидетелей заметили человека (или двух человек) в окне 6-го этажа. 18-летний юноша Арнольд Роуланд дал самое исчерпывающее описание того, что он видел. Примерно в 12.15 он заметил человека с ружьем в западном окне 6-го этажа ТРУ. Этот человек стоял внутри, в 3--5 футах от окна и держал ружье с оптическим прицелом. Он был светлокож, с темными волосами, худощав, одет в футболку, светлую рубашку с открытым воротом и темные брюки. Роуланд решил, что это кто-то из охраны президента, и не стал указывать полиции на подозрительного человека. Он только хотел показать его жене, но когда миссис Роуланд посмотрела туда, куда показывал муж, человек уже исчез.

21

Ховард Бреннан видел человека с ружьем уже в восточном окне и описал его внешность почти в тех же словах, что и Роуланд. Сначала он заметил его подходившим к окну и отходящим от окна без ружья. После первого выстрела, который Бреннан принял за мотоциклетный выхлоп, он снова почему-то взглянул на то окно и увидел, как этот

человек целился из ружья и произвел выстрел. У Бреннана мелькнула мысль, что это заговор, что пули сейчас начнут летать во всех направлениях, и он бросился на землю. Придя в себя, он сообщил Секретной службе о том, что видел. Вечером того же дня он опознал Освальда в полиции, но сказал, что не может утверждать это с абсолютной уверенностью. (Как он объяснил позднее Комиссии — он был уверен, что президента убили коммунистические заговорщики, и что сам он тоже будет убит сообщниками Освальда, если окажется главным свидетелем обвинения.)

22

Видел стрелявшего из окна 6-го этажа человека и другой свидетель — Эмос Юнис. Но он не разглядел ни его одежды, ни лица — заметил только ствол ружья и голову с каким-то белым пятном. (Освальд, конечно лысым не был, но брат его и другие родственники заметили, что после возвращения его из СССР волосы у него необычайно поредели и просвечивали.)

23

В 12.32 управляющий Трули и полицейский Бэйкер столкнулись с Освальдом на 2-ом этаже у автомата с кока-колой (см. выше стр. 104–105).

24

Критики официальной версии, доказывавшие невиновность Освальда, пытались дискредитировать показания Бреннана — коронного свидетеля Комиссии Уоррена. Комиссия, в свою очередь, старалась дискредитировать Роуланда — потому что он утверждал, что видел на 6-ом этаже еще одного человека: черного, появлявшегося именно в “освальдовском” окне, выглядывавшего оттуда минут за пять до проезда президента. Но было еще несколько свидетелей, видевших двух людей в этих окнах. Миссис Кэролин Уолтер сказала, что один — тот что с ружьем — был одет в светлую рубашку, второй — в коричневый пиджак. Руби Гендерсон не видела ружья, но видела двух человек (один из них — темнокожий), которые работали внутри и одновременно высматривали приближение президентского кортежа. ФБР игнорировало показания обеих женщин. Один из исследователей отыскал 15 лет спустя заключенного, находившегося в тюрьме через дорогу от ТРУ: он тоже сказал, что видел двоих, как и его соседи по камере. Наконец, фильм, снятый Чарльзом Бронсоном за несколько минут до стрельбы, был проанализирован специалистами в 1978 году для Комитета Стокса. “Я теперь уверен, — написал эксперт, — что /в этих кадрах/ один человек передает ящики другому”.

25

26

Если мы попробуем просуммировать показания всех свидетелей непредвзято, мы убедимся, что в них нет никаких противоречий, что, не объявляя никого из них лжецами, можно достаточно точно восстановить картину того, что произошло.

Начнем с того, что Освальд не мог заранее выбрать позицию для стрельбы, потому что не знал, какой из этажей окажется в нужный момент безлюдным. После того, как команда спускавшихся вниз

ремонтников заметила его на 5-ом этаже, он должен был понять, что любой сотрудник, забредя в поисках удобного для наблюдения места наверх, поймают его, как в ловушку. Скорее всего какое-то время он должен был прятаться на лестнице. В 12 часов на 6-ой этаж явился Бонни Рой Вильямс со своим куриным сэндвичем. Несколько минут спустя на пятый этаж поднялись Ярман и Норман. Вполне возможно, что в этот момент Освальд, не зная, что предпринять, и спустился вниз, на первый этаж, где его увидел Эдди Пайпер, а позже перешел на второй этаж, где его увидела Кэролин Арнольд в 12.15.

27

В этот момент в игру должен был включиться сообщник. Сообщник, находившийся наверху, скорее всего на лестнице, должен был сообщить ему, что 6-ой этаж свободен, что Бонни Вильямс перешел на пятый. Освальд поднимается наверх, достает из тайника ружье и неосторожно приближается к окну, где его на короткий момент замечает Роуланд. После этого Освальд с сообщником начинают двигать ящики к окну, чтобы укрыть себя от глаз случайного свидетеля, который мог бы забрести наверх. Именно в этот момент их замечают Кэролин Уолтер, Руби Гендерсон, заключенные в тюрьме напротив, Ховард Бреннан (одного Освальда), кинокамера Чарльза Бронсона. В 12.30, как только президентский автомобиль появляется из-под листвы дерева, Освальд стреляет и ранит губернатора Коннэлла. В момент выстрела он замечен Ховардом Бреннаном и Эмосом Юнисом. Он оставляет ружье на попечение сообщника и спешит вниз, где через две минуты сталкивается с Бэйкером и Трули. Сообщник же, выполняя инструкции заговорщиков, не уносит ружье прочь из здания (как он, скорее всего, обещал Освальду), а прячет его среди ящиков, подбрасывает к гильзе, вылетевшей из итальянского карабина, еще две (вспомним, что лишь одна из трех найденных гильз могла вылететь из Освальдова ружья в тот день — см. выше, стр. 178) и покидает шестой этаж, а затем и здание ТРУ.

Полицейский Бэйкер и управляющий Трули поначалу не осматривали этажи, но почему-то сразу же устремились на крышу здания, где пробыли довольно долго. Поэтому сообщник мог спуститься по лестнице или на лифте без помех и покинуть здание через заднюю дверь. Через пятнадцать минут он появляется в бело-зеленом "рэмблере" (тот самый темнокожий водитель, которого заметил Роджер Крэйг), подбирает Освальда, возможно, передает ему в этот момент автобусный трансфер, оставленный в зеленом "рэмблере" другим сообщником, — трансфер, который должен был обеспечить Освальду алиби, но который теперь уже не нужен, потому что произошла встреча с полицейским и управляющим, и затем увозит его в Оак Клиф — сначала к его дому, а потом, пересев в другую машину (скажем, в старенький "плимут"), везет к станции Боу-Тексако, где, как полагает Освальд, его ждет красный "фалькон", на котором можно будет скрыться, а на

самом деле — где ждет его засада и где его убийство полицейским должно быть обставлено наиболее правдоподобным образом.

Один из самых часто используемых аргументов защитников Освальда: у него не было достаточно времени, чтобы спрятать ружье, спуститься с шестого этажа и появиться у автомата с кока-колой на втором этаже. Но, во-первых, заботу о ружье мог взять на себя сообщник; во-вторых, человеческая способность оценивать длительность коротких промежутков времени, да еще в состоянии нервного возбуждения, крайне ненадежна. Если Трули и Бэйкер говорят, что от выстрелов до столкновения с Освальдом прошло полторы минуты, это вполне могли быть и две, и две с половиной. А этого уже более чем достаточно, чтобы спуститься на четыре этажа и не запыхаться. (Тест, проведенный Комиссией, дал 1 минуту 18 секунд.)

28

Чтобы поверить в невиновность Освальда, надо допустить, что кто-то другой, одетый, как он, выглядевший, как он, прокрался в здание ТРУ, не замеченный никем из семидесяти сотрудников, забрался на 6-ой этаж произвел выстрел и затем исчез неизвестно куда, в то время как настоящий Освальд прятался неизвестно где, а потом объявился у автомата с кока-колой абсолютно спокойный — единственный из пятисот свидетелей, который сумел сохранить спокойствие в такую минуту. Не многовато ли?

Остается последний вопрос: кто был сообщником Освальда?

Судя по показаниям свидетелей, это должен был быть негр, одетый в пиджак, немолодой, появившийся на 6-ом этаже вместе с Освальдом примерно в 12.15.

Как мы помним, полицейское радио передало приметы подозреваемого убийцы очень рано (см. выше стр. 111). Но примерно час спустя в эфир понеслось сообщение о еще одном человеке, которого следовало задержать для допроса. Капитан Соьер сказал, что около этого времени к нему подошел помощник шерифа с фотографией и описанием черного служащего ТРУ, которого следовало отыскать. Почему? Во-первых, на него было досье в полиции, потому что он отсидел в тюрьме за наркотики, во-вторых, он, кажется, имеет информацию о стрелявшем с 6-го этажа, в-третьих, он покинул здание ТРУ (заметим, единственный служащий, кроме Освальда, которого не могли найти). Звали этого человека Чарльз Гивенс. Ему было 38 лет.

29

В начале третьего часа дня Гивенс был замечен в толпе около ТРУ, задержан и отведен для допроса в полицию. Там он заявил, что с утра работал на 6-ом этаже вместе с бригадой ремонтников, что в 11.30 спустился вниз в уборную, что около полудня ушел к своему приятелю на стоянку автомобилей на углу улиц Мэйн и Рекорд, что там они видели проезд президента. Позже в тот же день, отвечая на вопросы агентов ФБР, Гивенс заявил, что видел Освальда читающим газету внизу,

на первом этаже (в комнате "домино") около 11.50. В дальнейшем его показания начинают видоизменяться, и эта деталь больше нигде не появляется. Зато 5 месяцев спустя, во время допроса в Комиссии Уоррена, он впервые сообщает, что около 11.50 он поднялся на 6-ой этаж за забытыми сигаретами и там увидел Освальда.

30

Это сообщение превратило Гивенса в важного "свидетеля обвинения". Отчет Уоррена упоминает его имя 4 раза и заявляет, что после Гивенса никто из сотрудников не видел Освальда вплоть до проезда президента. (Показания Кэролин Арнольд и Эдди Пайпера игнорируются.) А стало быть, он там, на 6-ом этаже, и оставался вплоть до решительного момента.

31

Роль важного свидетеля спасла Гивенса от многих неприятных вопросов. Его алиби держится на показаниях свидетеля Шилдса, который путается на каждом слове и говорит, что Гивенс был с ним до 12.10 и что в это время раздались выстрелы. Причем у Шилдса было пять месяцев на то, чтобы подготовить гладкую историю. Остается также неясным, где Гивенс провел полтора часа до его задержания полицией. Он заявляет, что вернулся к ТРУ, но полицейский не пустил его внутрь. Никто из сотрудников не видел его вернувшимся в полковине первого. Никто не сообщал, что полиция не пускала их обратно. Наоборот, многие говорили, что вернулись в здание, где было устроено что-то вроде проверки, на которой и выяснилось отсутствие Освальда. Следователь Белин не стал спрашивать у драгоценного свидетеля, где он провел время с 12.30 до момента ареста примерно в 2.15. И действительно — где?

32

33

Примерно в 11.45 Гивенс, вместе с другими ремонтниками, спустился с 6-го этажа. Один из них (Ярман) припоминает, что, кажется, видел его на улице в начале первого. После этого он исчезает из поля зрения свидетелей так же, как исчезает Освальд. Зато, начиная с этого момента, черного человека, одетого в пиджак, видят вместе с Освальдом на 6-ом этаже случайные свидетели (Роуланд, Кэролин Уолтер, Руби Гендерсон). В 12.45 помощник шерифа Роджер Крэйг видит, как Освальд прыгает в машину, за рулем которой сидит темнокожий. В 1.10 человека в длинном пиджаке видит около убитого Типпитта мистер Уайт (см. выше, стр. 99).

34

С другой стороны, мы знаем, что к своим сорока годам Гивенс оставался типичным перекачено-поле — без семьи, без постоянной работы, без настоящей профессии. 13 месяцев отсидел в тюрьме за наркотики. Лейтенант Ревилл высказал мнение, что за деньги Гивенс мог бы дать ложные показания. Ну, а как насчет того, чтобы сыграть свою роль в сценарии? За очень хорошие деньги?

35

Не знаю, удалось бы сейчас, 24 года спустя, найти прямые улики против Гивенса. Но то, что он годился на роль сообщника, что его местонахождение, перемещения и поступки делают его наиболее вероятным

участником заговора, не представляет сомнения. Помочь Освальду выстроить баррикаду, спрятать ружье после стрельбы, подбросить две пустые гильзы, покинуть через заднюю дверь ТРУ, дойти до угла Мэйн и Рекорд, взять отпаркованный там "рэмблер" (так что Шилдсу и врать бы не пришлось, что он был там, — действительно, был), подобрать Освальда, отвезти его домой, затем, пересев в свой старенький "плимут", доставить беглеца к месту встречи с Типпитом, затем в панике покинуть его, вернуться в район Дэйли-плаза, отпарковать машину и лишь после этого дать властям арестовать себя — на все это у него было как раз довольно времени.

Все свидетели в один голос говорили, что не видели в здании ТРУ посторонних. Представить себе, что два злоумышленника (не Освальд и не Гивенс) могли незамеченными проникнуть на 6-ой этаж здания, где работает несколько десятков человек, сделать свое черное дело и затем незамеченными улизнуть, — значит верить в чудеса. Профессиональные убийцы в чуждеса не верят и на них не рассчитывают. Они не лезут со своими ружьями в толпу, они выбирают такое место для засады, где их заметить было бы крайне трудно. Например, за деревянной оградой в зоне 2.

Третий выстрел

Этот выстрел поразил президента в голову. Он был произведен убийцей, укывшимся за оградой в зоне 2 и использовавшим разрывную пулю. Перечислим вкратце еще раз основания для такого вывода.

1. Подавляющее большинство свидетелей считало, что выстрелы раздались из-за ограды, и устремились туда немедленно вместе с полицейскими на поиски убийцы. 36

2. Фильм Запрудера показывает резкий рывок головы президента назад и влево, из чего можно заключить, что стрелявший находился впереди и справа.

3. Полицейские Б. Мартин и Б. Харгис, ехавшие сзади и слева от лимузина, были забрызганы кровью и мозгом. Причем эта смесь хлестнула по ним с такой силой, что первым впечатлением одного из полицейских было: пуля попала в него (см. выше, стр. 166). Осколок черепа был найден также сзади и слева. 37

4. Акустический анализ звукозаписи стрельбы, случайно сохранившийся в полицейских архивах, был произведен в 1978 году для Комитета Стокса и с абсолютной определенностью показал, что третий выстрел был сделан с травяного холма с оградой на вершине (зона 2). 38

5. Нейтронно-радиоактивный анализ установил, что химический состав осколков пули, извлеченных из головы президента, не соответствует составу пуль Освальдова ружья. 39

6. Свидетель Ли Боверс, находившийся в башне, возвышающейся над стоянкой машин в зоне 2 (см. фото на стр. 297), видел двух человек за этой оградой незадолго до стрельбы. (Три года спустя этот свидетель погиб в автомобильной аварии.) Другие свидетели, прибежавшие туда сразу после выстрелов, обнаружили во множестве окурки и отпечатки ног на земле.

7. Три свидетеля показали, что они видели вспышку в районе ограды, и пятеро — что они почувствовали запах пороха там.

8. Свидетель Холланд с абсолютной уверенностью заявлял, что видел клубок дыма или пара, вырвавшийся из-под кустов за оградой после третьего выстрела. Защитники официальной версии отводили его показания на том основании, что современные ружья используют бездымный порох. Но ружья с обрезанными стволами дают выброс раскаленных газов, который, при соприкосновении с влажной листвой может (и должен) произвести клубок пара. Заметим также, что одна из модификаций винтовки M16, описанной выше (стр. 180), отличалась тем, что при выстреле раскаленные газы вырывались из ствола (видимо, слишком короткого) с яркой вспышкой.

9. На фотографии, сделанной Мэри Мурман почти в момент выстрела, видна ограда и смутный силуэт головы над ней. Ограда, президентский автомобиль и миссис Мурман находились на одной линии. Миссис Мурман бросилась на землю, потому что считала, что она оказалась на линии огня. Впоследствии были сделаны фотографии с той точки, где она стояла, — силуэт на них отсутствует.

Но каким же образом убийца мог ускользнуть?

Сразу за оградой находится большая стоянка машин. Теоретически можно было спрятаться в одной из них или попытаться уехать, воспользовавшись суматохой. Но практически такой способ бегства был невыполним. Машина, удаляющаяся на большой скорости от места преступления, была бы немедленно замечена. Так же был бы замечен и убегающий человек. Нет, убийца с самого начала должен был рассчитывать на одно: успеть спрятать ружье в багажник одной из машин на стоянке и затем смешаться с толпой.

Однако реальный убийца пошел еще дальше. Он притворился агентом Секретной службы и показал подоспевшим полицейским фальшивое удостоверение. Следователь Либелер не стал расспрашивать полицейского Джо Смита, как выглядел увиденный им человек. Этот неизвестный показал полицейскому удостоверение, и Смит не стал вглядываться в него, но вернулся к осмотру отпаркованных автомобилей. Секретная служба заявила, что ни один из ее агентов не оставался в этот момент в районе Дэйли-плаза, что все они последовали за президентским лимузином. Следователь не потребовал фотографии агентов, прикомандированных к президенту в тот день, чтобы показать их Смит. Не были ему показаны и фотографии подозрительных

людей, находившихся в тот день в Далласе с невыясненными целями (Юджина Брадинга, например, Моргана Брауна — см. о них на страницах 57 и 280). А ведь вполне возможно, что полицейский Смит — единственный человек, который мог бы опознать настоящего убийцу президента. (Смит умер несколько лет назад.)

Правда, 15 лет спустя обнаружилось, что еще один свидетель столкнулся там же с "агентом Секретной службы". Молодой солдат Гордон Арнольд, с кинокамерой в руках, хотел пройти за оградой в сторону железнодорожного моста (зона 3). Его остановил человек в штатском, с портупеей под пиджаком, и сказал, что там проходить нельзя. Арнольд стал было спорить, но человек сказал, что он в Секретной службе, и показал ему значок. Молодой солдат подчинился и вернулся на травяной склон. Когда началась стрельба, он бросился на землю, потому что был уверен, что стреляли из-за его спины.

В недавно вышедшей книге "Обоснованное сомнение" исследователь Генри Хёрт рассказывает о показаниях полусумасшедшего преступника и пропойцы Эстерлинга, утверждающего, что он был вовлечен в заговор и что имел дело с Освальдом в Новом Орлеане летом 1963 года (подробнее о нем ниже, на стр. 223—226). В его рассказе много явных выдумок и несообразностей, но есть и интересные детали. Он, например, утверждает, что при нем проводилась стрельба из итальянского карабина Освальда в бочонок с водой. Пули и гильзы при этом были собраны заговорщиками и спрятаны. Также он видел специальное ружье, изготовленное в Чехословакии, с коробкой справа для улавливания вылетающих гильз. Для перевозки этого ружья был изготовлен большой деревянный ящик с фальшивым дном, куда и пряталось ружье. Если такой ящик, заваленный каким-нибудь домашним скарбом, был установлен в одном из фургончиков, отпаркованных за оградой, никому бы не пришло в голову разламывать его, если бы даже проводился тщательный обыск всех автомобилей. Но такой обыск проведен не был.

Теперь, когда мы с уверенностью можем утверждать, что третий выстрел был произведен из-за деревянной ограды, можно вернуться к проблеме первого выстрела.

Был ли и он произведен из-за ограды или стрелявший находился на стоянке машин в зоне 4?

Трудно представить себе, чтобы маленькая рана в горле президента и страшная рана в голове были нанесены пулями одного и того же калибра. Почти не сомневаясь, можно считать, что для двух выстрелов были использованы два разных ружья. Трудно представить себе, что двое убийц с двумя разными ружьями спрятались в одной и той же засаде — за оградой, — где и одному-то укрыться было нелегко. (Второй человек, увиденный там Ли Боверсом мог быть подручным или

шофером.) Если бы Освальд не выстрелил из окна 6-го этажа (а заговорщики должны были допускать такую возможность), исчезал бы столь важный для них элемент перекрестного огня. Если бы какая-то случайность помешала в последний момент использовать засаду в зоне 2 (допустим, полицейские заглянули бы туда перед проездом президента) вся схема убийства, не имевшая запасного варианта, провалилась бы; в то время как наличие запасной засады в зоне 4 давало бы убийцам возможность все равно поразить свою жертву. Выстрелы с разных сторон, разными пулями сбивали с толку свидетелей и давали возможность вести защиту на суде в том случае, если бы убийцы были схвачены. Ведь именно это и произошло в случае с единственным схваченным убийцей — Освальдом: его защитники используют тот факт, что стрельба велась и из других точек, как главное доказательство того, что он-то не стрелял вообще.

Таким образом, логически рассуждая, мы должны склониться к варианту зоны 4. Конечно, показания свидетелей лишь косвенно подтверждают этот вывод: Холланд и Тоуг слышали первый выстрел как более громкий, шеф Карри по первому импульсу приказал послать полицейских на железнодорожный переезд, находившийся рядом с зоной 4. Но вещественное доказательство — положение выходной раны в спине президента справа от позвоночника — указывает на зону 4 с гораздо большей определенностью. Если бы Верджи Рэкли сказала, что пуля ударила в правую полосу за президентским автомобилем или хотя бы в среднюю, я бы не сомневался, что первый выстрел был сделан оттуда. Но она говорит, что пуля ударила в левую полосу — и это сбивает меня с толку. Это было бы возможно, если бы президент во время выстрела из зоны 2 повернулся всем корпусом к зрителям, стоявшим справа. Также не совсем ясно, что имел в виду Рой Скегтон, когда сказал, что пуля ударила в мостовую слева от президентского автомобиля. Он находился на железнодорожном переезде, то есть впереди кортежа. Если он имел в виду "слева" по отношению к его точке наблюдения, а не по ходу автомобиля, это бы тоже подтверждало вариант зоны 4. Можно также допустить, что Верджи Рэкли не помнила точно, куда ударила пуля, но, так как она верила, что стрельба велась из-за ограды (что соответствовало действительности лишь в отношении третьего выстрела), она подсознательно указала на левую полосу, потому что это подтверждало бы ее версию.

Но где бы ни находились убийцы, были они только профессионалами-исполнителями. Сценарий и режиссура заговора должны были быть разработаны кем-то другим. И так как этот "сценарист" отвел Освальду столь заметную роль в своем замысле, ясно, что он должен был знать его очень близко и должен был обладать какой-то властью над ним, должен был иметь возможность манипулировать им. Таким образом мы снова должны вернуться к фигуре Освальда и к мотивам, двигавшим им.

25. ОСВАЛЬД В АРМИИ, ОСВАЛЬД В РОССИИ

Наиболее заметными чертами Освальда были: жажда находиться в центре внимания и отчужденность; необщительность и неспособность заниматься постоянной работой; склонность к обману и интригам; вера в марксизм; готовность применять насилие для достижения своих целей или для выражения чувств; тяга к властным личностям... Он был преданным мужем и отцом, который, при этом, регулярно избивал жену и исчезал из дома на недели; он был угрюмым и нелюдимым, порою намеренно отталкивающим и, в то же время, жаждал признания и восхищения. Наконец, он был одиночкой, который почти никогда не оставался в одиночестве.

Роберт Блэйки. "Заговор на жизнь президента"

Он родился в 1939 году, в Новом Орлеане. Отец его умер от сердечного приступа за два месяца до его рождения. До трех лет Ли жил в семье своей тетки, потом — в приюте. Мать его снова вышла замуж, но брак вскоре окончился скандалом и разводом. Семья бедствовала. Старшие братья вынуждены были пойти в армию, чтобы облегчить материальное положение матери. Ли учился в разных школах, пропуская больше половины учебных дней. В 13 лет он был помещен на 6 недель в центр для трудных подростков. Психиатрическое обследование показало, что он не только нормален, но интеллектуально развит выше среднего уровня.

Освальду было 15 лет, когда он начал зачитываться Марксом, Энгельсом и социалистическими журналами. В разговорах с приятелями он восхвалял классовую борьбу, первое государство рабочих и крестьян, подбивал вступить вместе с ним в коммунистическую партию. Едва дождавшись, когда ему исполнится 17, он записался в армию.

Хотя он не скрывал свои прокоммунистические взгляды и в армии, ему был дан допуск к секретным материалам, к работе на радарных установках, к шифрам, используемым для опознавания пролетающих самолетов. Находясь на тренировочной базе в Миссисипи, он каждый викенд отправлялся за 100 миль в Новый Орлеан. Товарищи думали, что он навещает мать, но впоследствии выяснилось, что Маргарита Освальд жила в те месяцы в Техасе. Видимо, Освальд навещал кого-то другого.

Осенью 1957 года он был отправлен на военную базу в Ацуги (Япония). На базе этой находились не только обычные военные самолеты, но и сверхсекретные разведывательные У-2, а также крупный разведывательный центр Си-Ай-Эй. Там Освальд увлекся фотографией, купил

купил камеру и делал снимки радарных установок. Хотя он часто отправлялся в бары вместе с приятелями и даже потерял невинность с японской официанткой, некоторые увольнительные он проводил в Токио и отказывался потом рассказывать о них. Позднее, в Далласе, он сознался одному из знакомых, что в Японии сошелся с небольшой группой коммунистов. Он также регулярно встречался с барменшей из дорогого заведения для офицеров. Стоимость вечера с такой девицей колебалась от 60 до 100 долларов. Освальд получал на руки 85 долларов в месяц.

Он по-прежнему много читал, старался держаться в стороне от бурных увеселений. Рядовым было запрещено иметь личное огнестрельное оружие, но он по почте выписал себе небольшой пистолет 22-го калибра. Когда стало известно, что их подразделение отправят на Филиппины, он предпринимал усилия, чтобы остаться в Японии. Ничего из этого не вышло, и тогда он прострелил себе руку из купленного пистолета.

Трибунал решил, что выстрел был случайным, но за незаконное хранение оружия присудил Освальда к штрафу и к гауптвахте. Исполнение приговора было отложено на испытательный срок в 6 месяцев. Но за это время Освальд ввязался в ссору с сержантом и выплеснул на него стакан вина. Новый суд и приговор: штраф, понижение в чине, перевод на кухонные работы и 20 дней военной тюрьмы. Сослуживцы вспоминают, что из тюрьмы Освальд вышел очень озлобленным. "С меня хватит демократического общества, — сказал он. — Когда выберусь отсюда, попробую чего-нибудь другого".

Он все чаще стал проводить выходные с японскими друзьями. Его видели с красивой женщиной, евразийкой, говорившей по-русски, которая была явно выше него "по классу". Он снова и снова критиковал в разговорах "американский империализм", обращаясь к товарищам "вы, американцы", словно самого себя американцем уже не считал.

Когда в сентябре 1958 года возникла угроза со стороны Красного Китая, подразделение Освальда было отправлено на Тайвань. Здесь офицеры, командовавшие радарными установками, с ужасом обнаружили, что коммунисты знают их коды и что их МИГи легко проникают в воздушное пространство Тайваня, притворяясь "своими". "У них были все наши сигналы... Это был какой-то кошмар", — вспоминает один.

Освальд тяготился пребыванием на Тайване. Однажды ночью, стоя на посту, он открыл стрельбу. Как он потом говорил, ему померещились тени за стволами деревьев. Начальство немедленно отправило его обратно в Японию.

По возвращении в Соединенные Штаты вместе со своей частью Освальд начал предпринимать усилия к тому, чтобы оставить армию.

Он уговорил мать разыграть болезнь и, под предлогом необходимости опекать ее, добился отчисления в резерв за 4 месяца до окончания срока службы. Но дома он оставался недолго. Через два дня он сел в Новом Орлеане на пароход, отплывающий во Францию, и вскоре прибыл в Гавр. Из Гавра прилетел в Лондон, оттуда — в Хельсинки. Шведская разведка выяснила впоследствии, что в какой-то из этих дней он появился в Стокгольме и посетил советское посольство. Откуда он взял деньги на все эти путешествия — неясно. Расчеты показывают, что из солдатского жалования накопить такую сумму было невозможно. Он же в Хельсинки накопил еще дорожных чеков на 300 долларов. Туристская виза для въезда в Советский Союз была выдана ему в невиданно короткий срок (чуть ли не за два дня). 15 октября он сел в Хельсинки на поезд и 16 октября 1959 года прибыл в Москву.

Жизнь Освальда до приезда в Москву изучена исследователями досканально. Были взяты показания у близких и дальних родственников, у сотен людей, сталкивавшихся с ним, извлечены из архивов десятки документов, даже списки книг, которые он брал в разных библиотеках.

Сведения о его жизни в России расплывчаты и сомнительны.

Неясно уже, как и где он провел первые две недели в Москве. Единственный источник информации об этих днях — дневник Освальда, найденный в его вещах после ареста в Далласе. В этом дневнике он описывает, как он обратился к советским властям с просьбой о получении советского гражданства, как получил отказ, как пытался в отчаянии покончить с собой, перерезав вены, как был отвезен в больницу и спасен, и как после этого советские чиновники разрешили ему подать заявление о гражданстве и ожидать решения, оставаясь в гостинице.

Однако графологический анализ показал, что этот "дневник", покрывающий период длиною больше года, на самом деле был написан в один или два приема много месяцев спустя после описываемых событий. Это подтверждается и тем, что в нем попадаются явные ошибки, выдающие подделку. Так, описывая визит в американское консульство в октябре 1959 года, Освальд мимоходом замечает, что консула Ричарда Снайдера заменил Джон Маквикар. На самом же деле эта замена произошла лишь 20 месяцев спустя. В записи, относящейся к январю 1960 года, он называет зарплату, которую ему будут платить на Минском радиозаводе, в н о в ы х рублях, хотя до денежной реформы — еще больше года и он не мог знать заранее, на сколько будет уценен рубль.

Твердо известно лишь одно: 31 октября бывший морской пехотинец Ли Харви Освальд явился в американское консульство в Москве и объявил, что он отказывается от американского гражданства и остается навеки в государстве победившего социализма. 26 ноября он

написал брату подробное письмо, в котором разъяснял преступления американского империализма перед другими странами и перед собственным народом.

“Посмотри вокруг себя и на себя. Посмотри на сегрегацию, на безработицу. Помнишь, как тебя уволили из Конвэтра? Америка — умирающая страна, и я не хочу быть частью ее, не хочу, чтобы меня использовали в военных авантюрах... Не думай, что я говорю по легкомыслию или по незнанию. Я был на военной службе и знаю, что такое война... И в случае войны я убью любого американца, который наденет военную форму, чтобы защищать американское правительство, — любого”.

14

В январе 1960 года Освальд прибыл в Минск и был устроен рабочим на Белорусский радиозавод. Ему была предоставлена однокомнатная квартира в центре города, с балконом и видом на реку. В дополнение к зарплате в 70 рублей в месяц (700 дореформенных) ему выдавалась субсидия в том же размере от Красного креста. Спрашивается — за какие заслуги? Уж не за ту ли рану, которую он нанес сам себе в Японии? Не считал ли советский Красный крест, что Освальд уже в тот момент находился на советской службе? Известно также, что 500 рублей на оплату счета в гостинице и железнодорожный билет до Минска он получил от той же организации. Летом он записался в охотничий клуб и купил себе одностволку — и это при том, что советского паспорта у него не было.

15

Даже американские исследователи, не очень ясно представляющие себе условия советской жизни, выражают недоверие по поводу образа невинного американского паренька, честно работающего на радиозаводе и не имеющего никаких отношений с вездесущим КГБ. Всевозможные “почему?” всплывают в их книгах.

Почему Освальду позволили остаться в СССР, когда другого американского перебежчика в те же дни выслали обратно? Почему ему выплачивали щедрые субсидии? Почему дали отличную квартиру и позволили иметь оружие? Почему его не использовали, как других перебежчиков, для пропагандных выступлений на радио?

16

Продолжим эту линию вопросов. Почему ему позволили жениться на русской девушке, племяннице полковника МВД, и увезти ее с собой в Америку? Почему от подачи заявления до регистрации брака с беспаспортным иностранцем прошло всего 10 дней? Почему в документах Марина Пруссакова (жена Освальда) имеет отчество то Александровна, то Николаевна? Почему их отпустили в США почти без проблем?

17

(Препятствия и проволочки были только со стороны американской администрации.)

Я пытался опрашивать бывших минчан, имевших какую-нибудь информацию об Освальде. Один из них припомнил, что ему указали однажды на Освальда в институте иностранных языков. Было это в дневное время, когда рабочим на советских предприятиях положено выполнять и перевыполнять. Другой минчанин написал из Израиля, что его родственник жил с Освальдом в одном доме, чуть ли не на одной площадке. Этот родственник сообщил, что Освальд работой себя не утруждал, являлся на завод не часто. Потом, по слухам, начал подстрекать товарищей к забастовке, когда им повысили нормы выработки. Тем не менее его не трогали. Этот же родственник рассказал любопытную деталь: Освальд, по его словам, сбежал с американского корабля где-то в районе Владивостока. (Видимо, настоящий путь его проникновения в Россию решено было скрывать.)

Важная информация содержится и в рассказе одной бывшей минчанки, которая сейчас живет в Америке. (Назовем ее Д. К.) Ей было сказано, что Освальд перебежал на советскую сторону в Германии. Она познакомилась с ним, когда подруга пригласила ее в компанию латиноамериканцев, живших в Минске. По их словам, они были потомками белорусов, уехавших за рубеж и осевших в Аргентине, Перу и прочих странах Южной Америки. Когда уехавших — неясно. Вообще говорили они о себе крайне мало, конкретных сведений старались не сообщать. Разговоры вертелись вокруг пластинок, кинофильмов, модных журналов, заграничной одежды, которую этим "аргентинцам-белорусам" присылали и которой они приторговывали.

Освальд был особенно скрытен. Обычно на вечеринках он молча сидел в углу, слушал музыку, листал журналы. Иногда начинал шептаться с кем-нибудь, что очень сердило девушек — они воображали, что шепчутся о них. Тон его, как правило, выражал презрение и недовольство.

— Ну, как вы устроились? — спрашивали его.

— А как тут можно устроиться? — обрезал он.

Вообще отношение его к жизни в СССР было резко отрицательным. Для русских, смотревших с завистью на его привилегии, такое отношение казалось странным и обидным. Они не понимали, что для этих иностранцев, при всей их увлеченности коммунизмом, всеобщая бедность, скука, слежка, подозрительность были тяжким испытанием. Однажды дружинники остановили одного из них на улице, избili и распоролли ему брюки, которые, на их взгляд, были недопустимо узкими (борьба со "стилягами"). Несчастный парень пытался жаловаться, но результатом было только то, что его куда-то перевели, — он пропал из города, и остальные говорили о его судьбе недомолвками, горько пересмеивались.

По моей просьбе Д. К. показала фотографии Освальда другим минчанам, работавшим на том же радиозаводе. На известной фотографии — Освальд среди товарищей по цеху — они опознали нескольких рабочих и сказали, что все они — из экспериментального цеха. То есть из секретного цеха, связанного с военным производством. Устроить в такой цех американца без советского гражданства — откуда такое трогательное доверие? Впрочем, все говорили, что на заводе его видели не часто, а вскоре он как будто и вовсе пропал. Еще та же Д. К. говорила, что Освальд теснее всего был связан с артистом балета по фамилии Гусаков. Но на фотографиях этот Гусаков не появляется. Не указывает ли это на то, что и фотоальбом готовился так же тщательно, как и "дневник" Освальда, и что из него исключались фотографии людей, которые могли бы разболтать что-то о реальной жизни Освальда в СССР?

Еще одна любопытная деталь: между собой эти иностранные парни, включая Освальда, всегда говорили по-испански. То есть утверждение Отчета комиссии Уоррена, что Освальд не знал испанского, оборачивается таким же мифом, как и его "неумение" водить машину. ²²

Никто из исследователей не обратил внимания на одно примечательное совпадение. В мае 1960 года, в те дни, когда Освальд обжился в Минске, в СССР прибыл из Мексики (с короткими остановками в Гаване и Праге) иностранец, имевший паспорт на имя Жака Вандердрешта. Человек этот только что вышел из мексиканской тюрьмы, где он отсидел 20 лет за убийство. Настоящее его имя было Рамон Меркадер. Человека, убитого им в 1940 году, звали Лев Троцкий. ²³

Выше я уже упоминал о профессиональном диверсante, убивавшем за границей неугодных Сталину людей. Я мог видеть, каким почетом пользовался этот человек (фамилия его была Борянов), хотя его жертвой оказался всего лишь адъютант советского генерала, перебежавшего к японцам на Дальнем Востоке в 1937 или 1938 году. (Естественно, у меня не было возможности проверить правдивость рассказа Борянова.) Бывший диверсант стал членом Союза советских писателей (он был автором популярной шпионской пьесы, кажется "На той стороне", в которой японцы и белогвардейцы мучили советского разведчика), заседал во всевозможных комитетах, выбирался в президиумы на собраниях, бывал на важных приемах. (Вспоминаю, что ему был выдан билет-приглашение в зал суда, когда судили Синявского и Даниэля.) Каким же почетом должен был пользоваться человек, убивший самого Троцкого? Хотя подробности нам неизвестны, твердо установлен факт: ему было присвоено звание героя Советского Союза. Портреты его не печатались в советских газетах, но в кругах КГБ он должен был упоминаться как человек-легенда. А так как есть все основания предполагать, что Освальд в этих кругах вращался, логично было бы допустить, что судьба человека, который одним ударом ледоруба ²⁴

обеспечил себе место в мировой истории, волновала его воображение.

Молодых диверсантов, обучавшихся в школах КГБ, должны были интересовать и условия содержания Меркадера в тюрьме. Условия же эти были весьма недурными. У него была большая камера, ему разрешалось иметь любовницу. Он работал в тюремной электромастерской, а потом стал главным инженером-ремонтником, отвечавшим за все электроснабжение тюрьмы. За эту работу ему платили дополнительно. Он даже писал статьи для электротехнических журналов. Людей,²⁵ пославших его на убийство, он никогда не назвал. То есть формальной возможности обвинить Сталина в убийстве Троцкого так никогда и не появилось. Лишь после десятилетних розысков удалось следствию установить его настоящее имя и жизненную историю.

Он был сыном испанского профессора и богатой кубинки, которая в зрелые годы сделала пламенной коммунисткой. ГПУ завербовало его в Испании во время гражданской войны. После поражения республиканцев, в армии которых Меркадер служил офицером, он был увезен в СССР, где прошел подготовку в шпионской школе НКВД. Наверное, ни один выпускник этой школы не порадовал Сталина больше, чем Рамон Меркадер.

Психиатры, обследовавшие его в тюрьме, составили такой психологический портрет:

Он хотел бы принести себя в жертву великой цели и, в то же время, выстроить внутренний мир, который был бы для него надежной защитой... Он был слабым и, в то же время, целеустремленным. Раскаяния он не знал.

26

Все, что мы знаем о характере Освальда, совпадает в общих чертах с этим портретом.

После бегства Освальда в СССР сотрудники Си-Ай-Эй и ФБР вели долгие опросы его бывших сослуживцев и однополчан, пытались определить, каким объемом секретной информации мог располагать перебежчик. Американская разведка в те месяцы стала получать тревожные сигналы от своего лучшего агента в Москве, полковника Попова. Он сообщал, что советские контрразведчики раздобыли довольно точные данные об американском разведывательном самолете У-2, фотокамеры которого в те годы поставляли около 90% всей информации о военных объектах в СССР. Высота полета, скорость, радарное оборудование, противоракетная защита, радиосигналы этого самолета — все стало известно. 1 мая 1960 года самолет У-2, вылетевший с базы в Пакистане, был сбит над советской территорией, а выбросившийся с парашютом Гари Пауэрс взят в плен. Его самолет (№360)

был одним из тех, которые в свое время вылетали с базы в Ацуги, где служил и Освальд. 27

Конечно, трудно представить себе, что Советы могли навести зенитную ракету на самолет Пауэрса исключительно на основании информации, полученной от Освальда. Наверняка над сбором такой информации работали десятки агентов. Но представить себе, что его вообще не расспрашивали о его военной службе, — для этого надо обладать такой степенью наивности, какой в XX веке не найти и среди дошкольников. А именно такую версию и пытался подсунуть американцам советский перебежчик, подполковник КГБ, Юрий Иванович Носенко, который 23-го января 1964 года оставил свою делегацию на конференции по разоружению в Женеве и, с помощью американцев, пересек в автомобиле швейцарско-немецкую границу.

Носенко заявил, что именно ему было поручено вести дело Освальда в России, что ничего интересного для КГБ в этом морском пехотинце найдено не было, что его оставили в Союзе из жалости (а то, не дай Бог, покончит с собой всерьез) и что после его отъезда КГБ не слыхало о нем вплоть до его визита в советское посольство в Мексике в 1963 году. Нет, ни до приезда в Союз, ни во время пребывания в Союзе он не был завербован КГБ. Он, Носенко, готов подтвердить это перед Комиссией Уоррена под присягой, он знает это наверняка, потому что ему же было поручено расследование отношений Освальда с КГБ после того, как президент Кеннеди был убит. 28 Как, спросили американцы, вам поручили расследовать свою собственную деятельность? Ведь, по вашим словам, вы и были тем офицером, который вел дело Освальда в России? В этом месте беседы Носенко поспешил сменить тему. И к этому приему он прибегал впоследствии много раз, как только в его рассказах концы не сошлись с концами.

Чтобы выяснить, был ли Носенко искренним перебежчиком или подосланным дезинформатором, сотрудники Си-Ай-Эй подготовили 44 вопроса, на которые хотели бы получить от него исчерпывающие ответы.

Когда КГБ впервые узнало о существовании Освальда?.. Кем рассматривалась его просьба о советском гражданстве?.. Не подозревали ли его в том, что он агент Си-Ай-Эй и как проверялась правдивость его рассказа о себе?.. В какую больницу отвезли его после попытки самоубийства и когда? Если американский паспорт Освальда хранился в отеле "Метрополь" (как это обычно делается в отношении американских туристов), как он получил его, чтобы бросить на стол консула в американском посольстве?.. Почему КГБ не проявило интереса к информации о военной службе Освальда, которую он предлагал?.. Из каких

источников он получал деньги в Минске в дополнение к своей зарплате?.. Вы заявили, что Марина Пруссакова была "антисоветчица" — какие материалы КГБ имело на нее? Что известно о ее родственниках? С кем встречался Освальд в советском посольстве в Мехико-сити? Какие контакты были у Освальда с кубинцами в СССР?.. Что известно о его встречах с кубинцами после возвращения в США?.. (И т. д.)

29

Носенко было бы очень нелегко ответить на все эти вопросы и не попасть впросак. Но неожиданно на помощь ему пришел никто другой как директор ФБР, Эдгар Гувер. Его очень устраивала версия советского перебежчика: ни в какую шпионскую деятельность Освальд замешан не был, ничьим агентом не являлся, а действовал сам по себе, как сумасшедший маньяк. Он категорически восстал против того, чтобы Носенко заставили отвечать на подготовленные Си-Ай-Эй вопросы.

30

В свою очередь, и судья Уоррен, и Государственный департамент (читай: президент Джонсон) воспротивились тому, чтобы потребовать у Кремля подробного отчета о пребывании Освальда в Союзе или о прошлом Марины Пруссаковой-Освальд. Показать советскому правительству, что мы подозреваем его в соучастии в убийстве президента? А что если они представят нам явно фальшивую информацию? Нам придется написать в отчете, что советское правительство не сообщило нам правды о перебежчике-убийце? И какой смысл ловить Марину на сокрытии ее прошлого? Она явно врала нам много раз, но она остается главным свидетелем, поддерживающим нашу версию об одиоком психопате, одержимом страстью к насилию, — какой же смысл дискредитировать ее снова и снова?

31

Си-Ай-Эй не поверило Носенко и, не зная, что с ним делать, посадило в одиночную камеру, где он провел около трех лет. Потом, в результате политических катаклизмов и внутренних перестановок в Си-Ай-Эй, его выпустили, позволили жить в США, а впоследствии даже стали использовать в качестве платного консультанта по советским делам. (Интересно, не он ли советовал Си-Ай-Эй, как обращаться с перебежчиками Юрченко и Медвидом в 1985 году?) В 1986 году из телевизионные экраны Америки вышел очень неплохой художественный фильм "Юрий Носенко, КГБ" (в главных ролях Олег Рудник и Томми Ли Джонс, сценарист Стефан Дэвис), убедительно показывающий правоту тех сотрудников Си-Ай-Эй которые не поверили перебежчику.

32

Надо думать, что если бы у КГБ были развязаны руки, оно могло бы подготовить гораздо более тонко разработанную версию для Носенко. Вместо присвоения ему роли главного куратора Освальда (надо же такое совпадение — два месяца спустя после убийства

президента на Запад перебегает офицер КГБ, ведущий дело подозреваемого убийцы), создатели роли должны были дать ему возможность подсовывать требуемую информацию как побочную, подхваченную от приятеля-кэгебешника из соседнего отдела. Вместо тупого отрицания очевидных фактов, Носенко мог бы сказать, что да, КГБ пыталось использовать Освальда, что работало с ним долго, но по своему психологическому складу — упрямство, своеволие, ненависть к систематической работе и дисциплине — Освальд оказался таким неподходящим, что на него махнули рукой и решили отпустить. Версия, привезенная Носенко, была рассчитана на профанов, а значит профанами и сочинялась. То есть исходила от тех высших уровней советской власти, которым подчинено даже КГБ. Поспешность, неподготовленность, высокий чин лжеперебежчика (впрочем, Си-Ай-Эй сомневалось и в подлинности его чина) — все говорит о том, что открезиться от Освальда советское руководство хотело любой ценой.

И, конечно, еще об одном.

О том, что Освальд на самом деле был советским агентом, подготовленным в Минской школе КГБ (находившейся в двух кварталах от его дома) и посланным в США.

33

Но был ли он абсолютно послушным орудием или готовился идти своим путем — в этом еще надо разобраться.

26. ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА

Он всегда выглядел таким пареньком, которому хотелось присоединиться к кому-то или чему-то... Но я не думаю, чтобы кто-нибудь жаждал принять его в компанию.

Вильям Вулф, одноклассник Освальда

По прибытии в Далласский аэропорт вместе с женой и ребенком в июне 1962 года Освальд был заметно разочарован отсутствием корреспондентов и фоторепортеров. Брат Роберт утешил его, рассказав, что в местной прессе уже была большая статья о его предстоящем возвращении, снабженная портретом.

Освальды прожили несколько недель в доме брата, потом еще несколько недель у матери — Маргариты Освальд. Но и там, и там отношения складывались тяжелые. В августе они сняли квартиру в Форт-Ворте, неподалеку от того места, где Освальд получил работу.

Русские эмигранты старались помогать им, снабжали одеждой, мебелью, посудой. Однако Освальд обращался с ними грубо, требовал от жены, чтобы она не принимала помощь, грозил ей, даже бил. Был единственный русский в этом окружении, к которому Освальд отнесся чуть не с благоговением, чьи советы выполнял почти беспрекословно.

Звали его Джордж Де Мореншильд.

Это был красивый, атлетического вида мужчина лет пятидесяти, имевший сотни влиятельных друзей, объездивший полмира, говоривший на многих языках, увлекавшийся теннисом, плаванием и прочими видами развлечений на открытом воздухе. Подстать ему была и жена его, Джин Де Мореншильд. Что общего было у этой пары с бедными и малообразованными Освальдами? Почему Де Мореншильды приняли такое участие во вновь прибывших, регулярно встречались с ними в течение восьми месяцев, занимались их жизнеустройством, вплоть до улаживания домашних ссор?

Впоследствии разные исследователи безуспешно пытались выяснить, как произошла первая встреча между этими супружескими парами. Сам Де Мореншильд заявил, что их познакомил некий полковник Орлов. Но Орлов уверял, что в тот единственный раз, когда он заезжал к Освальдам с Де Мореншильдами, те были уже хорошо знакомы. Другому собеседнику Де Мореншильд представил иную версию знакомства — но и она на проверку оказалась несостоятельной.

Вообще, все, что касается жизни Джорджа Де Мореншильда, изобилует неясностями, противоречиями, белыми пятнами. Неясно даже,

где и когда он родился. Давая показания Комиссии Уоррена, он заявил, что появился на свет в 1911 году, в городе Мозырь, Российской империи, что отцом его был богатый землевладелец, предводитель дворянства в Минской губернии. Зять его считал, что местом его рождения была Грузия. Но когда Де Мореншильд был задержан при попытке зарисовать береговые укрепления в Техасе (1942 год), при нем обнаружили два резюме с краткими автобиографиями, в одной из которых было сказано, что он происходит из шведской семьи, в другой — что из семьи греко-католического вероисповедания и что рожден в 1914 году. А подавая заявление на работу в нефтяную фирму в Колорадо (1946 год), он заявил, что отец его был русским инженером-нефтяником, работал на нефтеразработках в Румынии, что советская армия арестовала и казнила отца, а сам он якобы дослужился в Польском сопротивлении до чина подполковника и провел почти всю войну в Лондоне в качестве офицера по связи.

Так же расплывчата информация и о других этапах жизни Де Мореншильда. Он прибыл в Америку в 1938 году, но, по его словам, в 1939 году возвращался в Польшу, чтобы служить в армии, но в том же году возвращается в Америку. (Никто не пытался уточнять даты и цели этих разъездов.) В США он принимает участие в разных операциях, проводившихся — он, видите ли, не уверен, но так ему казалось — французской разведкой, не уточняя при этом, кому та подчинялась в тот период — Де Голлю, воевавшему с немцами, или маршалу Петэну, сотрудничавшему с ними. Из досье ФБР, заведенному на него в это время, стали известны его контакты со многими немецкими агентами.

Военные годы он провел под видом кинопродюсера в нейтральной Мексике, которая кишела тогда шпионами всех мастей. В 1944 году, сменив фамилию с Фон Мореншильд на Де Мореншильд, он возвращается в Штаты, меньше чем за год получает диплом инженера-нефтяника и начинает работать в мире нефтедобычи — то выполняя заказы других фирм, то действуя на свой страх и риск. За все эти годы он не выпустил ни одного фильма, не открыл ни одного месторождения, но жил, явно не нуждаясь ни в чем, менял жен, путешествовал, имел многочисленных знакомых в самых разных кругах. Источники его доходов остаются большой загадкой, но известно, что нефтеразведка, которой он занимался, включала в себя аэрофотосъемку в разных частях страны.

В 1957 году он провел несколько месяцев в Югославии в должности геолога, включенного (после проверки Госдепартаментом) в группу, посланную американской организацией Ай-Си-Эй (Управление международного сотрудничества). За это время он дважды пытался приблизиться на лодке к острову, на котором находилась резиденция маршала Тито (опять делал зарисовки), и дважды был отогнан огнем охраны.

В 1958 году он отправляется в длинное путешествие по Африке (Того, Гана, Дагомея) под видом филателиста (мы знаем, что марки африканских колоний — самые красивые) и возвращается оттуда почему-то через Польшу. (В семейном альбоме Де Мореншильдов имелись фотографии, сделанные и в других коммунистических странах — Чехословакии, Югославии.)

10

В 1959 году он вместе с женой (кстати, тоже русской по рождению) разъезжал по Мексике, и однажды на официальном приеме жена перекинулась несколькими фразами с Анастасом Микояном.

11

В 1960 году супруги Де Мореншильд исчезли почти на год, заявив друзьям, что собираются пешком пересечь всю Южную Америку. Однако впоследствии выяснилось, что далеко они не ушли, что большую часть времени провели в Гватемале, вселившись без разрешения в пустующий дом, откуда вернувшиеся хозяева (дальние знакомые их знакомых) должны были выселить их чуть не силой. Еще одна деталь: дом этот находился в непосредственной близости от тренировочных баз, где Си-Ай-Эй готовило подразделения кубинских эмигрантов к вторжению в Заливе Свиней.

12

Бывший зять Де Мореншильда, Гари Тэйлор, заявил Комиссии Уоррена:

“Если убийство /президента/ было результатом заговора, то, я думаю, скорее всего, Де Мореншильды принимали в этом заговоре участие”.

13

Но бравший показания следователь Комиссии Дженнер не проявил большого интереса к этому замечанию, хотя он имел в своих руках увесистую пачку материалов, собранных на Де Мореншильда ФБР и Си-Ай-Эй. Эти документы лежали перед ним во время допроса самого Де Мореншильда. Он постоянно сверяется с ними, подсказывает Де Мореншильду правильные ответы, помогает обходить противоречия и несообразности. Запись допроса занимает 120 печатных страниц (Де Мореншильда расспрашивали дольше всех, если не считать Марину Освальд и Руфь Пэйн), но ни разу допрашивавший не попытался изобличить ложь свидетеля. У него явно другая задача. “Давайте мы вместе, с помощью имеющихся у меня документов, докажем всему миру, что вы честный американский бизнесмен, никогда не занимавшийся никакой предосудительной или, не дай Бог, шпионской деятельностью”, — как бы говорит следователь.

ДЖЕННЕР: Так что это мероприятие в Гане не имело никаких политических аспектов?

ДЕ МОР.: Нет.

ДЖЕННЕР: Как вы сказали, это была чисто деловая поездка.

ДЕ МОРЕНШИЛЬД: Бизнес на сто процентов.

ДЖЕННЕР: ...И когда вы ездили в Югославию, цели поездки были исключительно деловые?

ДЕ МОР.: Совершенно верно.

ДЖЕННЕР: И вторая поездка в Югославию — тоже исключительно по делам?

ДЕ МОР.: Да.

ДЖЕННЕР: Никакой политики?

ДЕ МОР.: Нет.

ДЖЕННЕР: Были вы когда-нибудь хоть в какой-то степени агентом?

ДЕ МОР.: Никогда.

ДЖЕННЕР: Представляя какое-нибудь правительство?

ДЕ МОР.: Никогда, никогда.

ДЖЕННЕР: Никакое?

ДЕ МОР.: Вы можете повторить это хоть три раза...

ДЖЕННЕР: Я должен заметить, мистер Де Мореншильд, что в любой момент, когда вам покажется, что мои вопросы являются вмешательством в вашу частную жизнь или что нарушаются ваши конституционные права, вы вправе заявить об этом.

ДЕ МОР.: Пожалуйста, не стесняйтесь. Я никогда не был агентом какого-нибудь правительства и ни от какого правительства не получал плату.

14

Ах, как хотелось бы спросить тут, от кого же получал плату мистер Де Мореншильд в течение 25 лет его безбедной жизни в Америке. Но, повторяю, у допрашивающего были явно другие задачи.

Все члены русской общины в Далласе отмечали экстравагантные манеры Де Мореншильда. Он мог появиться в церкви в шортах, любил рассказывать при дамах непристойные истории. Многие инстинктивно сторонились его. Он любил быть в центре внимания, говорил громко и авторитетно. Его русский язык был безупречен. Новые эмигранты знают, что такой язык не сохраняется у русских детей, увезенных с родины в двенадцатилетнем возрасте. Некоторые считали, что и его дружба с Освальдами — просто очередная экстравагантность, причуда.

15

Вот как описывает эти отношения зять Де Мореншильда, Гари Тэйлор:

Я думаю, они были гораздо ближе друг другу, чем казалось. Иначе Де Мореншильды не занимались бы так активно их благоустройством... Влияние их /на Освальдов/ было очень заметным. Мне кажется, что именно Де Мореншильд посоветовал им переехать в Даллас /из Форт-Ворта/, да и много других вещей делалось по его предложениям — например, где искать работу. Ли кидался

исполнять любой совет Де Мореншильда — когда отправляться спать, где поселиться, с кем оставлять Марину /и ребенка/, пока он сам ночевал в дешевом мотеле.

16

Видимо, не без влияния Де Мореншильда Освальд начал искать работу, связанную с фотографией. В октябре 1962 года он был принят в большую далласскую фирму Джаггар-Чилс-Стовал. Фирма эта готовила, главным образом, набор, фотографии и рекламу для разных газет и журналов. Но был у нее и контракт с картграфическим отделом Военного министерства на набор названий городов для карт, выполнявшихся по данным разведывательных самолетов. Считалось, что эта работа должна была выполняться секретным отделом фирмы, но на деле никакого секретного или хотя бы закрытого помещения в фирме не было. Любый работник имел доступ в комнату, где набирались длинные списки названий русских, китайских, кубинских городов. В том числе, и бывший перебежчик, Ли Харви Освальд, заявлявший всего лишь за три года до этого, что он отказывается от американского гражданства и при случае убьет любого американца (даже родного брата), если тот станет защищать американское правительство.

17

Работая в фирме, Освальд постепенно овладел различными приемами фотографических операций. Вскоре он использовал полученные навыки для того, чтобы изготовить себе поддельные документы на имя А. Хидель, а также водительские права на имя О. Х. Ли. В январе 1963 года он воспользовался именем Хидель, чтобы купить по почте карабин манлихер-каркано с оптическим прицелом. По распоряжению Освальда, Марина сфотографировала его во дворе в полном вооружении. На одной из сделанных фотографий сохранилась надпись — "Готов на все". На другой: "Джорджу, от Ли Харви Освальда, 5 апреля 1963 года". На этой последней кто-то приписал внизу по-русски: "Охотник за фашистами — ха-ха-ха".

18

Джордж Де Мореншильд многократно пытался пристраивать Марину с ребенком на постой к кому-нибудь из добросердечных друзей. Одна из таких попыток заслуживает особого внимания.

Поместье, куда Де Мореншильды привезли Марину с ребенком в начале октября 1962 года, находилось в дачном пригороде Далласа. Сам Де Мореншильд познакомился с хозяйкой дома, миссис Брутон, всего за несколько месяцев до этого, представившись другом бывшего владельца. ("Проезжал мимо, нахлынули сентиментальные воспоминания, решил заехать взглянуть, как теперь здесь все выглядит...") Он даже рассказал, как помогал строить плавательный бассейн. Хозяйка любезно показала ему переделки в доме, пригласила навестить и пользоваться бассейном. В один из таких визитов Де Мореншильды и привезли Марину Освальд.

19

Хозяйка была тронута судьбой молодой русской красавицы. Де

Мореншильды рассказали ей, что муж, привезший ее в Америку, обращался с ней жестоко, пренебрегал ею, а сейчас и вовсе бросил одну, без средств к существованию, без языка, без крыши над головой. Не согласилась бы миссис Брутон поселить бедную женщину на время у себя? У них, у Де Мореншильдов, где она временно живет, слишком мало места.

Вся эта драматическая история была далека от правды. Де Мореншильды в то самое утро заезжали за Мариной на ту квартиру, где она жила с Освальдом. Они прекрасно знали, что, несмотря на ссоры, ни о каком разрыве еще не было и речи. В довершение всего сам Освальд вдруг появился у ворот дома Брутонов, присоединился к компании, и Марина не проявила никакой враждебности к нему. Зато Де Мореншильды были явно возмущены его неожиданным появлением и разочарованы. Затея лопнула.

Но в чем же она заключалась? Если бы они, действительно, хотели найти приют для Марины, почему нужно было обращаться к малознакомой женщине, никогда с Мариной не встречавшейся и не говорившей по-русски? И зачем вообще Де Мореншильду понадобилось втираться в дом Брутонов? Не связано ли это каким-то образом с тем фактом, что мистер Брутон (который в те дни был в отъезде) являлся адмиралом в отставке и вплоть до 1960 года возглавлял отдел связи военно-морского министерства и участвовал в разработке глобальной системы контроля за перемещением всех подводных лодок, надводных кораблей и ракет? (Примечательно, что и предыдущий владелец дома, с которым Де Мореншильд был знаком, в прошлом служил в разведке военно-воздушных сил.)

20

В начале апреля 1963 года Освальда уволили с работы в фото-наборной фирме. В эти дни он часто исчезал из дома, захватив с собой ружье. Марине говорил, что ездит практиковаться в стрельбе. Однажды вернулся без ружья и сказал, что зарыл его в надежном месте. В среду, 10 апреля, он ушел на целый день. Марина не находила себе места от беспокойства. Было уже совсем поздно, когда, зайдя в его комнату, она обнаружила записку, написанную по-русски:

21

1. Эта *кеуи* /ключ/ *почтовый ящику* почтам главный, находит-ся *городу*, на улице *Ervaу* тот же улице где *апека* где ты *вседа* *стала*. 4 *блоков* от *апека* на эту улицу к почтаму там найдешь наш *ящику*. Я платил за *ящику* прошем месяце так ты не переживаеш об этом.

2. *Посылай посольстве* информации что со мной случились и тоже от *резай* из газета, /если в газета что-нивидь о мне пишет/ Я думаю что *посольстве* быстрее тебе поможет *когда* *знаю* все.

3. Я платил за дом на 2-ой число так не переживаешь об эта

4. За *води* и газ тоже платил недавно.

5. возможно что денги с работу будет, они посылают нашу ящичку на почтам. пойдешь *банк* и по-менят шеск на денги

6. Мои *одежда* . . . ты можешь выбросить или отдат не сохраний их но мой *бумаги* личны (воениа, заводской и т. д.) я предпочитаю ты *держиш*.

7. Некоторый мой документы находятся в синей маленький чемодане.

8. Адрессавая книга на мои столе кабинету исли тебе нада

9. Тут ест у нас *друзей* и *Красный Крест* тоже тебе помогут. (Red Cross по-английски)

10. Я оставил тебе денги как *много так я мог*, 60 д. на 2-ой число, и ты и Джун можит жит на 10 д. недели. еще 2 месяаты.

11. если я жив и взят мне *плеником*, *городской тюрьмы* находится на конце тот мост через который ты всегда ежалили, когда ехала в городу. (самая начала городу через мост)

22

Освальд появился только в половине двенадцатого — задышающий-ся, бледный, в поту.

— Я стрелял в генерала Уокера, — сказал он.

Генерал Уокер к 1963 году стал признанным лидером ультра-консерваторов Далласа. За пропаганду крайне правых идей в армии его вынудили подать в отставку. В Далласе он возглавил общество имени Джона Берча. За слишком активное участие в демонстрации против приема негра в университет штата Миссисиппи он был заключен в тюрьму, послан на психиатрическое обследование, затем выпущен под залог в 50 тысяч долларов. Для Освальда он был символом "фашизации" Америки. И Де Мореншильд, и его приятель Шмидт признали впоследствии, что, возможно, своими комментариями они "невольно" разжигали в Освальде ненависть к Уокеру.

23

Пуля Освальда, пробив окно, прошла в дюйме от головы генерала и ударила в стену. Следствие не сумело обнаружить покушавшегося. Однако, когда три дня спустя после покушения Де Мореншильды нанесли визит Освальдам, первыми словами Де Мореншильда были: "Эй, Ли, как же вышло, что ты промазал?"

24

Впоследствии Де Мореншильд заявил, что он сказал эту фразу наобум, связав два известных ему факта: что у Освальда было ружье с оптическим прицелом и что он ненавидел генерала Уокера. Трудно сказать, что двигало им на самом деле. Хотел ли он выразить таким образом недовольство самоуправством Освальда и показать, что в случае чего не побоится выдать его властям? Или просто он не смог в очередной раз удержаться от экстравагантной и эффектной выходки и наслаждался испугом на лицах Освальда и Марины?

25

Уокер был не единственным политиком, вызывавшим ненависть

Освальда. Ричард Никсон в те дни призывал к более жесткой политике в отношении Кубы. Марина Освальд уверяла, что ее муж однажды повесил на пояс револьвер, спрятал его под пиджаком и собрался "пойти взглянуть" на приехавшего в Даллас Никсона, но она не пустила его, заперев в ванной. Правда, Комиссия Уоррена, обычно принимавшая на веру слова Марины, тут выразила недоверие: во-первых, резонно заявил один из членов, на дверях ванной не бывает запоров, которые можно запереть с н а р у ж и, а во-вторых, Никсон не приезжал в Даллас в те дни. Однако нет сомнения в том, что кубинские дела Освальд принимал очень близко к сердцу.

26

В середине апреля он соорудил плакат "Руки прочь от Кубы" и стал на углу двух улиц в Далласе, раздавая прокастровские листовки, присланные ему организацией "За справедливое отношение к Кубе". Все, кто встречался с Освальдом во время Карибского кризиса и после, отмечали, что в разговорах он многократно обрушивался на "американский империализм" за его "агрессию против Острова свободы".

27

Через две недели после покушения на Уокера Освальды переезжают в Новый Орлеан. Решено было, что на первые недели, пока Освальд будет подыскивать работу и жилье, Марина с ребенком останется в Ирвинге, в доме Руфи Пэйн (о ней см. выше, стр. 152).

Примерно в те же дни покидают Даллас и Де Мореншильды. У Джорджа по его словам, был после долгой подготовки заключен контракт с правительством Дювалье на разработку полезных ископаемых в республике Гаити. Зная "Папу Дока" и его стиль руководства этой нищей страной, трудно поверить, что он согласился оплачивать твердой валютой услуги американского геолога, в то время как вездесущие советские специалисты сделали бы это для него бесплатно, за одно лишь разрешение прислать ему "военных советников".

Считается, что во время убийства президента Де Мореншильды находились на Гаити. (Впрочем, никто, кажется, не пытался проверить это алиби.) Они возвращались в Америку на время, чтобы дать показания Комиссии Уоррена в 1964 году, а затем вернулись в Даллас окончательно в 1967-ом. Два года спустя Джордж Де Мореншильд начинает работать в Бишоп-колледже, преподавая русский и французские языки. Впервые мы видим, как и чем этот человек зарабатывает деньги. Возможно, добropорядочная служба была настолько не по нему, что он впадает в тяжелейшую депрессию. По словам его жены, он четыре раза покушался на самоубийство. С трудом удалось уговорить его лечь в Паркландскую больницу, где он прошел курс шоковой терапии.

28

Это были как раз те дни, когда начиналось второе (или третье) официальное расследование убийства президента — расследование Комитета Стокса. В середине февраля 1977 года Де Мореншильда навещал голландский журналист, Уильям Олтманс, который обычно проживал

в Брюсселе и который впоследствии заявил, что он является старым другом Де Мореншильда.

29

Дальнейшие события можно восстановить лишь пунктирно.

1 марта 1977 года Де Мореншильд берет трехдневный отпуск в колледже, якобы чтобы навестить свою дочь в Новом Орлеане, но на самом деле летит вместе с Олтмансом в Голландию, где проводит около 10 дней, и возвращается в Нью-Йорк 14 марта.

15 марта Олтманс заявляет Комитету Стокса в Вашингтоне, что Де Мореншильд сказал ему в середине февраля, что Освальд действовал с его ведома, когда покушался на жизнь президента.

30

29 марта следователь Комитета Стокса посетил Де Мореншильда в доме его дочери во Флориде, но не застал и сказал, что придет позже. Дочь, вернувшаяся домой в 3.32, обнаружила труп отца, застрелившегося из охотничьего ружья. Эдвард Эпштейн пишет, что он взял интервью у Де Мореншильда за 3 часа до его самоубийства.

31

1 апреля, выступая перед журналистами, Олтманс заявил, что Де Мореншильд сознался, что он и Освальд были наняты антикастровцами и далласскими нефтепромышленниками убить Кеннеди и что Освальду причиталась крупная сумма денег. Он покончил с собой, боясь разоблачения. Еще он якобы сказал Олтмансу, что на самом деле президента убил не Освальд, а антикастровцы.

Впоследствии один репортер заявил, что в комнате, где Де Мореншильд покончил с собой, было найдено написанное им письмо, из содержания которого делалось ясно, что Олтманс угрожал ему, заставлял признаваться в поступках, которые он не совершал, давал наркотики и затем интервьюировал. Он привез его в Брюссель, где у него была встреча с работником советского посольства.

32

"Возможно, — заканчивает свой рассказ Майкл Эддоус, — что Де Мореншильд поехал в Европу в надежде, что КГБ поможет ему исчезнуть; но ни русские, ни поляки не захотели принять его".

33

Люди, встречавшиеся с Освальдом в жизни, в основном характеризуют его одними и теми же словами: замкнутый, молчаливый, часто грубый и неприятный, часто неряшливо одетый, с немытыми и нестриженными волосами, но при желании умеющий произвести и хорошее впечатление, представиться рассудительным, спокойным, подтянутым, владеющим собой, контролирующим свои мысли, слова и поступки. Однако в его характере было одно свойство, которое не могло быть замечено случайными свидетелями, но которое проступает как доминирующий фактор, когда мы смотрим на его жизнь в целом: патологическая ненависть к рутинному существованию, неприятие упорядоченности, дисциплины, нежелание подчиняться чьим бы то ни было приказам, жажда вырваться из-под контроля любой ценой и проявить собственную волю, даже если это грозит ему серьезными осложнениями.

Усидчивая работа не по нему. Он пропускает больше половины дней в школе, он однажды засыпает во время дежурства у радарной установки, он работает спустя рукава на заводе в Минске, он не способен овладеть необходимыми навыками в фото-наборной фирме в Далласе, он пропускает половину рабочих часов в кофейной фирме в Новом Орлеане. Его сослуживцы по Техасскому распределителю учебников если и разговаривали с ним, то чаще всего — чтобы указать ему на ошибки в работе. И там, в ТРУ, он часто уходил, не дожидаясь конца рабочего дня.

Трагикомическая особенность его судьбы заключается в том, что каждый раз, делая прыжок из тяготящей его рутины, он оказывается в ситуации, требующей еще большей степени подчинения. Он всей душой рвется из семейно-школьной кабалы, но не находит ничего умнее, чем сунуть голову в армейское ярмо. После бегства в Советский Союз он несколько месяцев упивается новизной ситуации, всеобщим вниманием, но после переезда в Минск все начинается сначала: рутина завода, рутина занятий в школе КГБ, общее убожество и скука советского быта. И по возвращении в Америку юный борец с мировым империализмом опять попадает в западную повседневности: надо ходить на работу, устраиваться с жильем, заботиться о семье, вообще притворяться нормальным обывателем.

Но ведь он не создан для этого.

Нетерпение, жажда известности — немедленно, любой ценой — сжигают его. И тогда он берет свой карабин и крадется к дому генерала Уокера.

В советском коммунизме Освальд разочаровался искренне — в этом сомневаться не приходится. Вместе с фальшивым “дневником” он вывез еще и рукопись, описывающую советский “рай” в весьма мрачных тонах, которую он перепечатывал в Америке с большими предосторожностями. (Машинистка рассказала, что он оставался в ее комнате, пока она работала, а потом забирал не только все экземпляры машинописи, но даже копировальную бумагу. В рукописи, между прочим, был большой раздел, посвященный Киеву, хотя о пребывании Освальда там нет никаких данных.) Однако такое уже случалось миллионы раз с западными поклонниками “безэксплуататорского” общества: разочаровавшись в советском варианте, они спешат перенести свое обожание на другие — китайский, албанский, камбоджийский. В случае с Освальдом новым объектом поклонения оказалась Куба и Фидель Кастро.

Если представить себе, что когда-нибудь будет опубликована “Энциклопедия мирового шпионажа в XX веке”, то содержание двух последних глав можно было бы представить в виде короткой заметки для такой энциклопедии:

“ОСВАЛЬД, ЛИ ХАРВИ (1939–1963). Рано начал увлекаться марксизмом-ленинизмом. Во время прохождения военной службы в Японии

на американской базе был завербован японскими коммунистами и начал через них поставлять сведения советской разведке. По окончании службы, в конце 1959 года, получив необходимую помощь и инструкции, перебежал в Советский Союз. В течение двух лет проходил там шпионскую подготовку, проживая в Минске под видом рабочего радио-завода. Женился на русской женщине МАРИНЕ ПРУССАКОВОЙ (см.). Вместе с нею вернулся в 1962 году в Америку и поступил в распоряжение видного резидента советской разведки ДЖОРДЖА ДЕ МОРЕНШИЛЬДА (см.). По его заданию устроился на работу в фото-наборную фирму в Далласе, выполнявшую заказы для американского военного министерства. Однако с марта 1963 года выходит из-под контроля советской разведки, начинает заниматься индивидуальным террором и открытой агитацией в пользу коммунистической Кубы. В апреле 1963 года, после неудачного покушения на генерала Уокера, уезжает в Новый Орлеан, где попадает под контроль кубинских агентов. О дальнейшей его деятельности см. "Энциклопедия мирового терроризма в XX веке".

27. С КУБИНЦАМИ В НОВОМ ОРЛЕАНЕ

Лето 1963 года

Похоже, что колючий, жесткий Новый Орлеан оказался кладбищем, в котором захоронены самые важные нити заговора на жизнь президента Кеннеди.

Генри Хэрт. "Обоснованное сомнение"

В конце апреля 1963 года Освальд прибывает в Новый Орлеан. На первых порах — один, без семьи. Пять месяцев спустя, в конце сентября, он покинет этот город и отправится в столицу Мексики, чтобы посетить советское и кубинское посольства. По дороге туда он, в сопровождении двух кубинских сообщников, нанесет визит Сильвии Одио в Далласе и будет представлен ей как отчаянный сорви-голова, сторонник кубинских эмигрантов, готовый убить то ли Кастро, то ли Кеннеди, то ли обоих (см. выше, стр. 145 и ниже, стр. 230). Весь извилистый путь Освальда от Нового Орлеана до снайперского гнезда на шестом этаже ТРУ — это путь ракеты, запущенной кем-то и тщательно управляемой. Место запуска этой ракеты — Новый Орлеан. Только проследив контакты Освальда в этом городе, сможем мы обнаружить настоящих организаторов заговора на жизнь президента.

Из опросов десятков свидетелей, из анализа имеющихся документов становится ясно, что в течение этих пяти месяцев Освальд занят только одним — Кубой. Еще в Далласе, в середине апреля, он смастерил плакат "Руки прочь от Кубы! Да здравствует Фидель!", стал с ним на перекрестке и принялся раздавать прокастровские листовки прохожим. "Одни проклинали меня, другие одобряли", — с гордостью пишет он в "Комитет за справедливое отношение к Кубе" и просит прислать ему еще листовок и памфлетов.

Находясь в Новом Орлеане, он возобновляет прокастровскую агитацию с удвоенной энергией. За собственный счет он печатает листовки и членские карточки для "новоорлеанского отделения Комитета за справедливое отношение к Кубе"; чтобы придать вес своей "организации", он заставляет Марину поставить под этими карточками подпись "Хидель" — вымышленное имя, которым он пользовался не раз. В середине июня Освальд пробирается в порт и начинает раздавать прокубинские листовки офицерам и морякам отшвартованного там военного корабля. Оттуда его довольно скоро прогнали, но в своей переписке с прокастровскими организациями он употребляет выражение: "...моя группа пикетировала флот во время его стоянки здесь". Знакомый адвокат однажды столкнулся с Освальдом на улице, когда тот

раздавал листовки, и спросил, зачем он предлагает столь непопулярный в этих краях товар. Освальд ответил, что это работа, за которую ему платят.

Считается, что Освальд занимался своей прокубинской деятельностью в одиночку. Но телережиссер Йохан Раш сохранил ленту, на которой виден Освальд, раздающий листовки на улице около здания Трэйд-Марта. (См. фотографии в конце книги.) Вместе с ним этим занимался еще один человек латиноамериканской внешности. Третий человек в белой рубашке листовки не раздвал, но был явно знаком со спутником Освальда. Слева виден еще один латиноамериканец, закинувший руки за голову и видимо получающий удовольствие от происходящего. Имена этих людей остались неизвестны. Высокий человек в белой рубашке явно избегал объектива телекамеры.

В кофейной фирме, где Освальд устроился механиком по обслуживанию машин, его терпели с трудом. Работал он, по своему обыкновению, спустя рукава, в рабочем журнале записывал, что смазал такие-то и такие-то машины, хотя на самом деле к ним не прикасался. Потом просто оставлял рабочее место и уходил в гараж, расположенный неподалеку, болтать с хозяином о различных типах ружей. Он очень хотел, чтобы тот продал ему свой японский карабин, который был мощнее и надежнее итальянского "манлихер-каркано", но сделка не состоялась.

В середине июля фирма уволила Освальда. Имея теперь целые дни для своей деятельности в пользу "Новой Кубы", он (по чьему-то наущению или по собственной инициативе) прибегает к провокационному маневру: пытается проникнуть в круги антикастровских эмигрантов, осевших в Новом Орлеане в большом количестве. 5 августа он явился в магазин одежды, принадлежавший Карлосу Брингуэру — активисту, собиравшему деньги на подготовку нового вторжения на Кубу. Непринужденно ввязавшись в разговор, Освальд представился антикоммунистом, который служил в армии, изучал технику диверсий и рад был бы поделиться своими знаниями, принять участие в подготовке будущих бойцов, может быть, даже высадиться вместе с ними на Кубе и помочь свергнуть тирана-диктатора. В подтверждение своих слов он со знанием дела описал, как, обмотав рельсы цепями, можно пустить под откос поезд, как размещать заряды, чтобы взорвать мост и пр. Брингуер отнесся к нему с подозрением и даже не взял деньги, которые Освальд предложил в качестве взноса на благое дело.

Несколько дней спустя друзья сообщили Брингуэру, что какой-то человек на Канал-стрит раздает прокастровские листовки. Брингуер бросился туда. Каково же было его негодование, когда он узнал в уличном агитаторе "специалиста по диверсиям", посетившего его магазин. Он стал кричать и поносить Освальда. Тот реагировал абсолютно хладнокровно, даже протянул руку. Когда Брингуер угрожающе надвинулся

вплотную, Освальд опустил руки и сказал: "Ты хочешь ударить меня, Карлос? Давай, не стесняйся".

9

На шум явилась полиция, и нарушителей порядка отвели в участок. Кубинцев вскоре отпустили под залог, а Освальда заперли в тюрьму на ночь. Перед этим полицейский лейтенант попытался расспросить его подробнее. Примечательно, что, рассказывая о себе, Освальд применил тактику перемешивания полуправды с неточностями и умолчаниями, очень похожую на ту, которой пользовался Де Мореншильд. Он, например, сказал, что приехал в Новый Орлеан из Форт-Ворта, где жил с 1959 года, после демобилизации из армии. О двух с половиной годах в России — ни слова. О жизни в Далласе — тоже. Имя своей жены дал как "Марина Проса". Он отказался назвать других членов своей "организации", упомянул только какого-то студента по имени Джон из Туланского университета.

10

После разговора с лейтенантом Освальд неожиданно попросил о встрече с местным агентом ФБР. Агент, Джон Квигли, явился и говорил с Освальдом около полутора часов. Судя по докладу, составленному агентом об этой встрече, и по его показаниям перед Комиссией, Освальд врал ему о себе так же, как врал полицейскому лейтенанту. Спрашивается: зачем Освальду понадобилось просить о встрече с агентом ФБР, если он не собирался говорить ему правду?

11

Может быть /пишет Присцилла Макмиллан/, это была очередная попытка окружить себя загадочностью и драматизмом. Может быть, он хотел произвести впечатление на чинов полицейского участка, заставить их подумать, что он действовал как провокатор, посланный ФБР, и тем добиться скорейшего освобождения. А может быть, оказавшись в тюрьме первый раз, Ли хотел почувствовать свою исключительность и значительность, и вызов агента давал ему такое чувство.

12

Присцилла Макмиллан, как мы видим, пытается остаться исключительно в кругу эмоциональных мотивов и в увлечении этой задачей даже забывает, что Освальд давно уже не невинный мальчик и в тюрьме уже успел побывать: в ее же книге описано, как он отсидел несколько недель в военной тюрьме по приговору трибунала. Тем не менее вопрос о причинах такой странной выходки остается важным, ибо ответ помог бы пролить свет на еще одну темную сторону жизни Освальда: его отношения с ФБР.

В своей книге "Портрет убийцы" Джеральд Форд (будущий президент) описывает, как 22 января 1964 года все члены Комиссии Уоррена были вызваны секретарем на срочное заседание, на котором им была сообщена по секрету ошеломляющая новость: Освальд был тайным агентом-информатором ФБР с сентября 1962 года, ему был дан кодовый

номер 179, и за свои услуги он получал по 200 долларов в месяц. (Вспомним, что именно на такую сумму Освальд предъявил чек владельцу гастронома в Ирвинге — см. выше, стр. 154.) Слухи об этом просочились в печать еще за три недели до описываемого совещания, но на этот раз информация исходила не от какого-нибудь журналиста, а от двух официальных лиц: генерального прокурора штата Техас и генерального прокурора города Даллас. Обоих прокуроров попросили срочно (и тайно) прибыть в Вашингтон, где они представили имеющуюся у них информацию как заслуживающую доверия.

Комиссия была в растерянности. Как можно проверить такие сведения? Обратиться к самому директору ФБР, Эдгару Гуверу? Но он, скорее всего, заявит, что это гнусная клевета. Выразить ему прямое недоверие, затребовать дело Освальда из секретных архивов ФБР? Но, как объяснил им бывший служивший ФБР, ныне прокурор Далласа, Генри Вэйд, имя настоящего тайного информатора нигде в письменном виде не упоминается.

В материалах расследования можно обнаружить много эпизодов, рисующих отношения Освальда с ФБР в довольно странном виде.

В его записной книжке, например, был найден адрес, телефон и номер автомобиля агента ФБР, Джеймса Хости. Это был тот самый агент, который дважды приезжал в дом Руфи Пэйн в Ирвинге, пытаясь выяснить у нее и у Марины адрес Освальда в Далласе.

Когда произошло убийство президента, взволнованный Хости примчался в полицейское управление и принял участие в допросе арестованного Освальда. Тот, кстати, заявил, что знает Хости и возмущен тем, что ФБР не давало покоя его жене. Но еще до этого Хости столкнулся на лестнице со своим старым приятелем, лейтенантом Ревиллом. Впоследствии Ревилл показал:

И мистер Хости подбежал ко мне и сказал: "Джек... коммунист убил президента Кеннеди... Ли Освальд убил президента Кеннеди". Я спросил: "Кто такой Ли Освальд?" Он сказал: "У нас на него есть досье как на коммуниста... Мы знали, что он в Далласе и что он опасен..." Я спросил, почему он не сказал нам /полиции/ об этом, и, насколько я помню, он ответил, что он не мог. Не знаю, что он имел в виду.

Логичное объяснение — "не мог", потому что Освальд числился также секретным осведомителем, а о них рассказывать не принято. Номер телефона Хости в записной книжке Освальда и номер его автомобиля — эта загадка тоже была бы разрешена, если бы Освальд играл роль осведомителя ФБР. Но честные осведомители не забираются с винтовкой на шестой этаж и не стреляют по представителям власти. Скорее всего Освальд сразу по возвращении из СССР предложил свои

услуги ФБР в целях самозащиты — точно так же, как это сделал Руби перед поездками на Кубу, как это делают десятки гангстеров и иностранных агентов. (Вспомним, что советская шпионка Огородникова на суде тоже пыталась оправдываться тем, что она помогала ФБР.) Ибо укрыться от ФБР и Си-Ай-Эй нелегко, зато, при американской системе судопроизводства, нет лучшей защиты на суде для арестованного преступника, чем заявить: я действовал по приказу и с ведома этих уважаемых правительственных организаций. Сочувствие присяжных обеспечено.

Как бы там ни было, из тюрьмы Освальда выкупило не ФБР, а богатый новоорлеанский бизнесмен, друг его дяди — Чарльза Мюррета. В доме этого дяди (мужа его тетки — Лилиан) Освальд с Мариной бывали часто летом 1963 года. Дядя принимал в Освальде участие, одалживал ему деньги, давал советы, навещал. В этой же семье Освальд жил подолгу, когда был подростком. Кто же такой был дядюшка Мюррет, известный в боксерских кругах под кличкой Дюц?

В течение многих, многих лет Мюррет был крупной фигурой подпольного игорного бизнеса в Новом Орлеане. Его ближайшим компаньоном был другой игорный босс, Сэм Сайя, которого полиция арестовывала за всевозможные проделки 22 раза. Но тесные связи с политической машиной Нового Орлеана всегда выручали Сайю. И Мюррет, и Сайя, среди прочих своих операций, пользовались незаконной системой телеграфной связи, которая сообщала результаты скачек в других городах. Связью этой распоряжался босс новоорлеанской мафии Карлос Марселло, которому оба игорных деятеля должны были выплачивать соответствующую мзду.

Подростком Освальд прожил в Новом Орлеане два с половиной года (1954—1956). Район, где его мать снимала квартиру, был заполнен игорными домами, кишел проститутками, сутенерами, гангстерами, подпольными букмеккерами. Впоследствии выяснилось, что мать Освальда была хорошо знакома с полицейским, который одновременно являлся шофером и телохранителем все того же мафиозного главаря, Карлоса Марселло.

Другой подручный Марселло, выполнявший какое-то время функции его пилота и, по слухам, доставивший его обратно в Штаты из Гватемалы, куда знаменитый гангстер был выброшен по приказу Роберта Кеннеди, — Дэвид Ферри — был знаком с Освальдом непосредственно. Еще подростком Освальд посещал Воздушный гражданский патруль, организатором которого был Ферри. Видели их вместе в Новом Орлеане и летом 1963 года. Вообще, Дэвид Ферри так тесно связан с заговором на жизнь президента, что о нем следует рассказать подробно. Вот как характеризует его в своей книге Генри Хёрт:

Крупный мужчина, почти шести футов ростом, Ферри был известен как агрессивный гомосексуалист, которого несколько раз арестовывали за растление несовершеннолетних мальчиков... Его считали специалистом по гипнозу, он изучал философию, религию и психологию. Три тысячи книг стояли на полках его личной библиотеки. Он занимался проповедничеством и называл себя "епископом" религиозной секты — Старой ортодоксальной католической церкви Северной Америки... Он был горячим анти-коммунистом и имел тесные связи с антикастровскими эмигрантами в Новом Орлеане... До сентября 1963 года Ферри работал пилотом в компании Истерн Эйрлайн. Оттуда его уволили в связи со скандалом, разгоревшимся после того, как его арестовали (в очередной раз) за растление... В день убийства президента он находился в помещении федерального суда в Новом Орлеане вместе с Карлосом Марселло, адвокат которого нанял его в качестве частного детектива.

43

Вечером того же дня Ферри, вместе с двумя знакомыми юнцами, садится в машину, кидает туда же несколько ружей и сквозь шторм мчится в направлении Далласа — как он объяснил позднее, то ли поохотиться, то ли выпить. Ночью, покрыв 360 миль, путешественники прибыли в мотель в Хьюстоне, откуда 4 раза звонили в Новый Орлеан. Из этих звонков один — в штаб-квартиру Марселло. На следующий день все трое являются на каток. (Вот, оказывается, зачем они ехали в такую даль). Но коньки Ферри так и не надел, а проторчал несколько часов у телефона-автомата, пока не дождался звонка. Вечером в субботу компания прибывает в Гальвестон. По "странному" совпадению, тем же вечером (23 ноября, суббота) в Гальвестон упорно пытается дозвониться из Далласа никто иной как Джек Руби. В Новый Орлеан Ферри возвращается только на следующий день, то есть когда стало известно, что Освальд уничтожен. По возвращении Ферри, никогда не скрывавший своей ненависти к президенту Кеннеди, был арестован и допрошен сначала полицией, потом — ФБР, но отпущен за недостатком улик.

24

Казалось бы, вся эта история кончилась для Ферри благополучно. Вскоре он смог внести на свой счет в банке 7000 долларов, хотя постоянной работы у него по-прежнему не было. Благодарный Марселло сделал его владельцем заправочной станции.

25

Однако благополучие длилось недолго. В 1967 году новоорлеанский прокурор, Джим Гаррисон, объявил, что он раскрыл тайну заговора на жизнь президента и вскоре начнет аресты и допросы участников. Давид Ферри, чье имя было в списке подозреваемых, воззвал к журналистам, заявляя о своей невиновности. В ночь на 22 февраля 1967 года журналист из "Вашингтон пост" провел несколько часов в квартире

Ферри, "которого он нашел в хорошем расположении духа, красноречивым, оживленным". На следующий день голый труп пилота-гипнотизера был обнаружен там же. Он оставил две записки: прощание с недостойным любовником и прощание с неблагодарным миром, не оценившим его по заслугам. Врач, проводивший вскрытие, тем не менее, заявил, что смерть наступила от кровоизлияния в мозг, и исключил убийство или самоубийство. Среди прочих предметов в квартире было обнаружено три американских незаполненных паспорта, множество ружей и боеприпасов, а также 100-фунтовая бомба. Друг и соратник Ферри, бывший кубинский чиновник Эладио дел Валле, был убит в тот же день в Майами (штат Флорида), причем на теле были обнаружены следы пыток.

Можно согласиться с Робертом Блэйки, когда он пишет, что

Ферри, как и Мюррет, мог быть тем источником, из которого заправила синдиката узнали о существовании Освальда, о его политических верованиях, о готовности действовать очертя голову.

Но, скорее всего, участие его в заговоре не ограничивалось ролью передатчика информации. Его внезапный отъезд из Нового Орлеана в направлении Далласа ночью того дня, когда был убит президент, да еще с несколькими ружьями в машине, может иметь лишь одно логическое истолкование: он был послан заговорщиками исправить ошибку Джека Руби, уничтожить Освальда, а заодно, может быть, и самого владельца "Карусели". Лишь клятвенные заверения Руби по телефону в том, что он закончит начатое самостоятельно, что у него есть доступ в полицейское управление, где содержится Освальд, что приезд Ферри может лишь помешать операции, задержали "карательную экспедицию" в Гальвестоне в субботу 23 ноября. И только получив известие о гибели Освальда от руки Руби, Ферри поворачивает на следующий день назад, в сторону Нового Орлеана.

Когда три года спустя прокурор Нового Орлеана, Джим Гаррисон, начал свое "расследование" убийства президента, оставались в живых лишь два человека, которые могли бы выдать новоорлеанские корни заговора: Руби и Ферри. Оба умирают накануне расследования, в начале 1967 года, "от естественных причин" — Руби от рака, Ферри от кровоизлияния в мозг. Прокурор Гаррисон ищет убийц где угодно, но только не среди гангстеров. С людьми этой профессии он вообще обращается очень деликатно. За период с 1965 по 1969 он закрыл 84 уголовных дела, возбужденных против подручных Марселло, и только в двух случаях добился осуждения. Имя Карлоса Марселло не упоминается ни в документах расследования, ни в книге, которую прокурор выпустил впоследствии, когда его "расследование" с позором провалилось.

Интересные детали находим мы в рассказе новоорлеанского адвоката Эндрьюса. Освальд явился в его контору в сопровождении какого-то латиноамериканца (по виду — мексиканца) в начале лета 1963 года и стал расспрашивать, каким образом можно изменить формулу его увольнения из армии на более почетную и что нужно сделать, чтобы его русская жена получила американское гражданство. Адвокат дал ему необходимые разъяснения. Несколько дней спустя он увидел Освальда на улице, раздающим листовки прокастровского комитета. Именно он и спросил Освальда, зачем он занимается столь странным делом, и получил ответ, что это "платная работа" (см. выше, стр. 217). Адвокат напомнил ему, что он еще не заплатил причитающийся за консультацию гонорар в 25 долларов. Освальд обещал зайти в контору и заплатить.

30

Потом показания Эндрьюса повернули в неожиданную сторону. Он заявил, что очень хотел бы найти того, негодяя, который убил президента Кеннеди. Ведший допрос следователь Либеллер изумился:

ЛИБЕЛЕР: Следует ли понимать ваше заявление как выражение сомнения в том, что Освальд убил президента?

ЭНДРЬЮС: Я точно знаю, что он не мог этого сделать. Из такого ружья невозможно произвести три прицельных выстрела за такой короткий промежуток времени.

31

Выяснилось, что в течение пяти лет службы в морской пехоте мистер Эндрьюс постоянно упражнялся на стрельбище и делал 100 попаданий из 100 выстрелов. Но он пришел к заключению, что даже у отличных стрелков после двухнедельного перерыва показатели ухудшаются катастрофически. Сам он мог выбить лишь 60 из 100, если в упражнениях происходил перерыв. Практика должна была быть такой же постоянной, как у музыкантов, — иначе рука и глаз утрачивали необходимую сноровку.

32

В 1981 году некто Роберт Эстерлинг, закоренелый преступник и алкоголик, обратился к писателю-документалисту Генри Хёрту с просьбой выслушать его признания о роли, сыгранной им в заговоре на жизнь президента Кеннеди. Заинтригованный Хёрт согласился и в течение восемнадцати месяцев многократно встречался с Эстерлингом, записывал его показания, а затем пытался проверять их, сверяясь с документами и рассказами других участников. Память Эстерлинга к тому времени была сильно затуманена регулярными запоями и психическими заболеваниями. Тем не менее рассказ его содержит массу интересных деталей, которые с поразительной точностью совпадают с известными событиями и фактами.

33

Вот вкратце его история.

В феврале 1963 года Эстерлинг зашел в Гавана-бар в Новом Орлеане и встретил там знакомого кубинца, Мануэля Риверу (имя вымышленное), которого он не видел в течение двух лет. В свое время знакомство их сводилось к тому, что Эстерлинг заказывал иногда у Риверы проститутку, которую тот присылал ему в мотель, или делал через него ставки в подпольных игорных заведениях. Сейчас Мануэль только что прилетел с Кубы, откуда переправил груз рома и сигар. Пилот, доставивший его на "остров свободы" и обратно, стоял тут же: безволосый, безбровый человек лет сорока. Звали его Дэвид Ферри.

Вскоре Ферри ушел, и Эстерлинг получил возможность поговорить с Мануэлем. Выяснилось, что два года его жизни были заполнены невероятными приключениями. Хотя Гавана-бар был местом встречи ярых антикастровцев, Эстерлингу стало ясно, что Мануэль ведет двойное существование. Он хвастался, например, что предупредил Кастро о готовившемся покушении на его жизнь и о вторжении в Заливе свиней. Сам он замешался в высадившуюся бригаду антикастровцев, был "захвачен в плен", а затем отправлен в Москву для обучения шпионажу и диверсиям (то есть проходил обучение в те же годы, что и Освальд).

Теперь Ривера был вовлечен в новую затею — убить президента Кеннеди. Он показал Эстерлингу автоматическое ружье калибра 7 мм, изготовленное под его наблюдением в Чехословакии. Это ружье имело справа специальный ящик-ловушку, в который попадали вылетающие гильзы. В машине Риверы было и другое ружье — итальянский карабин манлихер-каркано.

На следующий день, по просьбе Риверы, Эстерлинг привез его на пустырь за трейлером, в котором он жил на окраине Нового Орлеана. Они подошли к крытому грузовику к бочонку с водой. Ривера забрался в кузов и несколько раз выстрелил сверху в воду из итальянского карабина. Потом собрал стреляные гильзы в кузове и выудил пули со дна бочонка. Вскоре к их импровизированному стрельбищу подъехала еще одна машина, из которой вышел Дэвид Ферри, кубинец по имени Джо и неизвестный белый. Под их наблюдением Ривера продемонстрировал качество чешского ружья: за пять секунд поразил три кокосовых ореха на расстоянии 250 футов. Примечательно, что бывшая жена Эстерлинга и двадцать лет спустя припомнила эпизод, когда ее муж после упражнений в стрельбе принес домой три простреленных ореха, из которых она сделала пирог. За свои услуги Эстерлинг получил 500 долларов.

Неделю спустя несколько вооруженных кубинцев подъехали к трейлеру Эстерлинга и собирались расправиться с ним, но подоспевший Ривера отговорил их, заверил, что Эстерлинг — "член команды". Этот эпизод бывшая жена тоже запомнила очень хорошо, потому что ей с детьми пришлось лежать на полу при выключенном свете.

В другой раз Ривера завязал Эстерлингу глаза и отвез его в "штаб-квартиру", где того сфотографировали и сняли отпечатки пальцев на карточки, на которых текст был напечатан по-испански. За будущие услуги ему выдали аванс 750 долларов. Тогда же ему показали большой деревянный ящик с фальшивым дном, в котором чешское ружье могло быть надежно спрятано. Ривера объяснил ему, что итальянский карабин будет подброшен на месте преступления, так же как гильзы и пули. Пули же чешского ружья имели такие глубокие надрезы, что при ударе о твердую поверхность должны были разлетаться на мелкие кусочки.

Длинный рассказ Эстерлинга содержит и другие яркие эпизоды. По его словам, в июне 1963 года он оказался в кабинете новоорлеанского бизнесмена в тот момент, когда тот передавал 100 тысяч "отстиранных" долларов приехавшему из Далласа Джеку Руби. В сентябре того же года Ривера поручил Эстерлингу вывезти Освальда из Нового Орлеана. Так как за Освальдом была слежка, сообщники Риверы, для отвлечения внимания полиции устроили неподалеку пожар. Эстерлинг благополучно доставил Освальда и Риверу в Хьюстон, где ему было уплачено полторы тысячи долларов и дано следующее задание: ждать Освальда в таком-то мотеле в Мексике, чтобы отвезти его в Форт Ворт в Техасе. Освальд не явился в назначенное время, и Эстерлинг вскоре вернулся в США.

35

К тому моменту он уже понимал, как опасно для него участие в этом заговоре, но жажда легких денег заставила его снова позвонить Ривере в ноябре 1963 года и дать свой адрес и телефон. Немедленно объявилось несколько кубинцев, которые пригрозили ему смертью за любую попытку ускользнуть или уклониться от выполнения приказов. 19 ноября, когда Эстерлинг позвонил очередной раз Ривере в Новый Орлеан, трубку взял Ферри. Он же дал Эстерлингу новое задание: быть в 10.30 утра, 22 ноября в Далласе, на автобусном вокзале, подобрать там Освальда и увезти его в Мехико-сити. Ривера встретит их там и отдаст новые распоряжения.

36

Но здесь Эстерлинг дрогнул. Он уже знал, что Освальда собирались уничтожить после того, как он сыграет свою роль. Что могло помешать заговорщикам убрать для верности и самого Эстерлинга? Ровным счетом ничего.

Эстерлинг не явился на автобусный вокзал в Далласе и в течение нескольких лет переезжал с места на место, пробавляясь то случайными работами, то ограблениями, то отбывая срок в тюрьме. Лишь 10 лет спустя, в 1974 году, в Гондурасе, к нему подошел в баре молодой кубинец и сказал, что знает его. Каким образом? Да потому что о нем ему рассказывал его старший брат, Мануэль Ривера. Портреты всех участников покушения, рассказывал младший брат, висят в бункере у Рауля Кастро. Там же висит и портрет Эстерлинга. Причем над многими

фотографиями — Освальда, Руби, Ферри и прочих погибших — нарисованы кресты, а над Эстерлингом — вопросительный знак. Там же висит на видном месте и чешское ружье с прикрепленной к нему табличкой красного дерева, на которой выгравировано "Кеннеди, 1963".

На следующее утро Эстерлинг бежал из гостиницы, и с тех пор жизнь его шла между запоями и приступами безумия. В этом состоянии он и обратился к Генри Хёрту.

Конечно, смешно было бы и думать использовать такого человека как Эстерлинг в качестве свидетеля на суде. Любой адвокат легко поймает его на противоречиях, выставит перед присяжными в самом нелепом виде. Однако непредвзятый анализ его рассказа заставляет отнестись к нему с полной серьезностью. Сам характер ошибок и противоречий в истории Эстерлинга показывает, что он не готовил свою версию специально для журналиста, что он, скорее всего, даже не прочел Отчет комиссии Уоррена. (Кстати, он не просил и денег за свой рассказ.) Ибо в противном случае он легко мог бы убрать несоответствия в датах и деталях, сделать историю гораздо более гладкой. Нет — он рассказывает то, что помнит, поэтому некоторые детали его рассказа поражают совпадением с малоизвестными документальными данными, которых он точно знать не мог. Рассмотрим некоторые из этих совпадений.

Например, он рассказывал, что видел, как Руби получал чемодан с деньгами от богатого новоорлеанского бизнесмена в июне 1963 года. Сам Руби категорически отрицал поездку в Новый Орлеан в июне. Но, во-первых, есть свидетельские показания, подтверждающие этот визит. А во-вторых, в списке телефонных звонков из квартиры Руби в Далласе есть почти недельный перерыв, приходящийся как раз на июнь.

37

Эстерлинг говорит, что доставил Освальда из Нового Орлеана в Хьюстон и оставил его там в компании двух кубинцев. Сутки спустя (вечером 25 сентября) Освальд появляется в доме Сильвии Одио в сопровождении двух кубинцев.

Но самое поразительное — дата увоза Освальда из Нового Орлеана. Эстерлинг не помнит ее точно — где-то в сентябре. Но зато он точно помнит, что сообщники Мануэля Риверы устроили неподалеку пожар, чтобы отвлечь внимание полиции. Он помнит даже, что ему пришлось переезжать через пожарные шланги, протянутые по земле, и что неподалеку была церковь. Исследователям, помогавшим Генри Хёрту, удалось найти журналы пожарного депо, в которых имеется запись о пожаре, происшедшем в том районе, где жил Освальд, неподалеку от церкви. В журнале отмечено, что проводится специальное расследование этого пожара, потому что причины его показались подозрительными. Из 119 пожаров за сентябрь только 3 отмечены как подозрительные.

38

Дата этого пожара — 24 сентября. Известно, что 23-го Руфь Пэйн увезла Марину обратно в Ирвинг, оставив Освальда в Новом Орлеане. 25-го днем он появился в столице Техаса, в городе Остин, в бюро регистрации военнослужащих. В ночь с 25-го на 26-е он садится в Хьюстоне в автобус, идущий в Мексику. 24 сентября — единственный день, когда его никто не видел, единственный день, когда он мог выехать из Нового Орлеана.

Эстерлингу было бы очень легко заявить, что пристрелка итальянского карабина имела место в апреле, то есть в то время, когда Освальд уже получил по почте манлихер-каркано и когда он прибыл в Новый Орлеан. Но он настаивает на том, что это было в феврале, оставляя нам решать это противоречие своими силами. Мы знаем, что специалисты по баллистической экспертизе, чтобы получить отметки "освальдова" ружья на пуле, стреляли в тюк с шерстью. Возможно, выстрел в воду не давал такого же четкого образца, и заговорщики должны были провести впоследствии другую пристрелку, уже с ружьем Освальда. Возможно, Эстерлинг присутствовал при "отработке методики эксперимента" на другом ружье и просто стал называть его впоследствии "манлихер-каркано", потому что знал уже, что все эти манипуляции были связаны с Освальдом. Но рассказ его об "эксперименте" насыщен такими убедительными деталями, что не приходится сомневаться в его подлинности. (Бывшая жена его даже вспомнила, что он в тот день потребовал у нее кухонные полотенца и она дала их очень неохотно, потому что только что купила их; полотенца же, как припомнил Эстерлинг, нужны были им, потому что сначала они хотели натянуть в бочонке какую-то ткань, чтобы вылавливать пули, но из этой затеи ничего не вышло — пришлось потом опорожнить весь бочонек.)

Есть элементы рассказа, в которые трудно поверить. Например в то, что Мануэль Ривера с первой же встречи в Гавана-бар посвятил Эстерлинга в планы убийства президента Кеннеди. Или, что богатый бизнесмен сознался ему, что передача 100 тысяч долларов Джеку Руби — тоже часть заговора на жизнь президента. Но ясно, что здесь проявляется элементарная неискренность рассказывающего, который не отдает себе отчета в том, насколько важна не только информация сама по себе, но и источники и время ее получения. Скорее всего, о заговоре он узнал не сразу, складывал картину по частям, но потом в памяти оставил для простоты (и немного для хвастовства): "они мне сами сказали".

Часто Эстерлинг просто пересказывает слухи, циркулировавшие в его среде. В цивилизованном обществе люди избалованы тем, что правдивые новости подаются им в солидной газете каждое утро вместе с кофе, и к слухам относятся презрительно. Но там, где власть закона сильно оттеснена властью пистолета, слухи играют совсем другую роль. Чтобы выжить, вы должны точно знать, кто убивает и за что. Никакие

газеты, никакие представители власти такой информации дать вам не могут. Карабинеры, отправляющиеся на расследование очередного убийства в каком-нибудь сицилийском городке, заранее знают, что ничего не найдут и что из окон на них будут смотреть неподвижные лица обывателей, каждый из которых, включая детей и стариков, точно знает, кто из членов мафии спустил курок в этот раз, но никогда не станет свидетельствовать на суде, не расскажет полиции. Только шопотом, от соседа к соседу, от собутыльника к собутыльнику перетекают вести, решающие вашу жизнь и смерть. Передача ложных слухов в таких обстоятельствах выглядит в глазах простых людей очень серьезным проступком, почти преступлением. Под властью пистолета правда уходит в слухи, а на поверхности остается либо пустота, либо откровенный обман, которым адвокаты и журналисты могут манипулировать, как им вздумается.

Рассказ Эстерлинга неожиданно проливает новый свет на две загадки, до сих пор не имевшие удовлетворительного объяснения: на историю таксиста Вэлли и на растерянность полицейских-заговорщиков, упустивших Освальда 22 ноября 1963 года.

Показания таксиста Вэлли описаны на странице 91. Путаница, ошибки, противоречия, готовность, с которой этот таксер менял свои показания под давлением допрашивавших, тот факт, что он не смог опознать Освальда в полиции, — все говорит о том, что Освальд не был его пассажиром днем 22 ноября. Встает вопрос: ошибался таксист Вэлли или лгал намеренно? И если лгал, то зачем?

При обдумывании этой проблемы мы не должны забывать, что Вэлли оказался среди тех свидетелей, которых внезапно постигла насильственная смерть: в декабре 1965 года он был убит при столкновении с другим автомобилем. Этот кровавый знак соединяется теперь с другим важным знаком, возникающим из рассказа Эстерлинга: таксист уверял, что Освальд сел в его автомобиль около автобусного вокзала Грейхаунд — в том самом месте, где беглеца должен был добрать Эстерлинг.

Попробуем поставить себя опять на место заговорщиков в тот момент, когда они увидели, что Эстерлинг не выполнил приказ и не явился к вокзалу в 10.30? Что им оставалось делать? Нужно было срочно искать замену, искать кого-то, кто доставит Освальда к месту засады у Боу-Тексако. Вполне возможно, что несчастный Вэлли понятия не имел о заговоре и просто был случайным знакомым одного из заговорщиков, который попросил его за хорошую мзду подобрать пассажира в 12.30 около вокзала Грей-хаунд. Когда Освальд не явился и засада на него провалилась, Вэлли неожиданно превратился в важного свидетеля, который мог дать невинное объяснение перемещений Освальда после стрельбы на Дэйли-плаза. Угрозами и деньгами его следовало понудить выступить с показаниями. Что и было сделано.

Впервые Вэлли заявил о том, что вез предполагаемого убийцу президента утром 23 ноября. К этому моменту заговорщики еще не знали, что Освальд заезжал домой в час дня. Поэтому Вэлли и утверждал поначалу, что рейс имел место между 12.30 и 12.45 и что он закончился у перекрестка улиц Нейли и Норт-Бэкли, находящемся почти в два раза ближе к месту убийства Типпитта (там-то Освальд точно был), чем к дому беглеца. Также плохо был он осведомлен и о других необходимых деталях: не знал внешности Освальда, не знал, какая из показанных ему курток должна была быть надета на его пассажира и кончил тем, что стал говорить, будто надеты были обе, хотя Комиссия потом утверждала, что Освальд в этот момент вообще был без куртки. И хотя Вэлли подыгрывал следствию как мог и не выступал ни с какими опасными заявлениями, он все же должен был знать (хотя бы в лицо) тех или того, кто попросил его сыграть требуемую роль. Рано или поздно он мог указать на них. И это стоило ему жизни.

Эта версия помогает объяснить и оплошность тех двух полицейских, которые подъехали к дому Освальда в час дня и посигналили, и растерянность Типпитта, который кружил в своем автомобиле по улицам, а затем увидел Освальда не в той машине, не с тем спутником, не в то время — и замешкался, извлекая пистолетт.

На роль шофера Освальда готовили Эстерлинга. И вряд ли этим двоим дали бы уехать в Мехико-сити. Скорее всего Эстерлинг должен был быть убит вместе с Освальдом в засаде около Боу-Тексако. Тут бы и могли пойти в ход те его фотографии и отпечатки пальцев, которые делались в "штаб-квартире" заговорщиков в Новом Орлеане. Сам Эстерлинг никак не истолковывает этот эпизод: ему заплатили — он и согласился. Но мы теперь знаем, что кубинская контрразведка часто фальсифицирует документы (см. ниже, стр. 266), выставляя неугодных ей людей агентами полиции свергнутого диктатора Батисты. Вполне возможно, что эти "документы" были бы предоставлены американскому правительству, чтобы окончательно повязать Освальда с антикастровскими силами.

У меня нет сомнения, что в основных моментах рассказ Эстерлинга правдив и проливает свет на многие, до сих пор затемненные детали заговора. Да, этот человек не умеет проводить грань между тем, что он видел своими глазами, и тем, что узнал понаслышке. Но важнейший вывод из его признаний (напомним, что это именно признания, грозящие ему длинным тюремным сроком и не сулящие никакой выгоды) может быть только один: и участник заговора Эстерлинг, и народная молва, передатчиком которой он оказывался в своих домыслах, говорят об одном — о том, что заговором руководили кубинские агенты.

Это они заранее отвели Освальду роль козла отпущения.

Они заготовили гильзы и пули, вылетевшие из итальянского карабина,

- чтобы потом подбросить их на месте преступления, они заготавливали фотографии и отпечатки пальцев Эстерлинга, чтобы потом придать ему любую нужную им личину (скорее всего — антикастровца) и связать с Освальдом.

Они доставили в Америку чешское ружье с коробкой, улавливающей вылетающие гильзы. (Поэтому-то за оградой на Грасси-нол и были обнаружены только следы и окурки, оставленные убийцами, но ни одной гильзы.)

Они помогли Освальду добраться до кубинского посольства в Мехико-сити, где он получил последние инструкции и заверения в том, что его услуги будут вознаграждены.

И это они, накануне поездки в Мексику, привезли Освальда вечером 25 сентября 1963 года в дом Сильвии Одио в Далласе.

Вернемся еще раз к этому эпизоду, описанному вкратце выше на страницах 145 и 149. Напомним: в показаниях Сильвии Одио нет никаких противоречий, они полностью подтверждены ее сестрой Энни, тоже видевшей визитеров в тот вечер. Синьора Одио рассказала о странных посетителях своему врачу, написала отцу (в те времена узникам кастровских тюрем разрешалось одно письмо в месяц). В своих показаниях Комиссии Уоррена она отметила, что кубинцы выглядели людьми из низшего сословия — грязновато одеты, немыты, говор простонародный. В какой-то момент она подумала, что они — мексиканцы. Ее удивило, что у ее образованного отца могли быть такие друзья. Но они продемонстрировали такое знание мелких обстоятельств, относящихся к его жизни, что она решила их выслушать. ⁴⁴

Кубинец, назвавший себя "Леопольдо", сказал, что они принадлежат к J.U.R.E. — той же самой антикастровской организации, что и Сильвия Одио. Что они просят ее перевести на английский письмо, адресованное к разным фирмам, с призывом жертвовать средства на борьбу против Кастро. Она спросила, кто их прислал. Антонио Алентадо? Нет, они не знали такого. Юджинию? Нет, не знали и этого. Рэй? Нет. Ни один из лидеров группы не был им известен. ⁴⁵

"Леопольдо" сказал, что они только что прибыли из Нового Орлеана и что должны немедленно ехать дальше. Но они очень хотели представить ей вот этого американца, Леона Освальда — бывшего морского пехотинца, всей душой сочувствующего их делу. Американец подтвердил — да, он рад бы помочь кубинским эмигрантам. Он был неразговорчив, вел себя тактично. Впоследствии ни у Сильвии Одио, ни у ее сестры не было никаких сомнений в том, что это был тот самый человек, которого два месяца спустя показали на экранах как убийцу президента. ⁴⁶

Примечательно, что в присутствии Освальда Леопольдо не стал вдаваться в подробности. Лишь в телефонном разговоре на следующий

день он рассказал Сильвии Одио (попутно заигрывая с ней и осыпая комплиментами), что Освальд — отличный стрелок, что он отчаянный, что он называет кубинских эмигрантов трусами, у которых кишка тонка: они, мол, должны были убить президента Кеннеди после провала вторжения в Заливе свиней, отомстить за то, что он не поддержал их с моря и с воздуха. Как она думает: не следует ли переправить Освальда на Кубу, связать его там с подпольем, чтобы они его использовали для уничтожения Кастро? Или, может быть, лучше вообще держаться подальше от такого маньяка?

47

Анализируя этот эпизод спокойно, почти четверть века спустя, мы ясно видим, что кубинские визитеры были самозванцами и никакого отношения к антикастровской эмиграции не имели. Что всю информацию об отце Сильвии Одио они получили от его тюремщиков. Что визит был хорошо продуман "сценаристом" заговора и имел ясную цель: заготовить объяснение мотивов будущего "убийцы президента" и задать его политическую ориентацию — враг коммунистической Кубы. Это давало и объяснение его визита в кубинское посольство в Мехико-сити: попытка получить визу и пробраться на Кубу для осуществления злодейских умыслов против кубинской революции или для того, чтобы бросить тень на нее, совершив потом страшное убийство. А вся прокубинская деятельность Освальда в течение 1963 года? О, это был лишь камуфляж, направленный на завоевание доверия. (Отметим мимоходом: с конца августа вся прокубинская активность Освальда прекращается — ему объяснили, что он нужен в другом качестве.)

Но все это кажется очевидным лишь сейчас, из нашего далека. Можно быть уверенным, что если бы нити заговора, ведущие в сторону Гаваны, вскрылись бы уже в 1963—64 годах, показания Сильвии Одио оказались бы главным аргументом в руках защитников невинности Кастро, главным доказательством связей Освальда с антикастровскими силами. (Многие авторы и сейчас истолковывают этот эпизод именно в таком плане.) Не будем забывать, что отец и мать Сильвии Одио находились в кастровской тюрьме, и при помощи такого рычага показания несчастной женщины могли быть очень сильно подправлены в нужную сторону.

Нет сомнения, что "сценарист" заговора был профессионалом высокого класса. Но сама направленность разработанного им сюжета должна помочь нам разобраться в том, кто заказывал сценарий, кто оплачивал постановку.

Часть четвертая

СЛЕДСТВИЕ ПО ДЕЛУ
ОБ УБИЙСТВЕ

Был заговор или не было?

Вокруг этого вопроса кипели основные баталии в течение последних десятилетий, продолжают они и в наши дни. Однако и среди тех, кто верил в существование заговора на жизнь президента, не было единства. Кто стоял за спиной убийц? Десятки теорий были предложены на этот счет. Вот перечень наиболее часто упоминаемых подозреваемых:

1. Мафия.
2. Линдон Джонсон и Секретная служба.
3. Эдгар Гувер и ФБР.
4. Правые экстремисты в союзе с богатыми нефтепромышленниками.
5. Кубинские эмигранты-антикастровцы в союзе с Си-Ай-Эй.
6. Военно-промышленный комплекс.
7. Никита Хрущев.
8. Фидель Кастро.

Понятно, что из этого списка любой неподготовленный читатель поспешит выбрать подозреваемого по принципу "кого больше всех не люблю". Под напором эмоций имеющаяся информация будет исподволь сортироваться и подстраиваться под заранее "найденный вывод". Попытаемся все же провести обзор подозреваемых заговорщиков настолько объективно, насколько это возможно.

Вся первая часть этой книги посвящена, по сути, доказательству участия мафии в убийстве президента. Но там же, в последней, двенадцатой, главе перечислены факторы, указывающие на то, что синдикат не мог пойти на убийство по собственной инициативе. Сейчас мы можем добавить к этому перечню и еще один немаловажный факт: хотя Освальд вполне устраивал мафию как козел отпущения, у нее не было никакой возможности манипулировать им так успешно, как это было проделано реальными заговорщиками. Что бы мы о нем ни думали, вся его короткая жизнь показывает, что он был человеком идейным (в терминологии синдиката — "психом") и мог сыграть свою роль в заговоре только в том случае, если бы ему сказали, что это нужно для победы над мировым империализмом. За приказами и инструкциями он ездил в кубинское и советское посольства в Мехико-сити, а не к Карлосу Марселло или Сантосу Трафиканте.

Тем, кто хотел бы верить, что мафия была не только исполнителем, но и инициатором убийства, я могу порекомендовать книгу Роберта

Энсона "Они убили президента" (см. библиографию) и особенно книгу Дэвида Скейма "Контракт на Америку" — лучший труд, написанный на эту тему и в этом ключе. (Обе книги — на английском.) Мы же перейдем сразу к номеру второму в списке подозреваемых.

Линдон Джонсон и Секретная служба

Убийство в борьбе за трон — один из самых распространенных сюжетов мировой истории. Популярность Кеннеди была так велика, что не было сомнений: демократическая партия выдвинет его кандидатуру и в 1964 году. Это означало, что у стареющего Линдона Джонсона почти не оставалось шансов попасть в президентское кресло обычным порядком. Так что — чисто теоретически — мотивы для убийства у него были.

Нет также сомнения в том, что он играл активнейшую роль в сокрытии правды об убийстве. Настойчивость, с которой он уговаривал Верховного судью Уоррена возглавить Комиссию, а затем подгонял и заставлял выпустить Отчет до выборов 1964 года, показывает, как сильно он был заинтересован в том, чтобы расследование объявило Освальда убийцей-одиночкой. Капитан далласской полиции Фриц рассказал друзьям в 1975 году, что вечером 23 ноября 1963 года никто иной как президент Джонсон позвонил ему и сказал, что раз виновный пойман, нет смысла искать дальше.

Нет никаких сведений о том, что Джонсон наказал кого-нибудь из агентов или руководителей Секретной службы. А ведь их поведение во время стрельбы на Дэйли-плаза было образцом преступной халатности.

Начать с того, что маршрут проезда президента через Даллас разрабатывался при непосредственном участии агентов-телохранителей. Это значит, что опасный поворот с Хьюстон-стрит на Эльм-стрит, при котором движение президентского автомобиля замедлялось почти до полной остановки, тоже был санкционирован Секретной службой. Она же допустила опасное нарушение правил безопасности: президент и вице-президент следовали в одной колонне, в непосредственной близости друг от друга. Если бы они были убиты одновременно, американская армия на несколько часов осталась бы без главнокомандующего, и нападение, совершенное в такой момент, не получило бы должного отпора.

Известно также, что в ночь с 21 на 22 ноября агенты Секретной службы шатались по увеселительным заведениям Далласа и многие легли спать не раньше трех ночи. Наконец, только со слов руководителей Секретной службы мы можем заключить, что человек за деревянной оградой на Дэйли-плаза, увиденный полицейским Джо Смитом и солда-

том Гордоном Арнольдом, показал им *фальшивое* удостоверение агента. А что если оно было настоящим?

На фильме Запрудера ясно видно, как после первого выстрела встревоженный губернатор Коннэлли начинает оглядываться на президента; агент же Секретной службы, Рой Келлерман, продолжает сидеть неподвижно и смотрит прямо перед собой. После второго выстрела в президентском лимузине полное смятение — жены обоих раненых пытаются помочь своим мужьям, но оба агента не показывают признаков тревоги. Водитель же, агент Уильям Грир, сбрасывает скорость чуть не до пяти миль в час. (Надо учесть, что мотор президентского лимузина снабжен специальным форсирующим устройством, которое позволяет увеличивать скорость скачком.)⁴

Сенатор Ярборо, ехавший в одном автомобиле с вице-президентом Джонсоном, рассказывает, что телохранитель того попытался прикрыть пригнувшегося президента уже после первого выстрела. После третьего выстрела телохранитель Жаклин Кеннеди, Клинт Хилл, успел выскочить из автомобиля, следовавшего за президентским, добежать до него и вспрыгнуть на багажник. Только после этого водитель Грир нажал на акселератор. Келлерман же так и не оторвал зада от сиденья.⁶

По законам Техаса, тело убитого президента нельзя было забирать из больницы до тех пор, пока не будет проведено вскрытие. Агенты Секретной службы, во главе все с тем же Келлерманом, забрали тело чуть ли не силой, не обращая внимания на протесты местных чиновников.⁷

Рой Келлерман сказал:

— Друг мой, это тело президента Соединенных Штатов, и мы забираем его с собой в Вашингтон.

— Нет, у нас так не делается, — ответил Эрл Роуз, местный прозектор, и покачал пальцем. — Когда случается убийство, мы должны произвести вскрытие.

— Это президент. Мы забираем его.

— Тело остается, — отрезал Роуз. — ...Существует закон. И мы его исполним.

Спор дошел до того, что упрямого прозектора уже собирались скрутить силой. Наконец, гроб с телом президента был погружен в похоронный автомобиль и отведен в аэропорт.⁸

Как уже было рассказано выше (см. стр. 173—176), вскрытие было поручено военным хирургам в военно-морском госпитале в Бефезде. На стр. 174 приводится текст приказа, запрещавшего участникам вскрытия рассказывать кому бы то ни было об увиденном. В 1978 году Комитету Стокса с трудом удалось добиться, чтобы приказ был отменен военным министерством. Рядовые свидетели вскрытия начали

давать показания, и картина происходившего предстала еще более запутанной.

Младший офицер Деннис Дэвид 22 ноября 1963 года был дежурным по медицинской школе. Он рассказал исследователю Лифтону, что тело президента было доставлено к заднему подъезду госпиталя примерно в 6.45, в простом транспортировочном гробу, в сопровождении шести или семи человек в штатском, которые приехали в обычном похоронном автомобиле черного цвета. Этот гроб встречали доктор Босвелл, доктор Хьюмс и другие военные чины. Тот же шикарный гроб, который прибыл к главному входу в сопровождении Роберта и Жаклин Кеннеди, был пуст. Когда кто-то из присутствующих спросил, зачем такие сложности с двумя гробами, сопровождавший агент ответил: "Чтобы держать события под контролем... Знаете, вдруг кто-то задумает похитить тело..."⁹

Лаборант Поль О'Коннор рассказал, что в прозекторскую тело президента было внесено в 8.00. Оно находилось в резиновом мешке, положенном в простой серый гроб. (Из Далласа тело было отправлено завернутым в простыни и в роскошном гробу весом в 400 фунтов, за который правительству Соединенных Штатов был предъявлен счет на 4000 долларов.) Обычно в обязанности О'Коннора входило извлечение мозга. Но в этот раз извлекать было нечего — череп оказался пуст. Огромная дыра размером примерно 4 на 8 дюймов зияла в правой передней части. Никакого отверстия, оставленного пулей в затылке, он не заметил. Аудитория-прозекторская была набита высокими чинами. У него сложилось впечатление, что тело было доставлено на вертолете, причем среди присутствующих шли разговоры, что было использовано несколько вертолетов в целях безопасности.¹⁰

Рассказ другого лаборанта, Джеймса Куртиса Дженкинса, в некоторых деталях отличался от рассказа О'Коннора. Например, он утверждал, что видел мозг президента и сам положил его в формальдегид. Но он подтвердил, что тело было доставлено в простом дешевом гробу. Взглянув на раны, он понял, что пуля ударила в голову справа и спереди, но когда прочел в газетах на следующий день, что стреляли сзади, он почувствовал неладное и был очень испуган. Еще он припомнил, что в прозекторской какие-то штатские все время требовали чего-то от докторов и атмосфера была очень напряженной. Он сказал, что, по его мнению, доктор Хьюмс был человеком сугубо военным, в том смысле, что приказ для него был превыше всего и что отчет о вскрытии был написан им по чьей-то указке.¹¹

Остается напомнить, что фотографии и рентгеновские снимки после вскрытия были взяты под расписку все тем же Роем Келлерманом (см. выше, стр. 176) и что впоследствии их прятали в Архивах пять лет, а потом выяснилось, что число хранящихся фотографий не соответствует перечню, включенному в расписку. Мозг же, якобы помещен-

ный в формальдегид, вообще исчез.

Из всего этого потока противоречивых показаний и обзора уцелевших вещественных доказательств пока можно сделать только один вывод: до начала официального вскрытия в 8.00 с телом президента были проделаны какие-то манипуляции. Разница между показаниями врачей Паркландской больницы в Далласе и показаниями персонала, проводившего вскрытие в Бефезде, была так заметна, что Комитет Стокса тоже обратил внимание на эту проблему и пытался решить ее, но отверг версию предварительной обработки тела.

13

Исследователь Дэвид Лифтон, выпустивший 900-страничный труд, над которым он работал 17 лет, доказывает, что предварительная обработка проводилась и что целью ее было скрыть настоящее положение стрелявшего.

Отдавая должное огромной работе, проделанной Лифтоном, признавая важность собранного им материала, я все же не могу принять его главного вывода. Чтобы тайно проделать все необходимые манипуляции с телом президента — похитить его на пути из Далласа в Бефезду из-под носа у всех сопровождавших, хирургически обработать за считанные минуты и затем вернуть на операционный стол для официального вскрытия в 8.00, — понадобился бы целый отряд заговорщиков-невидимок, действия которых были бы синхронны и согласованы, как у танцоров кордебалета, а способность держать язык за зубами до и после преступления выходила бы за рамки реальности американской жизни, в которой пресса платит такие хорошие деньги за сенсационные истории.

Да и зачем было обрекать себя на такие сложности? Если бы заговор, действительно, созрел среди агентов Секретной службы, не проще ли было заговорщикам поместить стрелка-убийцу на крышу ТРУ (если бы его там обнаружили, он сказал бы, что поставлен туда для охраны президента), дать ему винтовку калибра 6,5 и такие же пули, как у Освальда? Траектории пуль были бы неотличимы от траекторий, исходящих из "освальдова" окна. Совершив убийство президента, тот же самый стрелок мог спуститься с крыши, войти на шестой этаж и уничтожить Освальда "на месте преступления". Он был бы представлен героем, его портрет красовался бы в газетах сразу под портретом убитого им президента. И никаких тебе забот с хирургией на глазах у десятков свидетелей.

Нет сомнения, что манипуляции с телом президента имели место. Но, скорее всего, причины и цели их были совсем другими. Думается, разгадка кроется в том, что в процессе вскрытия могли обнаружиться болезни, которыми страдал президент Кеннеди и которые его политическое окружение, его родственники и врачи любой ценой хотели бы скрыть от глаз общественного мнения.

Например, доподлинно установлено, что Джон Кеннеди страдал

воспалением надпочечников, так называемой "бронзовой" или "аддисоновой" болезнью. Комитет Стокса спросил доктора Хьюмса, видел ли он надпочечники и почему описания их нет в отчете о вскрытии. Хьюмс отвечал уклончиво и наконец сформулировал ответ таким образом:

ХЬЮМС: У меня были веские личные причины, а также другие обязательства, которые делали подобное исследование нежелательным.

Здоровье лидера — фактор огромной важности в политической жизни Америки. Во время предварительного выдвижения кандидата в президенты от демократической партии поднимался вопрос о том, что Кеннеди страдает болезнью надпочечников. Среди симптомов, сопровождающих эту болезнь: быстрая утомляемость, раздражительность, депрессии, эмоциональная нестабильность. Американцам было бы страшно иметь президента с такими чертами. Окружение Кеннеди отрицало факт болезни, а значит, было повинно в обмане общественного мнения.

И доктор Хьюмс, и доктор Босвел показали, что семейный врач Кеннеди, адмирал Беркли, оказывал на них давление во время вскрытия, требовал, чтобы те или иные разрезы не делались. Ходили также слухи, что президент подвергся операции спермовых каналов и что его мать, Роз Кеннеди, не хотела обнародования этого факта. Действительно, не очень-то ловко было бы признать, что первый американский президент-католик нарушил строжайшее предписание Ватикана, запрещающее любые формы искусственного предотвращения зачатия. А о каких болезнях мы так и не знаем до сих пор? Что могло быть обнаружено в исчезнувшем мозге? Считалось, что боли в позвоночнике, испытываемые президентом, — результат контузии, полученной на войне. Но так ли это?

Если мы допустим, что манипуляции с телом и документами проводились для сокрытия болезней, никаких недоумений не останется. Ибо в данном случае участникам не было нужды прятаться друг от друга. Президент Джонсон, Жаклин и Роберт Кеннеди, политическая верхушка демократической партии, адмирал Беркли — все должны были быть согласны с необходимостью этой меры. Поэтому соответствующие приказы были без всякого стеснения отданы подчиненным, предварительная обработка тела осуществлена и достигла своей цели: американское общественное мнение ничего не узнало о состоянии здоровья президента накануне убийства. Если же допустить, что подмены и подтасовки делались заговорщиками, мы должны вообразить каких-то инопланетных невидимок, достаточно ловких, чтобы украсть трехсоткилограммовый гроб из-под носа у охраны и родственников

президента, но совершенно бездарных в хирургии, ибо никакого убедительного видоизменения ран они так и не произвели.

Полагаю, что, на основании вышесказанного, с Линдона Джонсона подозрения можно снять, а Секретную службу обвинить в недопустимой халатности, даже в профессиональной непригодности — но не более того.

Эдгар Гувер и ФБР

Один из ближайших помощников Эдгара Гувера, Уильям Салливан, так описывает источник его непомерной власти:

Он находился во главе Бюро так долго, что накопил кучу грязных сведений о людях на высоких постах, все отклонения, не обязательно связанные с сексом, но также о финансовых и политических махинациях... Он был гениален по части рассыпания намеков о том, что вот он знает то-то и то-то... Это давало ему огромную власть.

19

Братьев Кеннеди Гувер ненавидел. Между кабинетом генерального прокурора и кабинетом директора ФБР существовала прямая телефонная связь. Когда Роберт Кеннеди, только что вступивший в должность, первый раз поднял трубку этого телефона, ему ответила секретарша Гувера, сидевшая в приемной. Он сказал ей, что впредь хотел бы, чтобы по этой линии ему отвечал сам мистер Гувер — и только он. Гувер подчинился, но сразу после убийства президента восстановил прежний порядок. Сотрудник, находившийся в его кабинете, рассказывает, как это произошло:

Мистер Гувер не отвечал на звонки /личного телефона генерального прокурора/, поэтому и остальные делали вид, что не слышат. Когда телефон, наконец, умолк, мистер Гувер сказал: "Отнесите эту чертову штуку обратно на стол /секретарши/ мисс Ганди, где ей и место".

20

Вплоть до 1961 года Гувер заверял страну, что организованная преступность — миф. Поэтому война против синдиката, начатая Робертом Кеннеди, была прямым вызовом ему. Имеются сведения, что после выборов 1964 года Джон Кеннеди намеревался отправить 70-летнего директора ФБР на пенсию. Используя свою обычную тактику, Гувер собрал большое досье о любовных похождениях президента. Особенно компрометирующей была связь президента с Джудит Кэмпбелл, которая была какое-то время любовницей чикагского мафиозного босса, Сэма Джанканы. Гувер доложил об этой связи Роберту

21

Кеннеди в феврале 1962 года, а в марте встречался с глазу на глаз с президентом. После этого президент порвал с Джудит Кэмпбелл, а также с Фрэнком Синатрой, контакты которого с мафией были тоже весьма обширны.

22

Нет никакого сомнения, что Гувер приложил все усилия для того, чтобы скрыть правду об убийстве президента. На страницах этой книги приведены десятки эпизодов, когда ФБР искажало вещественные доказательства и свидетельские показания, опровергавшие теорию "убийцы-одиночки". Еще подробнее эти эпизоды описаны в книгах Гарольда Вайсберга, Сильвии Мейер, Пена Джонса, Гари Шоу (см. библиографию).

Накануне убийства президента Гувер прилетал в Даллас и принял участие в вечеринке в доме своего старинного приятеля, миллионера Клинта Мерчинсона. Он вернулся в Вашингтон утром 22 ноября. На той же вечеринке присутствовал и Ричард Никсон

23

После убийства Освальда ФБР увезло Марину в секретное убежище, якобы в целях ее защиты. Там она находилась в течение многих недель и впоследствии жаловалась на давление, оказанное на нее. Если ее ответы не удовлетворяли допрашивавших, ей намекали на возможность депортации в СССР. Показания Марины стали фундаментом, на котором строился предварительный отчет ФБР, а затем — Отчет комиссии Уоррена.

24

ФБР имело многократные контакты с Освальдом в период с июня 1962 (возвращение из СССР) по ноябрь 1963 года. Характер этих контактов подтверждает слух о том, что Освальд числился платным информатором ФБР. В ноябре 1963 года Освальд явился в далласское отделение ФБР и оставил записку с угрозами, адресованную агенту Хости, который два раза приезжал разговаривать с Мариной Освальд в дом Руфи Пэйн в Ирвинге. Хости показал, что записку эту он уничтожил по приказу своего непосредственного начальника, Гордона Шенклина, и не сообщил о ней Комиссии Уоррена. Что было в записке? Хости уверяет, что Освальд лишь требовал, чтобы жену оставили в покое, в противном случае грозил пожаловаться более высокому начальству. Однако, если содержание записки сводилось к этому, стоило ли ее уничтожать?

25

Это был тот самый Хости, который в день убийства президента сказал своему приятелю, полицейскому лейтенанту Ревиллу, что "коммунист убил президента" и что "у ФБР была информация, что он способен на это" (см. выше, стр. 219). Ревилл подал доклад своему начальству об этих признаниях, но шеф далласской полиции, Карри, спрятал доклад по просьбе все того же Шенклина. Лишь шесть месяцев спустя он информировал судью Уоррена о существовании доклада, послав ему заказное письмо.

26

Сообщение о том, что Освальд был платным осведомителем ФБР,

ошеломило членов Комиссии Уоррена (см. об этом выше, стр. 219). Стенограмма экстренного заседания, посвященного этому вопросу и состоявшегося 22 января 1964 года, была рассекречена лишь в 1975 году. Но на этом же заседании Аллен Даллес, бывший директор Си-Ай-Эй, выразил справедливое недоумение:

ДАЛЛЕС: Если это правда, я бы понял, почему они были заинтересованы в том, чтобы избавиться от этого человека, но я не понимаю, какой им интерес настаивать на том, что он — единственный виновный.

29

Действительно, по логике вещей, ФБР должно было быть заинтересовано в том, чтобы отвести подозрения от собственного информатора. Оно же прилагало все усилия, чтобы взвалить вину исключительно на Освальда.

Одно из правдоподобных объяснений: далласское отделение ФБР было так смущено случившимся, что не решилось сразу сообщить своему грозному директору правду об Освальде. Эта информация, видимо, стала доступна Гуверу лишь недели через три, то есть уже после того, как выводы ФБР были переданы Комиссии Уоррена. В этот момент гораздо легче было просто отрицать всякую связь ФБР с Освальдом и уничтожить все следы этой связи.

Как это ни парадоксально, именно подобные нелепости, промахи и противоречия в деле сокрытия правды являются лучшим доказательством того, что ФБР не было замешано в убийстве президента. Ибо эта могущественная организация имела все возможности подготовить абсолютно гладкую версию, при которой не возникла бы нужда в громоздком передергивании фактов. Не говоря уже о том, что уничтожение Освальда сразу после убийства президента тоже не составило бы никакой проблемы для ФБР: Освальд мог быть убит агентом-заговорщиком прямо в здании ТРУ, и никаких мыслей о заговоре ни у кого не возникло бы.

Правые экстремисты в союзе с богатыми нефтепромышленниками

В день приезда Кеннеди в Даллас газета "Даллас Морнинг Ньюс" поместила в качестве платного объявления на целую страницу гневный памфлет против внутренней и внешней политики президента.

МИСТЕР КЕННЕДИ!

Почему вы говорите, что мы выстроили "стену свободы" вокруг Кубы, когда на Кубе сегодня нет свободы? Из-за вашей политики тысячи кубинцев брошены в тюрьмы, голодают, подвергаются преследованиям, и это при том, что тысячи убиты, тысячи ожидают казни, а все население — почти 7 миллионов кубинцев — живет в рабстве.

Почему вы одобрили продажу зерна и кукурузы нашим врагам? Разве вы не знаете, что коммунистические солдаты... каждый день убивают и/или ранят американских солдат в Южном Вьетнаме?

Почему вы разрешаете вашему брату Бобби мягко обращаться с коммунистами и левыми радикалами в Америке, и в то же время преследовать лояльных американцев, которые критикуют вашу политику и вашу администрацию? (И т. д.)

30

Объявление-памфлет было обведено жирной траурной рамкой. Подписал его некий Бернард Вейсман, но деньги на уплату — около полутора тысяч долларов — собрали богатые далласские нефтепромышленники. Кроме того, по Далласу распространяли листовку с портретом Кеннеди — в фас и в профиль, на тюремный манер — с заголовком: "Разыскивается за измену". Эту листовку выпустил деловой партнер и приятель генерала Уокера — главы далласских ультраправых (см. о нем выше, стр. 211). Сам Уокер в день приезда президента повесил американский флаг над своим домом в перевернутом виде, а когда узнал об убийстве, распорядился повесить правильно и поднять на верхушку флагштока.

31

32

Эти выходки были весьма показательны. Для американских ультраконсерваторов Кеннеди был немногим лучше коммуниста. Они не скрывали своего удовлетворения по поводу его гибели. В январе 1963 года Кеннеди предложил Конгрессу провести закон, уменьшающий льготы нефтяным компаниям. Проведение этой меры срезало бы доходы техасских нефтепромышленников примерно на 300 миллионов долларов в год.

33

Выше, в главе 20 (стр. 146), рассказывалось об откровениях лидера правых во Флориде, подслушанных и записанных на пленку ФБР. Хотя план убийства, описанный им, довольно точно совпал с тем, что произошло (если верить, что убийцей был Освальд), следует обратить внимание на то, что оба собеседника все время говорят об убийцах-заговорщиках "о н и", нигде не отождествляя себя с ними. ("Они всерьез собираются убить его?.. Если Кеннеди убьют, нам лучше приготовиться".) В этом же разговоре содержится предсказание о том, что вскоре после убийства кто-то будет арестован для отвода глаз и обвинен, но не сказано, что это будет "коммунист", — деталь,

которую Милтьер непременно выделил бы, если бы считал, что заговор готовится его единомышленниками, то есть правыми.

Была ли у Освальда какая-то связь с ультра-правыми, имели они на него какое-то влияние? Исследователь Майкл Курц считает, что во время пребывания в Новом Орлеане Освальд активно общался именно с правыми, а с левыми никаких контактов не имел. На это можно возразить, что так называемых левых в консервативном Новом Орлеане отыскать было крайне трудно, переписку же с прокастровскими и прокоммунистическими организациями Освальд активно продолжал. Но, с другой стороны, контакты с правыми действительно имели место. Многие свидетели видели Освальда с Дэвидом Ферри (о нем см. выше, стр. 221) и Гаем Баннистером — ярким антикастровцем и расистом. Даже на своих прокастровских листовках Освальд поставил адрес того дома, где помещалась контора Баннистера, который после ухода из ФБР работал частным детективом. Известны эпизоды, когда Баннистер и Освальд вступали в дискуссии со студентами Университета штата Луизиана в Новом Орлеане, горячо критикуя политику Кеннеди. В начале сентября 1963 года Освальда и Ферри видели в группе кубинцев, занимавшихся военными упражнениями.

Похоже, что в Новом Орлеане Освальд вел двойную жизнь, так что нелегко понять, на чьей же он стороне. То он прокастровский агитатор, раздающий листовки и переписывающийся с "Комитетом за справедливое отношение к Кубе"; то он среди антикастровцев, в компании крайне правых. Но если мы выстроим известные нам эпизоды в хронологическом порядке, недоумение рассеется. Мы увидим, что последняя открытая акция Освальда в поддержку кастровского режима приходится на 21 августа, когда он принял участие в радио-диспуте с известным кубинским эмигрантом, Карлосом Брингуэром (тем самым, с которым у него произошла стычка на улице). Да и здесь он отнюдь не расхваливал кубинский режим, а говорил лишь об ошибках американского правительства, которое своими действиями толкает Кубу в объятия "догматического коммунизма". Весь последующий месяц в Новом Орлеане — никакой агитации. Именно на этот месяц и приходятся все известные появления Освальда в компании правых радикалов типа Баннистера и Ферри.

Трудно поверить, что человек, который всю жизнь поклонялся марксизму-коммунизму, который недавно стрелял в генерала Уокера и чуть не убил его, мог так в одночасье изменить свои взгляды и перекинуться во вражеский лагерь. Особенно если учесть, что и в магазин Карлоса Брингуэра он явился, чтобы разыграть из себя ярого антикастровца, готового помочь кубинским эмигрантам в подготовке диверсий, вывод напрашивается обратный: его контакты с крайне правыми, начавшиеся в конце августа и длившиеся в течение всего

сентября, были камуфляжем, исполнением задания. Забыты листовки, забыта пропаганда в пользу "новой Кубы" — ему объяснили, что в этом качестве он больше не нужен, что ему предстоит иная роль. И хотя ему, наверно, было нелегко отказаться от завоеванной известности, от внимания корреспондентов, он уходит в тень и послушно выполняет эту новую роль с конца августа 1963 года и до последнего дня своей жизни.

Если бы заговор на жизнь президента готовился крайне правыми, они ни в коем случае не допустили бы, чтобы Освальд так резко изменил свое поведение накануне покушения. Он вполне устроил бы их такой, каким он был: марксист, враг американского империализма. Эта резкая смена личности будущего козла отпущения — важнейший аргумент против того, что убийство готовилось правыми. Хотя сам Дэвид Ферри безусловно принял участие в заговоре, все говорит за то, что и он лишь выполнял чьи-то приказы. (Напомним, что в эти недели он был нанят в качестве частного детектива адвокатом Карлоса Марселло, того самого Марселло, которого он, по слухам, вывез на своем самолете из Гватемалы обратно в США.)

Кубинские эмигранты в союзе с Си-Ай-Эй

Этих подозревали многие.

Они были отчаянными, исполненными горечи и мстительности людьми.

Они все время под покровом тайны, часто нарушая американские законы, раздобывали и накапливали оружие.

Даже живя в Америке, многие из них вынуждены были скрывать свои настоящие имена, свои адреса, свои связи и родственные отношения от кастровских агентов, так что атмосфера конспирации всегда окружала их.

Сначала Си-Ай-Эй, под покровом секретности, организовывало их в боевые отряды, готовило к вторжению на Кубу; потом, после Карибского кризиса, ФБР устраивало рейды на их тренировочные лагеря, на склады оружия, и им приходилось теперь таиться не только от своих заклятых врагов, но и от американских властей.

Естественно, что на фоне этих тайн, из-под которых во все стороны выглядывали дула ружей, пулеметов и пистолетов, фантазия рядового американцы легко выстраивала контуры заговора на жизнь президента. Мотивы? Отомстить за "предательство", за отказ в воздушном прикрытии во время вторжения в Заливе свиней. Ведь в обычной жизни большинство убийств совершается в результате взрыва страстей. Почему же убийство президента не могло быть совершено на чисто эмоциональной основе? Слишком дорогостоящая, громоздкая акция? Ничего, на настоящие страсти люди денег не жалеют.

Не надо забывать и о том, что кастровская пропаганда настойчиво подсовывала такое же объяснение американскому общественному мнению, рассыпала соответствующие "улики". Вспомним, что и Сильвии Одио Освальд был представлен как яркий антикастровец, рвущийся отомстить Кеннеди.

В сущности, речь здесь могла идти не только о мести. При заключении соглашения с СССР после ракетного кризиса в октябре-ноябре 1962 года Кеннеди пообещал, в случае демонтажа и вывоза советских ракет с Кубы, отказаться от попыток вторжения и прекратить поддержку кубинских эмигрантов. Выполняя свое обещание, он начал тормозить деятельность анти-кастровских групп, базировавшихся на территории США.

5 апреля /1963 года/ Береговая охрана объявила, что она выделяет больше самолетов и людей для охраны побережья Флориды... Таможенная служба и ФБР препятствовали операциям антикастровцев... В октябре Береговая охрана арестовала 22 антикастровца и захватила 4 корабля, использовавшихся ими... 1 мая 1963 года американское правительство прекратило финансирование Кубинского революционного совета.

37

Таким образом, уничтожение Кеннеди могло, с точки зрения антикастровцев, привести к изменению политики губительной для их дела. Также логично было бы для них выбрать в качестве козла отпущения Освальда — известного сторонника коммунистической Кубы. Если бы удалось доказать, что Освальд действовал по поручению Кастро, можно было надеяться, что возмущение американского общественного мнения приведет к военному вторжению на Кубу и свержению коммунистического режима силой американского оружия.

Логичность этой версии казалась столь убедительной, что многие исследователи сосредоточили свои усилия именно на ней. Самая детальная разработка ее представлена в книге Джорджа Эвика "И все мы смертны". Автор очень не любит кубинских эмигрантов и убежден, что именно они, в союзе с мафией и при попустительстве Си-Ай-Эй, убили президента. Он очень хорошо изучил фактические материалы, но истолкование, которое он дает им, оставляет желать лучшего. Вот характерный пример: он пишет, что в период 1974–77 годов семь кубинских эмигрантских лидеров во Флориде были убиты. Преступников обнаружить не удалось, и Эвика возлагает вину не на кастровских агентов, а на "безумных террористов" из среды самих эмигрантов. Хочется спросить автора: если эти эмигрантские террористы так безумны, свирепы и могущественны, как же вышло, что за двадцать с лишним лет они убивали только друг друга и не убили ни одного кастровского дипломата в Америке или в других странах? Уж наверно

38

этих-то они ненавидели больше, чем друг друга? И почему это во всем мире гибнут от руки террористов дипломаты, журналисты и рядовые граждане Америки, Израиля, Англии, Франции, Испании, Турции, а представители коммунистических стран пользуются комфортабельной безопасностью? (Мне известны только два исключения за последние десять лет: одно в Ливане, другое в Пакистане, где нападавший оказался психопатом, имевшим личные счеты с погибшим дипломатом.) А каким образом антикастровцам удалось вовлечь в свое преступление марксиста Освальда и гангстера Руби? И если они были виновны в гибели президента, какой смысл был для ФБР и Комиссии Уоррена прятать их от справедливого возмездия?

Нет, выгораживать кубинских эмигрантов никто не собирался. Наоборот, они были объектом самого пристального расследования не один раз.

Уже в ноябре-декабре 1963 года Секретная служба и ФБР вели интенсивное следствие по делу некоего Гомера Эчевария, яркого критика политики Кеннеди, жившего в Чикаго. Комитет Стокса поднял это дело заново и вскрыл много интересных фактов, указывающих на связи кубинских эмигрантов с мафией, однако на проверку все эти контакты оказались нацеленными на закупку оружия для борьбы с Кастро. Никаких следов участия в убийстве президента обнаружено не было.

39

В Комиссии Уоррена антикастровскими делами занимался Дэвид Слоусон. Ему помогал сотрудник Си-Ай-Эй Раймон Рокка. В 1978 году Слоусон рассказал Комитету Стокса:

Мы считали, что если бы анти-кастровские кубинцы могли заставить Освальда сделать это /убить президента/... или возложить вину на него, они сразу достигли бы двух целей: во-первых, отомстили бы Кеннеди и, во-вторых, возбудили бы американское общественное мнение против Кастро... Это казалось мне очень убедительным, и я долго придерживался этой гипотезы, проверяя, как она согласуется с фактами. С фактами она не согласовалась.

40

Еще больше времени и сил затратил на расследование подобной же теории прокурор Гаррисон в 1967 году. Уж он ли не старался! 20 его сотрудников в течение двух лет исследовали все нити, пытались снабдить своего шефа убедительными данными, доказывающими вину эмигрантов. Си-Ай-Эй, бизнесменов — кого угодно, только не мафии. Но, как известно, это расследование с позором провалилось.

В 1977 году была осуществлена еще одна попытка взвалить вину на антикастровцев: вложить обвинение в уста только что покончившего с собой Де Мореншильда (см. выше, стр. 213). Но так как все,

что мы знаем об этом многоликом кинопродюсере-геологе-филателисте, исключает возможность принимать его слова — да еще в пересказе другого подозрительного джентльмена — на веру, этот эпизод скорее следует рассматривать как доказательство обратного.

Наконец, в 1978 году Комитет Стокса, расследуя ту же гипотезу, решил даже обратиться к кубинской контрразведке и спросить, нет ли у них каких-то материалов. Члены Комитета отдавали себе отчет в том, что кастровцы могут и сфабриковать улики, однако им казалось логичным допустить, что разветвленная кастровская агентура в эмигрантской среде могла подхватить случайные обрывки важной информации. Один из кубинских чиновников сказал им в конфиденциально беседе: "Вы же понимаете, к а к бы нам хотелось предоставить вам подобные данные. *Но у нас их нет.*"

41

Думается, все эти тщетные усилия прежних расследований дают нам сегодня право исключить кубинских эмигрантов из числа подозреваемых.

Военно-промышленный комплекс

Защитники этой версии выдвигают три главных аргумента:

1) Кеннеди был слишком миролюбив и поэтому не устраивал Пентагон, который озабочен лишь тем, чтобы раздувать всюду военную напряженность и грести на этом деле миллиарды.

2) Военная машина обладала достаточными средствами и тренированным персоналом, чтобы осуществить убийство.

3) Только военно-промышленный комплекс обладал достаточным могуществом, чтобы заставить расследование пойти по ложному пути.

Как примеры миролюбия Кеннеди приводятся следующие эпизоды: он не поддержал с воздуха высадку кубинских эмигрантов в Заливе свиней; во время карибского кризиса отклонил рекомендацию начальников штабов просто разбомбить советские ракетные установки на Кубе; искал путей прекращения холодной войны, заигрывал с Кастро и Хрущевым, объявил, что к 1965 году американские войска должны быть выведены из Вьетнама.

42

Но реальная политическая жизнь так разнообразна, что из короткой истории президентства Кеннеди можно надергать и эпизодов, рисующих его поджигателем войны (чем, кстати и занималась советская пресса с 1961 по 1963 годы). Ведь это он осуществил одно военное вторжение на Кубу и готовил второе; это при нем число американских солдат во Вьетнаме возросло с нескольких сотен до 15 тысяч; это он, после встречи с Хрущевым в Вене летом 1961 года заявил, что, если тот не изменит свою позицию в отношении Берлина, это будет означать войну; это он, вместо того, чтобы проявить дипломатичность в октябре

43

1962 года, поднял в воздух атомные бомбардировщики и объявил морскую блокаду Кубы.

Второй аргумент, при ближайшем рассмотрении, тоже выглядит довольно шатким. Ни у Освальда, ни у Руби, ни у других явных участников заговора мы не находим никаких связей с военным аппаратом. Освальд со времен своей демобилизации, похожей на дезертирство, находился в открытом и длительном конфликте с армейскими учреждениями. Гигантские денежные средства, которыми распоряжается Пентагон, проходят по таким длинным бумажно-бюрократическим каналам, что тайно выделить оттуда существенную сумму на оплату убийц-профессионалов и не оставить никаких следов — задача абсолютно невозможная. Даже Си-Ай-Эй, обращающееся с деньгами куда бесконтрольнее, смогло скрывать оплату услуг гангстера Росселли только в течение 15 лет — потом это выплыло на поверхность.

Третий аргумент выглядит более убедительно. Сама поспешность, с которой тело президента было вырвано из рук гражданских властей, увезено в военно-морской госпиталь в Бефезде, сам состав врачей, производивших вскрытие, — исключительно военные, причем без должного опыта, и все эти генералы и адмиралы, толпившиеся вокруг прозекторского стола и отдававшие распоряжения, и приказ, отданный персоналу — не рассказывать об увиденном — и грозивший трибуналом в случае неповиновения, — все это выглядит весьма и весьма подозрительно.

Но вот в 1978 году приказ был отменен, свидетели начали говорить (см. выше, стр. 238—239) — и что же? Мы увидели неразбериху, некомпетентность, борьбу самолюбий и эгоизмов, карьерные усилия и множество мелких и крупных обманов, прикрывающих различные политические и корыстные устремления. Однако при этом не всплыло никаких следов организованного, целенаправленного движения, уверенно достигающего выполнения поставленной задачи. Бестолковщина, царившая в аудитории-прозекторской, достигла такого уровня, что в какой-то момент доктор Хьюмс воскликнул: "Кто здесь командует, в конце концов?!" И хотя один генерал ответил "Я команду",⁴⁴ порядок не наступил и цель — если считать целью сокрытие преступления — достигнута не была: никакого убедительного отчета о вскрытии, взваливавшего вину на Освальда, эта толпа произвести не смогла. Только последующими подтасовками удалось создать отчет, пригодный для поддержания официальной версии убийства.

Как правило, люди, обвиняющие в гибели президента военно-промышленный комплекс, винят это же чудовище (весьма, кстати, размытое по своим очертаниям) и в других несчастьях Америки, а заодно — и всего мира. Для них это такое же расплывчатое понятие, удобно воплощающее все мировое зло, каким для других являются ведьмы-колдуны-черты, или сионские мудрецы, или эксплуататоры-

капиталисты, или гяуры-неверные, или жидо-коммунисты. Они не хотят видеть, что внутри гигантских организаций — Си-Ай-Эй, Пентагона, КГБ и пр. — система взаимного контроля так интенсивна, что никакой крупный заговор не может быть успешно осуществлен *и при этом остаться нераскрытым*. Военные убивают президентов, чтобы открыто захватить власть, как это случилось в Чили (Альенде) и во многих других африканских и латиноамериканских странах, или чтобы выразить отчаянным и самоубийственным способом свой протест, как это произошло в Египте (Анвар Садат). В Америке же даже такое пустяковое преступление, как установка подслушивающих устройств в штаб-квартире противника, может привести к катастрофе. Какой же дурак станет ввязываться в убийство?

Даже если допустить, что удаление Кеннеди из Белого дома было в принципе желательно для военных (что спорно само по себе), любой армейский или флотский офицер, решившийся бы принять участие в заговоре на жизнь президента, должен был понимать, что лично ему успех затеянного не принесет никаких заметных выгод, провал же обернется неминуемым крахом всей жизни. При таких исходных условиях набрать команду заговорщиков среди военных не представляется возможным.

Никита Хрущев

Для Хрущева Джон Кеннеди был президентом, который вынудил его к унижительному отступлению в Берлине в 1961 году и к еще более унижительной капитуляции во время карибского кризиса в 1962. Убийство политического противника должно было выглядеть в глазах Хрущева вполне нормальным актом. Верный соратник Сталина, в течение многих лет он был свидетелем и соучастником массовых убийств внутри страны, охоты за беглецами и противниками за рубежом. В сталинские времена были убиты десятки перебежчиков и эмигрантов, был убит Троцкий, готовились покушения на югославского премьера Тито.

Уже в годы хрущевского правления перебежчик Сташинский признался, что был послан на Запад специальным отделом КГБ — №13 — с целью совершать убийства украинских националистов — Бандеры, Ребета. (Напомним, что Освальд встречался в Мехико-сити именно с руководителем отдела №13, Костиковым.) Недавнее покушение на папу в Риме показало, что а) Москва не собирается исключать убийство из методов борьбы и б) что она предпочитает теперь использовать для этой цели своих вассалов (в данном случае, болгар, которые, видимо, приобрели немалый опыт, охотясь за своими эмигрантами, — вспомним убийство радио-журналиста Маркова в Лондоне при помощи

45

крошечной дробины с ядом.) Деньги, отпускаемые на эти акции, абсолютно неконтролируемы в условиях коммунистического правления, потому что они всегда могут быть представлены как увеличение помощи "братской" стране. Существует мнение, что Куба обходится Советскому Союзу в один миллион долларов в день; ну что при этом стоит подбросить каких-то 10 миллионов на спецзадание, не делая из этого большого шума?

Для многих людей в России и во всем мире Хрущев останется "добрым царем", выпустившим миллионы заключенных из сталинских тюрем и лагерей. Но уже в начале 1960-х он показал, что не собирается держать лагеря пустыми и что "пускать в расход" он готов так же безжалостно, как любой другой коммунист. Его "Указ о введении смертной казни за хищения" (май 1961) и "Указ о введении смертной казни за валютные операции" (июль 1961) обрекали на смерть людей, уже арестованных за преступления, которые они совершили до обнародования этих новых законов, то есть когда знали, что, во всяком случае, смерть им не грозит. Такого еще не бывало даже в истории советского судопроизводства. Причем главные организаторы хищений — крупные партийные бонзы, без участия которых никакая крупная кража в СССР невозможна, — отделялись выговорами. Под мясорубку новых указов попадали их подчиненные, занимавшиеся — хотя и в обход советских законов — производством нужных людям, дефицитных товаров. Сотни энергичных, предприимчивых "безнормен" (в подавляющем большинстве — с еврейскими фамилиями) были расстреляны только потому, что генсеку Хрущеву, обещавшему, что "нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме", надо было излить на ком-то свое бешенство по поводу очередных экономических провалов "передовой социалистической экономики".

Если добавить к этому другие припадки безумия Хрущева, обращавшиеся то "кукурузой", то "целиной", можно ясно увидеть, что слабые способности к рациональному мышлению у этого лидера легко подавлялись импульсивными порывами и взрывами темных страстей. Он был опасно непредсказуем — из-за этого его соратники по Политбюро и решились убрать его со сцены. Психологически он вполне был способен пойти на убийство из мести, не считаясь с соображениями политической выгоды.

Среди исследователей, считавших Москву виновной в убийстве президента, наиболее заметным был английский адвокат Майкл Эддоус. Его первая книга так и называлась: "Хрущев убил Кеннеди". Главная идея сводилась к тому, что настоящий Освальд был уничтожен в России, а вместо него в Америку послали хорошо подготовленного диверсанта, принявшего его облик. Доказательства? Документы, отмечающие физические особенности (при прохождении медосмотра

в армии, при аресте, при получении паспорта), показывают те или иные различия, разное расположение шрамов, а главное — непостижимое изменение роста в сторону уменьшения. Да-да, если верить документам, приехавший из России Освальд был меньше того, который уезжал. Эддоусу удалось поднять такую шумиху, что он добился эксгумации трупа Освальда и проверки. Проверка показала, что Освальд, убитый Руби, был тот самый Освальд, который в 1959 году убежал из Америки в СССР. Но исследователь остался при своем мнении.

Думаю, каждый житель Америки, получавший водительские права, помнит эту легкую растерянность при заполнении соответствующей анкеты — цвет глаз? вес? рост? Чаще всего это пишут по памяти и, боюсь, у многих можно было бы проследить довольно дикие перемены от анкеты к анкете. Также трудно себе представить, чтобы ни мать Освальда, ни брат Роберт, с которыми он жил несколько недель по возвращении из России, не заметили бы подмену.

Но главное возражение: зачем КГБ пускаться в такую хлопотливую, длительную, требующую ювелирной работы авантюру (это сколько же времени двойнику нужно было готовить роль? годы!), когда в самой Америке можно без хлопот купить не только шпионов всех мастей и профессий (в последнее время создается впечатление, что не советские дипломаты вербуют агентуру, а сами продавцы американских военных и технических секретов обивают пороги советских миссий), но и тренированного убийцу на любую работу — были бы деньги. А деньги у КГБ всегда есть, и никакой проницательный журналист никогда не сможет проследить, кому, куда и как они переправляются.

Должен сознаться, что, начиная писать эту книгу, я тоже подозревал Хрущева больше, чем кого бы то ни было. Лишь с того момента, как я убедился, что Освальд не убивал президента, а был лишь подставной фигурой, моя первоначальная концепция дала трещину. Мне казалось, что для КГБ было бы в высшей степени нелепо выбирать на такую роль собственного агента, имеющего столь заметные связи с СССР. Отправка лжеперебежчика Носенко — акция паническая и плохо подготовленная — тоже была указателем на то, что Советы не знали заранее об убийстве.

Остается, конечно, вариант, при котором сценарист заговора — член синдиката — не знал, кто платил ему деньги, и, по трагической иронии судьбы, выбрал на роль козла отпущения Освальда, не зная, какой жестокий удар он наносит этим своему "заказчику". Однако версия эта остается чисто умозрительной. Реальных данных, указывающих на замешанность Москвы в убийстве Кеннеди, крайне мало.

Совсем иначе обстоит дело с Гаваной.

29. ОБВИНЯЕМЫЙ

Мы думали и о варианте, в котором синдикат намеренно вступил в союз с Кастро, чтобы убить президента, и эту идею было нелегко отбросить.

Роберт Блэйки, директор-распорядитель расследования, проводившегося Комитетом Стокса.

Мне представлялось, что либо в Мексике, либо в Соединенных Штатах кто-то дал ему /Освальду/ задание и снабдил деньгами. Кастро представляется мне по своему характеру человеком, который мстил бы именно таким образом. Он экстремист латиноамериканского типа, который действует под влиянием импульсов, а не рассуждений, и не боится идти на риск. Вся история его жизни подтверждает это.

Томас Манн, американский посол в Мексике

Многое указывает на то, что он /Освальд/ действовал не один, что заговор был шире и включал либо гангстеров, либо Кастро.

Роберт Кеннеди

У меня нет ни малейшего сомнения, что Джон Фитцджеральд Кеннеди был убит Фиделем Кастро или кем-то, кто действовал под его давлением, в отместку за наши попытки убить его.

Сенатор Роберт Морган, член Сенатского комитета по расследованию действий разведки

Кеннеди пытался прикончить Кастро, но Кастро опередил его... Все это когда-нибудь всплывет на поверхность.

Президент Линдон Джонсон

Вашингтон шлет убийц в Гавану

7 августа 1976 года, неподалеку от Норт-Майами Бич, в штате Флорида, рыбаки выловили заваренный нефтяной бочонок. Бочонок был передан полиции, которая вскрыла его и обнаружила внутри труп мужчины лет семидесяти. Ноги убитого были отпилены и засунуты в бочонок отдельно (иначе тело не помещалось по длине). Внутри были положены тяжелые камни, но, видимо, разложение тела сопровождалось выделением газов, которые, в конце концов, подняли бочонок со дна залива.

Убитым оказался известный гангстер, Джон Роселли, пропавший дней за десять до этого. Последние свидетели видели его поднимавшимся на борт частной яхты в сопровождении двух человек, с которыми

он, судя по всему, находился в дружеских отношениях. Следствие пришло к выводу, что убийство было исполнением приговора мафии над Роселли, который к тому времени начал давать показания сенатскому Комитету по расследованию деятельности Си-Ай-Эй. Были, правда, странные особенности. В отличие от обычных казней такого рода, когда гангстеры оставляют традиционные знаки — пуля в горло, пуля в рот — и не очень стараются прятать тело, здесь убийцы сделали все возможное, чтобы скрыть преступление. Машина сестры Роселли, в которой он приехал к пристани, была переведена на автостоянку аэропорта. Если бы бочонок остался на дне, можно было бы предположить, что Роселли тайно покинул страну.

Совсем по-другому было обставлено убийство старинного приятеля Роселли, чикагского мафиозного босса — Сэма Джанканы, случившееся годом раньше (июль, 1975). Тот тоже должен был давать показания сенатскому комитету. В тот день, когда представители комитета прибыли в Чикаго, чтобы допросить его о связях между Си-Ай-Эй и мафией, Джанкана принимал в своем доме несколько близких друзей. Гости оставили дом около 10 часов вечера. Наутро Джанкана был найден мертвым в своем роскошно оборудованном подвале. Судя по всему, за несколько минут до смерти он находился в обществе друга, которому доверял и с которым они мирно коротали время: готовили деликатесы, смотрели фильмы с участием старинного приятеля Джанканы, Фрэнка Синатры. Смертельным оказался выстрел в затылок, но всего убийца произвел семь выстрелов, не забыв ритуальные выстрелы в рот и в шею.

О чем же хотели расспросить члены сенатского комитета двух представителей синдиката? Нет, не об их преступной деятельности, не о рэке, нелегальных игорных бизнесах и прочем, а только об их сотрудничестве с уважаемой правительственной организацией — Центральным разведывательным управлением, знаменитым Си-Ай-Эй.

Это сотрудничество началось много лет назад. 24 сентября 1960 года, при посредничестве и при участии Джона Роселли, в Майами состоялась встреча между гангстерами Сэмом Джанканой и Сантосом Трафиканте, с одной стороны, и представителем Си-Ай-Эй — с другой. Трафиканте только что вырвался из кастровского концлагеря (см. об этом выше, стр. 50—51) и имел все основания недолгоблывать кубинских коммунистов. Другие представители синдиката тоже понесли огромные убытки в связи с конфискацией игорных и публичных домов на Кубе. Идею ликвидации Кастро, предложенную представителем Си-Ай-Эй, они встретили одобрительно. Тем более, что за исполнение этого "спецзадания" им было обещано 150 тысяч долларов.

В ноябре 1960 года в своем докладе новоизбранному президенту Кеннеди директор Си-Ай-Эй, Даллес, информировал его о готовящемся вторжении на Кубу, но ни слова не сказал о вовлечении синдиката

в планы убийства Кастро. Между тем, 13 февраля 1961 года представитель Си-Ай-Эй передал Джону Роселли отравленные пилюли, и месяц спустя гангстер доложил, что пилюли доставлены по назначению, то есть одному из приближенных Кастро. Махинации с мафией продолжались и дальше, без особых, впрочем, результатов.

11

Лишь в мае 1962 года генеральный прокурор Роберт Кеннеди был информирован представителями Си-Ай-Эй о вовлечении синдиката в заговор на жизнь Кастро. Кеннеди пришел в бешенство. Узнать, что правительственная организация имеет тайные делишки с организованной преступностью в то время, как он ведет тотальную войну с синдикатом?! Выяснить, что каких-то гангстеров (например, Джанкану) нельзя трогать, потому что при расследовании могут всплыть секретные операции Си-Ай-Эй?! Пытаясь успокоить разгневанного прокурора, представители разведки заверили его, что все эти заговоры были начаты еще при власти Эйзенхауэра и сейчас прекращены. Однако это было неправдой, ибо впоследствии выяснилось, что в тот же месяц отравленные пилюли снова были вручены Джону Роселли, а восемь месяцев спустя начальник секретного анти-кубинского отдела Си-Ай-Эй, Вильям Харви, встретился с Роселли и уплатил ему 2700 долларов на расходы его агента на Кубе.

12

Нет никаких указаний на то, что гангстеры пытались осуществить покушение на Кастро всерьез. После провала вторжения в Заливе свиней, после превращения Кубы в советского саттелита, у них не могло быть реальных надежд на то, что им удастся вернуться на остров в их прежней роли, вернуть себе потерянные доходы от казино и проституции. С другой стороны, при коммунистах Куба стала важным партнером для выгодных нелегальных операций.

Поначалу, как мы видели в истории с Руби (Глава 7), она была заинтересована в закупке американской технологии, которую переправляла в Москву, и американского оружия, которое шло коммунистическим повстанцам в странах Латинской Америки. Но чем дальше, тем больше кубинские коммунисты включались в торговлю наркотиками. Постепенно их участие стало настолько наглым и явным, что в ноябре 1982 года Федеральное жюри в Майами получило неопровержимые улики и выдвинуло обвинения против четырех крупных чиновников кубинского правительства, включая одного адмирала.

Журналист Эрнст Волкман, проводивший специальное расследование, считает, что Кастро зарабатывает на контрабанде наркотиков по 12 миллионов наличными в год, плюс получает неизвестное количество американского оружия и технологии. Контрабанда осуществляется по простой схеме: кубинские пограничные катера встречают крупные суда, привозящие наркотики из Колумбии и Боливии, отводят их в кубинские порты (а чаще — на военные базы), где происходит перегрузка "белого золота" в маленькие и быстроходные моторные лодки,

которые легко — хотя и не без потерь — прорываются к американскому берегу. Без помощи Кубы перегрузку приходилось проводить в открытом море, что было крайне опасно при плохой погоде и слишком заметно — при хорошей. Американский контрабандист, Роберт Веско, возглавляющий гигантский конгломерат из гангстеров и коммунистов, имеет шикарную виллу под Гаваной. К доходному делу переправки наркотиков давно уже примостилась и другая коммунистическая страна — Болгария, а сейчас наращивает темпы и Никарагуа (см. *Тайм*, 13 августа, 1984).

Контакты с Си-Ай-Эй, возникшие в 1960 году, помогали членам синдиката укрываться от судебного преследования, служили хорошим щитом в настоящем и будущем — ради этого стоило делать вид, будто они готовят убийство Кастро всерьез. На самом же деле, как показал один профессиональный убийца, согласившийся давать показания, Джон Роселли говорил ему, что

вся эта затея была липовой... Все эти ё . . . е планы, сочиненные Си-Ай-Эй, никогда не шли дальше Сантоса /Трафиканте/. Он просто сидел на них, позволяя всем воображать, будто ребята там рискуют жизнью, пробираясь на Кубу, будто их лодки прошивают пули, и прочая чушь собачья.

Но Си-Ай-Эй в своих попытках уничтожить Кастро не ограничивалось вербовкой гангстеров. Какие только планы не сочинялись в секретном отделе "Таск-форс-дабл-ю"! Был, например, план послать Кастро в подарок костюм для подводного плавания (его любимый спорт), пропитанный смертоносными бактериями. Или поместить в районе его заплывов красивую раковину с взрывчаткой внутри. Или опрыскать его сапоги специальным химическим составом, от которого должна была выпасть борода, что, по расчетам, ослабило бы его популярность. Другой способ подорвать авторитет диктатора: опрыскать галлюциногенным препаратом радио-студию, из которой он обращается к народу, чтобы речь его превратилась в бессмысленный вздор. Планировалось также подготовить народное восстание религиозных кубинцев, распространяя слухи о втором пришествии Христа, который покончит с антихристом Кастро. В решительный момент американская подводная лодка должна была всплыть и обеспечить невиданное сияние в ночном небе. В шутку этот проект называли "элиминация путем иллюминации".

Но был и один весьма серьезный замысел, носивший кодовое название AM/LASH.

Зародился он в тот день, когда высокопоставленный кубинский лидер, Роландо Кубела, в марте 1961 года обратился к агенту Си-Ай-Эй

с просьбой помочь ему бежать в Америку. Агент, посоветовавшись с начальством, уговорил Кубелу остаться в Гаване, откуда он мог бы поставлять важную информацию. Однако следующий контакт с потенциальным перебежчиком состоялся лишь полтора года спустя. На этот раз он предложил устроить правительственный переворот на Кубе, который должен был начаться с убийства Фиделя Кастро и его ближайших помощников, а также советского посла. Си-Ай-Эй уверяло впоследствии, что оно дало понять Кубеле: в убийства мы замешиваться не хотим, этим вы занимаетесь самостоятельно, а вот переворот поддержим. После этого Кубела снова исчез из поля зрения на целый год. 17

Наконец, 7 сентября 1963 года произошла встреча в Бразилии. Представитель Си-Ай-Эй снова подтвердил, что Американское правительство весьма заинтересовано в свержении режима Кастро. Кубела потребовал, чтобы его снабдили планом действий, необходимыми орудиями убийства и свели с высокопоставленным представителем американских правящих кругов, желательно — с Робертом Кеннеди. Последовал еще ряд встреч, в том числе и с начальником отдела Си-Ай-Эй, Десмондом Фитцджеральдом, который представился Кубеле как близкий знакомый Роберта Кеннеди (каковым он и был на самом деле). На заключительной встрече в Париже Фитцджеральд вручил кубинцу отравленное автоматическое перо с таким тонким шприцем, что укол его был нечувствителен для человека. По трагическому совпадению (а может быть, и в соответствии с намерениями Кубелы), встреча эта состоялась 22 ноября 1963 года. 18

Попытки использовать Кубелу для свержения Кастровского режима продолжались и после убийства президента Кеннеди. Но теперь Си-Ай-Эй, опасаясь разоблачения, делало это не самостоятельно, а через лидера кубинских эмигрантов, Мануэля Артайма. Оба кубинца встречались в Риме, Париже, Мадриде, строили координированные планы вторжений и убийств, но ничего из этих планов осуществлено не было. По свидетельству Артайма, Кубела охотно брал передаваемые им деньги и гулял после этого напропалую. Только в июне 1965 года Си-Ай-Эй прекратило контакты с Кубелой, ибо узнало, что кубинский эмигрант, помогший свести Кубелу и Артайма, был кастровским агентом. 19

В 1966 году Кубела был схвачен кубинской госбезопасностью и предан суду. На суде он каялся в измене, требовал расстрела для себя, но Кастро вмешался и заменил смертную казнь 25-ю годами тюрьмы. Примечательно, однако, что на суде разбиралась предательская деятельность Кубелы, начавшаяся в 1964 году. Ни слова не было сказано о его контактах с Си-Ай-Эй до 1964 года. Трудно представить, чтобы раскаявшийся Кубела ничего не сообщил своим судьям об этой полсе своей деятельности. Впоследствии несколькими американским

журналистам и официальным представителям было разрешено посетить Кубелу в тюрьме и расспросить его. Он заявлял, что идеи об убийстве Кастро исходили с самого начала не от него, а от представителей Си-Ай-Эй, он же, как мог, отказывался и даже не взял знаменитое отравленное перо.

20

Естественно, когда вся эта история всплыла в середине 1970-х годов, у многих трезво мыслящих исследователей возникли вопросы: каким образом могло случиться, что кубинские власти разрешили такому неуравновешенному, сильно пьющему, ненадежному субъекту, как Кубела, так свободно разъезжать по всему свету? Можно ли поверить, что за ним не было слежки, что его контакты с Си-Ай-Эй оставались неизвестны Кастро? Не доносил ли он сам о них кубинской госбезопасности и не был ли послушным орудием в ее руках?

Журналист Джордж Крайл в своей статье "Загадка АМ/ЛАШ" пытается проследить карьеру Ролэндо Кубелы.

Он был активным участником революционной борьбы против Батисты. В октябре 1956 года застрелил в ночном клубе начальника военной разведки. (Примечательная деталь: чиновников-садистов революционеры не трогали, потому что они и так вызывали ненависть в народе, а убивали в первую очередь тех, кто обращался с задержанными более или менее человечно.) После победы революции Кубела возглавил влиятельный Союз студентов. Он упивался своей славой и влиянием, кутил, носился по Гаване в огромном автомобиле, пока не задавил насмерть женщину. Этот несчастный случай оказался непосильным ударом для его нервной системы, которая, кстати сказать, была сильно расшатана уже и первым убийством. Кубела начал лечиться у психиатра.

21

Тем временем многие революционеры все с большим подозрением наблюдали за сдвигом Кастро в сторону коммунизма. Где-то в начале 1960 года два старых друга — Хозе Алеман и Хозе (Пепин) Наранхо — пришли к Кубеле и пытались уговорить его убить Кастро. "Куда мне, — ответил Кубела. — Я сейчас совсем развалина, ни на что не гожусь. Поэтому не могу сказать вам ни да, ни нет". Алеман попытался даже воздействовать на него через психиатра, услуги которого он оплачивал. Но когда второму приятелю — Хозе Наранхо — Кастро неожиданно предложил пост министра внутренних дел и тот принял его, Алеман бежал с Кубы. Наранхо же стал доверенным лицом Кастро, пробовал его еду, охранял в часы отдыха.

22

Таким образом вскрывается ключевой момент: министр внутренних дел в правительстве Кастро, его доверенный помощник, знал, что Кубела был готов взяться за убийство Кастро, если бы только здоровье ему позволило. Мог ли Наранхо не донести об этом своему вождю? Хотя бы для того, чтобы выгородить себя, представить в нужном свете свою роль в этих обсуждениях? Конечно, не мог.

Вывод можно сделать только один: психически неустойчивый, пьющий, истеричный Роландо Кубела с самого начала был под контролем Кастро, действовал с его ведома и согласия. Провокация, в которой он играл главную роль, как две капли воды похожа на провокацию "Трест", организованную советскими чекистами в 1920-х годах. Цель у нее была двойной: с одной стороны, Си-Ай-Эй, попавшееся на крючок, сосредоточило все усилия на использовании "изменника" Кубелы и почти не занималось иными вариантами; с другой стороны, в случае, если бы участие Кубы в убийстве президента Кеннеди вскрылось, Кубела был бы выставлен живым свидетелем, который рассказал бы со всеми подробностями, как, где, когда Си-Ай-Эй подговаривало его убить Кастро, какими зловещими орудиями снабжало.

Именно поэтому во время контактов с агентами Си-Ай-Эй в сентябре-ноябре 1963 года Кубела так настоятельно требовал встречи с Робертом Кеннеди или с кем-то из высокопоставленных представителей американского правительства. Именно поэтому ему позволяли разъезжать по свету и после убийства президента, заверять агентов Си-Ай-Эй и кубинских эмигрантов, что заговор на жизнь Кастро вот-вот будет приведен в исполнение. И лишь когда Си-Ай-Эй убедилось, что пресловутый АМ/ЛАШ на самом деле работает на Кастро и прекратило контакты с ним (середина 1965 года), Кубела был арестован кубинской госбезопасностью и предан суду. Оставлять такого неустойчивого субъекта и далее на свободе было слишком рискованно. Кары же он заслуживал уже давно — за свои переговоры с Алеманом об убийстве вождя. Кастро расстрелял тысячи людей и за меньшую вину. Но этот еще мог пригодиться в качестве свидетеля, и его оставили в тюрьме, в довольно приличных условиях.

К тому времени Кастро уже понимал, что интервью, данное им журналисту Даниэлю Харкеру 7 сентября в Бразильском посольстве, в котором он предупреждал, что американские лидеры могут поплатиться жизнью, если будут злоумышлять на жизнь кубинских вождей, было ошибкой. Эти угрозы, произнесенные за 10 недель до гибели президента Кеннеди, оказались важной уликой, указывавшей на то, что у Кастро были по крайней мере м о т и в ы для убийства. Поэтому-то в суде над Кубелой его переговоры с Си-Ай-Эй до убийства президента не упоминались — это сделало бы наличие мотивов несомненным.

Интервью Кастро в бразильском посольстве было дано в тот же день, когда Кубела — после долгого перерыва — возобновил контакты с Си-Ай-Эй во время поездки в Бразилию. В эти же дни Освальд прекращает свою прокастровскую пропаганду, а в кубинское посольство в Мехико-сити прибывает новый сотрудник (Мирабель), который три недели спустя встретится там с Освальдом. Машина завертелась.

Знал Кастро и о попытках Си-Ай-Эй использовать мафию для его уничтожения. После гибели Роселли в июле 1976 года журналист Джек Андерсон опубликовал в *Вашингтон пост* (7 сентября 1976) краткое содержание рассказа этого импозантного гангстера, который впервые обратился к нему еще в 1967 году. Отравленные пилюли (если Роселли вообще передал их на Кубу) так и не попали в тарелку кубинского диктатора, снайперы якобы были пойманы на крыше дома в Гаване и под пытками назвали имена пославших их. 24

Согласно версии Роселли, Кастро завербовал /для убийства президента/ тех самых членов преступного мира, которые были посланы убить его. Это были кубинцы, входившие в старую шайку Трафиканте. Вместе с кубинской безопасностью они вовлекли бывшего морского пехотинца Ли Харви Освальда... Роселли не мог сказать с уверенностью, стрелял Освальд в президента или был исключительно подставной фигурой, в то время как другие осуществили убийство с более близкого расстояния. Когда Освальда схватили, заговорщики испугались, что он может выдать их... Поэтому Джеку Руби было приказано уничтожить его... 25

Хочу отметить, что я уже кончал писать эту книгу, когда история, рассказанная Роселли — свидетелем, заплатившим жизнью за то, что знал слишком много, — попала мне на глаза. Удовлетворение, испытанное мною при этом, было похоже на чувство студента, заглядывающего в конец задачника и убеждающегося, что решение трудной задачи, над которой он бился так долго, точно совпадает с ответом, напечатанным там.

Гавана шлет убийц в Вашингтон

14 ноября 1962 года из Гаваны в Вашингтон было послано письмо на имя некоего Антонио Родригеса. Адрес на конверте оказался несуществующим, поэтому почтовая служба стала разыскивать адресата по справочникам и доставила его Антонио Родригесу, работающему шофером в дипломатической миссии Венесуэлы. Содержание письма было таким необычным и тревожным, что шофер немедленно доложил о нем своему начальству. Приводим текст письма с некоторыми сокращениями: 26

Товарищ Родригес!

В связи с тем, что Кеннеди упорно продолжает готовить вторжение на Кубу, наши планы покушения на его жизнь должны

быть приведены в действие. О деталях я не пишу, ибо все необходимое ты и так уже знаешь...

У меня нет возможности связаться с тобой более безопасным способом, поэтому я посылаю это письмо. В Америке не принято вскрывать чужие письма, так что все должно пройти гладко. Настоящий коммунист не боится идти на риск. Нам придется полагаться на самих себя, потому что СССР не занял твердой позиции в отношении Кубы.* Такие вопросы решаются на высшем уровне, и настоящий коммунист не станет оспаривать принятые решения...

Дальнейшие известия я пошлю более безопасным способом. Ответь мне поскорее. Обнимаю,

Пепе

27

Секретная служба была поднята на ноги, и началось разветвленное расследование этого странного дела. Выяснилось, что в Вашингтоне проживает некий Родригес-и-Джонс, связанный с работниками кубинской миссии при Организации американских государств — Хозе Молеоном Каррера и Квентином Пино Мачадо. Последний был известен как главный подручный Кастро в террористической деятельности еще со времен гражданской войны. Он заведывал подготовкой и засылкой диверсантов. Оба дипломата были замешаны в похищениях и избиениях кубинских эмигрантов в Вашингтоне. Когда один из таких беглецов был похищен и увезен в Балтимор для допроса, Антонио Родригес-и-Джонс входил в эту группу похитителей и нес караул у квартиры, в которой содержался похищенный.

28

Выяснилось также, что отец Родригеса-и-Джонса, Антонио Родрегес-и-Эсхазабал, воевал на стороне Кастро в гражданской войне (а возможно — еще и в Испании, на стороне коммунистов), что после прихода Кастро к власти, служил кубинским послом в Пакистане, Гаити и Гватемале. И отец, и сын приехали в Америку летом 1962 года и объявили себя политическими беженцами от режима Кастро. Однако, в отличие от других кубинских эмигрантов, они не спешили предпринять шаги, необходимые для получения постоянного статуса в Америке и впоследствии — гражданства. Младший Родригес работал в гостинице уборщиком, и его начальник рассказал властям, что еще в октябре 1962 года этот молодой человек вел прокастровские разговоры и собирался переезжать в Нью-Йорк, чтобы организовать там "кубинскую армию". Он и уволился для того, чтобы посвятить себя целиком делу кубинской революции в Америке. Во время разговора с чиновниками Иммиграционной службы он признал, что посещал много раз кубинскую миссию в Вашингтоне и что знает Квентина

29

* Письмо написано через месяц после Карибского кризиса.

Пино Мачадо, который обсуждал с ним планы учебы в одной из стран за железным занавесом.

30

Имя Пино Мачадо всплывает в документах снова и снова. Еще в апреле 1961 года, когда президент Кеннеди должен был обратиться с речью к делегациям американских государств, Пино Мачадо и Молеон Керрера были направлены на это собрание в качестве представителей Кубы. Оба были известны как опасные личности, носящие при себе огнестрельное оружие, поэтому охране были розданы их фотографии. В последний момент кубинская делегация предпочла продемонстрировать свой протест, не явившись на собрание. Зато на сессии Организации американских государств, состоявшейся в октябре 1961 года, никарагуанский посол обвинил Мачадо во вмешательстве во внутренние дела Никарагуа и в организации террористической деятельности. Назначенный кубинским послом в эту страну в январе 1960 года, Мачадо первым делом организовал Союз национальной патриотической молодежи. Молодые люди собирались ежедневно якобы для спортивных тренировок, а на самом деле их обучали технике изготовления и установки бомб, уничтожения телеграфных линий, разрушения железных дорог; вскоре они перешли к поджогам автомобилей правительственных чиновников и другим актам мелкого саботажа. Под прикрытием дипломатической неприкосновенности кубинское посольство превратилось в рассадник подрывной деятельности.

31

32

Имя главного кастровского террориста появится и в сообщении информатора Секретной службы от 27 ноября 1963 года, который писал, что, если Кастро замешан в убийстве президента Кеннеди, осуществление плана должно было быть поручено Пино Мачадо. По слухам, летом и осенью 1963 года Мачадо оперировал из Мехико-сити.

33

Еще одно письмо из Гаваны с распоряжениями привести в исполнение план убийства Кеннеди было перехвачено в Майами (Флорида) в декабре 1962 года. Сравнение обоих писем показало, что они были написаны одной рукой.

Дорогой Бернардо!

Сегодня Карлос передал мне новый номер твоего почтового ящика... Я уже сообщил твоим друзьям в Майами и Пассаике, а также в Вашингтоне, точные инструкции о покушении на Кеннеди в Вашингтоне или во время его визита в Бразилию. Необходимо поразить империализм в самое сердце... Мы, кубинцы, шествуем в ногу с мировым коммунизмом. Россия не может все брать на себя. Если мы добьемся успеха, империализм будет парализован. Они станут уважать Фиделя и наше правительство... После такого акта вице-президент Джонсон долгое время будет остерегаться связываться с нами... Твоя тактика по-прежнему

должна состоять в том, чтобы притворяться антикоммунистом. Ты недавно выступал по радио против Фиделя. Как я смеялся, слушая твое выступление... Фидель с нетерпением ожидает новостей.

34

Привет,

Пепе

P. S. Как твоя жена? Привет ей и брату.

Адресат письма, Бернардо Моралес-Ривера, судя по показаниям свидетелей, был убежденным анти-кастровцем, хотя вообще-то политикой не занимался. И он никогда не пользовался ящиком № 1624. Но расследование показало, что почтовый ящик под этим номером в 1-ом почтовом отделении Майами используется тайной анти-кастровской радиостанцией Радио-Либертад, расположенной в Каракасе (Венесуэла). Руководительница радиостанции заявила, что недавно кто-то проник в их студию и похитил списки людей, сотрудничающих с ними.

35

Секретная служба не смогла прийти ни к каким определенным выводам в отношении этой провокации. Действительно, трудно себе представить, чтобы заговорщики отдавали приказы об убийстве президента США, пользуясь открытой почтой. Наиболее правдоподобное объяснение: провокация была нацелена на то, чтобы дискредитировать антикастровских беглецов в глазах американских чиновников. Не исключено, что таких провокационных писем было послано гораздо больше, но лишь два из них попали в руки властей. Провокация могла иметь и побочную цель: изучить приемы и методы работы Секретной службы, спровоцировав ее на крупное расследование, которое могли наблюдать кубинские агенты. Наконец, правдоподобным представляется и замысел двойного обмана: представить эти письма впоследствии как провокацию антикастровцев, пытающихся таким образом свалить вину за убийство Кеннеди на правительство Кастро. Вспомним, что и Освальда кубинские агенты как минимум дважды пытались представить анти-кастровцем.

Так или иначе, несколько важных выводов можно сделать из этой истории:

а) Уже осенью 1962 года кто-то в Гаване тщательно обдумывал все "за" и "против" убийства американского президента.

б) Исходя из допущения, что вся почта, идущая в США из Кубы, перлюстрируется, заниматься этими планами могли только представители кубинских властей.

в) Секретная служба проводила разветвленное расследование заговора на жизнь президента Кеннеди, исходящего из Гаваны, за год до его убийства, но не сообщила об этом расследовании Комиссии Уоррена.

Не сообщила она и о другом эпизоде, имевшем место в Чикаго

в октябре 1963 года. Была получена информация о том, что четыре вооруженных кубинца планируют напасть на президента 2 ноября, когда он должен был посетить футбольный матч между командами армии и военно-воздушных сил. Секретная служба в Чикаго была поставлена на ноги, но злоумышленников отыскать не удалось, и президента убедили отменить поездку. Агент Секретной службы, негр Абрахам Болден, пытавшийся сообщить об этом эпизоде Комиссии, был обвинен в намерении получить взятку и осужден на длительный срок на основании показаний двух профессиональных фальшивомонетчиков.

36

Освальд в кубинском посольстве в Мехико-сити

Десятки свидетелей, сталкивавшихся в жизни с Освальдом, отмечали его скрытность как главную черту. Но в автобусе, везшем его из Хьюстона в Мехико-сити в сентябре 1963 года, он словно преобразился: заговаривал с попутчиками и каждому рассказывал, что едет в Мехико-сити, чтобы получить визу для поездки на Кубу. Он, мол, хочет своими глазами увидеть достижения кубинской революции и взглянуть на Фиделя Кастро.

37

Примерно так же описали цель его визита и кубинский консул Эусебио Аскуэй и секретарша-мексиканка, Сильвия Дюран. В рассказах этих двоих многое совпадает (см. выше, стр. 150—151), но есть и существенные расхождения. Например, Сильвия Дюран говорит, что Освальд посетил консульство три раза, но все эти визиты имели место в один день: в пятницу 27 сентября. Она категорически настаивает на этом. Сначала она объяснила ему, что необходимо для заполнения заявления на визу. Он ушел, чтобы сделать фотографии, вернулся с ними, она заполнила заявление, приколола фотографии, и после этого Освальд отправился в советское посольство, чтобы получить советскую визу, ибо, как он объяснил, он хочет посетить Кубу по дороге в Советский Союз. Консул же заявляет, что третий и последний визит мог иметь место только в субботу, 28 сентября. Именно во время этого визита Освальду объяснили, что визу придется ждать долго, и он закатил страшный скандал.

38

39

Однако Си-Ай-Эй, прослушивавшее телефонную связь между советским и кубинским посольствами, имеет запись разговора между Освальдом и советским охранником Обьедковым, состоявшегося во вторник, 1 октября. Именно во время этого разговора Освальд назвал себя и сказал, что в субботу его принимал товарищ Костиков. "Тогда вам лучше поговорить с ним самим". — "Хорошо, я сейчас приду", — ответил Освальд.

40

Есть и другие противоречия. Например, секретарша говорит, что заявление на визу заполнялось в двух экземплярах, а консул — что непременно в шести. Консул говорит, что Освальд показал документ, свидетельствующий о его членстве в коммунистической партии Америки; секретарша говорит, что никакого членского билета она не видела и что настоящие коммунисты не путешествуют с билетами, потому что это опасно. Она спросила Освальда, почему американская компартия не организовала его поездку, связавшись напрямую с кубинской компартией, как это обычно устраивается для коммунистов, на что Освальд ответил, что у него не было времени ждать.

Главное же расхождение состояло в том, что секретарша опознала в визитере Освальда, консул же заявил, что человек, убитый Джеком Руби в Далласе, вовсе не похож на американца, скандалившего у них в консульстве. Да-да, он абсолютно уверен в этом: тот был высокий, лет 35-ти, с острым носом и выдвинутым подбородком.

Как, спросили изумленные члены Комитета Стокса, вы хотите сказать, что посетитель представил фотографии на визу, вот эти самые, приколотые к представленному вами же документу, на которых явно изображен Освальд, и ни вы, ни секретарша не заметили в тот момент разницы? Ну, я ведь тогда не вглядывался в фотографии, сказал консул. "Вы полагаете, что секретарша была в сговоре с посетителем и разрешила ему принести чужие фотографии?" — "Нет, что вы, в ее честности я не сомневаюсь". — "Когда вы увидели Освальда на фотографиях и экранах и обнаружили разницу, вы, наверное, немедленно подали своему начальству доклад о столь важном факте". — "Я доложил устно. Не помню точно кому, но доложил".

(Надо заметить, что кастровцы часто врут не очень гладко. Например, когда стало ясно, что, под давлением мирового общественного мнения, придется выпустить из застенка поэта Армандо Валладареса, отдел дезинформации кубинской госбезопасности срочно подготовил в 1981 году "материалы", доказывающие, что Валладарес служил в тайной полиции режима Батисты, за что и был посажен в тюрьму. Было изготовлено даже соответствующее "удостоверение", в котором цвет глаз и дата рождения оказались указаны неправильно, рост дан в сантиметрах, вес — в килограммах, хотя до победы кастровской революции на Кубе использовались в качестве мер длины и веса футы и фунты.)

Вспомним, что Сильвия Дюран и Аскуэй давали показания в 1978 году. К этому времени, среди новых загадок, версий и недоумений, всплыло одно обстоятельство, которое ставило в тупик многих исследователей: секретные камеры Си-Ай-Эй, фотографирующие всех входящих в кубинское и советское посольства, не запечатлели Освальда. Кое-кто пытался использовать это как доказательство того, что Освальд туда вообще не являлся или что это опять был вездесущий

двойник. (Хотя непонятно, почему камеры не сфотографировали хотя бы двойника.) Но так как визит был зафиксирован другими средствами наблюдения и свидетельскими показаниями самих работников посольства, возникал опасный для кубинцев вывод: Освальда привозили и увозили на машине или давали ему возможность каким-то другим способом тайно проникнуть на территорию посольства. Что, в свою очередь, означает, что он отнюдь не был рядовым, никому неизвестным посетителем: его ждали. Именно этот опасный аспект и пытался замазать консул Аскуэй своим неуклюжим враньем.

Примечательно, что и консул, и секретарша, у которых было в избытке времени, чтобы сделать историю гладкой (14 лет), признали, что Освальда принимали в консульстве и в нерабочие часы, когда всем прочим посетителям доступа не было. Имя и телефон Сильвии Дюран были обнаружены в бумагах Освальда после ареста. Ее знакомые поговаривали о том, что она была его любовницей. Есть свидетельские показания, указывающие на то, что Освальд посещал Мехикосити не один раз: в автобусе он рекомендовал двум попутчикам недорогой, "но приличный отель "Куба", где он всегда останавливался"; горничная из этого отеля тоже говорила, что он приезжал и раньше. Нашлись также свидетели, которые видели Освальда в конце сентября на вечеринке в доме мексиканского коммуниста, Рубена Дюрана. Они утверждали, что привела его туда Сильвия Дюран (родственница хозяина дома) и что консул Аскуэй тоже присутствовал там.

Об этих свидетелях стоит рассказать подробно.

Елена Гарро де Паз, известная мексиканская журналистка и драматург, чьи пьесы шли не только в Мексике, но и в других странах, была замужем за поэтом и дипломатом Октавио де Паз. Она получила образование в Университете Беркли (Калифорния) и в Парижском университете, долго жила за границей. В Мексике она активно участвовала в деятельности Си-Эй-Си — организации, защищающей интересы крестьян. Коммунизм и коммунистов она ненавидела и часто выступала с разоблачительными статьями против них. Но родственные связи с кузенами Дюранами, которые были сторонниками коммунистов, не порывала. Да и сестра ее, Дева, была настроена прокоммунистически. Именно в качестве родственницы она, с дочерью Эленитой, и оказалась в конце сентября 1963 года на вечеринке в доме Рубена Дюрана, где увидела Освальда, а также слышала, как консул Аскуэй в разговоре с мексиканским писателем-коммунистом Эмилио Карбалидо (про которого было известно, что он кастровский агент) горячо и гневно обсуждали политику президента Кеннеди в отношении Кубы и пришли к выводу, что Кеннеди необходимо уничтожить.

Когда пришло известие об убийстве президента, мать и дочь Гарро де Паз с первого же момента, еще не увидев портретов Освальда, были

убеждены, что преступление это — дело рук Кастро. Их уверенность и гнев были так сильны, что на следующий день, 23 ноября 1963 года, они попросили брата Елены Гарро отвезти их к кубинскому посольству и, когда их пустили в здание (смущенный их поведением брат остался в машине, отъехав на квартал), начали кричать в лицо сотрудникам посольства: "убийцы! убийцы!" 50

В тот же день их посетил друг, Мануэль Кальвилло, которого они считали связанным с мексиканской тайной полицией. Он заявил, что их жизни угрожает опасность со стороны коммунистов и что он хочет забрать их на несколько дней в укромный отель, где они будут в безопасности. 51

Уже находясь в отеле, мать и дочь Гарро увидели портреты Освальда и опознали в нем американца, которого они встретили на вечеринке у Рубена Дюрана. Причем возможность ошибки здесь исключается, ибо сам Рубен впоследствии не отрицал того факта, что Освальд был у него, только умолял их никому не рассказывать об этом. Он говорил, что сам-то он вовсе не коммунист, просто сочувствует некоторым их идеям. Он также не выражал никакого сомнения в том, что президент Кеннеди был убит по приказу Кастро, но говорил, что "это было большой ошибкой". 52

Сестра Елены, Дева, тоже узнала Освальда и была крайне напугана. Несмотря на свои прокоммунистические симпатии, она проклинала Дюранов, ибо считала, что они приняли участие в заговоре на жизнь американского президента за деньги. Месяца через два после убийства ей нанесли визит два коммуниста, которые заявили, что если она кому-нибудь расскажет, что Освальд был на вечеринке, пусть пеняет на себя. Она была в таком ужасе, что отказалась пойти в американское посольство вместе с Еленой и Эленитой. 53

Мать и дочь Гарро все же решились рассказать американским дипломатам о случившемся, хотя друзья не рекомендовали им этого делать, уверяя, что американское посольство в Мексике кишит коммунистическими агентами. Американцы выслушали женщин холодно, явно демонстрируя отсутствие интереса и недоверие. Теория "убийцы-одиночки" к тому времени уже восторжествовала в официальных кругах. Лишь один дипломат, Чарльз Томас, близко познакомившийся с Еленой Гарро, записал ее историю и пытался заинтересовать ею свою начальство в 1965 году. Однако его доклад был положен под сукно и засекречен, а сам он отозван из Мексики и в 1969 году уволен с дипломатической службы. Два года он пытался найти работу, разослав 2000 заявлений, но безуспешно. В 1971 году Чарльз Томас покончил с собой. В 1974-ом сенатский комитет признал его увольнение ошибкой и посмертно восстановил его доброе имя. 54

Летом 1966 года один знакомый сообщил Елене Гарро, что с ней хочет познакомиться кубинский посол Хернандес. На устроенной

с этой целью вечеринке посол рассыпался в комплиментах, расхваливал произведения Елены Гарро и пригласил ее приехать в Гавану на ежегодный литературный фестиваль. Несколько дней спустя посыльный из кубинского посольства доставил пакет с рекламными проспектами фестиваля. В этом же пакете было другое письмо, на конверте которого стояло название того отеля, где Елена Гарро укрывалась с дочерью в первую неделю после убийства президента Кеннеди. (То есть адрес, как и в провокационных письмах из Гаваны, описанных выше на стр. 261—264, был вымышленный, но включал в себя название отеля.) Была ли это оплошность кубинских чиновников, выдававшая их осведомленность о том месте, где укрывались мать и дочь, или они нарочно хотели показать Елене Гарро, что следят за ней весьма внимательно, — так или иначе, ей стало ясно, что укрыться от кубинских коммунистов очень трудно. На фестиваль в Гавану она, конечно, не поехала, но впоследствии отказалась давать показания Комитету Стокса.

55

Тем не менее, история, рассказанная Еленой и Эленитой Гарро, подтвержденная косвенно другими свидетелями и изложенная в мемуарнуме Чарльза Томаса, не может вызывать сомнений у непредвзятого наблюдателя. Вывод из нее может быть лишь один: Сильвия Дюран и Эусебио Аскуэй лгут. Лгут, как и полагается хорошим коммунистам, на пользу партии и в соответствии с приказами партийного начальства, лгут, не смущаясь противоречиями в своих показаниях, лгут, потому что уверены в своей безнаказанности.

Но это отнюдь не значит, что оба эти свидетеля были участниками заговора. Их поведение скорее говорит об обратном. Ибо, если бы они знали, какая роль отводится Освальду, они бы никогда не посмели появиться с ним на людях. Скорее всего, инструкции, полученные ими от начальства, гласили лишь одно: Освальд — свой, поэтому его надо принимать в консульстве и в нерабочие часы, надо помогать ему приходить и уходить незамеченным. Приглашая Освальда с собой на вечеринку к Рубену, Сильвия Дюран, видимо, и не подозревала, чем это может ей грозить впоследствии. После убийства президента мексиканская полиция арестовала ее и допрашивала весьма сурово. Но, судя по всему, ничего существенного Сильвия Дюран не могла рассказать им. Она изворачивалась, огрызалась, отругивалась, даже лягнула полицейского в пах. Тем не менее допросы довели ее до психического расстройства, и писатель-коммунист, Эмилио Карбалидо, увез ее куда-то на отдых. (Кстати, этот Карбалидо потом провел год на Кубе, а после этого получил профессорскую должность в университете Ратгерс, в штате Нью-Джерси.)

56

Получение визы для поездки на Кубу было лишь предлогом для визита Освальда в кубинское и советское посольства. (А то можно

подумать, что за четыре года, прошедшие с его приезда в Москву, он успел забыть, как надо попадать в коммунистические страны.) Главная цель — встретиться с людьми, дающими задания. Освальд не мог решиться на такое опасное предприятие, имея заверения только тех кубинских агентов, которые манипулировали им в Новом Орлеане. Ему нужны были обещания более крупных фигур. Мы уже знаем, что в советском посольстве он встречался с начальником всей диверсионно-подрывной сети Западного полушария, Костиковым. Судя по показаниям кубинского разведчика-перебежчика, в кубинском посольстве он встретился с агентами кубинской госбезопасности Мануэлем Вега Перес, Роджерио Родригесом Лопесом и Луизой Кальдерон Карралеро. Это была та самая Кальдерон, которая в день убийства президента, на вопрос своей знакомой "ты знаешь новости?", ответила: "Конечно, я узнала об этом чуть не раньше самого Кеннеди". (В дальнейшем разговоре Кальдерон подтвердила, что она не шутит, что в кубинском посольстве о покушении знали заранее.) Та самая Кальдерон, которую американский посол Томас Манн включил в список сотрудников кубинского посольства, причастных к убийству президента, рекомендуя Вашингтону попросить мексиканское правительство задержать их для допроса. Та самая Кальдерон, которая в декабре 1963 года покинула Мехико-сити и, по сообщениям все того же кубинского перебежчика, жила в дорогом районе Гаваны, получая регулярно зарплату от Ди-Джи-Ай (кубинская госбезопасность), хотя и не выполняя никаких поручений для этой организации.

Еще один свидетель видел Освальда в кубинском посольстве. Педро Гутьерес Валенсия работал кредитным контролером в большом универсаме в Мехико-сити и пришел в посольство 30 сентября или 1 октября 1963 года, чтобы проверить кредитоспособность одного покупателя, работавшего там. Уходя из здания, он услышал громкий разговор на английском языке, в котором мелькали слова "Кастро", "Куба", "Кеннеди". Он оглянулся и увидел, что разговаривают неизвестный ему кубинец и американец, в котором он впоследствии опознал Освальда. Кубинец при этом отсчитывал американские доллары и передал пачку Освальду. Затем оба прошли к автомобилю, кубинец сел за руль, впустил Освальда, и оба уехали с территории посольства. Пара показалась Гутьересу подозрительной, он попытался проследить, куда поехал автомобиль, но быстро потерял его из вида.

Обо всем этом Гутьерес написал президенту Джонсону в письме от 2 декабря 1963 года. Агенты ФБР допросили его о подробностях и не обнаружили никаких противоречий в его рассказе, а самого его нашли человеком обстоятельным и достойным доверия. Тем не менее, следуя линии своего шефа, они сослались на то, что встреча была слишком мимолетной, поэтому нет полной уверенности, что Гутьерес видел именно Освальда. Напомним, что, по данным телефонного под-

слушивания, именно 1 октября Освальд звонил из кубинского посольства в советское и заявил, что сейчас придет.

61

Говорит обвиняемый

После длительных и деликатных переговоров кубинское правительство согласилось впустить представителей Комитета Стокса на Кубу и ответить на интересующие их вопросы. В конце марта — начале апреля 1978 года члены комитета во главе с самим председателем, Луисом Стоксом, прибыли в Гавану. Так как они заранее передали кубинским властям список интересующих их вопросов, многие нужные материалы и свидетели были подготовлены и предоставлены в их распоряжение. Три дня интенсивной работы принесли много интересных результатов, особенно в отношении поездок на Кубу Джека Руби (см. выше, глава 7). Наконец, 3 апреля американцев принял сам Фидель Кастро.

62

Интервью (именно интервью, а не снятие показаний) продолжалось четыре часа. Главным образом, американцы хотели получить ответы на три вопроса.

63

Во-первых, их интересовало, что было известно мистеру Кастро о визитах Освальда в кубинское посольство и как он расценивает заявление консула Аскуэя о том, что в посольство приходил не Освальд, а совсем другой человек. Кастро отвечал длинно, сбивчиво, противоречия объяснить не мог, но заявил, что Аскуэй, безусловно, честный человек и ему можно верить. Дольше всего он говорил о том, что вот если бы Освальд съездил на Кубу и потом, вернувшись в Америку, убил президента Кеннеди, вот это была бы провокация огромного масштаба. А кому она была нужна? Кто хотел, чтобы Освальд сначала съездил на Кубу? То-то и оно.

64

Во-вторых, члены Комитета Стокса спросили, правда ли, что в интервью, данном британскому журналисту Комеру Кларку в июле 1967 года, мистер Кастро рассказывал, что во время визита в кубинское посольство Освальд выкрикивал угрозы в адрес президента Кеннеди и заявлял, что пора его уничтожить. Кастро отвечал, что это абсолютная ложь от начала до конца, что никакого Кларка он в глаза не видел и что, если бы Освальд, действительно, выкрикивал такие угрозы, моральным долгом кубинских дипломатов было бы предупредить американское правительство.

65

Наконец, третий вопрос касался прямых угроз, оброненных Кастро во время интервью, данного корреспонденту Эссошайтед-пресс, 7 сентября 1963 года, в бразильском посольстве в Гаване: "Если американские лидеры и впредь будут готовить покушения на жизнь кубинских руководителей, пусть не думают, что сами они остаются

неуязвимыми... Мы будем отбиваться и ответим тем же" (см. выше, стр. 151). Кастро не отрицал этого интервью, но заявил, что слова его имели единственную цель — показать американскому правительству, что кубинцы знают о готовящихся заговорах, о засылаемых агентах, и что они считают это крайне вредной практикой в международных отношениях, создающей опасный прецедент.

66

Но наиболее пространно Кастро говорил о том, каким безумием было бы, с их стороны, пытаться убить американского президента. Ведь это дало бы Америке повод для прямой агрессии против Кубы, а именно этого он больше всего опасался и всеми силами старался избежать. Да и кто, каким образом мог отсюда, с Кубы, спланировать и осуществить такое тонкое дело?

67

Снова и снова, с многословием профессионального оратора, возвращается он к этой теме. На вежливых американцев изливается поток демагогии, но приличия не позволяют им остановить премьера и указать на противоречия в его словах. То он говорит, что для них, коммунистов, нет никакой разницы, кто стоит у власти в Америке, ибо, с их точки зрения, во всем виновата капиталистическая система. Тут же, забыв об этом, заявляет, что если бы в 1960 году на выборах победил Никсон, вторжение в Заливе свиней, скорей всего, было бы поддержано всей мощью американской авиации, поэтому они очень оценили сдержанность, проявленную Кеннеди. "Мы систематически отказывали в визах американцам, но вот если бы у него была советская виза, то транзитную мы бы ему выдали", — говорит он. Как будто убийца, захвативший в Гавану по дороге в Советский Союз, уже не бросил бы тень на Кубу.

68

В официальном отчете Комитет Стокса заявил, что он "имел веские основания прийти к заключению, что кубинское правительство не принимало участия в убийстве Кеннеди". Но сам Блэйки (административный директор Комитета Стокса) в своей книге "Заговор на жизнь президента", перечислив четыре главные аргумента в пользу такого вывода (в те дни как раз делались шаги к примирению между двумя странами; опасность военного возмездия со стороны США; агенты Кастро не были пойманы с поличным; готовность кубинцев дать показания), приводит и пятый, самый главный, оставшийся неназванным аргумент:

Как официальная правительственная организация Комитет обязан был объявить кубинское правительство незамешанным, если у него не было веских доказательств обратного. Но как частные лица мы не были связаны подобным обязательством. И по правде сказать, мы не считали, что вопрос о кубинской замешанности в заговоре был полностью прояснен; многие опасные вопросы остались неразрешенными... /В том числе/ мы не получили ясного ответа на вопрос, когда был разоблачен Кубела...

69

Последний вопрос, действительно, задать было не очень-то удобно. Ибо, сформулированный без обиняков, он должен был бы звучать примерно так: "Когда вам стало известно, что американское правительство (полномочными представителями которого мы являемся) вербовало убийц среди гангстеров и среди ваших собственных сотрудников, платило им деньги и снабжало отравляющими веществами, которые должны были быть использованы против вас лично?"

Интересно, на что рассчитывали члены Комитета Стокса, прося Кастро об интервью? Что он проговорится и выдаст себя? Или зарыдает и во всем сознается? Или просто любопытство щекотало им нервы и так уж хотелось встретиться с самым знаменитым разбойником мира? (О Кадаффи тогда еще не было слышно.) Разве нельзя было предвидеть, что они ставят себя в ситуацию, при которой у них не останется другого выхода, как заявить публично на весь мир, что Кастро говорит правду, то есть прикрыть своей репутацией и авторитетом любую его ложь?

А ведь за 20 лет они имели достаточно случаев убедиться в "правдивости" кубинского диктатора. Еще 17 апреля 1959 года, на пресс-конференции в Вашингтоне, он заверял собравшихся журналистов, что его движение не имеет ничего общего с коммунизмом. "Демократия — мой идеал", — заявил он два дня спустя, выступая по телевидению. А между тем на Кубе уже полным ходом шла экспроприация частной собственности, конфискация земель, восхваление классовой борьбы и аресты ни в чем не повинных людей. Три года спустя тот же "правдолюбец" вторил своему шефу, Хрущеву, заявляя, что на Кубе нет советских ракет. Нечего и говорить о той пропагандной лжи, которая захлестывает кубинские газеты и эфир каждый день и которая даже не считается ложью по коммунистическим понятиям.

В своей речи-интервью, обращенной к американским гостям, Кастро заявляет, что они вообще против террора, что террором занимались другие революционные группы, но не коммунисты. Но чем как не террором занимались кастровские агенты, охотившиеся в США за кубинскими беженцами, чем занимался упоминавшийся выше Пино Мачадо в Никарагуа и Че Гевара — в Боливии?

На протяжении этого расследования мы уже много раз сталкивались с фактом беспомощности американской судебно-правовой системы перед лицом профессионального бандитизма. Сколько бы преступлений ни числилось за матерым гангстером, американский суд снова и снова пытается отнестись к нему как к нормальному гражданину, имеющему те же права, что и любой другой член общества, распространяет на него принцип презумпции невиновности. Члены Комитета Стокса были, по большей части, юристами и, разговаривая с Кастро, находились целиком во власти американской правовой традиции. Этот человек говорит — мы обязаны его слушать и верить ему, если

у нас нет доказательств обратного. Но разве не требовала справедливость, чтобы при оценке правдивости говорящего были выслушаны и сотни тысяч жертв, замученных безжалостным диктатором за годы безраздельной власти?

Кубинский поэт Армандо Валладарес провел в кастровских застенках 22 года. Под нажимом мировой общественности и по личной просьбе французского президента Миттерана, он был выпущен на свободу и смог рассказать всему миру о кубинском ГУЛАГЕ в книге "Вопреки безнадежности". Любая страница этой книги — лучший комментарий к словам Кастро "мы против террора".

72

"Бегом! По два!" — закричали охранники. Они начали толкать и колоть заключенных примкнутыми штыками. Мы видели, как те побежали, и было страшно смотреть, как кровь капала с их ног, как темнели от крови штаны. Один из них споткнулся, упал, и охранник прыгнул на него сапогами. Они начали пинать его, пока он не потерял сознание и не остался лежать там в луже крови. Потом его оттащили за руки. Как мы позже узнали, это было обычное развлечение охранников.

73

Они уже избивали моих друзей. Я слышал глухой град ударов, крики...

"Вставай, ты, пидор!" — крикнул охранник и замахнулся... Я лежал на полу, и они избивали меня. Они избивали меня кусками кабеля. Каждый удар был как прикосновение раскаленного докрасна железа, но вдруг я испытал самую страшную, самую свирепую боль в своей жизни. Это один из охранников прыгнул всей тяжестью на мою сломанную, пульсирующую болью ногу.

74

Охранник нашел ведро... отнес его к уголовникам и велел им мочиться и испражняться в него... Потом добавил немного воды и взобрался на решетку, заменявшую потолок в наших камерах... Шок холодного душа разбудил меня. Я был облит с ног до головы и сидел посреди вонючей лужи. По шее и лицу соскальзывали куски экскрементов... От изумления я открыл рот, и один кусок оказался у меня во рту.

75

Живая цепь тянулась от каменоломни до места погрузки. Мы передавали камни из рук в руки... Иногда острые края резали ладони, но цепь не останавливалась, и вскоре мы передавали куски гранита, потемневшие от крови. Если уронишь камень, ритм движения сообразится и десятник подбежит и начнет избавлять тебя штыком. От этой работы внагибку, с болтающимися как маятник руками, передающими камни от человека к человеку,

76

начиналась дикая боль в спине... Если же попытаешься распрямиться, десятник подбежит и огреет штыком...

На следующее утро они заварили все двери. Лейтенант Круц, начальник политической полиции, сказал, что это сделано по личному распоряжению Кастро...

Военный доктор был коммунистом, старавшимся походить на Ленина... Я попросил его осмотреть мою ногу. Он глянул через глазок в двери и сказал, что надеется, что там получится отличная гангрена и "тогда он зайдет и самолично оттяпает ногу". 77

В книге есть фотографии. Рядом с именами идут краткие пояснения: "жертва биологических экспериментов; задохнулся в закрытом грузовике во время перевозки; убит при попытке к бегству; этому выстрелили в гениталии; заколот штыками; жертва биологических экспериментов; чуть не сошел с ума от пыток; ранен девятью пулями, когда пытался помочь товарищу; руки изрублены мачете в тюрьме Ла Кабана".

Но имена есть у считанных жертв. А сколько погибло без следа?

Сам Валладарес был брошен в тюрьму бессрочно только за то, что отказался поставить на своем столе в учреждении табличку с прокастровским лозунгом. (Он понимал, что это ему даром не пройдет, но думал, что дело ограничится увольнением.) И если кубинский диктатор обрекает на мучительную гибель за такую провинность, то что он должен был испытывать по отношению к человеку, который — как он был уверен — посылал к нему убийц?

Перечень улик

Если обвинение в убийстве президента Кеннеди будет когда-нибудь предъявлено Кастро в нормальном суде, прокурор в своей вступительной речи сможет просуммировать имеющиеся улики в хронологическом порядке.

1961—1962 ГОД. Где-то в это время Кастро узнает о том, что Си-Ай-Эй вербует гангстеров, которым поручено его уничтожить, снабжает их деньгами и ядами.

АВГУСТ 1962. Кастровский агент, Роландо Кубела, встречается с представителем Си-Ай-Эй и, в провокационных целях, предлагает организовать переворот на Кубе, который должен начаться убийством Кастро, его ближайших приближенных и советского посла.

НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ 1962 ГОДА. Из Гаваны в США посланы провокационные письма, в которых неизвестным лицам отдан приказ осуществить покушение на жизнь президента Кеннеди. Секретная служба начинает разветвленное расследование этого дела.

ФЕВРАЛЬ 1963 ГОДА. Кубинский агент, выступающий под именем Мануэль Ривера, с помощью Роберта Эстерлинга, организует пробную пристрелку итальянского карабина, сохраняет при этом использованные пули и гильзы.

ИЮНЬ—ИЮЛЬ 1963 ГОДА. Флоридский мобстер Сантос Трафиканте заявляет в разговоре с кубинским эмигрантом Алеманом, что президент Кеннеди не дотянет до следующих выборов, что "его уже взяли на мушку". (Это тот самый Трафиканте, чью организацию в Гаване Си-Ай-Эй пыталось использовать для убийства Кастро.)

ИЮНЬ 1963 ГОДА. Гангстер Руби, имеющий тесные контакты с кубинскими коммунистами, приезжает в Новый Орлеан и получает чемодан с деньгами.

5 АВГУСТА. В Новом Орлеане Освальд является в магазин кубинского эмигранта Брингуэра, пытается прикинуться антикастровцем.

7 СЕНТЯБРЯ 1963 ГОДА. Кастро дает интервью в Бразильском посольстве, предупреждая американских руководителей, что их попытки уничтожить кубинских лидеров могут ударить по ним же, как бумеранг.

В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ. Кастровский агент Роландо Кубела встречается в Бразилии с представителем Си-Ай-Эй, обсуждает планы убийства Кастро, настаивает на встрече с видным представителем американского правительства, желательно с Робертом Кеннеди.

СЕНТЯБРЬ 1963 ГОДА. Освальд полностью прекращает свою прокастровскую пропаганду и отныне появляется только в компании крайне правых.

24—25 СЕНТЯБРЯ 1963 ГОДА. Кубинские агенты, с помощью Роберта Эстерлинга, вывозят Освальда из Нового Орлеана, доставляют его в дом Сильвии Одио и пытаются представить как антикастровца, который готов убить президента Кеннеди из мести за "предательство".

27 СЕНТЯБРЯ 1963 ГОДА. Освальд появляется в кубинском посольстве, в Мехико-сити, принят как свой.

КОНЕЦ СЕНТЯБРЯ 1963 ГОДА. Вечеринка в доме Рубена Дюрана, где присутствуют мексиканские коммунисты, кубинские дипломаты и Освальд и где вслух обсуждается необходимость уничтожить президента Кеннеди.

ОКТАБРЬ 1963 ГОДА. Освальд приезжает в Даллас и вступает в контакт с Джеком Руби — гангстером, имеющим давнишние связи с кубинской контрразведкой.

29 ОКТАБРЯ 1963 ГОДА. Кубела встречается в Париже с высокопоставленным офицером Си-Ай-Эй, Десмондом Фитцджеральдом, который представляется как личный посланник Роберта Кеннеди и заверяет его, что планы убийства Кастро и переворота на Кубе одобрены на высшем уровне.

СЕРЕДИНА НОЯБРЯ 1963 ГОДА. Освальд упражняется на стрельбище в окрестностях Далласа, в компании неизвестных латиноамериканцев, которые привозят и увозят его на автомобиле, предоставляют в его распоряжение разные ружья.

18 НОЯБРЯ 1963 ГОДА. Кубела соглашается ждать в Париже присылки ружей с прицелами и отравленного пера.

20 НОЯБРЯ 1963 ГОДА. В Гаване Кастро неожиданно навещает французского журналиста Жана Даниэля в его отеле, проводит в разговоре с ним много часов, расспрашивает о Кеннеди, о Джонсоне и о том, кто из этих двоих имеет большую власть над Си-Ай-Эй. Уходит глубокой ночью.

22 НОЯБРЯ 1963 ГОДА. В Париже Фитцджеральд снова встречается с Кубелой, заверяет его в поддержке американского правительства, вручает отравленное перо.

В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ. В Гаване Кастро приглашает журналиста Даниэля к себе в резиденцию на ланч, дает ему возможность увидеть себя в момент получения трагической вести и затем рассказать всему миру, как озабочен и встревожен был кубинский премьер, как он сразу предсказал, что их, кубинцев, попробуют обвинить в убийстве президента Кеннеди.

В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ. В Мехико-сити агент кубинской разведки Луиза Кальдерон в разговоре с приятельницей проговаривается, что в кубинском посольстве об убийстве президента знали заранее.

В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ. Вылет самолета кубинской авиа-компании Кубана Эйрлайнс из Мехико-сити был задержан на пять часов. Самолет поднялся в воздух лишь после того, как в 10.30 вечера принял на борт пассажира, прибывшего на двухмоторном частном самолете. Этот пассажир не проходил таможенный досмотр и немедленно прошел в кабину пилотов, где и оставался в течение всего полета до Гаваны. Много лет спустя выяснилось, что звали его Мигуэль Касас Саез, что был он доверенным человеком Рауля Кастро, что знал русский язык и что с начала ноября по 22-е число он находился в Далласе.

ДЕКАБРЬ 1963 ГОДА. Кубинские агенты пытаются запугать Елену Гарро и ее родственников, грозят возмездием, если они проговорятся, что видели Освальда на вечеринке вместе с кубинскими дипломатами.

1966 ГОД. Роландо Кубела арестован в Гаване и предан суду за изменническую деятельность, но все обвинения ограничились его "преступлениями", совершенными в период 1964–1966 годов. Ни слова не было сказано о его контактах с Си-Ай-Эй до 1964 года.

1967 ГОД. Во время расследования Гаррисона Кастро пытается укрепить версию "Освальд — убийца-одиночка" и в интервью, данном Комеру Кларку, заявляет, что в кубинском посольстве Освальд выкрикивал угрозы в адрес президента Кеннеди.

1978 ГОД. Кубинцы, в своем стремлении обелить себя, предоставляют Комитету Стокса туристскую карту Руби, тем самым выдавая тот факт, что он был у них на крючке с 1959 года.

Теперь Большое жюри может удалиться на совещание и решить, достаточны ли представленные материалы для привлечения подозреваемого к суду. И если суд найдет Кастро виновным, пусть судья и решает, насколько вина подсудимого смягчается тем обстоятельством, что он действовал в порядке самозащиты.

30. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Кто стрелял?

Через две минуты после убийства президента, в здании Дал-Текс на Дэйли-плаза был арестован человек, который вел себя подозрительно. Его отвели в контору шерифа и допросили. Он сказал, что накануне прилетел в Даллас из Калифорнии по своим нефтяным делам, что в здание Дал-Текс зашел в поисках телефона, что зовут его Джим Браден. В качестве документов представил водительские права и кредитную карточку. Через три часа его отпустили, не сфотографировав, не сняв отпечатки пальцев.

Короткий протокол допроса Джима Брадена спокойно пролежал в 24-ом томе приложений к Отчету комиссии Уоррена несколько лет. Лишь в 1969 году, по чистой случайности, проверили номер водительских прав, оставленный им, и обнаружили, что имя Джим Браден этот человек официально получил лишь 10 сентября 1963 года, а до этого его звали Юджин Хэйл Брадинг. И что был он закоренелым преступником, условно освобожденным после пяти лет тюрьмы и обязанным регулярно отмечаться в полиции.

Список нарушений закона, совершенных Браденом-Брадингом (имеются в виду только те, на которых он попался), покрывал 30 лет и насчитывал 35 преступлений. Среди них: организация незаконного игорного бизнеса в Майами, кража автомобиля, укрывательство краденного, жульничество, вымогательство и т. д., и т. п. Властям были известны несколько других имен, под которыми он оперировал. С 1954 по 1959 год он сидит в тюрьме за финансовые махинации с деньгами богатой вдовы, на которой он женился в корыстных целях. Получив условное освобождение, он принимает облик солидного бизнесмена-нефтепромышленника, разъезжает по всей стране, аккуратно информируя полицию о своих поездках.

Попробуем проследить действия и перемещения этого мошенника в 1963—1964 годах.

Летом 1963 года его брак с очередной богатой вдовой, Милдред Боллман (ее покойный муж сделал карьеру и нажил состояние, работая казначеем в профсоюзе тимстеров) начал давать трещины, что было чревато для Брадинга серьезными финансовыми затруднениями.

Летом и осенью 1963 года он многократно летает в Новый Орлеан, где посещает (так он докладывал полиции) контору нефтяного геолога в кабинете №1701 в здании Пер-Маркуэт. В кабинете №1707 того

же здания располагается контора адвоката Карлоса Марселло, который как раз в эти дни нанял для неизвестных целей небезызвестного нам Дэвида Ферри.

24 октября жена Брадинга добивается развода.

21 ноября Брадинг, в сопровождении некоего Моргана Брауна, прибывает в Даллас, отмечается в полиции и говорит, что прибыл, чтобы вести переговоры с нефтепромышленником Ламаром Хантом. В тот же день здание, в котором находилась контора Ханта, "случайно" посетил Джек Руби.

Вечером того же дня Джек Руби провел около часа в Кабана-мотеле. Это был тот самый мотель, в котором остановились Брадинг и Браун.

22 ноября, в 12.32 дня, Брадинг, как говорилось выше, был арестован на Дэйли-плаза, но вскоре отпущен.

В 2.01 Морган Браун выписывается из мотеля и покидает Даллас. Брадинг тоже улетает из Далласа в тот же день (или, по крайней мере, так он заявил полицейскому инспектору).

Среди прочих предприятий, приносивших ему доход, Брадинг указывал нефтяную скважину в Луизиане (штат, где оперировал Карлос Марселло), дававшую ему в месяц около 1000 долларов. За ноябрь 1963 года он указал доход от этой скважины 7642.89 доллара. Напомним, что банковский клерк заметил у Руби примерно такую же сумму наличными 22 ноября того же года (см. выше, стр. 56) и что Дэвид Ферри тоже разжился именно на 7000 вскоре после описываемых событий (см. выше, стр. 221).

В конце 1963 — начале 1964 года финансовое положение Брадинга начало стремительно улучшаться. В январе его принимают в члены шикарного клуба Ла Коста Каунтри, куда допускались только видные представители синдиката и Голливуда. Построен клуб был на заем от профсоюза тимстеров, возглавлявшегося Джимми Хоффа. Вступительный взнос — 2500 долларов. Он вкладывает деньги в различные компании: 25 тысяч в одну, 39 тысяч в другую. Он возвращается в шикарном обществе, богатые вдовы снова ищут его внимания.

По данным полиции Лос-Анджелеса, Брадинг был связан со знаменитым исполнителем приговоров мафии, Джимми Фратиано. Этот Фратиано был знаком с мэром Сан-Франциско и с его помощью получил от банка в 1965 году различных займов на 105 тысяч долларов. Полиция считала, что он был замешан по крайней мере в 16 убийствах.

В 1967 году новоорлеанский прокурор Джим Гаррисон, среди прочих подозреваемых заговорщиков, указал на некоего Юджина Брэдли. Журналист Питер Нойес отправился взять интервью у этого Брэдли, но ошибся адресом и постучался не в тот дом. Хозяин дома, поняв ошибку посетителя, сказал: "А-а, вы разыскиваете того человека, который убил президента Кеннеди". Но в полицейском управлении Лос-Анджелеса Нойес увидел в картотеке подозрительных личностей

карточку с такой надписью: "Эдгар Юджин Брэдли, Норт-Голливуд, Калифорния. Тот человек, которого Гаррисон спутал с Юджином Брадингом (Джимом Браденом)".

13

Чтобы завершить эту цепь многозначительных совпадений, следует упомянуть, что 4 июля 1968 года Брадинг находился в 100 милях от своего дома и был зарегистрирован в отеле Сенчури-Плаза в Лос-Анджелесе, то есть в 10–15 минутах ходьбы от отеля Амбассадор, где вечером того дня был убит Роберт Кеннеди.

14

Есть много указаний на то, что в 1970-е годы Брадинг действовал в кооперации с крупными фигурами синдиката. В том числе предполагают, что он был личным курьером Мейера Ланского, легендарного мобстера, который сумел нелегально вывезти из Америки миллионы долларов.

15

Несколько слов о спутнике Брадинга, Моргане Брауне. Он тоже занимался нефтяными спекуляциями, но в 1962 году его компания была лишена лицензии за неуплату налогов. В 1964 году он был обвинен в жульнической продаже акций несуществующей нефтяной скважины на 10 тысяч долларов. Когда полицейский попытался вручить ему повестку в суд, Браун накинулся на него, отнял пистолет, сорвал с него одежду, связал и начал палить направо и налево. По счастью, пули не попали в полицейского. Браун был схвачен два часа спустя в мотеле, где он забаррикадировался в одной из комнат. Он провел в тюрьме 4 года и после этого был выпущен условно.

16

Ах, как жаль, что эти два визитера, посетившие Даллас 21–22 ноября 1963 года, ускользнули от внимания Комиссии Уоррена. Ведь ничего не стоило бы показать их фотографии полицейскому Джо Смит — тому самому, который столкнулся за оградой с фальшивым агентом Секретной службы. Но Смит умер в 1970-е годы, и эта возможность уже непоправимо упущена.

Еще один подозрительный персонаж был в районе Дэйли-плаза во время убийства. Джек Лоуренс в октябре 1963 года получил работу продавца в автомагазине Линкольн-Меркьюри — том самом, куда Освальд явился впоследствии прицениваться к красному автомобилю. Хотя он представил отличные рекомендательные письма из Нового Орлеана, ни одного автомобиля он так и не продал. Впоследствии выяснилось, что рекомендации были липовые.

17

Есть сведения, что он посещал клуб "Карусель" и был хорошо знаком с сожителем Руби, Джорджем Сенатором.

21 ноября Лоуренс одолжил казенную машину. На следующий день утром он не явился на работу, и директор стал беспокоиться.

Тридцать минут спустя после выстрелов на Дэйли-плаза Лоуренс явился в вымазанной грязью одежде, бледный, покрытый потом; он пробежал через выставочный зал в уборную, где его вырвало.

Сослуживцам он сказал, что с утра был болен, но все же пытался доставить одолженный автомобиль, однако не смог из-за образовавшихся пробок и оставил его на стоянке. Два сотрудника поехали, чтобы забрать машину. Лоуренс (в прошлом служивший в авиации и числившийся отличным стрелком) оставил запаркованный автомобиль на стоянке за деревянной оградой на травяном холме / — том самом, откуда раздался третий выстрел/. 18

О его подозрительном поведении сообщили полиции, и Лоуренса задержали на 24 часа. На следующий день он оставил работу в Линкольн-Меркьюри и уехал из Далласа. Протокола его допроса нет в документах и имя его не упоминается ни в одном из официальных расследований. 19

Кто увел расследование

на ложный путь?

В ноябре 1986 года на экраны телевизоров Америки и Англии вышел шестичасовой полудокументальный фильм "Слушается дело Ли Харви Освальда". В нем приняли участие настоящий судья из Далласа, настоящие адвокат и прокурор (очень знаменитые), настоящие присяжные — 12 жителей города Далласа. Были заслушаны показания нескольких десятков реальных свидетелей — о многих из них рассказано в этой книге. Место подсудимого пустовало, но адвокат ходил перед присяжными, прижимая к груди огромный портрет Освальда, которого он ласково называл "Ли". 20

Присяжные — участники фильма — нашли Освальда виновным в убийстве президента. Но зрители фильма тоже имели возможность выражать свое мнение, звоня в студию по телефону во время премьеры. К изумлению создателей фильма, 85% звонивших (а позвонили десятки тысяч) заявили, что вина Освальда не была доказана с полной определенностью (как говорят в суде, *beyond the reasonable doubt*).

Все это показывает, что интерес к тройному убийству в Далласе не ослабевает и что спорам не суждено утихнуть в ближайшее время.

Известный журналист, Джек Андерсон, выступивший в качестве комментатора фильма, высказал свое убеждение в том, что убийство было организовано Кастро с помощью мафии. (Это тот самый Андерсон, которому гангстер Роселли поведал всю историю еще 20 лет назад — см. выше, стр. 261). Андерсон дальше сообщил интересную деталь: сразу после убийства директор Си-Ай-Эй, Джон Маккон, поспешил к Роберту Кеннеди и провел с ним три часа в секретной беседе. На следующий день он так же надолго уединился с президентом Джонсоном.

Думается, мы вправе предположить, что на этот раз он без утайки поведал двум лидерам страны все подробности покушений на Кастро, готовившихся Си-Ай-Эй.

Попробуем теперь представить дилемму, перед которой оказались президент Джонсон и генеральный прокурор, Роберт Кеннеди. Они понимали, что если бы расследование выявило участие Гаваны в убийстве президента, Кастро стал бы решительно отрицать свою вину, но предъявил бы всему миру доказательства покушений Си-Ай-Эй на него. И его доказательства, с юридической точки зрения, были бы гораздо убедительнее: имена агентов Си-Ай-Эй, даты и места их встреч с Роландо Кубелой, зловещие орудия убийства, которыми они его снабжали. К трагической гибели президента добавился бы еще несмыслимый позор. Ведь это при его власти, его подчиненные плели кровавые сети. Попробуй докажи, что он не знал о них. Смятение умов, внутренний раздор могли, действительно, довести страну до грани хаоса.

Именно это имел в виду президент Джонсон, когда, уговаривая судью Уоррена (которого он, наверняка, посвятил в тягостную тайну), употребил оборот "стране грозит утрата доверия" (см. выше, стр. 23). Во время этого же разговора президент говорил об угрозе войны и о том, что он, как главнокомандующий, приказывает судье — бывшему солдату — вернуться на службу и выполнить свой долг. Именно поэтому судья Уоррен согласился на предложенную ему роль с таким тяжелым сердцем, именно поэтому слезы блеснули у него в глазах, когда он покидал кабинет президента. Но раз приняв на себя эту обязанность, он начал трудиться не за страх, а за совесть и сделал все возможное, чтобы не дать правде пробиться на поверхность. Именно поэтому он отказался забрать Джека Руби в Вашингтон для дачи показаний, именно поэтому обрывал Джеральда Форда, когда тот начинал расспрашивать Руби о его кубинских связях (см. выше, стр. 77).

Не был заинтересован в раскрытии правды и видный член Комиссии Уоррена, Аллэн Даллес, — бывший директор Си-Ай-Эй. Ведь это под его руководством работники разведки завязали отношения с гангстерами, это при нем планировались первые покушения на Кастро, которые в конце концов спровоцировали кубинского диктатора на ответный удар.

Горе Роберта Кеннеди было таким глубоким, что некоторые авторы, описывая его, используют образы греческих трагедий. (Он, кстати, начал зачитываться ими в первые месяцы после гибели брата.) И, как и в греческих трагедиях, его горе было окрашено чувством вины и стыда. Ведь уже весной 1962 года он знал о готовившихся покушениях на Кастро и принял на веру заявление работников Си-Ай-Эй о том, что покушения прекращены. 9 декабря 1963 года биограф Роберта Кеннеди, Артур Шлезинджер, записал в своем дневнике такой разговор:

Я спросил его /Роберта Кеннеди/, возможно, бестактно, об Освальде. Он сказал, что не может быть серьезных сомнений в вине Освальда, но многое указывает на то, что он действовал не один, что заговор был шире и включал либо Кастро, либо гангстеров. ФБР считает, что он действовал один, но Маккон /директор Си-Ай-Эй/ думает, что стреляли двое.

23

Один лишь Эдгар Гувер, похоже, не был осведомлен об истинной подоплеке убийства и сбивал расследование со следа исключительно в своекорыстных целях. Он вложил в ФБР тридцать лет своей жизни. Стремясь придать этой организации облик легендарный, объявляя ее всевидящей, он заявлял, что подрывная деятельность в США подавлена, а организованная преступность — миф, созданный вражеской пропагандой. Признать, что, со всем своим всеведением, он проворонил заговор такого масштаба, было бы для него полным позором, крушением репутации. Уже через две недели после убийства его бюро сляпало отчет в четырех томах, сваливавший всю вину на Освальда и послуживший черновиком для Отчета комиссии Уоррена.

Видимо, Гувер воображал, что ловко водит за нос президента Джонсона, Комиссию Уоррена и ненавистного Роберта Кеннеди. На самом же деле они просто давали ему возможность вести его игру, потому что она способствовала достижению их главной цели: не дать позорной и тягостной правде стать достоянием общественного мнения. В этом они видели свой долг перед покойным президентом и перед страной. Правы они были или нет — другой вопрос.

Так как расследование велось при закрытых дверях, вся американская пресса в течение десяти месяцев могла получать информацию о самом сенсационном убийстве только из рук Комиссии Уоррена и ФБР. Когда журналист получает информацию такими крохами, он не может позволить себе роскошь критического подхода — он должен хватать и печатать то, что дают. Так и вышло, что десятки крупнейших газет, журналов и телевизионных компаний были шаг за шагом втянуты в орбиту официальной версии и продолжали бережно поддерживать ее и впоследствии (а заодно — и свою репутацию). Именно поэтому результаты расследования Комитета Стокса в 1978–1979 году, признавшего, наконец, что президент Кеннеди был убит в результате заговора, оказались практически замолчаны прессой и телевидением.

Таким образом, мы видим, что имели место не один, а два заговора: первый, рожденный злобой, подозрительностью и страхом и направленный на уничтожение президента Кеннеди, и второй, возникший из благих побуждений и нацеленный на сокрытие правды о его убийстве. Лишь трагическая ирония истории повернула эти два заговора таким образом, что в глазах многих серьезных исследователей они в течение двадцати с лишним лет выглядели как один.

Эта книга не ставит своей задачей разбирать моральные аспекты описанной драмы. Вправе ли Кастро был избрать убийство формой ответного удара, когда узнал, что американцы готовят покушения на его жизнь? Вправе ли демократическая страна включать убийство в арсенал борьбы с тоталитарными режимами? Одно ясно: открытость демократического общества никогда не позволит осуществить намеченное убийство с такой же эффективностью, с какой это может сделать полновластный диктатор. Поэтому, если не по моральным, то хотя бы по чисто прагматическим соображениям, демократическому правительству нет смысла марать себя планированием покушений. Это всегда обернется позором и поражением. Как пишет исследователь Генри Херт,

несмотря на все планирование и разработки, направленные на убийства иностранных лидеров, все имеющиеся документы, включая расследование, проведенное Сенатским комитетом /в 1975 году/, показывают, что Соединенным Штатам ни разу не удалось осуществить успешное покушение на какого-нибудь иностранного руководителя.

24

На примере сегодняшней политической жизни мы можем очень ясно видеть, что американские политики не поколеблются скрыть какие-то свои важные шаги от страны и народа. Администрация Рейгана считала, что помощь никарагуанским "контрас" необходима, и без шума пошла на прямое нарушение постановлений Конгресса, что привело к ирано-никарагуанскому скандалу, к увольнению Пойндекстера и Норта, к волне всевозможных расследований. В 1964 году, в случае вскрытия правды, демократическая партия не отделалась бы несколькими увольнениями. Удар по ее престижу был бы сокрушительным, и ее кандидат вряд ли смог бы снова попасть в Белый дом. Так что сейчас трудно решить, насколько мотивы Линдона Джонсона были корыстными и насколько диктовались заботой о предотвращении смуты в стране.

Другое дело — сегодня. В наши дни для тех, кто продолжает скрывать правду об убийстве президента Кеннеди, кто препятствует распространению правдивой информации об этой трагедии, оправданий не осталось.

Кто доискивался до правды?

Их объединяют расплывчатым понятием: критики Отчета комиссии Уоррена. Им посвящена эта книга, о многих из них рассказано на ее страницах. В подавляющем большинстве это рядовые американцы,

которых далласская трагедия задела так глубоко, что они отказались принять утешительную ложь официальной версии. Забросив свои личные дела и налаженную жизнь, они погрузились в имеющиеся документы, стали сами опрашивать свидетелей, собирать по крохам правдивую информацию и публиковать результаты своих исследований в виде статей и книг. Приводимая в конце библиография — лишь малая часть того, что создано ими.

Поначалу американская пресса накинута на них с какой-то несо-
размерной яростью. Редакторы, обычно столь жадные до дискуссий,
до столкновения полярных мнений, тут неожиданно и дружно приняли
сторону Отчета. Какими только словами не поносили критиков, как
только не издевались и не клеймили! Газеты и журналы охотно поме-
щали интервью с защитниками Отчета, со следователями Комиссии
Уоррена, и те не жалели красок, расписывая своих противников. Сле-
дователь Болл озаглавил свое опубликованное выступление так:
"Беспринципные журналисты лгут, передергивают и строят выводы
на пустом месте". "Некоторые из выражающих сомнение, — писал
он, — недостойны даже презрения". Огромный интерес читающей пуб-
лики к работам критиков Либелер объяснял тем, что "все еще су-
ществует массовое умѳпомешательство толпы, как во времена кре-
стовых походов, алхимиков и колдунов. Один автор написал руга-
тельную книгу о критиках, которую озаглавил "Стервятники".

Большим разочарованием для критиков было расследование, зате-
янное прокурором Гаррисоном. Он так смело обвинял правительствен-
ные организации, Си-Ай-Эй и ФБР, что поначалу многие вообразили
его доблестным рыцарем, защищающим правду. Прошло немало вре-
мени, прежде чем они поняли фальшивую суть этого "расследования".

Многие не были удовлетворены и результатами работы Комитета
Стокса. Хотя Комитет признал наличие заговора, он все же заявил
о своей беспомощности перед загадкой убийства президента. А каждый
критик к тому моменту имел свою теорию, и каждый воспринял бо-
лезненно непризнание своей — выношенной и лелеемой — версии.

Характерная горечь прорвалась в письме ко мне одного из крити-
ков, Пена Джонса:

Мне почти семьдесят. Время уходить на покой. Но чувства мои
сильны как прежде. Мы потеряли хорошую страну... В январе
1985 я, видимо, прекращу выпуск моего информационного лист-
ка /посвященного новостям расследования/. У меня просто не
осталось средств... Убийцы победили. И мы потеряли нашу страну.

Я пытался разубедить его как мог. Я написал ему, что убийцы не
победили. Что он и подобные ему создали атмосферу, в которой уте-
шительная неправда не смогла выжить. Вопреки сопротивлению

властимущих, расследование продолжалось. Заговорщики начали нервничать, начали убивать друг друга, кончать с собой, умирать при загадочных обстоятельствах. Исчезли Руби, Ферри, Джанкана, Роселли, Хоффа, Де Мореншильд. Критики будили общественное сознание и таким образом заставили начать новое расследование, вскрыть новые нити. Да, писал я, вам не удалось посадить убийц на скамью подсудимых. Но страну свою вы отстояли, и она все еще прекрасна. Поверьте новому эмигранту, повидавшему другие страны, другие нравы, другие порядки.

Я писал это не в утешение старому человеку, а вполне искренне. Ибо бескорыстное и упрямое мужество этих людей было единственным светлым пятном в мрачной картине, встававшей перед моими глазами в процессе расследования. Многие из них надорвали силы в неравной борьбе, у многих жизнь пошла под уклон.

Зато сторонники официальной версии, в большинстве, сделали неплохую карьеру. Джеральд Форд стал президентом и назначил следователя Дэвида Белина в Комиссию Рокфеллера. Следователь Арлен Спектер — создатель нелепой теории "единственной пули" — заседает в Сенате от штата Пенсильвания, следователь Берт Гриффин — судья в штате Охайо. Видные телекомментаторы, защищавшие Отчет, и сейчас не потерпят в своих программах кого-нибудь, кто публично выразил бы сомнение в их прозорливости.

Естественно, что почти каждый критик должен был иметь свою рабочую версию при распутывании кровавой головоломки. И каждый постепенно так сживался со своей теорией, что все другие начинали казаться ему ошибочными. Критики читали книги друг друга, но полного единодушия между ними так и не возникло.

Свою главную задачу я видел в том, чтобы объединить результаты их усилий в единый связный рассказ о событиях. Есть в этом рассказе эпизоды и отрывки, разработанные мною самостоятельно, — в том смысле, что мне неизвестны работы, выводы которых совпадали бы с моими в этих пунктах. К ним относится идея "Руби не был в телеграфном отделении, а с утра 24 ноября караулил около полицейского управления и внутри"; вся версия гибели Типпитта; включение в число подозреваемых Кеннета Кроя, Гарри Оясена, Доминго Бенавидеса, Чарльза Гивенса; версия местонахождения Освальда в последние полчаса до ареста; версия "первый выстрел в президента — сквозная рана от горла к спине"; и, конечно, заключительный вывод: инициатор убийства — Фидель Кастро. Будет вполне естественно, если многие критики отвергнут эти мои выводы, как они отвергали до сих пор выводы друг друга.

Но у меня с самого начала была дополнительная задача, оправдывавшая мой подход: рассказать об этой поворотной исторической драме наших дней русскоязычному читателю. Ведь до сих пор

он мог узнать о ней только из нескольких пропагандистских брошюр, напечатанных в СССР и сваливавших вину за происшедшее на американские правящие круги, на все эти отвратительные Си-Ай-Эй, ФБР, военно-промышленные комплексы, на финансовых воротил с Уолл-стрита. Я рад, что теперь русский читатель будет иметь выбор, а также тому, что он будет избавлен от необходимости бороться с фальсификациями Отчета комиссии Уоррена и сможет сразу воспользоваться — с моей помощью — плодами трудов замечательных американцев и американок, "хранителей огня", "стерегущих дом", имена которых перечислены на странице с посвящением. 30

*Энселвуд, Нью-Джерси
Февраль, 1987*

Руби убивает Освальда в подвале гаража полицейского управления в Далласе. (Печатается с разрешения газеты Даллас Таймс Геральд.)

Руби развлекает посетителей клуба "Карусель". (Национальный архив.)

Джек Руби под арестом. (Национальный архив.)

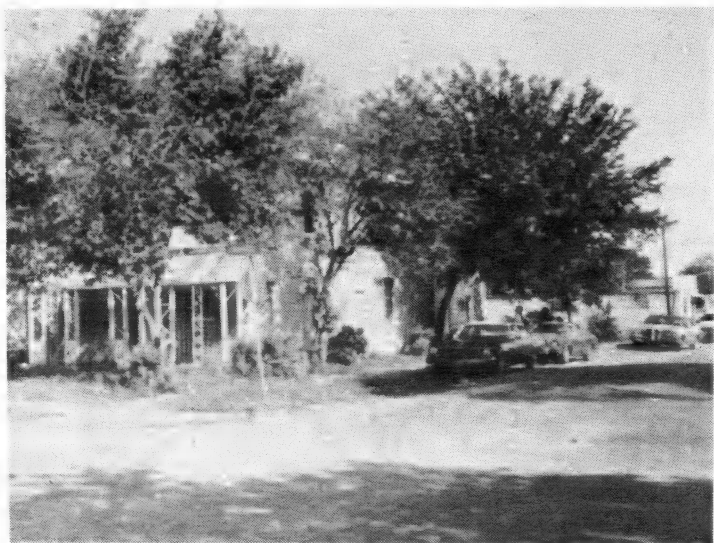
Управление полиции в Далласе на улице Мэйн. (Фото автора.)

Северный въезд в подвальный гараж полицейского управления.
(Фото автора.)

Полицейский Типпит. (Национальный архив.)

Угол Десятой улицы и Паттон-стрит в районе Оак-Клиф. (Фото автора.)

Новый дом на Десятой улице, выстроенный вблизи места убийства полицейского Типпита. (Фото автора.)

Здание Техасского распределителя учебников (ТРУ). Окно, в котором видели стрелявшего, — крайнее справа на 6-м этаже. (Фото автора.)

Вид на ж/д переезд с той точки, в которой первая пуля поразила президента Кеннеди. (Возможно, последнее, что он видел в жизни. Фото автора.)

Вид на Дэйли-плаза со стоянки машин в зоне 4. (Фото автора.)

Вид на зону 4 с той точки, где президент был ранен первой пулей.
(Фото автора.)

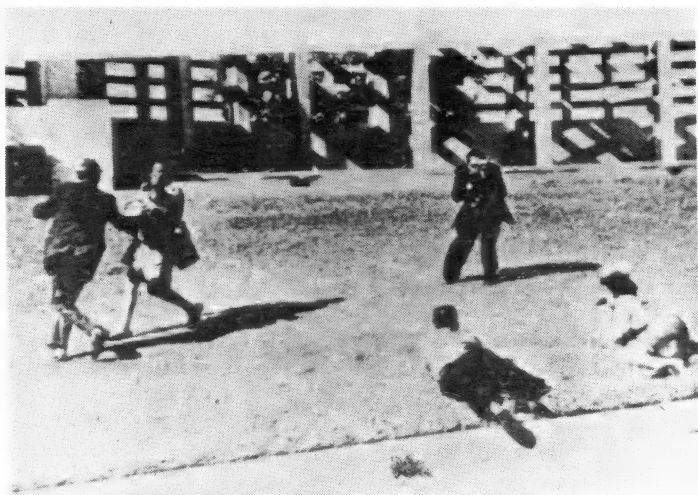
Дэйли-плаза, как ее должен был видеть убийца, укрывшийся за деревянной оградой. (Фото автора.)

Травяной склон и деревянная ограда (ныне полуразрушенная), за которой укрывался убийца. (Фото автора.)

Стоянка машин за деревянной оградой и ж/д ба́ня, в которой находится свидетель Ли Боверс, впоследствии убитый. (Фото автора.)

Смятение на Дэйли-плаза после выстрелов. (Национальный архив.)

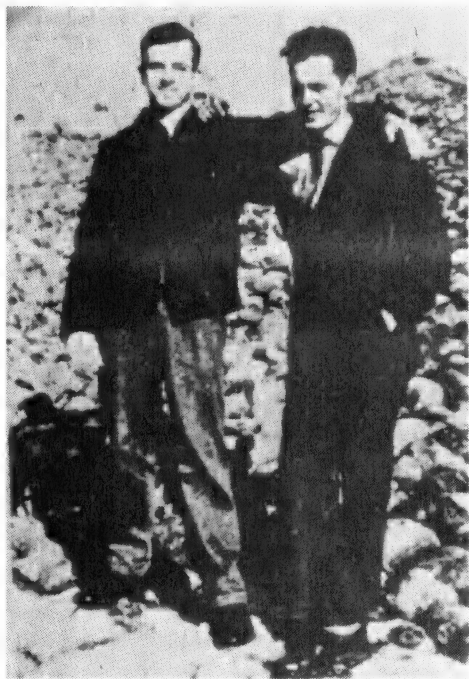
Ли Харви Освальд во время его первого приезда в Москву в 1959 г.
(Национальный архив.)

Освальд с друзьями в цеху Минского радио-завода.
(Национальный архив.)

Освальд и Марина покидают Россию летом 1962 г. (Национальный архив.)

Освальд и "Альфред с Кубы". (Нац. архив.)

Джордж Де Мореншильд

Освальд ■ компании неизвестных латиноамериканцев раздает прокастровские листовки на улице Нового Орлеана летом 1963 г. (Из колл. Йохана Раша.)

Здание на улице Декатур (№ 117) в Новом Орлеане, где находился Гавана-бар.
(Фото автора.)

Кресцент-сити гараж на улице Мэгазин в Новом Орлеане, где Освальд любил проводить время, обсуждая с хозяином разные типы ружей. (Фото автора.)

Дэвид Ферри

Карлос Марселло

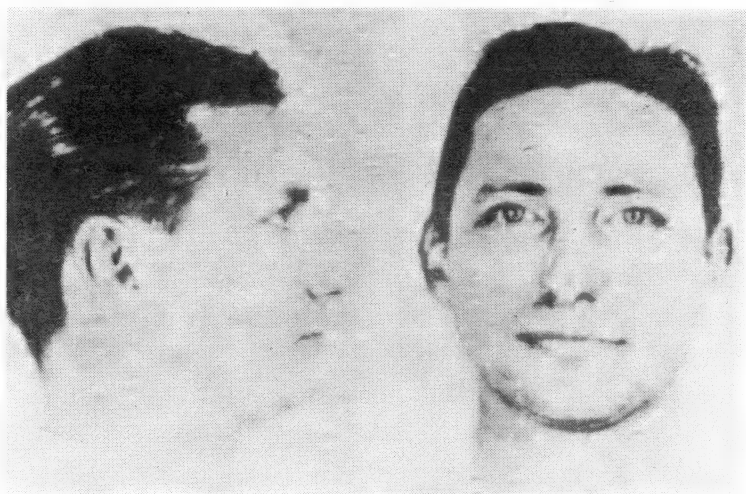
Сэм Джанкана

Джон Роселли

Роберт Эстерлинг. (Из коллекции Генри Хёрта.)

Джим Брадинг. (Тюремный снимок.)

Фидель Кастро

ПРИМЕЧАНИЯ

Так как в книге использованы только источники на английском языке (за редким исключением), примечания решено было давать также по-английски. Несколько разъяснений необходимых для русского читателя даны в виде примеров:

WCR, p. 209 – Warren Commission Report; Отчет комиссии Уоррена, стр. 209;

15WC, p. 148 (Fritz) – 15-й том приложений к Отчету комиссии Уоррена, стр. 148, показания свидетеля Фрица.

Ibid., p. 425 – тот же источник, стр. 425.

Blakey, p. 22 – книга Роберта Блэйки (см. библиографию на страницах 321–24), стр. 22

Lane (Dissent), p. 97 – если в библиографию включено несколько книг данного автора, в скобках дано указание на то, какая из них использована в данном случае.

Time, Dec. 19, 1983 – журнал "Тайм" за 19 декабря 1983 года.

Final Report HSCA, p. 157 – заключительный Отчет комитета Стокса, стр. 157.

4HSCA, p. 554 (Griffin) – 4-й том приложений к Отчету комитета Стокса, стр. 554, показания свидетеля Гриффина.

Цифры сносок в тексте вынесены на поля. Если сноска стоит в конце абзаца, это указывает на то, что ссылка относится к содержанию всего параграфа. Если же цифровая сноска расположена против полной строки, она, как правило, относится к той фразе, которая кончается в данной строке.

Глава 1

1. WCR, p. 209.
2. 15WC, p. 148 (Fritz).
3. WCR, p. 210.
4. WCR, pp. 225-26.
5. 12WC, p. 57 (Fritz).
6. 12WC, p. 424 (Dean).
7. Ibid., p. 425.
8. 4WC, pp. 188-89 (Curry);
12WC, pp. 37-38 (Curry)
9. WCR, p. 213.
10. 20WC, p. 535 (Lowery).
11. 4WC, p. 233 (Fritz).
12. WCR, p. 215.
13. WCR, p. 215.
14. 15WC, p. 150 (Fritz).
15. WCR, p. 216.
16. 12WC, p. 260 (Harrison).
17. WCR, p. 219.

Глава 2

1. Blakey, p. 22.
2. WCR, p. 178.
3. WCR, p. ix.
4. Epstein, p. 3.
5. WCR, p. xiii.
6. Ibid.
7. Ibid.
8. Lane (Dissent), p. 97.
9. WCR, pp. 18-24.
10. White, p. 481.
11. Blakey, p. 40.
12. Anson, p. 74.
13. Blakey, p. 41.
14. Ibid.
15. Belli, p. 101.
16. Lane (Rush), pp. 27-28.
17. Belli, p. 259.
18. Lane (Dissent), p. 96.
19. Ibid., p. 97.

Глава 3

1. Blakey, p. 311.
2. *Time*, Dec. 19, 1983.
3. Ibid.
4. *Time*, Dec. 12, 1983.
5. 5WC, p. 255 (Dean).
6. 5WC, p. 258 (Dean).
7. Meagher, p. 299.
8. Epstein (Inquest), p. 18.
9. Ibid., pp. 96, 13.
10. Blakey, pp. 333-34.
11. Epstein (Inquest), p. 25.
12. Ibid., p. 74.
13. Ibid., p. 24.
14. Ibid., p. 27.
15. Blakey, p. 24.

Глава 4

1. Cheslav Milosz.
2. WCR, pp. 354, 357.
3. WCR, p. 221.
4. 12WC, p. 369 (Vaughn).
5. Summers, p. 485.
6. Blakey, p. 321.
7. WCR, p. 219.
8. 12WC, p. 324 (Newman).
9. 13WC, p. 136 (Turner).
10. 12WC, p. 192 (Croy).
11. WCR, p. 221.
12. 12WC, p. 396 (Vaughn).
13. 20WC, p. 564 (McMillon).
14. 12WC, pp. 81, 83 (Revill);
5HSCA, p. 174 (Ruby).
15. Gertz, p. 104.
16. 5HSCA, p. 183 (Ruby).
17. WCR, p. 353.
18. 13WC, p. 205 (Carlin).
19. Ibid., p. 209 (Carlin).

Примечания к стр. 28—39

20. WCR, p. 353;
13WC, p. 211 (Carlin).
21. WCR, p. 354;
5WC, pp. 198-99 (Ruby).
22. Belli, pp. 10, 52.
23. Demaris, Wills, p. 12.
24. Ibid., pp. 35, 37.
25. WCR., p. 374.
26. Kantor, p. 69.
27. Blakey, p. 40.
28. Final Report HSCA, pp. 3, 180.

Глава 5

1. Kantor, p. 58.
2. WCR., p. 353.
3. 13WC, p. 231 (Pitts).
4. Gertz, p. 59.
5. Belli, p. 96.
6. 15WC, p. 660 (Carlin).
7. WCR, p. 372.
8. Lane (Rush), p. 282.
9. 14WC, p. 245 (Senator).
10. Ibid., pp. 247-48 (Senator).
11. Lane (Rush), p. 284.
12. 13WC, p. 222 (Lane).
13. Ibid., p. 224 (Lane).
14. Ibid., p. 223 (Lane).
15. WCR, p. 351.
16. 13WC, p. 223 (Lane).
17. WCR, p. 352.
18. 13WC, p. 278 (Smith).
19. 13WC, p. 292 (Walker).
20. WCR, p. 352.
21. 13WC, p. 292 (Walker).
22. 12WC, pp. 77-78 (Revill).
23. Ibid., p. 83 (Revill).
24. 13WC, p. 300 (Jackson).
25. 13WC, p. 131 (Turner); 25
24WC, p. 467 (O'Leery).
26. 12WC, p. 243 (Harrison);
Kantor, p. 67.

Примечания к стр. 39—48

27. 12WC, p. 295 (Mayo).
28. WCR, p. 213.
29. 12WC, p. 419 (Dean).
30. Kantor, pp. 76, 115, 148;
4HSCA, p. 554 (Griffin);
Meagher, p. 246.
31. Final Report HSCA, p. 157.
32. Kantor, p. 70.
33. 12WC, p. 217 (Cutchshaw);
20WC, p. 535 (Lowery).
34. 12WC, p. 213 (Cutchshaw).
35. 12WC, p. 257 (Harrison).
36. 20WC, p. 535 (Lowery).
37. 24WC, p. 405 (Timmons,
Tankersley).
38. 12WC, p. 78 (Revill).

Глава 6

1. WCR, p. 779.
2. Ibid., p. 784; Kantor, p. 98.
3. Kantor, pp. 99-101.
4. Ibid., pp. 104-5; Blakey, p. 285.
5. Kantor, p. 107.
6. Ibid.; Blakey, p. 290.
7. 11HSCA, p. 282.
8. Kantor, p. 173.
9. Demaris, Wills, p. 28.
10. Kantor, pp. 171-72.
11. WCR, p. 804; Kantor, p. 126.
12. Ibid., p. 111; WCR, p. 801;
14WC, p. 115 (Nichols).
13. Demaris, Wills, p. 11.
14. Ibid.
15. WCR, p. 796.
16. Blakey, p. 292.
17. Kantor, p. 166.

Глава 7

1. Kantor, p. 138.
2. Summers, p. 460, p. 596fn.
3. Ibid.

4. Summers, p. 461; Blakey, p. 295.
5. Kantor, p. 137.
6. Summers, p. 466; Blakey, p. 296.
7. Blakey, p. 295.
8. Ibid., p. 296.
9. Ibid., p. 297.
10. Ibid., p. 296.
11. WCR, pp. 802, 370.
12. Blakey, pp. 297-98.
13. Ibid., p. 297.
14. Kantor, p. 131; Blakey, p. 298.
15. Summers, p. 464.
16. Ibid., p. 465.
17. Blakey, p. 295.
18. Summers, p. 468.
9HSCA, p. 162 (Weston).
19. Blakey, pp. 142, 298.
20. Ibid., p. 301.
21. *Family Weekly* (Ann Arbor, MI), 4.29.84, pp. 4-8.
22. Kantor, p. 135.
23. WCR, pp. 795, 798, 794.

Глава 8

1. Blakey, pp. 292, 306.
2. Lane (Rush), p. 237.
3. WCR, p. 800.
4. Lane (Rush), pp. 237-38; Blakey, p. 291.
5. WCR, p. 801.
6. Ibid., p. 798.
7. 9HSCA, p. 1097.
8. 22WC, p. 297.
9. 23WC, p. 97.
10. 11HSCA, p. 290 (Griffin); Eddowes, p. 123.
11. WCR, p. 363.
12. 9HSCA, p. 1099.
13. Kantor, pp. 22-23; Summers, p. 479.

14. Blakey, p. 308.
15. Eddowes, p. 124.
16. Blakey, p. 308.
17. 9HSCA, p. 1099 (Chronology).
18. Kantor, p. 25.
19. Final Report HSCA, pp. 154-55; Blakey, p. 303.
20. Kantor, p. 34; Blakey, p. 303.
21. WCR, p. 371; 9HSCA, p. 1098.
22. 13WC, p. 208 (Carlin); WCR, p. 345.
23. 9HSCA, p. 1094.
24. Kantor, pp. 37, 34, 36.
25. 5HSCA, p. 175.

Глава 9

1. Furriel, pp. 68-69.
2. Kantor, p. 39.
3. WCR, pp. 334-35.
4. Kantor, p. 39.
5. Ibid., p. 40.
6. Ibid.; WCR, p. 337.
7. 9HSCA, p. 1103 (Tui).
8. Kantor, p. 41.
9. WCR, p. 337.
10. Kantor, p. 40.
11. Lane (Rush), p. 251; 25WC, p. 191 (Armstrong).
12. Lane (Rush), p. 253.
13. Ibid., p. 252.
14. Gertz, p. 119.
15. WCR, pp. 198, 337; Summers, p. 471.
16. Kantor, p. 43.
17. WCR, p. 803.
18. Gertz, p. 19; Belli, p. 51; Kantor, p. 43.
19. WCR, p. 803.
20. 9HSCA, p. 141.
21. WCR, p. 338; Kantor, p. 45.

22. 9HSCA, p. 1106.
23. Final Report HSCA, p. 158.
24. WCR, p. 340; Kantor, p. 46;
9HSCA, p. 1107.
25. Kantor, p. 47.
26. Ibid., p. 48.
27. WCR, p. 342.
28. Kantor, p. 47; WCR, p. 341;
11HSCA, p. 290 (Griffin).
29. WCR, p. 342.
30. 5WC, 189-90.
31. 9HSCA, p. 1110.

Глава 10

1. 9HSCA, p. 1112.
2. Gertz, p. 108.
3. 14WC, pp. 641, 643 (Kay
Olsen).
4. 14WC, pp. 634-35 (Harry
Olsen).
5. 25WC, p. 521 (Simpson).
6. 14WC, pp. 634, 653 (Harry
and Kay Olsen).
7. WCR, p. 345.
8. Kantor, p. 52.
9. WCR, p. 344.
10. 9HSCA, p. 1110; WCR, p. 347.
11. 9HSCA, p. 1115.
12. WCR, p. 347; Kantor, p. 55.
13. Kantor, p. 55.
14. Ibid., p. 58.
15. 13WC, pp. 209-10 (Carlin);
WCR, p. 348.
16. 9HSCA, p. 1115.
17. Kantor, p. 63; Blakey, p. 333.
18. 9HSCA, pp. 1115-16; WCR,
p. 349; Blakey, p. 306.
19. 25WC, p. 191 (Meyers).
20. WCR, p. 349.

Глава 11

1. Kantor, p. 144.
2. Ibid., p. 75.
3. Ibid., p. 76.
4. 19WC, p. 439 (Dean).
5. Kantor, p. 125.
6. 15WC, p. 66 (Hall).
7. Ibid., p. 67.
8. 12WC, p. 81 (Revill).
9. 5HSCA, p. 183 (Ruby).
10. 19WC, p. 443 (Dean).
11. 24WC, p. 469 (O'Leary).
12. Kantor, p. 144.
13. 12WC, p. 370 (Vaughn).
14. 13WC, p. 136 (Turner).
15. Ibid.
16. 12WC, p. 243 (Harrison);
Kantor, p. 146.
17. 12WC, p. 81 (Revill).
18. 12WC, p. 259 (Harrison).
19. 15WC, p. 593 (Waldo).
20. Kantor, p. 66.
21. 9HSCA, p. 520 (Guthrie);
Ibid., p. 155.
22. Ibid., p. 158; WCR, p. 793.
23. 12WC, p. 416 (Dean).
24. Ibid., p. 423.
25. Ibid., p. 434.
26. Ibid., p. 436.
27. Kantor, p. 125.
28. Blakey, p. 333.
29. Ibid., p. 322.
30. Ibid.; 9HSCA, p. 139.
31. Belli, p. 130.
32. Kantor, p. 164.
33. 5WC, pp. 190-91 (Ruby);
Lane (Rush), p. 243.
34. 5WC, p. 196 (Ruby).
35. Kantor, pp. 5-6.
36. 5WC, p. 196 (Ruby).
37. Kantor, pp. 14-15.

1. Furriel, p. 69.
2. Kantor, p. 116.
3. Kantor, p. 115.
4. Blakey, p. 325.
5. Belli, p. 8.
6. Blakey, p. 326.
7. Ibid., p. 327; Kantor, p. 217.
8. Blakey, p. 326.
9. Gertz, p. 18.
10. Blakey, p. 326.
11. Kantor, p. 114.
12. Blakey, p. 338.
13. Blakey, p. 327.
14. 14WC, pp. 144, 138, 145;
15WC, p. 677 (Ralph Paul).
15. Lane (Rush), p. 284.
16. Furriel, p. 69.
17. Meagher, pp. 299-300.
18. Ibid.
19. Lane (Rush), p. 284.
20. Ibid.
21. 9HSCA, pp. 42, 43.
22. Anson, p. 320.
23. Ibid., p. 316.
24. Reid, p. 162.
25. Anson, p. 321.
26. 9HSCA, pp. 42, 43.
27. Anson, p. 320.
28. Blakey, p. 202.
29. 9HSCA, p. 44.
30. Anson, p. 306.

Г л а в а 13

1. WCR, p. 176.
2. Ibid., p. 151.
3. 6WC, p. 440 (Roberts).
4. WCR, p. 166.
5. Ibid., p. 158.
6. 3WC, p. 225 (Truly); WCR,
p. 152.

7. WCR, p. 159.
8. Ibid., p. 160.
9. Sauvage, p. 155.
10. WCR, p. 745.
11. Ibid., p. 157.
12. 2WC, p. 281 (McWatters).
13. 25WC, CE 2641 (Jones).
14. WCR, pp. 157, 159; Meagher,
p. 77.
15. 3WC, p. 250 (Baker).
16. WCR, p. 159.
17. 6WC, pp. 401-3 (Bledsoe);
Kurtz, p. 127.
18. 6WC, p. 430 (Whaley);
Lane (Rush), pp. 165-66.
19. Joestin, p. 109.
20. WCR, p. 165; 23WC, p. 920,
CE 1974 (Radio-3).
21. 6WC, p. 448 (Benavides).
22. 22WC, p. 202, CE 2003 (Bowley);
17WC, p. 407 (Radio-2).
23. 3WC, p. 306 (Markham).
24. WCR, p. 158; Lane (Rush),
p. 173.
25. WCR, p. 167; 4WC, p. 212
(Fritz); 3WC, pp. 310-11
(Markham).
26. Kurtz, p. 137; Lane (Rush),
pp. 180, 184.
27. 3WC, pp. 334-35 (Scoggins).
28. WCR, pp. 168-69.
29. 11WC, p. 435 (Reynolds).
30. WCR, p. 172; Meagher, p. 280.
31. 7WC, p. 283 (Barnes).
32. WCR, p. 179.
33. Sauvage, pp. 99-100.
34. WCR, p. 601.
35. 6WC, p. 443 (Roberts).
36. Meagher, p. 254.
37. Meagher 281; 3WC, p. 474
(Cunningham).

Примечания к стр. 95–106

38. Meagher, pp. 298, 293; 25WC, CE 2523; WCR, p. 663.
39. 6WC, p. 452 (Benavides); Lane (Rush), p. 285.
40. WCR, p. 667.

Глава 14

1. 6WC, pp. 266-67 (Craig); 23WC, p. 817, CE 1967 (Craig).
2. WCR, p. 161; 24WC, p. 23, CE 1993 (Craig); Shaw, p. 16.
3. Kurtz, p. 132.
4. WCR, p. 160; 4WC, p. 245 (Fritz); Shaw, p. 27.
5. Shaw, p. 26.
6. Nash, pp. 7-8.
7. 17WC, p. 408, CE 705 (Radio-2).
8. Nash, p. 8; 12WC, p. 203 (Croy).
9. WCR, p. 652; Lane (Rush), p. 194.
10. 7WC, p. 274 (Barnes).
11. Ibid.
12. Meagher, p. 253.

Глава 15

1. WCR, p. 421.
2. 3WC, p. 225 (Truly); 6WC, p. 321 (Sawyer).
3. Kurtz, p. 193; Shaw, pp. vii-viii.
4. WCR, p. 151.
5. 3WC, p. 274 (Reid); Meagher, p. 72.
6. WCR, p. 156; Nash, p. 9; 4WC, p. 204 (Fritz).
7. 6WC, p. 439 (Roberts).
8. Meagher, p. 255.

Примечания к стр. 106–117

9. Joestin, p. 109.
10. 3WC, pp. 324-25 (Scoggins).
11. Furriel, p. 67.
12. 3WC, p. 332 (Scoggins).
13. Meagher, pp. 253-54.
14. WCR, p. 165.
15. Meagher, p. 265.

Глава 16

1. 21WC, pp. 392, 399 (Radio-1).
2. 23WC, p. 917, CE 1974 (Radio-3).
3. WCR, p. 144.
4. 3WC, pp. 145-46 (Brennan).
5. 6WC, p. 323 (Sawyer); Meagher, p. 10.
6. 6WC, pp. 321-22 (Sawyer).
7. Meagher, p. 261; 21WC, p. 388 (Radio-1, Sawyer Exh. A, B).
8. Meagher, p. 265.
9. 21WC, p. 393 (Radio-1).
10. Ibid.
11. 17WC, p. 397 (Radio-2); Meagher, p. 263.
12. 17WC, p. 404 (Radio-2); Meagher, p. 265.
13. 17WC, p. 408 (Radio-2).
14. 23WC, p. 858 (Radio-3).
15. 21WC, p. 395 (Radio-1).
16. 23WC, p. 857 (Radio-3).
17. 17WC, pp. 407-8 (Radio-2).
18. 13WC, pp. 99-100 (Hulse).
19. 4WC, pp. 205-6 (Fritz).
20. Ibid.
21. Ibid.
22. Ibid., p. 248.
23. Ibid., p. 207.
24. Ibid.
25. Ibid.

Примечания к стр. 117–127

26. 4WC, p. 214 (Fritz).
27. 5WC, pp. 33, 38, 40 (Revill, CE 709).
28. Meagher, p. 92; 5WC, pp. 42, 43 (Revill).
29. 24WC, p. 127 (CE 2003).
30. WCR, p. 616.
31. Meagher, p. 93; WCR, pp. 406-7.
32. 4WC, p. 181 (Curry).

Глава 17

1. 6WC, pp. 443-44 (Roberts).
2. WCR, p. 253; Lane (Rush), p. 170.
3. 14WC, p. 629 (Olsen).
4. Jones, v. 1, p. 82.
5. 14WC, p. 629 (Olsen).
6. 25WC, p. 521 (Simpson).
7. 14WC, p. 629 (Olsen).
8. 19WC, p. 288 (Croy).
9. 12WC, p. 199 (Croy).
10. Ibid., p. 200.
11. Ibid., pp. 201-2.
12. Ibid., pp. 203-4.
13. Ibid., pp. 196-98.
14. 12HSCA, p. 42.
15. 14WC, p. 625 (Olsen).
16. 25WC, p. 279 (Olsen).
17. 14WC, p. 636 (Olsen).
18. Ibid., p. 637.
19. 12WC, p. 187 (Croy).
20. 19WC, p. 388 (Croy).
21. 12WC, p. 203 (Croy).
22. Ibid., p. 203.
23. Lane (Rush), p. 180.
24. 12WC, p. 201 (Croy).
25. Ibid.
26. 6WC, p. 444 (Roberts); 7WC, p. 275 (Barnes).

Примечания к стр. 127–142

27. 6WC, p. 444 (Roberts).
28. 25WC, pp. 914, 170 (CE 2249, p. 50).
29. 12WC, p. 200 (Croy).
30. Ibid.
31. 12WC, p. 205 (Croy).
32. Meagher, p. 299.

Глава 18

1. Meagher, p. 299.
2. 6WC, pp. 445-46 (Benavides).
3. Ibid.
4. Ibid., p. 449.
5. 7WC, p. 398 (Guinyard).
6. 20WC, Leavelle Exh. A (p. 218).
7. 3WC, p. 306 (Markham).

Глава 19

1. WCR, p. 178.
2. 7WC, p. 111 (Westbrook).
3. 11WC, p. 436 (Reynolds).
4. 7WC, p. 116 (Westbrook).
5. 11WC, p. 436 (Reynolds).
6. Ibid., p. 437.
7. 25WC, CE 2523 (Reynolds).
8. 11WC, p. 436 (Reynolds).
9. Ibid., pp. 441-42.
10. Meagher, p. 299.
11. 12HSCA, p. 37 (Wise).
12. Ibid., p. 39.
13. 3WC, p. 327 (Scoggins).
14. WCR, p. 178.
15. 6WC, p. 453 (Benavides).
16. 25WC, CE 2523 (Reynolds).
17. 25WC, p. 731 (Reynolds); letter from Mary Ferrell, 9.16.85.

Глава 20

1. 5HSCA, p. 303 (Aleman); Summers, p. 284.
2. 11WC, pp. 327-86; 10HSCA, p. 19 (Odio); Summers, pp. 412-13.
3. Blakey, 145.
4. 26WC, pp. 254-59 (Jarnagin); Jones, v. I, pp. 54-60.
5. 3HSCA, p. 447; Kurtz, p. 217; Scott, pp. 124-27.
6. 10HSCA, p. 199 (Cherami); Kurtz, p. 218; Summers, pp. 576-77.
7. Kurtz, p. 219.
8. Blakey, p. 144.
9. Ibid., p. 154.
10. WCR, p. 730.
11. Meagher, p. 382; Summers, p. 401.
12. Summers, pp. 414, 589n96.
13. WCR, p. 324.
14. Meagher, p. 380.
15. Summers, p. 416.
16. Blakey, p. 164; Summers, p. 416.
17. WCR, p. 732; Summers, p. 369.
18. 25WC, p. 41 (CE 2195, Bowen-Osborne).
19. WCR, p. 730.
20. WCR, p. 734; Summers, p. 372.
21. Schorr, Daniel, *Cleaning the Air* (Boston: Houghton Mifflin Co., 1977), p. 177.
22. 11HSCA, pp. 248, 174 (Liebeler).
23. Epstein (Legend), pp. 236-37.
24. Ibid., p. 16.
25. Ibid., p. 237.

Глава 21

1. McMillan, pp. 471-72.
2. WCR, p. 737.
3. Blakey, p. 361; 3WC, p. 213 (Truly).
4. 3WC, p. 163 (Williams).
5. Blakey, p. 361.
6. 10WC, pp. 334, 330 (Hutchinson).
7. Ibid., p. 335.
8. Meagher, p. 365; WCR, p. 332.
9. 11WC, p. 255 (Hunter); 11WC, p. 264 (Whitworth).
10. Ibid., pp. 265, 259.
11. 10WC, pp. 353-54 (Bogard); 10WC, p. 346 (Pizzo).
12. Meagher, p. 355.
13. 10WC, p. 345 (Pizzo).
14. WCR, p. 321; Meagher, p. 353.
15. Jones, v. II, p. 37.
16. 11WC, pp. 264-65 (Whitworth).
17. 11WC, pp. 231, 229 (Ryder).
18. 10WC, p. 392 (Sterling Wood).
19. 10WC, p. 387 (Homer Wood).
20. 10WC, pp. 380-83 (Slack).
21. Kurtz, p. 200.
22. Scheim, p. 240.
23. 15WC, p. 106 (Crowe).
24. 15WC, p. 659 (Carlin).
25. 26WC, CE 3149 (Litchfield).
26. 14WC, p. 107 (Litchfield).
27. Jones, v. I, p. 38.
28. Ibid., p. 54.
29. 26WC, p. 259 (Smith).
30. Jones, v. I, pp. 37, 39; 5WC, p. 232 (Wade).

Г л а в а 22

1. 19WC, p. 489 (Newman); Thompson, p. 32, 36-37.
2. Brennan, p. 21.
3. 2WC, p. 73 (Kellerman); Thompson, p. 32.
4. 7WC, p. 553 (Tague).
5. 7WC, p. 473 (Powers); Thompson, p. 22.
6. 7WC, p. 498 (Kay); Thompson, p. 21.
7. 4WC, p. 147 (Mrs. Connally); Thompson, pp. 21-22.
8. 4WC, p. 132 (Mr. Connally); Thompson, p. 66.
9. Thompson, p. 61.
10. 4WC, p. 147 (Mrs. Connally); Thompson, pp. 62-63.
11. 4WC, pp. 132-33 (Mr. Connally); Thompson, pp. 66-67.
12. Brennan, pp. 21-22.
13. 6WC, p. 643 (Holland); Jones, v. I, p. 28.
14. 7WC, p. 473 (Powers); Thompson, pp. 22-23.
15. 6WC, p. 294 (Hargis); Thomson, p. 100.
16. Thompson, pp. 103-4.
17. Brennan, p. 23.
18. Ibid., p. 24.
19. 7WC, p. 553 (Tague).
20. 6WC, pp. 245-46 (Holland); Thompson, pp. 122-23.
21. 7WC, p. 535 (Smith).
22. WCR, p. 52.
23. Brennan, p. 25.
24. Thompson, p. 25.
25. Ibid., pp. 254-70.
26. Lane (Rush), p. 43; 17WC, p. 461 (Radio-1).
27. Ibid.

28. 7WC, p. 510 (Baker-Rachley); 12HSCA, p. 20; 5HSCA, p. 544.
29. Manchester, pp. 116, 669.
30. Summers, p. 47; Thompson, pp. 16, 3.
31. Thomson, pp. 6-7; Meagher, p. 28.
32. WCR, p. 105; Meagher, p. 28.
33. WCR, pp. 107, 109.
34. Evica, p. ix.

Г л а в а 23

1. WCR, p. 59; Lifton, p. 874.
2. Thompson, pp. 198, 278.
3. Wecht, Cyril H. "Pathologist's View of JFK Autopsy: An Unsolved Case." *Modern Medicine*, 40 (11.27.72), pp. 28-32.
4. 2WC, p. 373 (Humes).
5. Lifton, p. 758.
6. Ibid.
7. Thompson, p. 51.
8. Meagher, pp. 152, 158.
9. Meagher, p. 155.
10. 3WC, pp. 375-76 (Perry).
11. 6WC, pp. 55, 57 (Jones).
12. 6WC, p. 3 (Carrico).
13. 6WC, pp. 136, 141 (Bowron, Henchcliffe).
14. Thompson, pp. 49, 48; 2WC, p. 143 (Hill).
15. 2WC, p. 365 (Humes).
16. Thompson, p. 111; 17WC, CE 388.
17. Lifton, pp. 538-42.
18. Ibid., p. 539; Warren, p. 371.
19. Lifton, p. 133, photo 21.
20. Ibid., p. 134.

Примечания к стр. 178—189

21. Kurtz, p. 105.
22. Ibid., p. 53.

Глава 24

1. Lifton, p. 538.
2. 2WC, p. 367 (Humes).
3. Lifton, pp. 654-56, photo 29.
4. Kurtz, p. 100.
5. Myatt, pp. 190, 169.
6. Thompson, p. 51.
7. WCR, p. 541.
8. Meagher, p. 145.
9. Thomson, p. 52; 5WC, pp. 60-62 (R. Frazier).
10. Hurt, p. 268.
11. Thompson, p. 252.
12. 6WC, p. 243 (Holland); 7WC, p. 553 (Tague).
13. 7WC, p. 508 (Baker); 5HSCA, pp. 542-53 (Baker).
14. 19WC, p. 496 (Skelton).
15. Thompson, p. 61.
16. Kurtz, p. 48; Lifton, pp. 133, 698.
17. 26WC, pp. 254-59 (Jarnagin); Jones, v. I, pp. 54-60.
18. Lane (Rush), p. 313; 5WC, pp. 607-12 (Marina Oswald).
19. 3WC, pp. 167-68 (Williams).
20. Hurt, p. 91.
21. 2WC, pp. 169-71 (Rowland).
22. 3WC, pp. 144-45, 148 (Brennan).
23. 2WC, p. 207 (Eunis).
24. WCR, p. 152.
25. 2WC, p. 176 (Rowland).
26. Hurt, pp. 93-94.
27. 6WC, p. 383 (Piper); Summers, p. 108.
28. WCR, p. 152.

Примечания к стр. 189—197

29. 6WC, p. 321 (Sawyer); 6WC, p. 346 (Givens).
30. Sylvia Meagher. "The Curious Testimony of Mr. Givens." *Texas Observer*, 8.13.71, p. 11.
31. WCR, p. 143.
32. 7WC, p. 394 (Shields).
33. 6WC, p. 351 (Givens).
34. 3WC, p. 202 (Jarman).
35. Meagher, "The Curious . . ." (op. cit.).
36. Thompson, p. 25.
37. Lifton, p. 73.
38. Blakey, p. 104.
39. Kurtz, pp. 104-7.
40. Thompson, pp. 122-23; 6WC, pp. 245-46 (Holland).
41. Kurtz, p. 193.
42. 6WC, p. 243 (Holland).
43. Myatt, p. 190.
44. Thompson, p. 127.
45. 7WC, p. 535 (J. M. Smith).
46. Summers, p. 58; Hurt, p. 112.
47. Hurt, p. 356.

Глава 25

1. Blakey, pp. 350, 348.
2. Ibid., p. 341; Epstein (Legend), p. 58.
3. McMillan, p. 76; Epstein (Legend), p. 62.
4. Ibid., pp. 64-65.
5. Ibid., p. 66.
6. McMillan, p. 77.
7. Epstein (Legend), p. 79.
8. Ibid., p. 80.
9. Ibid., p. 81.
10. McMillan, p. 80.

11. Epstein (Legend), p. 94.
12. Ibid., p. 106.
13. Ibid., pp. 109-10.
14. Ibid., p. 103.
15. McMillan, p. 88.
16. Epstein (Legend), p. 114.
17. Ibid., p. 136.
18. Интервью с С. Шульманом.
19. А. Плакс, письмо от 7.11.84.
20. Записанное на пленку интервью с Д. К. (май, 1986).
21. Там же.
22. Там же.
23. Payne, p. 477.
24. Nekrich, Heller, v. 2, p. 55.
25. Payne, p. 477.
26. Ibid., p. 474.
27. Epstein (Legend), pp. 101, 117, 115.
28. Ibid., p. 10.
29. Ibid., pp. 356-61.
30. Ibid., p. 23.
31. Ibid., p. 25.
32. Ibid., pp. 46, 273.
33. Ibid., illustr., map.

Глава 26

1. 8WC, p. 21 (Wulf).
2. Blakey, p. 350.
3. Epstein (Legend), p. 175.
4. 9WC, p. 171 (De Mohren.).
5. Epstein (Legend), pp. 178, 181.
6. 9WC, p. 181 (De Mohren.).
7. Epstein (Legend), p. 179.
8. Ibid., p. 181.
9. Ibid., p. 182.
10. 9WC, p. 101 (Taylor).
11. 9WC, pp. 213-14 (De Mohren.).
12. 9WC, p. 101 (Taylor).

13. 9WC, p. 100 (Taylor).
14. 9WC, p. 212 (De Mohren.).
15. 9WC, p. 121 (Mamontov).
16. 9WC, p. 96 (Taylor).
17. Epstein (Legend), p. 192.
18. Ibid., p. 194; WCR, pp. 118, 172.
19. Epstein (Legend), p. 175.
20. Ibid., p. 314, ftn.
21. McMillan, pp. 349-52.
22. 16WC, pp. 1-2 (CE 1).
23. McMillan, p. 301; Epstein, p. 205.
24. McMillan, p. 360.
25. 9WC, p. 249 (De Mohren.).
26. McMillan, p. 368.
27. Ibid., p. 366.
28. Eddowes, p. 184.
29. Ibid., p. 184.
30. Ibid., pp. 184-86.
31. Epstein (Legend), p. 315, ftn.
32. Eddowes, p. 186.
33. Ibid.
34. Epstein (Legend), p. 81.
35. Ibid., p. 221.
36. Ibid., p. 160.

Глава 27

1. Hurt, p. 307.
2. McMillan, p. 383.
3. Ibid., p. 366.
4. Epstein (Legend), p. 220.
5. 11WC, p. 328 (Andrews).
6. Letter from Johann Rush, 1.7.87.
7. McMillan, p. 422.
8. Ibid., pp. 430-31; Epstein (Legend), p. 223.
9. Ibid., p. 224.

10. Epstein (Legend), p. 225.
11. 4WC, pp. 431-40 (Quigley);
17WC, pp. 558-62.
12. McMillan, p. 432.
13. Lane (Rush), p. 368.
14. Ibid., p. 370.
15. Ibid., p. 373.
16. Meagher, p. 211; Epstein
(Legend), p. 244.
17. WCR, p. 612.
18. 5WC, pp. 34, 37 (Revill);
Meagher, p. 91.
19. Blakey, p. 342.
20. Ibid., p. 343.
21. Ibid., p. 345.
22. Ibid., p. 347.
23. Hurt, pp. 263-64.
24. Ibid., pp. 285, 287; Summers,
p. 482.
25. Kurtz, p. 204.
26. Hurt, p. 264.
27. Ibid., p. 338.
28. Blakey, p. 347.
29. Noyes, p. 151; *Life*, 8.10.70.
30. 11WC, p. 328 (Andrews).
31. Ibid., p. 330.
32. Ibid.
33. Hurt, p. 354.
34. Ibid., p. 356.
35. Ibid., p. 362.
36. Ibid., p. 375.
37. 11HSCA, p. 1093.
38. Hurt, p. 371.
39. WCR, p. 732.
40. Meagher, p. 300.
41. WCR, p. 161.
42. Ibid., p. 158.
43. Ibid., p. 163; Lane (Rush),
p. 166; 2WC, p. 260
(Whalley).
44. 11WC, p. 374 (Odio).
45. Ibid., p. 372.

46. Ibid., p. 371.
47. Ibid., p. 372.

Глава 28

1. Shaw, p. 187.
2. Ibid., p. 174.
3. WCR, p. 450.
4. Shaw, p. 175.
5. Ibid., p. 186.
6. Kurtz, p. 194.
7. WCR, p. 58.
8. Lifton, p. 494.
9. Ibid., pp. 712-23.
10. Ibid., pp. 747-52.
11. Ibid., pp. 761, 765.
12. Ibid., p. 538.
13. Ibid., p. 739; 7HSCA, p. 38.
14. Lifton, p. 662, ftn.
15. Ibid., p. 662; 7HSCA, p. 243.
16. S. S. Miller (ed.), *Symptoms*
(New York: Thomas Y.
Crowell Co., 1976), p. 494.
17. Lifton, pp. 663-64.
18. Leek, Sugar, p. 152.
19. Shaw, p. 183.
20. Schlesinger, p. 678.
21. Shaw, p. 184.
22. Blakey, p. 380.
23. Shaw, p. 182.
24. Ibid., p. 180.
25. Ibid., p. 179.
26. 5WC, pp. 34-35 (Revill).
27. Shaw, pp. 178-79.
28. Ibid., p. 176.
29. Ibid., p. 177.
30. *The Dallas Morning News*,
11.22.63, p. 14, sect. 1.
31. WCR, pp. 296, 298.
32. Shaw, p. 167.

33. Shaw, p. 170.
34. Kurtz, p. 203.
35. Ibid.
36. Epstein (Legend), pp. 228-29.
37. Blakey, p. 160.
38. Evica, p. 272.
39. Blakey, pp. 170-71.
40. 11HSCA, p. 51 (Slawson).
41. Blakey, p. 176.
42. Shaw, p. 192-93.
43. Crankshaw, p. 279.
44. Shaw, p. 197.
45. Barron, pp. 313-19.
46. E. Evelson. *Sudebnye protsessy po ekonomicheskim delam v SSSR*. (London: Overseas Publication Interchange, 1986), p. 55.

Г л а в а 29

1. Blakey, p. 156.
2. Summers, p. 441.
3. Schlesinger, p. 664.
4. Hurt, p. 311.
5. Ibid., p. 308; *Daily Telegraph* (London), 6.26.76.
6. Blakey, p. 383.
7. Ibid.
8. Ibid., p. 391.
9. Ibid., p. 389.
10. Ibid., p. 59.
11. Ibid., pp. 54, 59.
12. Ibid., p. 61.
13. *Family Weekly* (Ann Arbor, MI), 4.29.84.
14. *Time*, 8.13.84, p. 28.
15. Hurt, p. 319.
16. Ibid., p. 315.
17. Ibid., p. 340.

18. Hurt, pp. 341, 343.
19. Summers, p. 350.
20. Hurt, p. 344; Summers, p. 351.
21. Crile, *Washington Post*, 5.2.76.
22. Ibid.
23. Blakey, p. 143.
24. 5HSCA, pp. 365-66.
25. Anderson, *Wash. Post*, 9.7.76; 5HSCA, p. 365.
26. 3HSCA, p. 401.
27. Ibid., p. 403.
28. Ibid., p. 406.
29. Ibid., p. 408.
30. Ibid., p. 418.
31. Ibid., p. 417.
32. Ibid., p. 444.
33. Ibid., p. 361.
34. Ibid., p. 438.
35. Ibid., pp. 443-44.
36. Fensterwald, pp. 560-62.
37. Epstein (Legend), pp. 234-55.
38. 3HSCA, pp. 30, 49 (Duran).
39. 3HSCA, pp. 132-33 (Azcue).
40. Epstein, pp. 236-37.
41. 3HSCA, p. 130 (Azcue).
42. Ibid., p. 34 (Duran).
43. 25WC, pp. 586-634 (Duran).
44. 3HSCA, p. 139 (Azcue).
45. Ibid., pp. 142-43.
46. Valladares, photo, p. 337.
47. Summers, p. 380.
48. 3HSCA, p. 302 (Garro).
49. Ibid., pp. 294-300.
50. Ibid., p. 300.
51. Ibid., p. 301.
52. Ibid., p. 302.
53. Ibid., p. 301.
54. Ibid., pp. 286-92.
55. Ibid., pp. 303-4.
56. 3HSCA, p. 90 (Duran).
57. 11HSCA, p. 496.
58. Ibid., p. 494.

59. 11HSCA, p. 496.
60. Ibid., p. 161 (Gutierrez).
61. Epstein (Legend), p. 237.
62. Blakey, p. 142.
63. 3HSCA, p. 199.
64. 3HSCA, p. 202 (Castro).
65. Ibid., pp. 207-8.
66. Ibid., pp. 216-17.
67. Ibid., p. 210.
68. Ibid., pp. 210-11.
69. Blakey, pp. 154-55.
70. Valladares, p. 6.
71. 3HSCA, p. 215 (Castro).
72. *Time*, 6.30.86, p. 79.
73. Valladares, p. 43.
74. Ibid., p. 135.
75. Ibid., p. 137.
76. Ibid., p. 194.
77. Ibid., p. 136.
78. Hurt, p. 421-22.

Г л а в а 30

1. Blakey, p. 396.
2. 24WC, CE 2003 (Braden).
3. Scheim, p. 54.
4. Noyes, pp. 29, 59.
5. Ibid., pp. 62-63.
6. Blakey, p. 396.
7. Scheim, p. 55.
8. Kantor, pp. 34, 37.
9. Blakey, p. 397.

10. Noyes, p. 65.
11. Ibid., pp. 240, 213, 210.
12. Ibid., pp. 50-53.
13. Ibid., p. 209.
14. Blakey, p. 397.
15. Ibid., p. 399.
16. Noyes, pp. 65-66.
17. Shaw, p. 90.
18. Ibid.
19. Ibid.
20. TV film "On Trial: Lee Harvey Oswald."
21. Schwartz, p. 215; Blakey, p. 24.
22. Blakey, p. 393.
23. Schlesinger, p. 664.
24. Hurt, p. 339.
25. Lane (Dissent), p. 125.
26. Ibid., p. 135.
27. Lewis, Richard Warren. *The Scavengers and Critics of the Warren Report*. (New York: Delacorte, 1967.)
28. Letter from Penn Jones.
29. Leek, Sugar, p. 193.
30. Iorysh A., Sergeev B. *Kuda vedut sledy*. (Moskva: Iuridicheskaya literatura, 1964 & 1965); Losev S., Petrusenko V. *Ekho vystrelor v Dallas*. (Moskva: Izdatelstvo APN, 1983.)

- Anson, Robert Sam. *"They've Killed the President!": The Search for the Murderers of John F. Kennedy*. New York: Bantam, 1975.
- Barron, John. *KGB*. New York: Reader's Digest Press, 1974.
- Belli, Melvin M., with Maurice C. Carroll. *Justice in Dallas*. London: Elek Books Ltd., 1964.
- Belin, David W. *November 22, 1963: You Are the Jury*. New York: Quadrangle Press, 1973.
- Bishop, Jim. *The Day Kennedy Was Shot*. New York: Greenwich House, 1983.
- Brennan, Howard L., and Edward Cherryholmes. *One Day in Dallas: Eyewitness to the Kennedy Assassination*. Manuscript, copyright 1984.
- Blakey, G. Robert, and Richard N. Billings. *The Plot to Kill the President*. New York: Times Books, 1981.
- Bugge, Brian K. *The Mystique of Conspiracy: Oswald, Castro and the CIA*. Staten Island, N. Y.: 1978.
- Crankshaw, Edward. *Khrushchev. A Career*. New York: Viking Press, 1966.
- Crile, George. "The Riddle of AM/LASH." *Washington Post*, May 2, 1976.
- Demaris, Ovid, and Garry Wills. *Jack Ruby*. New York: The New American Library, 1967.
- Eddowes, Michael. *The Oswald File*. New York: Clarkson N. Potter, 1977.
- Epstein, Edward Jay. *Counterplot*. New York: Viking Press, 1969.
- . *Inquest: The Warren Commission and the Establishment of Truth*. New York: Viking Press, 1966.
- . *Legend: The Secret World of Lee Harvey Oswald*. New York: Reader's Digest Press/McGraw-Hill, 1978.
- Evica, George Michael. *And We Are All Mortal: New Evidence and Analysis in the Assassination of John F. Kennedy*. West Hartford, Conn.: University of Hartford, 1978.
- Fensterwald, Bernard Jr. *Coincidence or Conspiracy?* New York: Zebra Books, 1977.

- Furriel, Vincent J. *Organized Crime. History and Control*. Golden West College, Cal.: Published by Administration of Justice Program, 1976.
- Garrison, Jim. *A Heritage of Stone*. New York: G. P. Putnam's Sons, 1970.
- Gertz, Elmer. *Moment of Madness: The People vs. Jack Ruby*. New York, Chicago: Follett Publishing Co., 1968.
- Heller, Mikhail, and Aleksander Nekrich. *Utopiia u vlasti: Istoriia Sovetskogo Soiuzu s 1917 goda do nashikh dnei*. 2 vols. London: Overseas Publication Interchange, 1983.
- Hurt, Henry. *Reasonable Doubt*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1985.
- Joestin, Joachim. *Oswald: Assassin or Fall Guy?* New York: Marzani & Munsell Publ., 1964.
- Jones, Penn, Jr. *Forgive My Grief*. Vols. I—IV. Midlothian, TX: Midlothian Mirror, 1966, 1967, 1976, 1974.
- Kantor, Seth. *Who Was Jack Ruby?* New York: Everest House, 1978.
- Kaplan, John, and Jon R. Waltz. *The Trial of Jack Ruby*. New York: Macmillan, 1965.
- Kennedy, Robert F. *Thirteen Days: A Memoir of the Cuban Missile Crisis*. New York: W. W. Norton, 1969.
- Kurtz, Michael. *Crime of the Century*. Knoxville, Tenn.: Univ. of Tennessee Press, 1982.
- Lane, Mark. *A Citizen's Dissent: Mark Lane Replies*. New York: Holt, Reinhart and Winston, 1966.
- . *Rush to Judgment*. New York: Holt, Reinhart and Winston, 1966.
- Lattimer, John K. *Kennedy and Lincoln: Medical and Ballistic Comparisons of Their Assassinations*. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1980.
- Leek, Sybil, and Bert R. Sugar. *The Assassination Chain*. New York: Corwin Books, 1976.
- Lifton, David S. *Best Evidence: Disguise and Deception in the Assassination of John F. Kennedy*. New York: Dell Publ., 1982.
- McDonald, Hugh C., as told to Geoffrey Bocca. *Appointment in Dallas: The Final Solution to the Assassination of JFK*. New York: Zebra Books, 1975.
- McMillan, Priscilla Johnson. *Marina and Lee*. New York: Harper and Row, 1977.

- Manchester, William Raymond. *The Death of a President, November 20—November 25, 1963*. New York: Harper & Row, 1967.
- Mayo, John B., Jr. *The President Is Dead. Coverage by Radio and TV*. New York: Exposition Press, 1967.
- Meagher, Sylvia. *Accessories After the Fact: The Warren Commission, the Authorities, and the Report*. New York: Bobbs-Merrill, 1967.
- Meagher, Sylvia, and Gary Owens. *Master Index to the JFK Assassination Investigations*. Metuchen, N. J.: Scarecrow Press, 1980.
- Morrow, Robert D. *Betrayal*. Chicago: Henry Regnery, 1976.
- Myatt, Frederick. *Modern Small Arms. An Illustrated Encyclopedia*. New York: Crescent Books, 1978.
- Nash, George and Patricia. "The Other Witnesses." *The New Leader*, October 12, 1964.
- Newman, Albert H. *The Assassination of John F. Kennedy: The Reasons Why*. New York: Clarkson N. Potter, 1970.
- Noyes, Peter. *Legacy of Doubt*. New York: Pinnacle Books, 1973.
- O'Toole, George. *The Assassination Tapes*. New York: Penthouse Press, 1975.
- Payne, Robert. *The Life and Death of Trotsky*. New York: McGraw-Hill Book Co., 1977.
- Reid, Ed. *The Grim Reapers*. New York: Bantam Books, 1969.
- Roffman, Howard. *Presumed Guilty*. Cranbury, N. J.: Associated University Presses, 1975.
- Sauvage, Leo. *The Oswald Affair*. Cleveland: World Publishing, 1966.
- Scheim, David. *Contract on America*. Silver Spring, MD: Argyle Press, 1983.
- Schlesinger, Arthur M., Jr. *Robert Kennedy and His Times*. New York: Ballantine Books, 1978.
- Schwartz, Bernard, with Stephan Leshner. *Inside the Warren Court*. New York: Doubleday & Co., 1983.
- Scott, Peter Dale. *Crime and Cover-up: The CIA, the Mafia, and the Dallas-Watergate Connection*. Berkeley, Calif.: Westworks, 1977.
- Scott, Peter Dale, Paul L. Hoch, and Russell Stetler, eds. *The Assassinations: Dallas and Beyond*. New York: Random House, 1978.
- Shaw, J. Gary, with Larry R. Harris. *Cover-up: The Governmental Conspiracy to Conceal the Facts About the Public Execution of John Kennedy*. Cleburne, TX: Shaw, 1976.

- Summers, Anthony. *Conspiracy*. New York: McGraw-Hill, 1980.
- Thompson, Josiah. *Six Seconds in Dallas*. New York: Bernard Geis Associates/Random House, 1967.
- U. S. House. Select Committee on Assassinations. *Investigation of the Assassination of President John F. Kennedy: Appendix to Hearings Before the Select Committee on Assassinations*. 95th Cong., 2d sess., 5 + 7 vols., 1978 and 1979.
- . Select Committee on Assassinations. *Report of the Select Committee on Assassinations: Findings and Recommendations*. 95th Cong., 2d sess. H. Rpt. 95-1828, part 2.
- U. S. President's Commission on the Assassination of President John F. Kennedy. *Investigation of the Assassination of President John F. Kennedy: Hearings*. 26 vols. Washington, D.C.: U. S. Government Printing Office, 1964.
- . *Report of the President's Commission on the Assassination of President John F. Kennedy*. Washington, D.C.: U. S. Gov. Printing Office, 1964.
- Valladares, Armando. *Against All Hope*. New York: Alfred A. Knopf, 1986.
- Warren, Earl. *The Memoirs*. New York: Doubleday, 1977.
- Weisberg, Harold. *Oswald in New Orleans—Case for Conspiracy with the CIA*. New York: Canyon Books, 1967.
- . *Whitewash*. Vols. I—IV. Hyattstown, Md.: H. Weisberg, 1965, 1966, 1967, 1974.
- White, Theodore H. *The Making of the President, 1964*. New York: Signet Book, 1965.
- Wilber, Charles G. *Medicolegal Investigation of the President John F. Kennedy Murder*. Springfield, Ill.: Charles C. Thomas, 1978.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Алеман, Хозе, кубинский эмигрант, 145, 276
Алентадо, Антонио, кубинец, друг Сильвии Одио, 230
Альенде, Сальваторе, президент Чили, 251
Андерсон Джек, журналист, 261, 282
"Анджело" (псевдоним), кубинец, посетивший Сильвию Одио, 150
Армстронг, Эндрю, служащий Джека Руби в "Карусели", 60
Арнольд, Гордон, свидетель, Дэйли-плаза, 193, 237
Арнольд, Кэрл, свидетельница, ТРУ, 186, 188, 190
Артайм, Мануэль, кубинский эмигрант, 258
Арчер, Дон Рэй, полицейский, Даллас, 42, 69, 70
Аскуэй, Эусебио, кубинский консул в Мексике, 265—67, 269, 271
- Бандера, Стефан, украинский националист, 251
Баннистер, Гай, частный детектив, Новый Орлеан, 245
Бар, Кэнди, танцовщица, 79
Барнс (инициалы W. E.), сержант дал. полиции, 100, 101, 109, 141
Батиста, Фульгенцио, кубинский диктатор до 1959, 266
Батлер, Джордж, лейтенант далласской полиции, 72—73
Бачелор, Чарльз, инспектор далласской полиции, 11
Белин, Дэвид, следователь Комиссии Уоррена, 99—101, 112, 130, 190, 287
Беллай, Мелвин, адвокат Руби, 17, 29, 34, 55, 61, 78, 79
Бенавидес, Доминго, свидетель убийства Типпита, 91, 95, 129—33, 136, 139—41, 287
Бенавидес, Эдвардо, брат Доминго Бенавидеса, 95, 130, 136, 141
Берд, Джеймс, контрабандист, 48
Беркли, Джордж, адмирал, личный врач Кеннеди, 240
Берча, Джона, общество, 211
Бишоп, Джим, автор, 102
Бледшоу, Мэри, свидетельница, 90, 91, 105
Блэйки, Роберт, директор-администратор Комитета Стокса, 19, 26, 48, 49, 195, 222, 254, 272
Бовен, Джон Ховард (он же Альберт Осборн), попутчик Освальда, 150
Боверс, Ли, свидетель убийства Кеннеди, 192—93
Богард, Альберт, продавец в авто-магазине, свидетель, 155—56
Боггс, Хэйл, конгрессмен, член Комиссии Уоррена, 185
Болден, Абрахам, агент Секр. службы в Чикаго, 265
Болл, Джордж, следователь Ком. Уоррена, 116—17, 119, 132, 286
Боллман, Милдред, жена Юджина Брадинга, 279
Борянов, агент НКВД, впоследствии драматург, 200
Босвелл, Торнтон, врач-патологоанатом, 173, 175, 238, 240
Боули (инициалы T. F.), свидетель убийства Типпита, 92, 114, 131
Браден Джим — см. Юджин Брадинг
Брадинг, Юджин, гангстер, 57, 193, 279, 280, 281
Браун, Морган, гангстер, 57, 193, 280, 281
Браун, Джой, судья на процессе Руби, 17
Бреннан, Ховард, свидетель убийства Кеннеди, 111, 162, 165—68, 185—88
Брингуэр, Карлос, кубинский эмигрант, 217, 218, 245, 276

Бродский, Иосиф, поэт, 25
Бронсон, Чарльз, свидетель убийства Кеннеди, 187
Брутон, миссис, жена адмирала Генри Брутона, 209—10
Брэдли, Юджин, назван прокурором Гаррисоном среди подозреваемых, 280—81
Бэйкер, миссис Дональд (она же Верджи Рэкли), свидетельница убийства Кеннеди, 169, 170, 182-83, 194
Бэйкер, Марион Л., далласский полицейский, 89, 90, 103, 105, 187-89

Вайс, Весли, журналист, 136—37
Вайсберг, Гарольд, независимый исследователь, 17, 242
Вайцман, Сеймур, далласский полицейский, 168
Валачи, Джозеф, гангстер, 72
Валладарес, Армандо, кубинский политзаключенный, поэт, 266, 274—75
Валле, Эладио дел, кубинский эмигрант, 222
Вальдо, Тайер, журналист, 72
Вандердрешт, Жак (он же Рамон Меркадер), убийца Троцкого, 200—201
Вейсман, Бернард, политический активист, консерватор, 58, 244
Веласкес, Виктор, мексиканский адвокат, 79
Веско, Роберт, контрабандист наркотиков, 257
Виггинс, Вудро, лейтенант далласской полиции, 9
Вилс, Гарри, автор, 29, 47
Вильсон, Джон, английский журналист, 51
Вильямс, Бонни Рой, сотрудник ТРУ, 186, 188
Витворт, Эдит, свидетельница из Ирвинга, 154—56
Волкман, Эрнст, журналист, 256
Вон, Рой Юджин, далласский полицейский, 11, 26, 27, 70-71
Вуд, Гомер, свидетель, видевший Освальда на стрельбище, 157
Вуд, Стерлинг, свидетель, видевший Освальда на стрельбище, 157
Вулф, Уильям, одноклассник Освальда, 205
Вэйд, Генри, окружной прокурор в Далласе, 63, 160, 161, 219
Вэлли, Уильям, далласский таксист, свидетель, 91, 93, 105, 228—29

Ганди, мисс, секретарша Гувера, 241
Ганновой, Патрик, капитан далласской полиции, 117
Гаррисон, Джим, прокурор в Новом Орлеане, 136, 160, 182, 221—22, 248, 277, 280—81, 286
Гаррисон, Уильям, далласский полицейский, 72, 121
Гарро, Дева, сестра Елены Гарро, свидетельница, 267
Гарро, Елена (де Паз), свидетельница, Мехико сити, 267—69, 277
Гарро, Эленита, дочь Елены Гарро, 269
Гевара, Че, кубинский коммунист, 273
Гендерсон, Руби, свидетельница убийства Кеннеди, 187, 188, 190
Гивенс, Чарльз, сотрудник ТРУ, свидетель, 103, 112, 113, 115, 189, 287
Гиньярд, Сэм, свидетель убийства Типпита, 93, 132, 133, 135, 140
Гитлер, Адольф, 18
Голдуотер, Барри, сенатор, 16
Грант, Ева, сестра Руби, 44, 45, 53, 56, 58—61, 66, 68, 80
Грир, Уильям, 237

Гриффин, Берт, следователь Комиссии Уоррена, 21, 22, 45, 69, 77, 121, 122, 124, 287

Грубер, Алекс, гангстер, 55, 61

Гувер, Эдгар, директор ФБР, 15, 29, 203, 219, 235, 241, 242, 284

Гусаков, артист балета в Минске, 200

Гутиерес, Педро Валенсия, свидетель, Мехико-сити, 270

Гутри, Стив, шериф в Далласе в 1950-е, 44, 73

Даллес, Аллэн, директор Си-Ай-Эй до 1961 г., 15, 107, 116, 243, 255, 283

Даниэль, Жан, французский журналист, 147, 200, 277

Даниэль, Юлий, русский писатель-диссидент, 200

Деккер, Билл, далласский шериф в 1963 г., 10, 169

Демарис, Овид, автор, 29, 47

Де Мореншильд, Джордж, агент нескольких разведок, 205—13, 215, 218, 248, 287

Де Голль, Шарль, французский президент, 206

Джанкана, Сэм, глава мафии в Чикаго, 81, 241, 255—56, 287

Джарнагин, Кэрл, адвокат в Далласе, свидетель, 146, 160—61, 184

Дженкинс, Джеймс Куртис, лаборант в госпитале в Бефезде, 238

Дженнер, Альберт, следователь Комиссии Уоррена, 207—8

Джефферсон, Томас, 20

Джонс, Пен, независимый исследователь, 242, 286

Джонс, Поль Роуланд, гангстер, 44, 45, 55, 73

Джонс, Рой Милтон, свидетель, пассажир автобуса в Далласе, 90, 105

Джонс, Роналд, врач в Паркландской больнице, 174

Джонс, Том Ли, актер, игравший в фильме "Юрий Носенко: КГБ", 203

Джонсон, Линдон, американский вице-президент, затем президент, 15, 16, 23, 115, 176, 180, 203, 235—37, 240, 241, 254, 263, 270, 277, 282—85

Диллон, Дуглас, министр финансов (генеральный казначей), 15, 29

Дин, Патрик Тревор, сержант далласской полиции, 10, 11, 13, 21, 42, 69, 70, 71, 75—76

Д. К., свидетельница, встречавшаяся с Освальдом в Минске, 199, 200

Додд, Р. К., свидетель, Дэйли-плаза, 168

Долан, Джеймс Генри, гангстер, 54

Дорфман, Поль, гангстер, 44

Дэвид, Деннис, свидетель, госпиталь в Бефезде, 238

Дэвис, Барбара и Вирджиния, свидетельницы убийства Типпита, 135

Дэвис, Стефан, сценарист фильма "Юрий Носенко: КГБ", 203

Дэвис, Том, контрабандист, 48

Дэнизлс, Наполеон, отставной полицейский, 27

Дювалье, Франсуа, диктатор Гаити, 212

Дюран, Рубен, мексиканский коммунист, 267—69, 276

Дюран, Сильвия, секретарша в кубинском посольстве в Мехико-сити, 150, 265—67, 269

Запрудер, Абрам, свидетель с кинокамерой, Дэйли-плаза, 170—71, 178, 181, 183, 191, 237

Йостен, Иоахим, независимый исследователь, 141, 158

Кадаффи, Муамар, ливийский диктатор, 273
 Кальдерон, Луиза Карралеро, агент кубинской разведки, 147, 270, 277
 Каллавей, Тэд, свидетель убийства Типпитта, 93, 130, 132, 135
 Камписи, Джозеф и Сэм, члены синдиката, Даллас, 57
 Кантор, Зев, журналист, независимый исследователь, 36, 40, 59, 60, 62, 69, 72, 73
 Капоне, Аль, знаменитый чикагский гангстер, 44
 Карбалидо, Эмилио, мексиканский писатель, коммунист, 267, 269
 Карлин, Кэрен (Брус, "Маленькая Линн"), танцовщица в "Карусели", 25, 27, 28, 33—35, 56, 59, 67, 68, 80, 159
 Карри, Джесси, начальник далласской полиции, 9—12, 30, 66, 69, 74, 107, 118, 124, 128, 169, 194
 Каррико, Джеймс, врач в Паркландской больнице, Даллас, 175
 Кастро, Рауль, брат кубинского диктатора, 277
 Кастро Фидель, кубинский диктатор, 48, 49, 51, 53, 63, 106, 145, 147, 150, 151, 214, 216, 225, 230, 231, 235, 247—49, 254—65, 268, 270—78, 282—85, 287
 Квигли, Джон, агент ФБР, Новый Орлеан, 218
 КГБ, 151, 201—4, 213, 214, 251, 253
 Келлерман, Рой, агент Секретной службы, 162, 176, 237, 238
 Кеннеди, Джон Ф., президент США, 14, 15, 17, 21, 28, 30, 31, 56—58, 66, 77, 81, 82, 102, 104, 123, 143, 145—47, 49, 151, 166, 171, 177, 185, 202, 213, 216, 219, 221—23, 226—27, 231, 236, 239, 240, 243—45, 247—55, 260—64, 267—72, 275—77, 280, 284, 285
 Кеннеди, Жаклин, жена президента, 67, 104, 165, 237, 238, 240
 Кеннеди, Роберт, брат президента, генеральный прокурор, 21, 81—83, 179, 220, 238, 240, 241, 244, 254, 256, 258, 260, 276, 281—84
 Кеннеди, Роз, мать президента, 240
 Кинг, Мартин Лютер, борец за гражданские права негров, 30
 Кларди, Бернард, далласский полицейский, 69, 70
 Кларк, Комер, журналист, 271, 277
 Кларка, Комиссия, 180 (Рамсей Кларк — генеральный прокурор в 1968)
 Клемонс, Аквилла, свидетельница убийства Типпитта, 100
 Колеман, Кэй, танцовщица в "Карусели", подруга Гарри Олсена, 64, 120, 123
 Коннэлли, Джон, губернатор штата Техас, 15, 58, 146, 160, 164—65, 170, 171, 175, 178, 183—86, 188, 237
 Коннэлли, Нэлли, жена губернатора, 164, 165
 Костиков, Валерий, агент КГБ в Мексике, 151, 152, 251, 265, 270
 Козн, Мики, гангстер, 79
 Крайл, Джордж, журналист, 259
 Крауфорд, Ларри, уборщик в "Карусели", 56, 60, 65, 80
 Крик, Берта, сестра Эрлен Робертс, свидетельницы, 128
 Крой, Кеннет, полицейский-резервист в Далласе, 27, 70, 100, 121—29, 135, 139—41, 287
 Кронкайт, Уолтер, телекомментатор, 18
 Круц, лейтенант в тюрьме Ла Кабана, Куба, 275
 Крэйг, Роджер, помощник шерифа в Далласе, 97, 99, 100, 105, 188, 190
 Кубела, Роландо, кастровский агент, 257—60, 272, 275—77, 283
 Кук, Леон, профсоюзный деятель, 44
 Кук, Остин, владелец закуской в Далласе, 122
 Курц, Майкл, историк, независимый исследователь, 245
 Кучшоу, Вильбур, далласский полицейский, 42, 43
 Кэбот, Том, автомеханик, 71
 Кэй, Линда, свидетельница, Дэйли-плаза, 164
 Кэмпбелл, Джудит, дама полусвета, 241—42

Ланский, Мейер, член синдиката, 281
Ленин, Владимир, 275
Леонард, Патрик, гангстер, 55
"Леопольдо", кубинский агент, посетивший Сильвию Одио, 145, 150, 230
Ли, О. Х. (псевдоним, использованный Освальдом), 89, 146, 209
Либелер, Весли, следователь Комиссии Уоррена, 169, 192, 223, 286
Ливель, Джеймс, инспектор далласской полиции, 133, 140
Лифтон, Дэвид, независимый исследователь, 176, 177, 238, 239
Личфилд, Вильбурн, свидетель, "Карусель", 159
Лонг, Джо, радиожурналист, 62
Лопес, Роджерио Родригес, агент кубинской разведки, 270
Лоуренс, Джек, продавец в автомагазине в Далласе, 281
Лоури, Рой Ли, далласский полицейский, 11, 42, 43
Лэйн, Марк, адвокат, независимый исследователь, 16, 17, 36, 37, 40, 93, 95, 100, 125, 158

Магадино, Стефано, гангстер, 81
Майо, Логан, далласский полицейский, 39
Макватерс, Сесиль, водитель автобуса в Далласе, 90, 105
Маквикар, Джон, американский дипломат в Москве, 197
Маквилли, Л., член синдиката, 50—52, 55, 56
Мак-Ги, Фрэнк, далласский полицейский, 40
Макдональд, Бетти, погибшая свидетельница, 95
Маккеон, Роберт, контрабандист, торгующий оружием, 48
Макклрой, Джон, президент международного банка, 15
Маккон, Джон, директор Си-Ай-Эй, 15, 29, 282, 284
Макмиллан, Томас, 27, 42, 69, 70
Макмиллан, Присцилла, журналистка, независимая исследовательница, 152, 218
Макнамара, Роберт, министр обороны, 29
Маленькая Линн, см. Карлин, Кэрен
Манн, Томас, американский посол в Мексике, 254, 270
Манчестер, Уильям, автор, 102
де Мар, Билл, свидетель, "Карусель", 159
Марков, Георгий, болгарский журналист, 251
Маркс, Карл, 195
Маркхэм, Элен, свидетельница убийства Типпита, 92, 93, 95, 106, 116, 121, 125, 126, 133, 135, 139—41
Марселло, Карлос, глава мафии в Новом Орлеане, 82, 220—22, 235, 246, 280
Мартин, Б., далласский полицейский, 191
Мартин, Джим, адвокат Руби, 35, 40, 81
Матер, Карл, друг Типпита, 137
Мачадо, Квентин Пино, кубинский дипломат и диверсант, 262, 263, 273
Медвидь, советский перебежчик, 203
Мейер, Сильвия, независимая исследовательница, 17, 80, 149, 158, 242
Мейерс, Лоуренс, подпольный делец, знакомый Руби, 57, 68
Менцель, Уильям Д., далласский полицейский, 114
Меркадер, Рамон, см. Вандердрешт, Жак
Мерчинсон, Клинт, далласский миллионер, 242
Микоян, Анастас, советский лидер, 207
Милош, Чеслав, польский поэт, 25
Милтьер, Джозеф, руководитель крайней правой, 146, 245

Мирабель, Диас Альфредо, кубинский дипломат в Мексике, 260
Миттеран, Франсуа, президент Франции, 274
Молеон, Хозе Каррера, кубинский дипломат и агент, 262, 263
Моралес, Ривера Бернардо, кубинский агент, 264
Морган, Роберт, сенатор, 254
Морроу, Роберт, автор, 158
Мур, Элмер, агент Секретной службы в Далласе, 101
Мурман, Мэри, свидетельница, Дэйли-плаза, 192
Мюррет, Лилиан, тетка Освальда, 220
Мюррет, Чарльз, дядюшка Освальда, подпольный делец, 220, 222

Нельсон (инициалы R. C.), далласский полицейский, 113
Николс, Элис, знакомая Руби, 46, 50
Никсон, Ричард, американский полит. деятель, 82, 185, 212, 242, 272
Нойес, Питер, тележурналист, независимый исследователь, 280
Норман, Гарольд, свидетель, сотрудник ТРУ, 188
Норт, Оливер, подполковник амер. армии, 285
Носенко, Юрий Иванович, офицер КГБ, перебежчик, 202–4, 253
Ньюман, Уильям (Е.), свидетель, Дэйли-плаза, 166
Ньюман, Уильям (J.), полицейский-резервист, 26, 70
Ньюман, Джин, свидетельница, Дэйли-плаза, 162

Объедков, Иван, охранник в сов. посольстве в Мехико-сити, 265
Одио, Сильвия, кубинская эмигрантка, 145, 148–49, 185, 216, 226, 230–31, 247, 276
Одио, Энни, сестра Сильвии Одио, 230
О'Коннор, Поль, свидетель вскрытия в госпитале в Бефезде, 238
О'Лири, Иеремия, журналист, 70
Олсен, Гарри, далласский полицейский, 64, 65, 80, 120, 123, 124, 126–27, 129, 287
Олтманс, Уильям, журналист, 212, 213
Орлов, Лоуренс, русский эмигрант, Даллас, 205
Освальд, Леон, см. Освальд, Ли Харви
Освальд, Ли Харви, 9, 10, 12–18, 22–26, 28–33, 35, 27–40, 46, 55, 57–63, 65–69, 72–76, 81, 87–95, 97, 101–109, 111–19, 121–41, 145–61, 168, 171, 172, 177–78, 184–91, 193–205, 208–14, 216–31, 235–36, 239, 242–48, 250–54, 260–61, 264–71, 276–77, 282, 284, 287
Освальд, Маргарита, мать Освальда, 16, 205
Освальд, Марина (Пруссакова), жена Освальда, 148, 152–55, 185, 198, 203, 207, 209–12, 215, 216, 219, 220, 227, 242
Освальд, Роберт, брат, 205, 253

де Паз, Октавио, мексиканский поэт и дипломат, муж Елены Гарро, 267
Пэйпер, Эдди, свидетель, сотрудник ТРУ, 188, 190
Партин, Эдвард, приятель Джимми Хоффа, 82
Пауэрс, Гари, американский пилот, 201–2
Пауэрс, Дэйв, свидетель, Дэйли-плаза, 164, 166

Перес, Мануэль Вега, агент кубинской разведки, 270
 Перри, Малькольм О., врач в Паркландской больнице, Даллас, 174
 Пирс, Рио Сэм, лейтенант далласской полиции, 10—12, 26, 27, 70, 75
 Питс, Элнора, уборщица в квартире Руби, 33, 34
 По, (инициалы J. M.), далласский полицейский, 133
 Пойндекстер, адмирал, сотрудник администрации Рейгана, 285
 Поль, Ральф, бизнесмен, партнер Руби, 55, 57, 61, 68, 80, 122, 140
 Проса, Марина, (она же Марина Освальд), 218
 Пруссакова, Марина, см. Освальд, Марина
 Путнам, Джеймс А., далласский полицейский, 127
 Пэйн, Майкл, бывший муж Руфи Пэйн, 152
 Пэйн, Руфь, приятельница Освальдов, дававшая приют их семье, 89, 118, 148, 152, 153, 155, 156, 158, 207, 212, 219, 227, 242

 Райдер, Дайал, продавец в магазине спорт-товаров, Ирвинг, 156
 Райт, Фрэнк, свидетель убийства Типпита, 99—100, 107, 138, 139
 Ранкин, Ли, административный директор Комиссии Уоррена, 22, 77, 179
 Раск, Дин, государственный секретарь, 15, 29
 Расселл, Гарольд, свидетель убийства Типпита, 136—37, 142
 Расселл, Ричард, сенатор, член Комиссии Уоррена, 185
 Раш, Йохан, телережиссер в Новом Орлеане, свидетель, 217
 Рашинг, Рэй, проповедник, 38
 Ребет, Лев, украинский националист, 251
 Ревилл, Джек, лейтенант далласской полиции, 38, 42, 72, 117, 190, 219, 242
 Рейган, Рональд, американский президент, 18, 285
 Рейд, Марта, сотрудница ТРУ, свидетельница, 105
 Рейнольдс, Уоррен, свидетель убийства Типпита, 93, 95, 134—37, 139—42
 Ривера, Мануэль (псевдоним), кубинский агент, 224—27, 276
 Ричи, Уоррен, сотрудник телестудий, свидетель, 37
 Робертс, Эрлен, домохозяйка Освальда в Далласе, 89, 92, 95, 106, 119, 123, 126, 127—28, 138
 Робинсон, Марвин, свидетель, Дэйли-плаза, 97
 Родригес, Антонио, шофер в посольстве Венесуэлы, 261—62
 Родригес-и-Джонс, кубинский эмигрант, 262
 Рокка, Раймон, сотрудник Си-Ай-Эй, 248
 Роселли, Джон, гангстер, 250, 254—57, 261, 282, 287
 Роуз, Эрл, сотрудник Паркландской больницы в Далласе, 237
 Роуланд, Арнольд, свидетель, Дэйли-плаза, 186—88, 190
 Роули, Джеймс, директор Секретной службы, 15, 29
 Роффман, Ховард, независимый исследователь, 141, 158
 Руби, Джек, 13—17, 22, 23, 25—81, 90, 95, 102, 104, 107—9, 118, 120—24, 128, 133, 136, 140, 141, 145, 146, 154, 158—61, 172, 179, 184—86, 220—22, 225—27, 248, 250, 253, 256, 266, 271, 276, 278, 280, 281, 283, 287
 Рубинштейн, Джозеф, отец Руби, 44
 Рубинштейн, Хаймен, брат Руби, 45
 Рубинштейн, Эрл, 45, 56, 78, 80
 Рудник, Олег, актер, игравший Носенко, 203
 Рузвельт, Франклин Д., американский президент, 18, 74
 Рэй, Маноло, друг Сильвии Одио, 230
 Рэкли, Верджи, см. миссис Бэйкер.

Саваж, Лео, независимый исследователь, 17, 89, 158
 Садат, Анвар, египетский президент, 251
 Саез, Мигуэль Касас, кубинский агент, 277
 Сайя, Сэм, подпольный делец в Новом Орлеане, 220
 Салливан, Уильям, помощник Эдгара Гувера, 241
 Саммерс, Энтони, независимый исследователь, 48–50, 149
 Севарид, Эрик, телекомментатор, 18
 Секретная служба, 105, 162, 168, 174–76, 179, 180, 187, 192–93, 235–37, 239, 241, 248, 263–65, 275, 281
 Сенатор, Джордж, сожитель Руби, 33–35, 56, 65, 67, 80, 81, 133, 140, 281
 Си-Ай-Эй, 48, 49, 79, 147, 151, 161, 176, 201–4, 206–7, 220, 235, 243, 246–48, 250, 251, 255–61, 265, 266, 275–77, 282–84, 286, 288
 Сивелло, Джозеф, главарь мафии в Далласе, 57, 76
 Сильверман, ребе в синагоге в Далласе, 62
 Симонс, Рональд, свидетель, Дэйли-плаза, 168
 Синатра, Фрэнк, киноактер, 242, 255
 Сняевский, Андрей, русский писатель-диссидент, 200
 Скеелтон, Рой, свидетель, Дэйли-плаза, 183, 194
 Скоггинс, Уильям В., свидетель убийства Типпитта, 93, 107, 135, 139
 Скейм, Дэвид, независимый исследователь, 236
 Споусон, Дэвид, следователь Комиссии Уоррена, 248
 Слэк, Гленвил, свидетель на стрельбище в Далласе, 157
 Смит, Джо Маршалл, далласский полицейский, 168, 192, 193, 236, 281
 Смит, Джон Элисон, телеоператор, свидетель убийства Освальда, 37
 Снайдер, Ричард, американский дипломат в Москве, 197
 Сойер, Гэрберт, инспектор далласской полиции, 111–12, 115, 251
 Соррелс, Форест, агент Секретной службы в Далласе, 69, 75, 105, 111
 Спектер, Арлен, следователь Комиссии Уоррена, 120, 124, 172, 175, 287
 Сталин, Иосиф, 181, 200, 201, 251
 Сташинский, Богдан, агент КГБ, перебежавший на Запад, 251
 Стокс, Луис, конгрессмен, 271
 Стокса, Комитет, 30, 31, 40, 48, 50–52, 54, 56, 73, 76, 80, 102, 137, 140, 151, 183, 187, 191, 213, 237, 239, 240, 248, 249, 254, 266, 269, 271–73, 278, 284, 286

 Талберт, Сесил, капитан далласской полиции, 10
 Тернер, Джимми, телережиссер, Даллас, 26, 42, 71
 Типпит (инициалы J. D.), далласский полицейский, 15, 60, 66, 85, 87, 89, 91–95, 100–3, 106–9, 113–14, 118, 121–27, 130, 131, 136–41, 182, 190, 191, 229, 287
 Тито, Иосиф Броз, президент Югославии, 206, 251
 Томас, Чарльз, американский дипломат в Мексике, 268–69
 Томпсон, Джошуа, независимый исследователь, 17, 168, 169
 Тонахил, Джо, один из адвокатов Руби, 17, 79
 Тоуг, Джеймс, свидетель, Дэйли-плаза, 162, 167, 182, 194
 Трафиканте, Сантос, глава мафии во Флориде, 50–54, 145, 235, 255, 257, 261, 276
 Троцкий, Лев, 200–1, 251
 Тру, Тамми, танцовщица в клубе “Карусель”, 80
 Трули, Рой, управляющий ТРУ, 89, 103, 105, 115, 152, 187–89
 Тэйлор, Гарри, свидетель, зять Де Мореншильда, 207–8

Уайт (инициалы Т. Ф.), свидетель, видевший Освальда в автомобиле, 137, 139, 190
 Уокер, Айра, телеоператор, свидетель убийства Освальда, 37, 38
 Уокер, Эдвин, генерал, ультра-консерватор, 185, 211, 214—15, 244—45
 Уолл, Брек, приятель Руби в Гальвестоне, 68
 Уолтер, Кэролин, свидетельница, Дэйли-плаза, 187—88, 190
 Уоррен, Эрл и Комиссия Уоррена, 15—18, 21—23, 28—31, 33—35, 37, 40, 43, 45, 50, 54, 60, 62, 63, 65, 66, 70—72, 76—79, 83, 87, 89, 91, 102, 107, 111, 115—18, 121, 123, 125, 134—37, 140, 146, 148, 149, 153—56, 158, 164, 170—76, 179, 182—83, 187, 190, 200—3, 206-7, 212, 218, 226, 230, 236, 242, 243, 248, 264, 279, 281, 283—86, 288
 ФБР, 42, 48—50, 56, 57, 62, 63, 69, 70, 77, 81, 83, 95, 97, 109, 112, 117, 119, 121, 125, 136—37, 140, 146, 150, 154—55, 159—61, 174—78, 187, 189, 201, 203, 206, 207, 218—21, 235, 241—48, 270, 284, 286, 288
 Феррел, Мэри, независимая исследовательница, 142
 Ферри, Дэвид, пилот-авантюрист, 68, 136, 141, 220—22, 224—26, 245—46, 280, 287
 Финк, Пьер, врач, принимавший участие во вскрытии президента, 173
 Фитцджеральд, Десмонд, сотрудник Си-Ай-Эй, 258, 276—77
 Флегенхеймер, Артур, гангстер, 83
 Флуше, Дон, сержант далласской полиции, 26
 Фокс, Мартинес и Педро, гангстеры, 49, 50
 Форд, Джеральд, член Комиссии Уоррена, 15, 18, 77, 218, 283, 287
 Форест, миссис Джеймс, свидетельница, Дэйли-плаза, 97
 Фратиано, Джимми, калифорнийский гангстер, 280
 Фрезер, Вэсли, сотрудник ТРУ, знакомый Освальда, 153—55
 Фриц, Джон Вилл, капитан далласской полиции, 9—12, 39, 62, 66, 69—70, 92, 97, 99, 105, 112, 115—18, 236
 Фруге, Фрэнсис, лейтенант полиции в Луизиане, 146
 Фуриэль, Винсент, автор книги о мафии, 58, 78
 Хант, Ламар, далласский промышленник, 280
 Хантер, Гертруда, свидетельница в Ирвинге, 154—55
 Харви, Уильям, сотрудник Си-Ай-Эй, 256
 Харгис, Бобби, далласский полицейский, 166, 191
 Харкер, Даниэль, журналист, 260
 Харрисон, Уильям, далласский полицейский, 39
 Хатчинсон, Леонард, владелец магазина в Ирвинге, свидетель, 153—54
 Хернандес, Армас, кубинский посол в Мексике, 268
 Херт, Генри, независимый исследователь, 193, 216, 220, 223, 226, 286
 Хилл, Клинт, агент Секретной службы, 237
 Хинкли, Джон, психопат, покушавшийся на Рейгана, 18
 Ховард, Том, адвокат Руби, 35, 40, 43, 67, 69, 70, 75, 78, 81
 Холл, Рэй, агент ФБР, 69
 Холланд, С., свидетель, Дэйли-плаза, 164, 165, 167, 182, 192, 194
 Хости, Джеймс, агент ФБР, 117, 219, 242
 Хоффа, Джимми, руководитель профсоюза тимстеров, 44, 81, 82, 145, 287
 Хрущев, Никита, 235, 249, 251, 252, 273
 Хуберт, Леон, следователь Комиссии Уоррена, 22, 34, 45, 71, 77
 Хуффакер, Роберт, свидетель убийства Освальда, журналист, 71

Хьюмс, Джеймс, врач в госпитале в Бефезде, 173, 175, 181, 238, 240, 250
Хэмблен, С. А., почтовый клерк в Далласе, 154

Черами, Роз, танцовщица из "Карусели", свидетельница, 146
Чик, Берта, сестра Эрлен Робертс, знакомая Руби, 55

Шелли, Билл, сотрудник ТРУ, свидетель, 105
Шенклин, Гордон, начальник далласского отделения ФБР, 242
Шилдс, Эдвард, знакомый Чарльза Гивенса, 190—91
Шлезинджер, Артур, автор, 283
Шлиттен, Морис, гангстер, 82
Шмидт, Волкмар, приятель Де Мореншильда, 211
Шоу, Гари, независимый исследователь, 242

Эвика, Джордж, независимый исследователь, 171, 247
Эддоус, Майкл, независимый исследователь, 213, 252, 253
Эйзенхауэр, Дуайт Д., американский президент, 256
Эллисон, Сеймур, адвокат, партнер Беллая, 78
Энгельс, Фридрих, 195
Эндрюс, Дин Эдамс, адвокат в Новом Орлеане, 223
Энсон, Роберт, автор, 236
Эпштейн, Эдвард, независимый исследователь, 16, 141, 213
Эстерлинг, Роберт, механик, преступник, свидетель, участник заговора, 193,
223—230, 276
Эсказабал, Родригес и, Антонио, кубинский эмигрант, 262
Эчевария, Гомер, кубинский эмигрант, 248

"Юджинио" (боевая кличка), кубинский эмигрант, друг Сильвии Одио, 230
Юнис, Эмос, свидетель, Дэйли-плаза, 187—88
Юрченко, Виталий, агент КГБ, перебежавший на Запад и вернувшийся, 203

Ярборо, Ральф, сенатор, 237
Ярман, Джеймс, сотрудник ТРУ, 188, 190

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая. КАК БЫЛ УБИТ ОСВАЛЬД

1. Утро 24 ноября, 1963. Даллас, Техас	9
2. Порывистый мститель или заговорщик?	14
3. Буква закона и здравый смысл	19
4. Как Руби проник в гараж? (Официальная версия)	25
5. Как Руби проник в гараж? (Версия скептика)	32
6. Портрет рядового гангстера	44
7. Дела кубинские	48
8. Последний месяц на свободе	54
9. Руби в пятницу, 22 ноября 1963	58
10. Руби в субботу, 23 ноября 1963	64
11. Расследование	69
12. Почерк синдиката	78

Часть вторая. КАК БЫЛ УБИТ ПОЛИЦЕЙСКИЙ ТИППИТ

13. Полицейский встречает своего убийцу	87
14. Невыслушанные свидетели, отвергнутые улики	97
15. Как это могло произойти?	102
16. Полиция Далласа замечает следы	111
17. Два полицейских вблизи того места, где был убит третий	119
18. Свидетель с двумя гильзами	130
19. Семь кварталов за полчаса	134

Часть третья. КАК БЫЛ УБИТ ПРЕЗИДЕНТ КЕННЕДИ

20. Приготовления	145
21. Последние семь недель в Далласе	152
22. Даллас, 22 ноября 1963 года, Дэйли-плаза	162
23. Раны и пули	173
24. Как был убит президент (Попытка реконструкции)	179
<i>Выстрел первый</i>	180
<i>Выстрел второй</i>	183
<i>Выстрел третий</i>	191
25. Освальд в армии, Освальд в России	195
26. Возвращение блудного сына	205
27. С кубинцами в Новом Орлеане	216

Часть четвертая. СЛЕДСТВИЕ ПО ДЕЛУ ОБ УБИЙСТВЕ

28. Подозреваемые	235
<i>Линдон Джонсон и Секретная служба</i>	236
<i>Эдгар Гувер и ФБР</i>	241
<i>Правые экстремисты в союзе с богатыми</i> <i>нефтепромышленниками</i>	243
<i>Кубинские эмигранты в союзе с Си-Ай-Эй</i>	246
<i>Воснно-промышленный комплекс</i>	249
<i>Никита Хрущев</i>	251
29. Обвиняемый	254
<i>Вашингтон шлет убийц в Гавану</i>	254
<i>Гавана шлет убийц в Вашингтон</i>	261
<i>Освальд в кубинском посольстве в Мехико-сити</i>	265
<i>Говорит обвиняемый</i>	271
<i>Перечень улик</i>	275
30. Заключение	279
<i>Кто стрелял?</i>	279
<i>Кто увел расследование на ложный путь?</i>	282
<i>Кто доискивался до правды?</i>	285
 Иллюстрации	290–305
 Примечания	306
 Цитируемые источники	321
 Указатель имен	325

Схемы приводятся на страницах 13, 41, 88, 98, 163

Репринтное воспроизведение.

Игорь Ефимов

КТО УБИЛ ПРЕЗИДЕНТА КЕННЕДИ?

Документально-историческое исследование

Редактор С. А. Кондратов

Художник И. Е. Сайко

Технический редактор Р. И. Смирнова

Подписано к печати 02.11.90. Формат $84 \times 108^{1/32}$. Печать офсетная.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 17,64. Усл. кр.-отт. 17,89.

Уч.-изд. л. 23,33. Зак. 1315. Тираж 200 000 экз. Цена 6 р. 90 к.

Ассоциация совместных предприятий

международных объединений и организаций

Издательский центр «Терра». Москва, Автозаводская, 10, п/о 280, п/я 73.

Отпечатано на Ярославском полиграфкомбинате Госкомпечати СССР.

150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

6p.90k.

Миръь ЕФММОВ